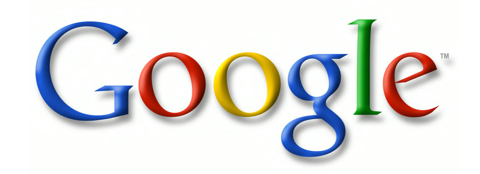
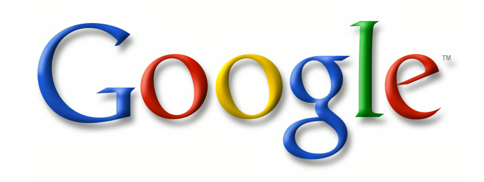
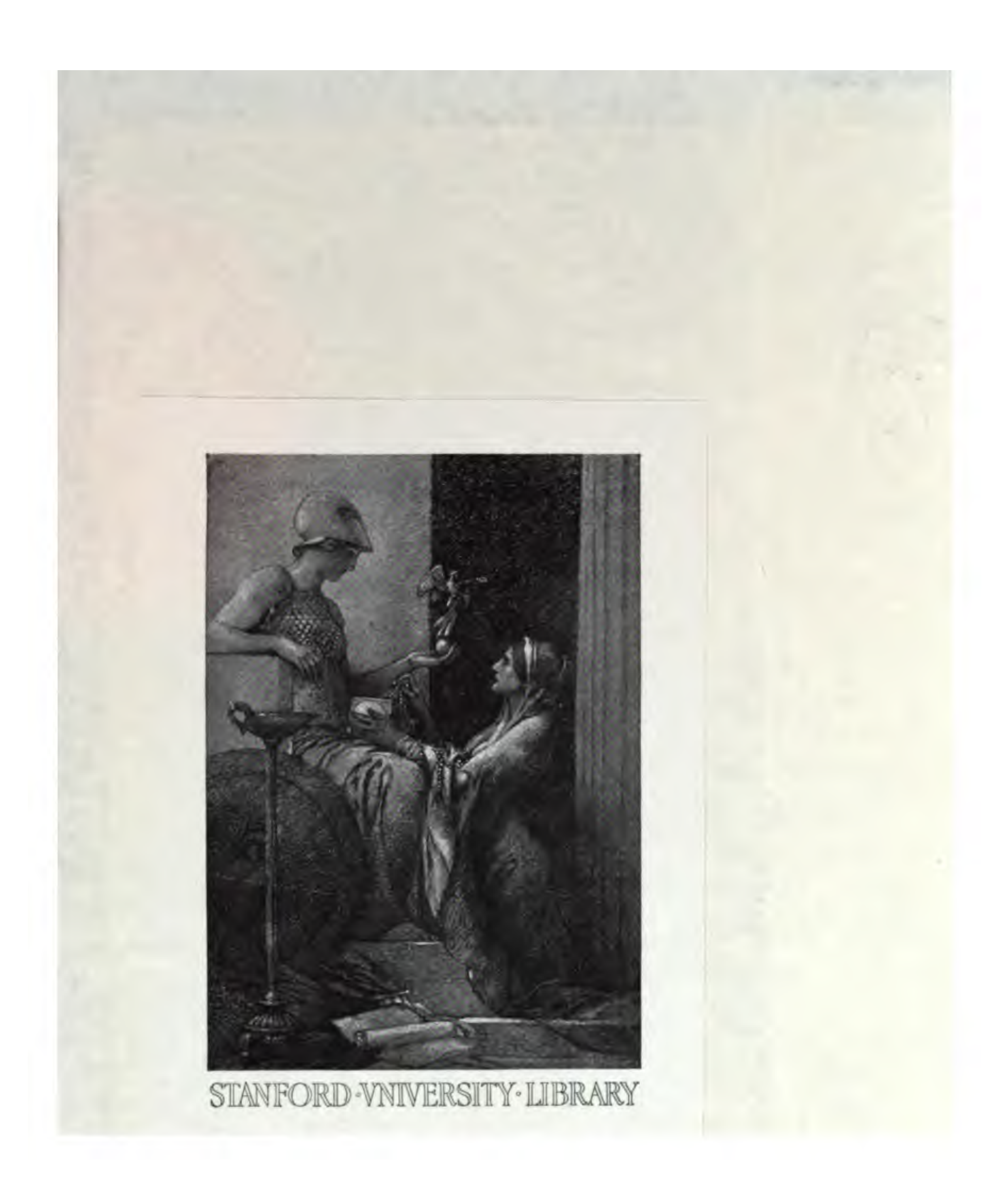

Вл. Черевапскій.

ДВѢ ВОЛНЫ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1147—1898 г.г.).

— «По грѣхомъ по нашимъ, пріидоша языци незнаеміи.. неслыханіи, безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове.... изъ пустыня Етривьскія, сущіи межи востокомъ и сѣверомъ.... поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигрь до Понтьскаго моря, кромѣ Еѳіопія. Богъ единъ вѣсть ихъ».....

(Воскресенская лѣтопись, лѣто 6731).

— «О семъ Темиръ Аксацѣ нѣци повѣдаша, яко испрьва не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племяни царска, ни княжеска, ни боярска, но тако испроста, единъ сый отъ худыхъ людей.... обычаемъ-же и дѣломъ немилостивъ и хыщникъ и ябедникъ и грабежникъ».

(Тверская лѣтопись, лѣто 6903).

— «Не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходятъ вѣка, и онъ остается кровавою и скорбною загадкою и мы не знаемъ, зачѣмъ онъ приходилъ, зачѣмъ возмутилъ народы».

(Грановскій).

Часть первая.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Августа 1898 г.

Первая волна навела на русскую землю монголовъ и исламитянъ, а вторая, отвѣтная, увлекаетъ Россію къ Тихому океану, въ центральную Азію и вообще въ страны чингисидовъ и тимуридовъ. Первая, подъ знаменемъ аль-ку-рана, несла съ собою косность и рабство, а за второю слѣдуютъ завѣты христіанства и культура.

Преклонившись передъ могуществомъ второй волны, чингисиды, тимуриды и ихъ преемники уступили уже Россіи: все южное поволжье, Тавриду, Черноморское побережье, Сибирь, Туранъ, необъятныя степи и нѣсколько ханствъ, претендовавшихъ нѣкогда на міровое значеніе. Въ этомъ пріобрѣтеніи Россіи, достигнутомъ упорнымъ преслѣдованіемъ цѣли, намѣченной историческимъ рокомъ, открылись не одни оазисы, могучія рѣки, громадныя озера, рудники, розсыпи, горные кряжи, но и новыя области міровоззрѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—широкій просторъ въ Азіи для просвѣтительной миссіи. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что среднеазіатскія осѣдлыя страны были и до прихода къ нимъ русскихъ людей, богаты низшими и высшими школами, но ученіе ихъ, благодаря совершенному невѣжеству послѣдователей Пророка, продолжаетъ оставаться въ состояніи нетронутаго младенчества. Ученіе это ожидаетъ отъ рус. наставника коренной переработки и приведенія его въ осмысленное состояніе. Прежде однако, чѣмъ подвинуть впередъ эту задачу, необходимо,

чтобы и сами насадители культуры ознакомились возможно подробнѣе съ происхожденіемъ чингисидовъ и тимуридовъ, съ ихъ историческимъ ростомъ, съ ихъ восхожденіемъ къ зениту славы и съ причинами утраты ими мірового значенія.

Относительно распространенія знаній о чингисидахъ и тимуридахъ, многое уже выполнено нашими учеными учрежденіями и отдѣльными лицами, посвятившими жизнь и крупныя дарованія изученію памятниковъ этой сѣдой старины. Но и достигнутые ими результаты оставляютъ все еще не мало пробѣловъ, ожидающихъ пополненія, хотя-бы и скромными бытописателями, вникавшими въ жизненныя условія грозныхъ «человѣкоядцевъ» и «безбожныхъ Агарянъ».

Однимъ изъ такихъ пробѣловъ можно считать совершенное отсутствіе у насъ систематическаго повѣствованія о родоначальникахъ чингисидовъ и тимуридовъ и ихъ главныхъ сподвижниковъ—въ обстановкѣ, соотвѣтственной времени ихъ жизнедѣятельности. Правда, военные подвиги ихъ, съ перечнями побѣдъ и пораженій, нашли и у насъ не мало цѣнителей, но труды послѣднихъ слишкомъ спеціальны, поэтому для читающаго большинства мало интересны. Имѣя серьезное значеніе для каѳедръ и то по преимуществу въ военно-ученомъ мірѣ, они ничего не даютъ общему кругозору людей, желающихъ видѣть передъ собою чингисидовъ и тимуридовъ въ человѣческомъ масштабѣ и прослѣдить постепенно ихъ воспитаніе, возмужалость, одряхлѣніе и современное состояніе оставшагося послѣ нихъ наслѣдства.

Авторъ предлагаемой хроники стремится пополнить настоящій пробѣлъ, хотя бы только въ предѣлахъ его добрыхъ желаній и скромныхъ средствъ. Понятно, что онъ не могъ миновать при этомъ многострадальныя отношенія чингисидовъ и тимуридовъ къ Россіи и совершившуюся въ этихъ отношеніяхъ перемѣну историческаго фронта.

Существенными пособіями настоящему труду послужили сокровища Императорской Публичной библіотеки, частныя книгохранилища и многія изслѣдованія иностранныхъ писателей. Вопреки принятому обычаю, авторъ не дѣлаетъ на нихъ ссылокъ и не приводитъ ихъ въ особомъ спискѣ, желая тѣмъ придать своему труду удобочитаемость и отстранить отъ него требованія строго историческаго характера. Послѣднія онъ нарушаетъ уже и тѣмъ, что, не останавливаясь на одномъ изъ трехъ типовъ исторіи: по наблюденіямъ очевидцевъ, по преданіямъ и по лѣтописямъ—прибѣгаетъ къ помощи, послѣ необходимаго критеріума, крайне разностороннихъ и по времени и по источникамъ матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ, онъ свидѣтельствуетъ, что отъ его вниманія не ускользнули: «Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей», «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ», «Разрядныя книги Московскаго Архива М. Ин. Д.», «Дѣла Крымскія», «Книга Большаго Чертежа», а также труды Казанской Духовной Академіи, Археологическаго, Географическаго и др. уч. обществъ. Не забыты авторомъ и такіе почтенные инородцы, какъ Банзаровъ или лама Гомбаевъ, какъ не забыты о. Іакинфъ, В. В. Григорьевъ, И. И. Березинъ, А. К. Казамбекъ и П. С. Савельевъ и академики Я. Шмидтъ и Ф. Миллеръ. Исторія рус. церкви и нумизматика представили ему чрезвычайно цѣнные матеріалы, которыми онъ обогатился также въ сказаніяхъ, въ былинахъ, въ пѣсняхъ и въ картинахъ рус. народнаго творчества.

Не ограничиваясь отечественными источниками, авторъ не разъ воскрешалъ въ памяти, по трудамъ и лѣтописямъ (въ переводахъ) Шерифъ-эд-дина, Рашидъ-эд-дина, Абульфараджи или Абулгази, обстоятельства и случаи, когда «міродержцы приходили, разрушали, грабили и возвращались побѣдителями». Памфлетистъ Арабъ-шахъ, высылавшій противъ ненавистнаго ему Тимуръ-ленга легіоны злыхъ геніевъ, служилъ автору противовѣсомъ льстивымъ

панегиристамъ, подкупленнымъ блескомъ счастливаго завоевателя. Вообще-же автору приходилось часто задумываться надъ противорѣчіями между самими первоисточниками, начиная отъ «секретной исторіи династіи Юань» и продолжая хрониками Гонзалеса де-Клавиго, Марка Поло, Плано Карпини или монаха Рубруквиса. Изъ списка своихъ сотрудниковъ онъ не исключилъ и инока Магакія, и доминиканца де-Люка, и армянскихъ лѣтописцовъ и даже пускавшагося въ литературу ногайскаго князька. Что-же касается до Шлоссера, аттестовавшаго Тимуръ-ленга кровожаднымъ тигромъ, то онъ примиренъ авторомъ, насколько возможно, съ Гиббономъ, видѣвшимъ въ томъ-же Тимурѣ только честолюбца съ возвышенными стремленіями.

Авторъ не поскупился причислить къ литературному отбросу множество сказаній и лѣтописей, поражающихъ анахронизмами или явною несообразностью, въ родѣ «Тожества пресвитера Іоанна и Царя Давида съ Чингисъ-ханомъ»,—или хотя-бы и недавнюю претензію японцевъ, ощутившихъ надобность въ отечественныхъ геніяхъ крови и желѣза и признавшихъ, поэтому, Чингисъ-хана японскимъ юристомъ-эмигрантомъ.

Отъ себя авторъ внесъ въ настоящій трудъ наблюденія и впечатлѣнія, какія онъ могъ усвоить лично, при долговременномъ пребываніи въ странахъ чингисидовъ и тимуридовъ. Обстоятельства позволили ему многое видѣть и слышать—на развалинахъ Отрара, на регистанѣ Самарканда, подъ куполомъ Ахметъ-Ясави, въ остаткахъ келій Биби-ханымъ и у гробницы Тимуръ-ленга. Въ оазисахъ Туркменіи, гдѣ чингисиды и тимуриды пролили моря крови, онъ прошелъ частью тѣми-же дорогами, по которымъ двигались ураганы ихъ конницы. Къ тому-же, вѣка и стихіи не сравняли еще съ землею ни Чупанъ-Ата, ни Аѳросіаба, служившихъ своего рода подножіями потрясателямъ земли. Туркестанскіе ходжи и хаджи и строгіе суфи бывали у автора много лѣтъ желанными и откровенными

гостями. Такъ называемые изувѣры—послѣдователи секты джагріи—добросовѣстнѣйшимъ образомъ охраняли его покой въ глухой окраинѣ большого мусульманскаго города. Послѣдніе беки, правившіе родиною Тимуръ-ленга, часто дѣлились съ нимъ воспоминаніями о прошедшей жизни Мавераннагра.

Обиліе матеріаловъ дало автору возможность ввести въ программу его труда только главнѣйшихъ чингисидовъ и тимуридовъ и болѣе важные результаты ихъ дѣятельности. Сотни-же военныхъ стычекъ и толпы менѣе знатныхъ монголо-тюркскихъ властителей и авантюристовъ выпущены имъ, какъ оставленные за флагомъ суровыми требованіями историческаго рока.

Въ цѣляхъ удобочитаемости, онъ избѣгнулъ затерявшейся въ отдаленномъ прошедшемъ географической терминологіи, которая заставила-бы его переименовывать постепенно Хазарское море въ Мазандеранское, потомъ въ Синее и наконецъ въ Каспійское, или рр. Оксусъ и Яксартъ—въ Сейхунъ и Джейхунъ, чтобы разоблачить ихъ подъ теперешними названіями Сыра и Аму. Преслѣдуя ту-же цѣль, онъ замѣнилъ многочисленныя даты, составленною имъ подробною хронологіей—которой, увы, не нашлось въ составѣ русской литературы—событій, сопутствовавшихъ жизнедѣятельности чингисидовъ и тимуридовъ и борьбѣ Россіи съ татаро-монголами.

Авторъ.

I.

КОРЕННАЯ МОНГОЛІЯ.

(XII стол. хр. эры).

Въ XII-мъ вѣкѣ христіанской эры и въ VI-мъ мусульманской монголы не имѣли собственныхъ письменъ. Они черпали исторію своего происхожденія и развитія частью изъ устныхъ преданій, частью изъ источниковъ китайскихъ и татарскихъ. Источники эти были однако настолько фантастичны, что даже грубый разсудокъ номада останавливался передъ вопросомъ: какъ могло случиться, что его предки произошли отъ союза бураго волка съ сивою ланью? Впрочемъ татары оставили это преданіе за китайцами, а сами произвели монголовъ отъ пророка Іафета, явившагося на землю однимъ изъ Божіихъ посланниковъ. Послѣ остановки ковчега на горѣ Джуди, Іафетъ получилъ отъ отца три предмета: камень, посредствомъ котораго можно производить дождь, начертанное на этомъ камнѣ таинственное имя Божіе и все пространство земли между нынѣшними рр. Сыръ и Аму. Изъ этихъ трехъ предметовъ знаніе таинственнаго имени Божьяго было, разумѣется, наиболѣе цѣнно, такъ какъ однимъ произнесеніемъ Его доступно производить чудеса. До появленія

Мухаммеда оно открывалось только Адаму, Ною, Іафету, Аврааму, Моисею и Іисусу Христу. Соломонъ не зналъ этого имени, но оно было скрыто въ его перстнѣ, почему онъ, повелѣвая таинственными духами, зналъ во всякое время, что дѣлается въ отдаленныхъ земляхъ.

По тѣмъ же татарскимъ преданіямъ, въ пятомъ колѣнѣ Іафета родились два близнеца, названные Татаромъ и Монголомъ. Первому досталась средняя Азія, а второй отправился искать счастья на р. Ононъ. Онъ былъ мусульманиномъ по одному тому уже, что всѣ люди родятся мусульманами и только потомъ совращаются въ вѣру Сына Маріи, или Будды, а еще непростительнѣе—въ вѣру маговъ и чародѣевъ. Послѣднее несчастіе случилось и съ Монголомъ, который, придя на р. Ононъ, вручилъ свою душу кудесникамъ, и, обойдя вѣру Пророка, осудилъ весь свой родъ на вѣчныя муки въ аду.

Кудесники были однако настолько сильны, что выпросили у Неба и его подручныхъ боговъ быстрое размноженіе потомства Монгола. Оно покрыло ко времени, когда несомнѣнная исторія вступила въ свои права, всю площадь между рр. Амуромъ и Иртышомъ. Но всетаки берега р. Ононъ, вытекающей изъ Яблоноваго хребта и впадающей въ р. Аргунь, чтобы образовать р. Амуръ, останутся навсегда колыбелью монголовъ. Площадь эта со множествомъ рѣкъ, берущихъ начало въ нѣдрахъ Алтайскаго и Хинганскаго хребтовъ, представляетъ и теперь всѣ удобства жизни неприхотливому номаду. Впрочемъ послѣдній, занятый пріумноженіемъ стадъ, примиряется даже съ печальною степью, какова Гоби, принимающая на свое скудное пропитаніе наименѣе требовательныхъ пастуховъ.

Жилище богатаго монгола XII-го вѣка едва ли чѣмъ отличалось отъ нынѣшней войлочной юрты—и бѣдняка—отъ землянки или тростниковой лачуги. Юрта состояла изъ деревяннаго рѣшетчатаго остова, поставленнаго на землю, смотря по состоянію владѣльца, большимъ или меньшимъ кругомъ. Верхъ этого жилья покрывался войлокомъ въ видѣ большаго дождеваго зонтика съ отверстіемъ, изъ котораго клубился дымъ семейнаго очага.

Юрта дѣлилась на двѣ половины—семейную и парадную. На семейной половинѣ хранилась утварь въ видѣ выдолбленныхъ чурбанчиковъ для храненія кумыса, пузырей съ коровьимъ масломъ, охапокъ тряпья въ видѣ постели, больныхъ телятъ и нѣсколь-

кихъ пенатовъ, повѣшенныхъ рядомъ съ кусками вяленой конины на крючкахъ рѣшетки. Въ парадной половинѣ красовались рога, замѣнявшіе стаканы и бокалы, оружіе хозяина и его дѣтей: лукъ, стрѣлы, веревки, сѣдла съ стременами, сплетенными изъ ивы и связки лисьихъ и волчьихъ шкуръ. Неопрятнѣйшій въ мірѣ человѣкъ—китаецъ—зажимаетъ и теперь, при входѣ въ юрту монгола, носъ, что указываетъ, какова была атмосфера въ этой юртѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ....

Въ жизни номада, всѣ заботы по хозяйству лежали на женщинѣ. Она готовила изъ молока не только пріятнѣйшій изъ напитковъ—кумысъ, но и сухой творогъ—крутъ, сослужившій потомъ, когда монголы вошли въ воинственный ражъ, неоцѣненную службу. Она же собирала арголы—животный пометъ—для топлива, мяла кожи, валяла войлокъ и снаряжала своего господина на охоту или въ гости.

Ея господину выпадала болѣе пріятная участь: онъ гонялъ стадо на водопой, училъ сына стрѣльбѣ изъ лука, охотился и бесѣдовалъ съ друзьями, смотря по настроенію, о поступкахъ Неба и его геніевъ или о набѣгахъ на оплошныхъ сосѣдей....

Монголія исповѣдывала въ ту пору шаманство и почитала кудесничество шамановъ божественнымъ установленіемъ. Троица изъ Неба, Земли и Огня управляла всѣмъ видимымъ и всѣмъ скрытымъ отъ взоровъ человѣка.

Небо монголъ почиталъ высочайшимъ существомъ и первоисточникомъ жизни, отъ союза котораго съ Землею родился Огонь. Небо видѣло всѣ поступки человѣка и знало всѣ его помышленія. Безъ его милости человѣкъ не могъ благоденствовать и безъ его покровительства геніи зла искоренили бы всю вселенную. За неправды и оскорбленія оно разражалось засухою, громомъ, саранчею, оспою и другими болѣзнями....

Земля по отношенію къ Небу играла женскую роль и, обладая притягательною силою, обогащала людской родъ своею вѣчно возобновляющеюся производительностью. При равенствѣ Неба и Земли, какъ отца и матери, монголъ преподносилъ имъ равноцѣнныя жертвы, сопровождая ихъ только молитвами различнаго содержанія.

Огонь—произведеніе Неба и Земли, какъ искра—произведеніе стали и кремня,—пользовался благоговѣйнымъ преклоненіемъ монгола. За оскорбленіе Огня полагалась смертная казнь. Не

только грѣхомъ, но и преступленіемъ считалось бросить въ Огонь какое нибудь нечистое вещество, плюнуть въ него или погасить его водою. Никто, даже изъ неразумныхъ дѣтей, не осмѣлился бы замахнуться на Огонь или бросить въ него ножомъ, камнемъ или костью.

За тремя главными божествами слѣдовали Тэнгри — геніи, существа невидимыя, духовныя, обитавшія въ воздухѣ, по преимуществу на горныхъ вершинахъ. Будучи добрыми и злыми, они одинаково вліяли на судьбу человѣка и требовали отъ него дани и покорности. Иногда Небо передавало имъ свои аттрибуты— громъ и молнію—и тогда геніи уподоблялись міродержцамъ. Въ разрядъ геніевъ поступали всѣ души умершихъ шамановъ.

Слѣдующую серію божествъ занимали домашніе пенаты, но эти были не только видимы, но и выходили изъ рукъ человѣка. Хозяинъ юрты могъ наготовить ихъ, сколько угодно,—изъ коры, узловатыхъ древесныхъ сучковъ и даже изъ раскрашеннаго войлока. Они охраняли его стада отъ болѣзней и нападенія дикихъ звѣрей, придавали ему храбрость, а его женѣ—красоту и многоплодіе.

Озера и рѣки и даже базальтовые утесы были также священны. Байкалъ пользуется и по настоящее время, несмотря на то, что черная вѣра давно уже вытѣснена въ Монголіи желтою вѣрою,—такимъ же обожаніемъ какъ и р.р. Ононъ и Селенга. Оскорбленіе Воды считалось даже нѣкоторыми законниками равносильнымъ оскорбленію Огня.

Всѣ божества могли быть умилостивляемы жертвоприношеніями. Обо—жертвенникъ—могъ быть устроенъ каждымъ человѣкомъ, на всякомъ мѣстѣ, но предпочтительно на горной вершинѣ или возлѣ многолюдной дороги. Шестъ, воткнутый въ кучу камней, былъ знаменемъ обо, на него каждый прохожій могъ повѣсить шкурку бурундука или хорька, лоскутокъ своего платья или хотя бы прядку волосъ изъ гривы своего коня. Болѣе зажиточные устраивали обо изъ насыпи, въ которую зарывали—въ честь Неба и его геніевъ—платье, посуду, шелковыя ткани, изображенія звѣрей и птицъ. Вообще жертвоприношенія были крайне разнообразны: одному божеству требовалось освященное шаманомъ мясо, другому плоды, а Огню непремѣнно—вино и масло. Хорошо вѣровавшій человѣкъ, начиная ѣду, считалъ душевною потребностью подѣлиться крошками или каплями съ Огнемъ, какъ

съ божествомъ, уничтожающимъ не только дурныя дѣла, но и коварные замыслы враговъ.

Время накопило въ Монголіи столько божествъ, что богатый человѣкъ, пожелавшій однажды почтить всѣхъ своихъ покровителей, долженъ былъ принести триста тридцать жертвъ. Ему пришлось подѣлиться своими приношеніями, сверхъ Неба, Земли, Огня и Воды,—съ Царемъ страны, съ Царемъ горы, съ Духами видимыхъ холмовъ, съ Духами, носившимися эхомъ надъ водами и съ цѣлымъ рядомъ божествъ, проявлявшихъ свою власть даже въ образѣ рыскавшихъ по степи волковъ.

Но вообще монголъ просилъ у своихъ покровителей—богатства, здоровья и побѣды надъ врагомъ и мало заботился — о душѣ и загробной жизни. Заботы о земномъ заставляли его кланяться и камню, если онъ могъ свалиться на голову и медвѣдю — заочно, — если ожидали отъ него непріятнаго посѣщенія. Впрочемъ, если волкъ попадалъ въ руки монгола, то послѣдній сдиралъ съ него кожу и старался оставить его въ степи хотя на однѣ сутки живымъ, въ видѣ угрозы всему его хищному роду.

Шаманство царило въ Монголіи во всей полнотѣ, хотя шаманамъ и приходилось уже улавливать вѣсти о приближеніи буддизма. Они видѣли какъ на вершинахъ горъ открылись монастыри съ людьми, одѣтыми въ желтое платье. То были ламы, пришедшіе изъ Тибета. За ними появились и христіане, послѣдователи Несторія, разселившіеся по Азіи вслѣдъ за осужденіемъ его на ефесскомъ соборѣ. Но шаманство крѣпилось и отступало передъ новыми ученіями медленно, шагъ за шагомъ.

Бытовые обряды того времени были далеко проще теперешнихъ, предписываемыхъ частью буддизмомъ, частью господствующими нравами Китая. Впрочемъ и тогда уже монголъ не смѣлъ жениться на родной матери. Многоженство существовало съ тѣмъ же раздѣленіемъ, какъ и теперь—на старшую хозяйку и ея младшихъ помощницъ. Теперь монголъ выполняетъ длинный рядъ церемоній прежде чѣмъ ввести избранницу сердца въ свою юрту. Этому событію предшествуетъ обрученіе, которое считается состоявшимся, когда въ собраніи родныхъ и друзей женихъ подастъ отцу невѣсты монету въ чашкѣ съ виномъ и отецъ осушитъ этотъ бокалъ. Тогда лама назначаетъ счастливый день бракосочетанія. Въ этотъ день, чуть займется заря, партія жениха вступаетъ въ фиктивную борьбу съ партіей невѣсты. Затѣмъ послѣ

непремѣнной побѣды жениха начинается пиръ съ музыкой, пѣніемъ и сказаніями о славныхъ герояхъ прошедшаго — Чингисъ-ханѣ и Тимуръ-ленгѣ, обратившихся у бардовъ Монголіи въ эпическихъ богатырей. Тогда еще не было этихъ богатырей на свѣтѣ, не было и музыки, но охмѣляющіе напитки лились и тогда изобильно изъ обдѣланныхъ въ бокалы объемистыхъ роговъ.

Разводы были и тогда просты, какъ и теперь. Мужъ могъ отослать свою жену къ ея роднымъ во всякое время и безъ всякаго повода. Онъ терялъ только подарки и расходы по угощенію, а жена его могла выйти замужъ за другого избранника хотя бы въ день полученнаго развода.

Едва ли монгольская женщина подурнѣла или сдѣлалась красивѣе къ нынѣшнимъ временамъ. Ведя дѣятельную жизнь и одѣваясь одинаково съ мужчиною, она немногимъ отличалась отъ внѣшности послѣдняго. Отличіемъ служили только косы, ниспадавшія непремѣнно на грудь и, разумѣется, не украшенныя тогда какъ теперь — въ юртѣ богатаго хозяина — побрякушками изъ монетъ, металлическихъ пластинокъ, жемчуга и коралловъ. Раковины, кабаньи клыки и пробуравленные камешки алтайскихъ породъ отлично замѣняли тогда нынѣшнія дорогія запястья. Несомнѣнно, что и въ ту пору находились поэты, хотя и предпочитавшіе слагать оды въ честь хорошихъ лошадей, но не отказывавшіеся прославлять и женскую красоту; по крайней мѣрѣ, по одному изъ перловъ поэзіи того времени, прародительница чингисидовъ была такъ прекрасна, что отъ одной ея улыбки—«сухое дерево пускало листья и голая земля покрывалась травою». Монголы никогда не требовали и не знали приданаго, потому что сама невѣста была цѣнностью, за которую женихъ обязанъ былъ расплатиться съ родителями—мѣхами, лошадьми, овцами и—только по бѣдности—менѣе цѣнными мѣновыми знаками.

Погребальные порядки, какъ и свадебные, служатъ недурными показателями внутренняго содержанія народной жизни. Раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ сказывается въ величіи или мизерности погребенія даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ обрядовыхъ явленіяхъ. Замѣчательно, что въ теченіе многихъ вѣковъ монголъ нисколько не усилилъ заботы о своемъ тѣлѣ и выражается о немъ въ наше время такъ же пренебрежительно, какъ говорилъ и прежде: «тѣло человѣка есть вещь гнилая и ничего нестоющая».—Умоляя свои божества о дарованіи здоровья, онъ совер-

шенно мирится съ понятіемъ о тѣлѣ, какъ объ отбросѣ, равнозначущемъ всякой животной падали. Бѣднякъ покойникъ продолжаетъ находить и теперь успокоеніе въ желудкѣ собаки или волка, отъ жадности которыхъ однако оберегаютъ и павшую скотину. Набожные покойники завѣщаютъ себя на съѣденіе собакамъ, спеціально обучаемымъ пожиранію труповъ въ монастыряхъ Тибета. Но для такой роскоши необходимы хорошія средства; бѣднякъ же довольствуется изголодавшимися въ степи собаками, незнатнаго рода, роющими себѣ норы возлѣ излюбленнаго ими свалочнаго для покойниковъ мѣста.

Впрочемъ, знатные властелины монголовъ не пренебрегали и тогда опрятными похоронами. На погребеніе ихъ употребляли корыта, выдолбленныя по возможности изъ душистаго дерева. Вмѣстѣ съ покойникомъ, одѣтымъ въ мѣховое платье и мѣховую шапку, хоронили и его столовый приборъ: чашку для питья изъ выбѣленной кожи, ножъ и палочки, замѣнявшіе вилки. Покрывъ покойника вторымъ корытомъ и сплотивъ гробъ обручами, друзья и родственники несли его къ мѣсту окончательнаго успокоенія. Оно могло быть и на вершинѣ горы, гдѣ чаще всего отдыхаютъ невидимые духи и въ густыхъ вѣтвяхъ древеснаго гиганта, опаленнаго молніями или очищеннаго Огнемъ. Шествіе открывала шаманка, которая вела лучшаго изъ коней покойника.....

Несмотря на простоту жизни и нравовъ, монголъ или платилъ дань или требовалъ отъ другихъ дани, поэтому рабовладѣльчество было крѣпкимъ установленіемъ его жизни. Тяжесть рабской участи ослаблялась однако тѣмъ, что господинъ не былъ культурнѣе своего раба, попадавшаго къ нему преимущественно въ видѣ трофеевъ войны. Рабъ могъ сдѣлаться членомъ семьи и, оставляя за господиномъ право жизни и смерти, пилъ и ѣлъ изъ одной съ нимъ миски и грѣлся у одного съ нимъ очага. Рабамъ поручалось пасти стада, няньчить дѣтей, оберегать женъ, служить стремянными и конюхами и вообще жить интересами юрты, въ которую забросывала ихъ судьба.

Монголы говорили на собственномъ нарѣчіи, но приходя въ столкновеніе съ чужеродцами они нерѣдко теряли свой языкъ и принимали рѣчь побѣжденныхъ народовъ. Мало того, они часто сливались съ послѣдними въ одну семью, какъ то и случилось впослѣдствіи, при совмѣстной жизни съ тюркскими племенами, въ которыхъ они растворились до того, что продолжали уже свою

расу подъ названіями — татаръ, узбековъ и множества другихъ народностей.

При видимомъ равенствѣ монголовъ въ вѣрованіяхъ, образѣ жизни и обстановкѣ они не уберeглись отъ выдѣленія аристократіи изъ плебса. Улучшенная порода ихъ произошла отъ сочетанія геніевъ съ существами, отмѣченными перстомъ провидѣнія. Геніи снисходили къ смертнымъ и производили дѣтей, горделиво именовавшихъ себя дѣтьми самого Неба или потомками Огня, что случалось при оплодотвореніи женщины ударами и свѣтомъ молніи. Нѣкоторые геніи отличались постоянствомъ, что доказано историческими красавицами, беременившими послѣ смерти мужей по два, по три раза и все отъ одного и того же свѣта «вливавшагося имъ въ уста....»

Понятно, что потомки подобныхъ небожителей не могли оставаться на положеніи обыкновенныхъ людей и повышались народнымъ признаніемъ въ особый классъ утонченнаго происхожденія. Отъ времени до времени отмѣченныя перстомъ Неба счастливицы удостаивались посѣщенія геніевъ то въ видѣ бураго волка, спускавшагося въ юрту изъ невѣдомыхъ пространствъ въ волнахъ эфира, то въ видѣ дракона, ослѣплявшаго землю тучами искръ. Вообще демономанія посѣтила и Монголію наравнѣ съ прочими странами и народами земнаго шара.

Съ теченіемъ вѣковъ все пространство азіатскаго материка между сѣверо-восточными и юго-западными морями покрылось гигантскимъ муравейникомъ монгольскаго происхожденія. Изъ него выдѣлились на сѣверѣ отъ китайской стѣны: ойраты, меркиты, джелаиры, теджуты, баргуты, найманы, урянхиты, дурбень, баринь, берласъ и кераиты. Изъ нихъ ойраты — старѣйшее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слабѣйшее племя — представляли консервативную силу, не допускавшую вторженія новшествъ. Кераиты — болѣе сильное племя — не чуждались нововведеній, хотя бы они шли изъ застѣннаго царства; послѣднее охотно награждало повелителей кераитовъ титуломъ Ванъ-хановъ. На западѣ пріютилось въ сосѣдствѣ съ Монголіей наиболѣе даровитое племя — уйгурское, обладавшее грамотностью и снабжавшее своими учителями темные по части просвѣщенія улусы. На востокѣ Монголіи разрослось татарское племя, тюркскаго происхожденія, но совершенно отличное отъ народовъ, получившихъ впослѣдствіи наименованіе татаръ.

Отдѣльныя племена монголовъ соединялись нерѣдко въ одно

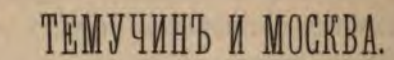
общее политическое тѣло, но такъ какъ почва номада не даетъ ростковъ единодержавія, то единство это разрушалось при первомъ удобномъ случаѣ. Подъ вліяніемъ экономическихъ побужденій или высокомѣрія отдѣльныхъ родовичей, уплотнившійся улусъ вновь разъединялся и дробился до того, что слабѣйшія части поглощались безслѣдно болѣе счастливыми и сильными соперниками.

Служа въ теченіе многихъ вѣковъ колыбелью Стараго Свѣта, Монголія надѣлила своею расою: Китай, Японію, Манджурію, Сіамъ, Камчатку и Корею. Въ Европѣ — въ семью монголовъ вошли зыряне, вогулы, чуваши, черемисы, вотяки и калмыки. Всѣ эти отпрыски одного гигантскаго корня разошлись однако съ теченіемъ времени настолько, что племенная между ними связь утратилась и замѣнилась розныо, доводившею ихъ не разъ до взаимоистребленія.

Старый Свѣтъ долженъ быть очень благодаренъ историческому року за поселеніе имъ раздоровъ въ монгольскомъ муравейникѣ. Безъ этого обстоятельства вся Европа пошатнулась бы на своемъ культурномъ пьедесталѣ и едва ли вышла бы неповрежденною изъ-подъ копытъ монгольскаго коня. Величайшимъ изъ подобныхъ потрясателей земли слѣдуетъ признать Темучина, достигнувшаго положенія міродержца подъ титуломъ Чингисъ-хана и оставившаго человѣчеству грозное поколѣніе чингисидовъ.

II.

ТЕМУЧИНЪ И МОСКВА.

(1147—1154 г.г.).

Какъ названіе урочища, на почвѣ котораго родился и воспитался Темучинъ, этотъ вершитель человѣческихъ судебъ? По персидскимъ источникамъ урочище это называлось Дилунъ-Жалунъ, по китайскимъ—Пан-Та, по арабскимъ—Блунъ-Жулдукъ и по русскимъ заимствованіямъ изъ сказаній другихъ народовъ—Блюмъ-Юлдузъ. Въ этихъ названіяхъ много сходнаго, но послѣднія русскія археографическія изысканія относятъ съ наибольшею достовѣрностью родину Темучина къ урочищу Дэлюнъ-Болдокъ, что въ переводѣ означаетъ «холмъ-селезенку». Урочище это находится теперь въ предѣлахъ Россіи, въ 230 верстахъ на юго-западъ отъ Нерчинска, на правомъ берегу р.Ононъ, и въ 8 верстахъ отъ рубежа китайской Монголіи.

Дэлюнъ-Болдокъ состоялъ изъ холмистаго оазиса, за которымъ открывалось преддверіе великой Гоби—безграничной и однообразной пустыни. Прирѣчныя пастбища его доставляли коню, верблюду и овцѣ монгола превосходную питательную пищу. Лѣтомъ, впрочемъ, берега р.Ононъ, благодаря изобилію оводовъ и слѣпней, дѣлались пустынными; юрты и стада откочевывали тогда къ дальнему Хинганскому или ближнему Алтайскому хребтамъ. Послѣдній былъ и въ ту пору, какъ и теперь «и дикъ и страшенъ» и увѣнчанъ вѣчно блещущимъ снѣгомъ. Во всю же остальную пору года не только берега, но и большіе острова рѣки, покрывались сплошною сѣтью веселыхъ юртъ, табунами коней и стадами хорошо упитаннаго скота. Выгодныя условія уро-

чица служили предметомъ зависти менѣе облагодѣтельствованныхъ природою улусовъ и темою для поэтическихъ сказаній степныхъ бардовъ. Дэлюнъ-Болдокъ принадлежалъ нойону, означавшему тогда удѣльнаго князя, Ѣсучаю, требовавшему и не безъ серьознаго на то права, чтобы къ его княжескому титулу прибавляли почетное названіе физически мощнаго человѣка—багадуръ.

Несмотря на скудость историческихъ матеріаловъ, наружность нойона очертить не трудно. Какъ природный монголъ, онъ былъ средняго роста и по европейскимъ понятіямъ—неуклюжъ, съ отвислыми ушами, кривыми и короткими ногами и тупымъ носомъ. Его широко разставленные глаза безъ рѣсницъ, также не отвѣчали понятіямъ о классической красотѣ человѣка. Какъ родовитый монголъ, съ обширными аристократическими связями, онъ не лѣнился собирать дань съ своего улуса и поэтому щеголялъ въ дорогихъ мѣхахъ, опоясанный драгоцѣннымъ поясомъ, у котораго неотлучно висѣли: ножъ и кожанная сумочка съ наиболѣе любимыми предметами. Въ числѣ ихъ находились и принадлежности для высѣканія огня. Его юрты выдѣлялись въ улусѣ величиною и покрышками—зимою изъ шкуръ оленей и медвѣдей, а лѣтомъ—изъ тонкихъ войлоковъ съ нашитыми на нихъ кречетами и изображеніями охотничьихъ подвиговъ. Въ послѣдней серіи картинъ, мастерицамъ улуса наиболѣе удавались стрѣлы и рога моралов.

Разумѣется нойонъ былъ лѣнивъ до полной безмятежности. Образцовой лѣности его способствовали двѣ страсти: къ насыщенію, доходившему повременамъ до обжорства, и къ гарему, который онъ освѣжалъ куплею и удачными военными набѣгами. Впрочемъ обѣ свои слабости онъ могъ удовлетворять безъ опасенія разориться, такъ какъ въ рѣкахъ и озерахъ его улуса водилось много бобровъ, выдръ и жирной рыбы. Въ горахъ же не было недостатка, какъ въ моралахъ съ дивнымъ ароматомъ, такъ и въ хищникахъ съ богатыми шкурами.

Нойонъ, дѣлившій свое время между охотою, набѣгами и гаремомъ, отяжелѣлъ раньше времени. Неустрашимый багадуръ въ молодости и первый наѣздникъ въ улусѣ, онъ долженъ былъ ограничить свои радости на склонѣ лѣтъ красавицею Олонъ-Эхэ и котломъ, достаточно наполненнымъ вкусною бараниною. Олонъ-Эхэ, пріобрѣтенная за связку бобровыхъ шкуръ, пару моральихъ роговъ и сотню пузырей, налитыхъ саломъ, происходила изъ пле-

мени хунгиратъ, кочевавшаго у большой стѣны. Рекомендуя Олонъ-Эхэ въ невѣсты нойону сваха называла ее «лучеиспускающею и сдѣланною изъ перламутра». Повидавшись же съ невѣстою, нойонъ добровольно увеличилъ окупъ, прибавивъ въ пользу всего ея рода цѣлый караванъ соленой рыбы. Такіе размѣры окупа ясно говорили за красоту и за чистоту происхожденія дѣвушки.

Въ ту пору, благодаря демономаніи, въ Монголіи считалось особымъ благоволеніемъ судьбы зачать младенца отъ безплотнаго духа. Въ этомъ отношеніи не давалось даже предпочтенія добрымъ духамъ передъ враждебными человѣку созданіями сатаны. Цѣлыя народности Азіи гордились своимъ происхожденіемъ отъ союза волшебницъ съ фантастическими драконами или летучими змѣями, подъ которыми впрочемъ всегда подразумѣвались влюбленные царевичи.

При этомъ всемірномъ повѣтріи Олонъ-Эхэ пожелала также подарить наслѣдника супругу не совсѣмъ обыкновеннымъ способомъ. Одолѣваемая, подъ вліяніемъ сказокъ ветхихъ старухъ, галлюцинаціями, она призналась, что отцомъ будущаго ребенка слѣдуетъ считать безплотнаго посѣтителя, спускавшагося къ ней изъ горнаго пространства черезъ верхнее отверстіе юрты. То былъ одинъ изъ геніевъ, подвластныхъ всемогущему Небу и витавшій, какъ потомъ догадались шаманы, надъ вершинами Алтая. Нойонъ былъ доволенъ благоволеніемъ судьбы. Участіе генія въ его семейномъ дѣлѣ могло произвести на свѣтъ только багадура и побѣдителя такихъ непріятныхъ сосѣдей какъ тангуты, найманы или мергиты. Впрочемъ, если бы родилась и дочь, то все же, какъ отмѣченная заранѣе благоволеніемъ Неба, она могла сдѣлаться родоначальницею сильныхъ нойоновъ, способныхъ встряхнуть застѣнное царство гиновъ.

На просьбу лицъ, окружавшихъ Олонъ-Эхэ, описать наружность безплотнаго гостя, она изобразила его лучезарнымъ существомъ, въ золотой одеждѣ и съ чашею въ рукахъ, наполненною необыкновенно пріятнымъ напиткомъ. При болѣе же подробныхъ и интимныхъ объясненіяхъ она призналась, что безплотный гость похожъ на желтую собаку. Нашлись однако люди, выразившіе сомнѣніе въ правдивости ея сказаній и даже сторожившіе по ночамъ появленіе въ воздухѣ безплотной желтой собаки, но въ концѣ концовъ они осрамились. Наиболѣе зоркіе старухи видѣли

и указывали недовѣркамъ какъ въ юрту Олонъ-Эхэ опускалось облачко съ ясными контурами собаки. По утрамъ оно поднималось обратно и разсѣивалось подъ лучами солнца уже надъ высочайшими пиками Алтая.

Роды молодой женщины были трудные. Акушерская наука того времени знала только два облегчительныхъ пріема: усиленное хожденіе больной съ ногайкою на шеѣ, направленною противъ злыхъ духовъ и сильное встряхиванье съ обливаніемъ попеременно горячею и холодною водою. Оба пріема не дали однако положительнаго результата. Страданія больной не унимались, что не укрылось отъ вниманія представителя желтой вѣры—ламы, недавно поселившагося въ Дэлюнъ-Болдокѣ. Представитель же черной вѣры, улусный шаманъ Гёкдша, считался между тѣмъ придворнымъ молитвенникомъ нойона. Послѣдній впрочемъ не исповѣдывалъ никакой религіи и только когда нужно было просить Небо, Землю или Огонь о помощи противъ врага или объ избавленіи отъ тяжелой болѣзни, онъ обращался къ посредничеству шамановъ. На этотъ разъ, при видѣ жестокихъ страданій любимой жены, онъ принялъ услуги не только шамана, но и ламы;

Бѣлый отецъ.
Бурханъ—покровитель людей, птицъ и животныхъ.
(Изъ коллекціи автора).

оба они, охраняя души своихъ послѣдователей, врачевали и тѣла ихъ отъ болѣзней, разсѣваемыхъ по землѣ злыми геніями.

Шаманъ Гёкдша, искренно ненавидѣвшій ламаитовъ, какъ піонеровъ надвигавшейся изъ Тибета новой вѣры, предоставилъ на этотъ разъ соперникамъ честь спасенія отъ смерти красавицы Олонъ-Эхэ. Ламы явились въ ея юрту во всеоружіи своего положенія. Одѣтые въ тоги желтаго цвѣта, они принесли изъ кумирни всѣхъ наличныхъ бурхановъ, всѣ курильницы съ благовоніями и собранія бумажекъ съ молитвами и амулетовъ, удостоившихся благословеннаго взгляда Далай-ламы. Въ ряду бурхановъ почетнѣйшее мѣсто принадлежало въ этомъ случаѣ «бѣлому отцу», добродушно покровительствовавшему всему царству животныхъ и пернатыхъ. Врачи и тогда понимали значеніе діагноза, заключавшагося въ нащупываніи артеріи, въ которой поселялся враждебный человѣку духъ. Изслѣдовавъ эту артерію, ламы не затруднялись уже опредѣлять и силу бѣса и величину его власти. Діагнозъ показалъ, что мучившій молодую женщину духъ былъ изъ геніевъ крупной величины; впрочемъ кровь богатаго и знатнаго человѣка была недоступна второстепеннымъ мучителямъ. Ламы начали врачеваніе тѣмъ, что написали названіе мучителя по-тибетски, на листкѣ ивы, который и дали проглотить больной. Но злой геній воспротивился этому леченію и принялся мучить больную сильнѣе прежняго. Тогда врачи, окруживъ родильницу, принялись читать никому непонятныя молитвы. Много разъ ихъ заунывный тонъ переходилъ въ взвизгиванье, между тѣмъ злой геній упорствовалъ и не разставался съ больною. Впрочемъ ламы всетаки узнали, что пока не предложатъ таинственному мучителю хорошее платье, красивую шляпу и рѣзвую лошадь, до той поры онъ не уйдетъ изъ тѣла больной. Нойонъ охотно рѣшился на эти приношенія; тогда однако врагъ рода человѣческаго выказалъ необычайное корыстолюбіе и потребовалъ лошадей и платья для всей своей свиты. Старшій лама, замѣтивъ однако колебаніе нойона, заявилъ, что онъ сумѣетъ укротить высокомѣріе врага и поэтому принялся лѣпить изъ глины куклу, въ которую силою молитвъ и стараній присутствовавшихъ ламаитовъ—предстояло переселиться непокорному. Въ этой борьбѣ прошли двѣ недѣли. Въ теченіе ихъ ламы питались на счетъ нойона, ѣздили на его лошадяхъ, высыпались на его женской половинѣ и готовились вытѣснить шамановъ изъ улуса.

Двѣ волны

историческая хроника.

РЕЛИГІОЗНАЯ ПЛЯСКА ШАМАНОВЪ.

Послѣднее обстоятельство побудило однако шамана Гёкдшу выступить на сцену. Окидывая побѣдоносным и презрительным взглядомъ ламаитовъ, верховный шаманъ появился въ юртѣ больной во всемъ величіи и при всѣхъ аттрибутахъ своего достоинства. Верхнее платье его было украшено изображеніями: на груди—гагары и на спинѣ—медвѣдя, а также металлическими пластинками, змѣиными шкурками, колокольцами и погремушками. Вмѣсто классической шапки изъ мѣха рыси, Гёкдша надѣлъ парадные обручи, опутанные лентами и подвѣсками изъ различныхъ таинственныхъ предметовъ, не доступныхъ пониманію простыхъ людей. Глаза его были закрыты, такъ какъ наружное зрѣніе мѣшало бы слѣдить за уловками врага скрытымъ въ человѣкѣ внутреннимъ зрѣніемъ. Трость его была также украшена мистическими амулетами. При немъ былъ и неизбѣжный бубенъ, обтянутый шкурою выдры съ изображеніями солнца и луны.

Гёкдша явился съ свитою помощниковъ, напустившихъ на себя видъ необычайной свирѣпости. Образцами ихъ гриммировки служили на этотъ разъ бурханы съ невѣроятными клыками и огненнымъ дыханіемъ.

Неожиданно для больной, весь посѣтившій ее соборъ шамановъ завертѣлся съ такою быстротою и съ такимъ визгомъ, что она испустила болѣзненный вопль и подарила монгольскому народу—маленькаго Темучина.

Ламы удалились со стыдомъ.

Лошади и хорошія платья, на которыя претендовалъ злобный духъ, перешли теперь въ собственность шамановъ. По случаю же радостнаго событія, весь улусъ нойона принялся готовить котлы и всенародное угощеніе. Народъ вспомнилъ также и объ обычаѣ давать князю подарки во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ его жизни. Подарки эти представляли при рожденіяхъ въ его семьѣ, женитьбахъ, похоронахъ, при первомъ медвѣдѣ, сваленномъ въ рукопашной схваткѣ рукою его наслѣдника или при первомъ орлѣ, пронзенномъ его стрѣлою.

Подати несли по преимуществу пушниною, рыбою, солью и изрѣдка самородками драгоцѣнныхъ металловъ, случайно найденными въ горныхъ розсыпяхъ или въ ручьяхъ, ниспадавшихъ изъ нѣдръ Алтая. Пріемомъ даней завѣдывала въ послѣднее время старая, забракованная жена нойона, помирившаяся съ долею ключницы. Она прекрасно знала цѣну какъ живымъ знакамъ поддан-

ничества: лошадямъ и овцамъ, годнымъ на убой для народнаго угощенія, такъ и всякаго рода приправамъ, не исключая и муки изъ хорошо высушенной и перемолотой саранчи.

Наступилъ день торжества, когда весь улусъ долженъ былъ явиться, чтобы взглянуть на новорожденнаго и принести ему свои дары. Гёкдша долженъ былъ дать въ этотъ день имя ребенку и снабдить его хорошимъ предвѣщаніемъ. Ребенка выставили въ колыбелькѣ, окруженной пылавшими по близости кострами, имѣвшими назначеніе очищать приходившихъ поздравителей отъ дурныхъ помысловъ.

Прежде всѣхъ подошли дружественныя нойону горныя кочевья. Они принесли мѣха медвѣдей, волковъ и рыси и добрую связку благородныхъ моральихъ роговъ. Дары эти сопровождались безыскусственною рѣчью старѣйшины, обращенною къ новорожденному:—«Желаю тебѣ владѣть мышцами крѣпче медвѣдя, который гнетъ кедры въ нашихъ горахъ. Да будутъ твои ноги такъ же легки, какъ у сайги, которую мы съѣдимъ сегодня за твое здоровье. Расти и будь истиннымъ монголомъ. Не забывай, что надъ нами нависло застѣнное царство, какъ разъяренная медвѣдица надъ ланью. Вырасти и отыщи стрѣлою то мѣсто, гдѣ бьется ея сердце и помни, что объ этомъ тебя просятъ всѣ люди нашей старой Монголіи».

Послѣ горныхъ охотниковъ подошли рѣчные и озерные данники. Они положили возлѣ колыбельки связки шкуръ бобровъ и выдры, служившихъ хорошими мѣновыми знаками даже за предѣлами Монголіи. И ближнее застѣнное царство и дальняя хорезмская имперія охотно принимали эту драгоцѣнную пушнину въ уплату за оружіе, рисъ, шелкъ и плоды.—«Желаемъ, чтобы въ рѣкахъ и озерахъ твоего улуса плодились бобры въ такомъ множествѣ, какъ плодятся въ нихъ маленькія рыбки!» привѣтствовали новорожденнаго витіи рѣчныхъ и озерныхъ кочевьевъ.—«Желаемъ, чтобы ты показалъ врагамъ Монголіи такіе же острые зубы, какъ у выдры. И еще наше желаніе, чтобы ты прошелъ черезъ стѣну царства гиновъ такъ же свободно, какъ проходитъ крупная щука черезъ стадо мелкой плотвы. Будь же нашъ милый малютка любимымъ сыномъ всей божественной семьи—Неба, Земли и Огня».

Пришли данники, кочевавшіе въ долинахъ и предгоріяхъ. Они пригнали стада барановъ. Одного изъ нихъ, красовавшагося величественными, съ завитушками рогами, зарѣзали у самой ко-

лыбели ребенка.—«Когда будешь идти въ застѣнное царство—иди нашими кочевьями», приглашали данники молодого князя.—«Мы доставимъ тебѣ коней, пищу и удовольствіе обратить застѣнный народъ въ толпу голодныхъ псовъ. Будь безпощаденъ! Не даромъ же Небо вложило тебѣ въ руку кусокъ запекшейся крови. Она предвѣщаетъ тебѣ великія побѣды».

Послѣ дружественныхъ изліяній подвластныхъ нойону кочевьевъ, родные и ближніе новорожденнаго должны были высказать также свои пожеланія. Первое привѣтствіе принадлежало въ этомъ случаѣ матери. Оно было кратко:—«Желаю, чтобы дочери застѣнныхъ царей приходили мыть твои ноги и пить ту воду, въ которой будутъ тебя купать».

Отецъ, какъ багадуръ, который не разъ считался съ людьми застѣннаго царства, высказалъ нѣсколько жестокое требованіе:—«Перелети, мой сынъ, стрѣлою черезъ большую стѣну и упади зажженнымъ факеломъ посреди столицы царя гиновъ. Пусть онъ вспомнитъ, что Монголія не всегда была его рабынею съ высохшею грудью и померкшими глазами. Ты, мой сынъ, оживишь эту рабыню и сдѣлаешь ее госпожею всѣхъ народовъ».

Вообще, не было привѣтствія, въ которомъ не просвѣчивалась-бы ожесточенная вражда монголовъ противъ сосѣдняго царства. Въ ту пору китайцы, извѣстные на сѣверѣ подъ названіемъ то китановъ, то гиновъ, были властителями—и довольно жестоками—Монголіи, много разъ уже свергавшей ихъ господство. Скрываясь за стѣною, они внезапно налетали оттуда на непокорныхъ вассаловъ и вносили въ ихъ улусы повальное опустошеніе.

Послѣднимъ предсталъ передъ ребенкомъ, напрасно силившимся раздвинуть свои глазныя щелки, шаманъ Гёкдша. Онъ выступилъ въ одной изъ своихъ парадныхъ плясокъ съ аккомпаниментомъ бубенъ его свиты. Въ бѣшеномъ круженіи его заключался, какъ нужно думать, высокій таинственный смыслъ, въ которомъ слышались угрозы и только однѣ угрозы. Наконецъ, послѣ сотаго, быть можетъ, круга, онъ приблизился къ колыбели съ воззваніями къ Небу, къ Землѣ и ко всѣмъ невидимымъ обитателямъ Алтая. Они вдохновили его возвѣстить: — «Темучинъ, ты будешь владѣть вселенной!»—На этомъ восклицаніи какъ-бы изсякнулъ экстазъ Гёкдши и онъ свалился обезсиленный на землю; нѣкоторое время только судороги и дикое вращаніе зрачками

обличали присутствіе жизни въ первосвященникѣ шаманства. Но доброе предвѣщаніе его требовало награды: по знаку нойона его покрыли ковромъ изъ летучихъ бѣлокъ, окаймленнымъ соболями. То былъ княжескій подарокъ.

Правда, шаманы придерживались вообще обычая предвѣщать новорожденнымъ всю или половину вселенной, но Гёкдша дорожилъ своими обѣщаніями и вручалъ обладаніе вселенною только избранникамъ, отмѣченнымъ перстомъ провидѣнія. Послѣ-же такого щедраго подарка, всему собравшемуся улусу оставалось прійти въ отличное расположеніе духа и приступить къ дружному истребленію явствъ. Нойонъ никогда не скупился, такъ что доставленныя ему дани, въ видѣ лошадей и барановъ, помѣстились безъ остатка въ объемистыхъ котлахъ предстоявшаго пиршества.

По всему ликовавшему стойбищу разостлался въ тотъ день паръ, напоминавшій сизые туманы Алтая. Самъ нойонъ подалъ примѣръ основательной ѣды. Почетный кусокъ его состоялъ изъ лошадинаго бедра, умѣло прошпигованнаго саломъ и осыпаннаго мукою изъ вкусныхъ кореньевъ. При этомъ, рогъ дикаго барана служилъ ему чашею, вмѣщавшею хорошій пріемъ веселаго напитка. Монголія пила уже въ ту пору алкоголь, который добывали искусные мастера посредствомъ троекратной перегонки окисленнаго коровьяго молока—айрана.

Новорожденный оглядывалъ съ любопытствомъ все собраніе, пировавшее въ честь его будущей славы. Слава - же витала надъ нимъ въ такихъ образахъ, краскахъ и размѣрахъ, что самое пылкое воображеніе отшатнулось-бы передъ ея фантастичностью. Въ лучахъ ея переливались по истинѣ химерическія начертанія историческаго рока: — «Ты испытаешь, будучи еще юношею, въ застѣнномъ царствѣ положеніе плѣнника, обремененнаго цѣпями и позорными работами; потомъ, изъ этого ничтожества ты превратишься въ великаго потрясателя народовъ и царей». — «Во главѣ монгольскихъ племенъ ты пройдешь съ огнемъ и мечемъ отъ вершинъ Алтая до царства Дели и береговъ р. Ганга и отъ восхода солнца до его заката». — «Твоимъ законамъ будутъ подчиняться сотни милліоновъ людей»!—«Ты умрешь гурханомъ и императоръ Китая, стоя у твоей могилы, будетъ умолять тебя о пощадѣ»!— «Твои потомки будутъ жаловать и казнить царей, князей, султановъ, хановъ и халифовъ».—«Они нахлынутъ на Европу грозною волною и омоютъ свои ноги въ лазури Адріатики»! — «За ними

потекутъ рѣки крови»! — «Они осудятъ полміра на спокойствіе кладбища»!

Послѣ трехдневнаго пиршества народъ возвратился въ свои кочевья, гдѣ и принялся голодать, а для усыпленія голода отлеживаться на войлокахъ съ равнодушіемъ природнаго стоицизма. Въ улусѣ долго потомъ говорили, что оказавшійся въ рукѣ Темучина, при появленіи его на свѣтъ, комокъ запекшейся крови предвѣщаетъ большіе успѣхи его въ кровавыхъ битвахъ. Разумѣется не остались безъ вниманія и его бѣлые волосы, указывавшіе на особое участіе въ происхожденіи его — одного изъ безплотныхъ геніевъ Алтая. Общее же признаніе было таково, что онъ родился «со всѣми возможными и удивленія достойными совершенствами».

Ликуя по поводу появленія на свѣтъ соплеменника, ни одинъ монголъ не подозрѣвалъ, разумѣется, что на дальнемъ, невѣдомомъ ему западѣ, народился одновременно славянскій городокъ, съ которымъ историческій рокъ свяжетъ судьбы Монголіи. Въ ту пору на берегу р. Москвы и ея сестеръ — Яузы и Неглинной — устраивалась по холмамъ, болотамъ и въ бору община изъ скромныхъ поселковъ, образованныхъ выходцами изъ сѣверно-русскихъ княжествъ. Мѣстность эта представляла окраину, манившую къ себѣ людей, бѣжавшихъ отъ всякаго рода стѣсненій. Не слышалось здѣсь вѣчевого колокола, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не заглядывали сюда княжескіе тіуны. Каждый пришелецъ садился гдѣ хотѣлъ, такъ что предпріимчивый бояринъ Степанъ Ивановичъ Кучка, прійдя изъ вольнаго Новгорода, не задумался поставить деревянную крѣпостцу и закняжить въ ней на собственный страхъ. Рѣшимость боярина не понравилась однако Суздальскому кн. Юрію, который и самъ облюбовалъ седьмихолмье на р. Москвѣ, какъ мѣсто изобильное краснымъ звѣремъ. Строптивый бояринъ не внялъ кн. приказу выйти изъ кремля и принести повинную, за что и поплатился головою. Послѣ него осталась дочь, полюбившаяся сыну кн. Юрія, владѣвшему въ ту пору Владиміромъ Суздальскимъ. Бракъ ихъ повелъ впослѣдствіи къ

нескончаемымъ претензіямъ Суздальскихъ князей на великое московское княженіе.

Община выходцевъ удержала за собою навсегда названіе Москвы. Крѣпостца боярина Кучки обратилась съ теченіемъ времени въ московскій кремль, а сельбища вольныхъ людей — въ Китай - городъ, Бѣлый - городъ и въ Земляной. Можетъ быть Кучково-поле, Бутырки, Кунцово, Останкино, Царицыно и Черкасово также преемствуютъ селитьбы перваго московскаго боярина.—«На семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ»,—говорило легендарное сказаніе того времени. — «И распространится царствіе треугольное и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди».

Казалось-бы такіе разновидные факты, какъ одновременное нарожденіе славянскаго города, а въ другой части свѣта—монгольскаго ребенка не могли имѣть ничего общаго, но ходъ мировыхъ событій судилъ иначе. Связавъ эти явленія въ одинъ узелъ, историческій рокъ и самъ запутался потомъ въ рѣшеніи вопроса: разсѣчь-ли этотъ узелъ или дать ему обветшать и распасться. Задача оказалась настолько сложною, что для ея рѣшенія понадобились вѣка, моря крови и горы труповъ....

III.

ВОСПИТАНІЕ ТЕМУЧИНА.

(1154—1167 г.г.).

ъ XII-мъ вѣкѣ ни одинъ монгольскій нойонъ не подозрѣвалъ, что онъ объясняется при посредствѣ семи гласныхъ буквъ, шести двоегласныхъ и семнадцати согласныхъ и что для красоты и плавности его рѣчи достаточно двухъ знаковъ препинанія. Монгольское юношество, не имѣя еще въ ту пору письменъ, росло и развивалось по указаніямъ одной природы — и по преданіямъ, украшеннымъ фантастическими арабесками. Теперешніе десять падежей въ существительныхъ именахъ монгольской грамматики и семь временъ въ изъявительномъ наклоненіи не сушили ни мозгъ, ни мышцы дѣтей Алтая. Впрочемъ и сама жизнь не предъявляла тогда спроса на эти перпендикулярныя начертанія со многими точками и крючками, которыми нынѣшній монгольскій «знатокъ во всѣхъ отрасляхъ премудрости» передаетъ потомству свои душевные помыслы или матеріальные счеты. Жизнь однако подшепнула монголу, что корень всѣхъ его глаголовъ заключается въ повелительномъ наклоненіи: дави, руби, бей!....

Первые года дѣтства Темучина проходили подъ надзоромъ рабыни, попавшей въ улусъ его отца изъ дальняго Тибета. Она

исповѣдывала буддизмъ, который и придалъ ей строго уравновѣшенный характеръ. Ни голоданіе на отбросахъ княжеской кухни, ни изъяны въ обуви и одеждѣ не ожесточали ее противъ рабскаго положенія. Напротивъ, она берегла своего питомца какъ собственнаго сына и передавала ему всѣ свои познанія. Разумѣется всеумиротворяющій Будда, святые отшельники и преобладаніе духа надъ тѣломъ, занимали первое мѣсто въ ея наставленіяхъ. Передъ грозными бурханами—войны, гнѣва и дурныхъ страстей—она цѣпенѣла и закрывала глаза, а съ бурханами—успокоителями, напротивъ, обходилась чрезвычайно дружески.

Бурханы-успокоители.
(Изъ коллекціи автора).

Особенно часто она передавала питомцу сказанія о величайшемъ смиреніи Будды, о трехъ царевичахъ могущественнаго царя Іеке Терге и объ обителяхъ общей радости, гдѣ раздается пища голоднымъ. Ребенокъ слушалъ няню охотно въ тѣ темные вечера, когда надъ юртою завывала алтайская вьюга—порожденіе геніевъ, обиженныхъ черезъ чуръ скромными жертвоприношеніями. Въ такіе вечера няня разводила яркій огонь изъ сухихъ арголовъ и возбуждала вниманіе ребенка то обѣщаніями сладостей, то посѣщеніями его во снѣ наисовершеннѣйшимъ Буддою.

— «Однажды, когда улучшитель жизни Будда возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, окруженный жрецами, онъ спросилъ: не желаете-ли посмотрѣть на останки великаго Бодисатвы?»—Рабыня передавала всегда это сказаніе съ таинственнымъ благоговѣніемъ. — «Благоволи узрѣть ихъ» отвѣчали жрецы. — «Тогда Будда, подъ ногою котораго находится вѣчное колесо съ тысячью спицами, коснулся земли и изъ нея выступила на поверхность гробница изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней; самый же гробъ ея былъ обернутъ семью драгоцѣнными оболочками. Въ послѣдней изъ нихъ скрывались кости ослѣпительной бѣлизны. Увидѣвъ ихъ, Будда преклонился передъ ними какъ самый обыкновенный смертный.» — «О, Будда!» воскликнули тогда жрецы,— «Кѣмъ же былъ тотъ, передъ останками котораго преклоняется твое величіе?»—«Онъ былъ мужемъ, служившимъ родной землѣ не только прозорливымъ умомъ и неподкупностью, но и терпѣніемъ, спокойствіемъ и постоянствомъ. И когда онъ сжигалъ въ своемъ храмѣ бумажки благовонія, то поступалъ такъ не на показъ свѣту, а изъ нелицемѣрнаго обожанія Зиждителя силъ и вселенной!....»

Увы, мораль этого сказанія плохо прививалась къ уму и сердцу ребенка. Онъ далеко не всегда проявлялъ желаніе считать своимъ идеаломъ великаго Бодисатву — и безстыдно царапалъ сухую грудь няни, когда послѣдняя требовала отъ него вниманія и покорности. Но и царапины не умѣряли ея стремленія обратить ребенка на путь кротости и самопожертвованія.

— «Шли три сына великаго Іеке Терге, считавшаго въ числѣ своихъ данниковъ тысячу царей, и увидѣли они тигрицу, родившую нѣсколькихъ дѣтенышей!»—Сказаніе это няня передавала съ удвоенною чувствительностью и, кажется, съ убѣжденіемъ что передъ смысломъ его не устоитъ и каменное сердце.—«Тигрица не могла по болѣзни предоставить дѣтямъ пищи и питья. Всѣмъ имъ угрожала смерть. Тогда одинъ изъ царевичей отсталъ отъ братьевъ и предался размышленіямъ: не удобный-ли это только случай сдѣлаться величайшимъ изъ героевъ? Утвердившись въ этой мысли, онъ рѣшилъ пожертвовать собственное тѣло тигрицѣ съ тѣмъ, чтобы, напитавшись имъ, она вскормила дѣтенышей. Мысль эта побудила его лечь передъ тигрицею, но отъ изнеможенія она не могла открыть пасть, чтобы пожрать его. Тогда онъ разрѣзалъ одну изъ своихъ вѣнъ, а она полизала его крови и укрѣпилась настолько, что съѣла его безъ остатка.»

Иногда няня увлекалась и приглашала ребенка послушать, какъ Будда спасъ двухъ воровъ отъ смерти. Всесовершеннѣйшій не ограничился этою милостью и просвѣтилъ ихъ духъ мгновенно, до того, что они и не замѣтили какъ лишились бороды и волосъ и очутились въ аломъ платьѣ. Разумѣется, въ этомъ видѣ они были уже жрецами, очистившимися отъ всякія скверны и достигнувшими степени побѣдителей лукавыхъ. Благость Будды распространилась и на мать этихъ людей: она была избавлена отъ перерожденій и приписана заранѣе къ области блаженныхъ.

Одно изъ 550 перерожденій Будды.
(Изъ коллекціи автора).

Поучительные вечера няни оканчивались предложеніемъ ребенку, въ видѣ награды, изображенія Будды изъ масла съ необыкновенно полными щеками и большимъ подбородкомъ. Ребенокъ съѣдалъ этого Будду безъ всякаго смущенія. На сонъ грядущій рабыня забавляла его дутьемъ въ раковину, издававшую сильные трубные звуки; искусству этому она научилась еще на родинѣ у отца, служившаго въ кумирнѣ ламаитовъ.

Нерѣдко при ея религіозныхъ бесѣдахъ присутствовала и мать Темучина, но эта видѣла въ мудрыхъ поученіяхъ добродѣтельной ламаитки однѣ только занимательныя сказки. Не такъ благосклонно относились къ ней шаманы. Одного названія Будды, въ образѣ кротости и всепрощенія, было достаточно, чтобы

Гёкдша вооружился противъ дальнѣйшихъ поученій няни. Ему не стоило труда убѣдить нойона и Олонъ-Эхэ, что рабыня, утверждая въ ребенкѣ понятія о недостижимыхъ добродѣтеляхъ, готовитъ изъ него разслабленнаго юношу, не пригоднаго ни для войны, ни для охоты.

Опасенія эти повели къ тому, что рабынѣ былъ предоставленъ одинъ внѣшній уходъ за Темучиномъ, а духовный его міръ отданъ на попеченіе Гёкдши. Послѣдній быстро повернулъ ребенка въ противоположную сторону и замѣнилъ кротчайшаго Будду изображеніями «гāриди» и «хій-мóри». То были идолы шаманства, грубо вырѣзанные изъ деревянныхъ обрубковъ, окрашенные въ красную краску, съ злостно оскаленными зубами и съ громадными выпученными глазами. Кромѣ этихъ бурхановъ, обычно многорукихъ и покровительствовавшихъ поэтому только одной силѣ, въ юртѣ были развѣшаны маски страшнаго вида и исключительно кроваваго цвѣта. Вся эта обстановка должна была утверждать ребенка въ томъ, что незримый міръ наполненъ одними злыми духами и что противъ нихъ обязательна неустанная и жестокая борьба....

Духовныя бесѣды шамана быстро испарили изъ души его питомца—и царевича, отдавшаго свое тѣло кровожадной тигрицѣ и смиреннаго Бодисатву, нисходившаго до поклоновъ передъ символами постоянства и терпѣнія. Всѣ нѣжности буддизма шаманъ замѣнилъ драконовскими понятіями о правѣ силы, поддерживаемой стрѣлами и кистенями, какъ о величайшемъ разумѣ всей жизни человѣка. Не мудрено, что при такой обработкѣ душевной сферы Темучина, даже кроткая Олонъ-Эхэ принуждена была однажды замѣтить ему:—«О, не даромъ ты родился съ комкомъ крови въ рукѣ! Даже и теперь, когда тебя отъ земли не видно, ты похожъ уже на бѣшеннаго верблюженка, кусающаго пятки своей матери!»

Не мудрено поэтому, что явившись впослѣдствіи въ роли великаго законодателя, Темучинъ ввелъ въ изданной имъ кодексъ законовъ—«Книгу Запретовъ», «Яса-Намэ»—цѣлый рядъ драконовскихъ положеній:—«Кто воткнетъ ножъ въ предметъ, охваченный Огнемъ—тому смерть, какъ величайшему злодѣю, посягающему на искорененіе силы, враждебной злымъ геніямъ.»—«Кто зальетъ Огонь нечистотами — тому смерть.» — «Кто выльетъ умышленно молоко на землю—тому смерть».—«Кто наступитъ

на порогъ чужой юрты—смерть.»—«Кто прикоснется умышленн ногайкой къ колчану—смерть».

Подъ вліяніемъ шамановъ кроткія ска занія тибетянки были вскорѣ забыты Те мучиномъ до того основательно, что он остался уже на всю жизнь послѣдовате лемъ черной вѣры.

Наступило однако время, когда ной онъ нашелъ, что наставники черезчур усердно работаютъ надъ душою его лю бимца и что послѣднему пора заняться науками, достойными сына истиннаго мон гола. Въ заднихъ юртахъ нойона давн уже проживалъ на пенсіи отставной ба гадуръ, лишившійся, благодаря вражеской стрѣлѣ, употребленія своеи громадной физической силы. Рука его упражнявшаяся въ былое время желѣзной палицею, какъ тростни ковымъ перомъ, висѣла теперь безпомощно, неподвижно.

Принявъ на себя, по приказанію нойона, воспитаніе Темучина отставной багадуръ прежде выбросилъ бурхановъ—успокоителей поставилъ на ихъ мѣсто бурхана-истребителя. Послѣдній помог ему достигнуть болѣе крупныхъ результатовъ нежели геніи до браго Будды. Методическое преподаваніе свое онъ началъ с бросанія камешками въ намѣченную цѣль. Рука Темучина оказа лась твердою, мускулистою, а глазъ—острымъ, такъ что онъ попа далъ уже вскорѣ изъ дѣтскаго лука въ привязанную ворону, в землероекъ и въ летающую птицу мелкаго колибра. Овладѣв тетивою и стрѣлами, Темучинъ принялся упражняться ножомъ н чучелахъ, но не далѣе какъ на шестомъ году жизни онъ уж всаживалъ безтрепетно ножъ въ сердце осужденной на ѣду овць или теленка. Важною отраслью его военнаго воспитанія был также искусство взбираться на стѣны и высокія деревья посред ствомъ «камандъ»—сѣтокъ съ длинною узловатою веревкою. Сѣтка подброшенная мѣткою рукою, должна была зацѣпляться за выда вавшійся предметъ и открывать путь смѣльчаку, хотя бы через глубокія горныя трещины или на утесъ съ прямымъ ребромъ.

Но всѣ эти лекціи блѣднѣли передъ глубокомысленным поученіями багадура о военныхъ хитростяхъ и засадахъ, могу щихъ вводить враговъ въ заблужденіе. Успѣхъ войны зависѣл

тогда во многихъ случаяхъ отъ умѣнья пользоваться довѣрчивостью врага. Эту коварную часть стратегіи Темучинъ предпочиталъ всему объему познаній наставника. Къ тому-же отецъ охотно предоставилъ ему распоряжаться сверстниками родного улуса, какъ войскомъ для упражненія въ примѣрной войнѣ. Успѣхи юноши оказались до того серьезными, что нерѣдко старикъ-багадуръ попадалъ къ нему въ засаду, какъ глупый зайченокъ въ тенета охотника. Въ ребенкѣ очевидно нарождался самый страшный изъ геніевъ—геній войны.

Бурханъ-истребитель.
(Изъ коллекціи автора).

Вообще въ 12 лѣтъ Темучинъ оказался цѣлою головою выше не только своихъ сверстниковъ, но и заслуженныхъ бойцовъ, выпустившихъ въ своей жизни не мало стрѣлъ и ускользавшихъ не разъ изъ враждебныхъ засадъ. Нойонъ прилагалъ и свои старанія къ воспитанію сына, но сводъ его наставленій отличался чрезвычайною краткостью: — «Помни, что ты сынъ нойона, поэтому ты долженъ быть первымъ во всемъ: въ ѣдѣ и въ голодѣ, на войнѣ и въ мирѣ, въ борьбѣ и въ скачкахъ!»— Аристократъ—монголъ не понималъ въ ту пору болѣе тонкой морали.

Постоянное напоминаніе о первенствѣ вполнѣ гармонировало съ самою природою мальчика. Узнавъ, при первомъ дѣтскомъ лепетѣ, что самое слово монголъ обозначаетъ смѣлаго человѣка, онъ придалъ ему въ періодъ возмужалости значеніе девиза. Впослѣдствіи, въ кровавыхъ сѣчахъ, одно воззваніе его: «монголы, врагъ передъ вами!» рѣшало битву. При этомъ воззваніи его багадуры бросались истреблять людей съ яростью уязвленныхъ пантеръ.

Послѣ пробной верховой ѣзды — первоначально на спинѣ дядьки, а потомъ на хребтѣ бычка—Темучинъ потребовалъ лошадь съ дурнымъ при томъ обычаемъ становиться на дыбы. Спустя два—три года, въ табунахъ нойона не было уже ни одного коня, не испытавшаго на себѣ смѣлости и искусства Темучина. Въ награду за эти успѣхи отецъ подарилъ ему полное вооруженіе монгольскаго воина тогдашняго времени. Оно состояло изъ лука и колчана, наполненнаго заостренными стрѣлами, изъ прямого и обоюдоостраго меча и пращи. Тяжелая багадурская палица была еще не по силамъ Темучину. У пояса его повисли также, какъ и у взрослыхъ воиновъ — кожаный мѣшечекъ съ принадлежностями для добыванія огня, терпугъ для обтачиванія стрѣлъ, шило и дратва для починки сбруи и сито для процѣживанія во время похода грязной воды. Щитъ изъ буйволовой кожи дополнялъ его вооруженіе. Онъ требовалъ также, чтобы въ его переметныхъ сумкахъ не переводился крутъ, которымъ питались монголы въ дальнихъ набѣгахъ.

Первые шаги его на пути къ военной славѣ не могли разумѣется обойтись безъ неудачъ и недоразумѣній. Такъ, налюбовавшись подаркомъ отца, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи испробовать силу своихъ мышцъ и крѣпость тетивы. Къ тому-же, надъ юртою кружился въ это время молодой, не достаточно еще окрылившійся коршунъ. И вотъ стрѣла шумно сорвалась съ его тетивы, но увы! она попала вмѣсто коршуна — въ глазъ его дядьки. Произошло маленькое замѣшательство—именно маленькое, потому что дядька былъ уже старъ и его глазъ не имѣлъ большой цѣны. Пара буйволовъ, которыми нойонъ расплатился за неловкость сына, была вполнѣ достаточна, чтобы успокоить его старость. Потомъ Темучинъ попалъ также неудачно и въ зайца, вмѣсто котораго пострадала няня, вышедшая полюбоваться его доблестями. Нойонъ расплатился съ нею верблюдицею, десяткомъ войлоковъ и охапкою бараньей шерсти.

За то, когда Темучинъ подстрѣлилъ орла, считавшаго себя

въ безопасности на одной изъ алтайскихъ вершинъ, о немъ заговорили въ улусѣ, какъ о любимцѣ Неба, которому предстоитъ блестящая будущность. Случай этотъ показалъ необыкновенно настойчивый характеръ юноши, упорно преслѣдовавшаго избранную цѣль. Въ теченіе двухъ недѣль онъ взбирался ежедневно на выступъ горнаго отрога, откуда и сторожилъ съ опасностью оборваться въ бездну намѣченную жертву. Наконецъ одна изъ удачно пущенныхъ имъ стрѣлъ пробила крыло гиганту и сбросила его къ подошвѣ горы. Подвигъ этотъ былъ встрѣченъ одобреніемъ всего улуса, за исключеніемъ верховнаго шамана, увѣрявшаго, что орлы Монголіи, какъ слуги самого Неба, должны пользоваться величайшимъ уваженіемъ всего человѣчества.

Послѣ этого подвига, Темучину оставалось выдержать форменный экзаменъ на степень полноправнаго монгола. Для подобнаго экзамена существовала предписанная давнимъ обычаемъ программа, по которой выставляли въ одну линію три чучела изъ соломы, въ ростъ человѣка, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ одно отъ другого. Экзаменовавшійся обязанъ былъ промчаться на разгоряченномъ конѣ и прострѣлить всѣ три чучела. Темучинъ умышленно, для эфекта, проскакалъ третье чучело, но обернувшись назадъ, онъ успѣлъ выпустить стрѣлу и попасть въ цѣль. То былъ верхъ искусной стрѣльбы и наѣздничества, поэтому восхищеніе зрителей не имѣло предѣловъ. Наиболѣе увлекшіеся изъ нихъ привѣтствовали его восклицаніями—«О, Темучинъ, мы таяли какъ масло!»

Образованіе Темучина завершилось погонею за волкомъ и поимкою его посредствомъ петли, привязанной къ длинному шесту. Волки и въ ту пору были злѣйшими врагами Монголіи, такъ что истребленіе ихъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ. При появленіи волка толпы наѣздниковъ вскакивали на коней и пускались въ облаву. Напрасно неосторожный звѣрь пытался-бы прорвать это кольцо; повсюду ему грозили петли и хорошо наточенные ножи. Темучинъ много разъ уже участвовалъ въ подобныхъ веселыхъ охотахъ, но теперь ему принадлежало право перваго нападенія на звѣря, не утомленнаго пока и полнаго рѣшимости постоять за свою жизнь. Задачу свою онъ выполнилъ блистательно. Настигнутый имъ матерой звѣрь не успѣлъ и щелкнуть острыми зубами, какъ петля обвила его шею и онъ лишился навсегда уже возможности таскать барановъ изъ улуснаго стада. Подобныя

поимки оканчивались обычно сдиранiемъ съ живого звѣря кожи, въ видѣ фуфайки, съ нѣсколькими только надрѣзами на шеѣ и возлѣ пятъ. Темучину были уже извѣстны всѣ необходимые въ этомъ дѣлѣ прiемы. Втиснувъ голову волка въ приготовленную заранѣе колодку, онъ быстро, на виду собравшихся гонщиковъ, снялъ съ него фуфайку и предоставилъ ему поплестись съ остатками угасавшей жизни въ степь—на страхъ всему волчьему роду. Темучинъ выполнилъ эту операцiю какъ опытнѣйшiй изъ монголовъ. Восхищенные его ловкостью и спокойствiемъ, сородичи привѣтствовали его и на этотъ разъ въ крайне умилительной формѣ: — «О, Темучинъ, наши кони, юрты и стрѣлы — все твое!....»

Дальнѣйшiе подвиги Темучина были таковы, что молодежь улуса признала его и безъ подданнической лести первымъ и въ дружеской бесѣдѣ и въ опасныхъ предпрiятiяхъ. Въ бѣгахъ онъ не уступалъ опытнѣйшимъ наѣздникамъ. Въ вѣрности-же взгляда и твердости полета стрѣлы, отъ оспаривалъ первенство даже у прославленныхъ горцевъ, убивавшихъ камешками изъ пращей летучихъ бѣлокъ на вершинахъ кедровъ. По отношенiю къ самому себѣ онъ отличался необычайною суровостью: онъ могъ голодать, сидя передъ полнымъ котломъ, пить воду, когда у него подъ рукою былъ мѣхъ съ веселымъ напиткомъ и удаляться съ бесѣды, когда тамъ расказывались анекдоты о женскихъ уловкахъ.

Выходя изъ юношескаго возраста, Темучинъ узналъ, что его родовой улусъ былъ во много разъ обширнѣе при его предкахъ. Междоусобица родственниковъ и чрезмѣрная отучнѣлость отца, мѣшавшая его боевымъ успѣхамъ, повели къ раздробленiю улуса на множество колѣнъ. Отпавшими частями улуса завладѣли родственники нойона, продолжавшiе присвоивать себѣ то острова на рѣкѣ, то лучшiя предгорiя. Темучинъ негодовалъ и нерѣдко озадачивалъ отца вопросами, почему онъ оставляетъ похитителей безнаказанными и не отнимаетъ заграбленное у него достоянiе. Отецъ, приводя въ оправданiе вообще отговорки, съ которыми трудно было согласиться молодому, горячему сердцу, утвердился наконецъ на одномъ отвѣтѣ: пора не настала!

Будучи еще юношею, Темучинъ пользовался уже такимъ влiянiемъ въ средѣ молодежи улуса, что по его приглашенiю, она не отказалась-бы отъ явно опаснаго предпрiятiя. Прежде однако чѣмъ воспользоваться своею моральною силою, онъ принялся

осматриваться, гдѣ и какъ развернуть свои дарованія. И вотъ, однажды, подъ предлогомъ охоты въ отрогахъ Хинганскаго хребта, онъ снарядился въ путь съ полудюжиною сверстниковъ, отличавшихся физическою силою и доказаннымъ мужествомъ. Въ числѣ ихъ можно назвать Субетая и Джамуху, съ которыми онъ дѣлилъ и сладкое и горькое и которыхъ посвятилъ въ истинный планъ своего предпріятія.

Впрочемъ и шаманъ Гёкдша узналъ какими стремленіями и мыслями наполнено его пылкое сердце, уязвленное неправдами и обидами родственниковъ. Встрѣтивъ его отрядъ, при пересѣченіи расходившихся въ разныя стороны тропинокъ, шаманъ вознесъ молитву Небу и геніямъ алтайскихъ горъ и указалъ дорогу къ долинѣ, въ которой кормились въ ту пору стада ненавистныхъ таджутовъ. Здѣсь было на что залюбоваться номаду, понимающему цѣну пастбищъ и надежныхъ прикрытій отъ сѣверныхъ бурановъ. Эта, открывшаяся съ предгорія, райская долина уходила далеко отъ глазъ по обоимъ берегамъ р., впадавшей въ священное озеро Байкалъ. Была вечерняя пора. Всюду виднѣлись разбросанныя на необозримомъ пространствѣ юрты, которыя выглядѣли богаче и привѣтливѣе оставшихся вѣрными нойону. Стада также казались дороднѣе, а травы сочнѣе чѣмъ въ Дэлюнъ-Болдокѣ. Наконецъ и вся картина представлялась ярче, веселѣе и отраднѣе той, которая достаточно уже присмотрѣлась Темучину.

Не довольствуясь созерцаніемъ съ вершины кряжа, Темучинъ подалъ знакъ товарищамъ спуститься въ долину, гдѣ дѣвушки пѣли, какъ казалось, далеко мелодичнѣе, нежели въ родномъ улусѣ. Подвигаясь шагъ за шагомъ, отрядъ увлекся и очутился въ средѣ самаго кочевья. Возвращеніе назадъ, по горной тропѣ, при сгустившейся ночи, было немыслимо. Темучину, какъ главѣ отряда, пришлось просить ночлега, съ объясненіемъ, что онъ сбился съ дороги и ничего не проситъ кромѣ позволенія напоить коней. На обычный-же въ кочевомъ мірѣ вопросъ: чей онъ сынъ и чьи сыновья его товарищи—онъ солгалъ, какъ и слѣдовало поступить человѣку, мечтавшему о военныхъ хитростяхъ и засадахъ.

Вѣсть о прибытіи вооруженныхъ чужеродцевъ разнеслась въ тотъ-же вечеръ по всему становищу. Благодаря же свойственной въ подобныхъ случахъ любознательности, вскорѣ разоблачилось, что предводитель отряда есть никто другой какъ Темучинъ, сынъ Ѣсучая. Тѣмъ не менѣе, уважая законы гостепріимства, нойонъ

таджутовъ распорядился дать гостю юрту и пищу съ условіемъ не выходить ночью за предѣлы, какіе укажутъ довѣренные люди.

Отрядъ Темучина вѣрилъ въ гостепріимство своего врага, но все таки рѣшилъ провести ночь настороже, со смѣнными часовыми у юрты. Въ глухую полночь очереднымъ часовымъ былъ самъ Темучинъ, который несъ всѣ обязанности наравнѣ съ товарищами. Обмануло-ли его настороженное вниманіе или гостепріимство нойона—родного дяди, завладѣвшаго отпавшими частями улуса—уступило на этотъ разъ чувству вражды, только часовой услышалъ подозрительный шорохъ. Далѣе обозначались въ темнотѣ ряды ползущихъ людей....

Темучинъ спустилъ тетиву!

Сорвавшаяся стрѣла угодила въ дозорнаго, котораго кочевье выставило и съ своей стороны въ охрану отъ внезапнаго нападенія пришельцевъ. Вопль раненаго раздался по всему становищу. Произошло общее смятеніе. Все населеніе схватилось за оружіе. Сопротивленіе горсти смѣльчаковъ было-бы безцѣльно и гордому Темучину осталось подчиниться позорной необходимости протянуть руки въ петли изъ крѣпкихъ веревокъ....

Взошедшее солнце освѣтило отрядъ Темучина въ крайне печальномъ видѣ. Не зная предѣловъ издѣвательствамъ, таджуты рѣшились наполнить колчаны плѣнныхъ юношей—навозомъ, что считалось предѣломъ глумленія и позора. Тугія тетивы ихъ были также замѣнены обрывками всякаго хлама. Но высшее посрамленіе было еще впереди. Старѣйшины таджутовъ рѣшили заклеймить плѣнниковъ—надрѣзами ихъ правыхъ ушей. Вскорѣ появились и добровольцы—палачи, съ хорошо отточенными ножами. Темучинъ предложилъ отъ имени отца богатый выкупъ, но ничто не помогло. Толпа сдвинулась, ножи сверкнули и—лица сподвижниковъ Темучина облились кровью!

Въ такомъ печальномъ состояніи, оскорбленный Темучинъ и его сподвижники предстали передъ нойономъ Ѣсучаемъ. Разсказъже ихъ о пережитомъ позорѣ сводился къ тому, что таджуты нарушили долгъ гостепріимства.—«Не наступила-ли пора наказать вѣроломныхъ?» спросилъ при этомъ Темучинъ. — «Не говори, отецъ, что мы дѣти, мы—монголы!» Здѣсь и въ умиротворенномъ уже багадурѣ Ѣсучаѣ проснулся духъ стараго наѣздника, такъ что онъ разрѣшилъ сыну и его товарищамъ разсѣяться по улусу и объявить сборъ къ набѣгу на таджутовъ. Улусъ принялъ съ

радостью это приказаніе, чему способствовалъ и шаманъ Гёкдша, пророчествовавшій побѣду надъ сосѣдями, переходившими уже въ ту пору изъ черной вѣры въ желтую. И вотъ, въ кочевьяхъ улуса закипѣли приготовленія къ войнѣ. Женщины принялись плести съ удвоенной энергіей шерстяныя веревки и готовить крутъ и вяленую говядину, не различая, разумѣется, чистыхъ животныхъ отъ нечистыхъ. Мужчины обратились къ боевому оружію, запасаясь и крючками на шестахъ для стаскиванія недруговъ съ лошадей.

Нойону предстояло показаться народу во всеоружіи багадура и съ аттрибутами властителя. Изъ послѣднихъ онъ могъ выбрать булаву, схожую съ русскимъ шестоперомъ, или баранью лопатку, которая также служила, при извѣстной обстановкѣ, знакомъ единовластія. Темучинъ поднесъ ему лопатку....

IV.

СМЕРТЬ НОЙОНА ѢСУЧАЯ.

(1167 г.).

тавка нойона была назначена сборнымъ пунктомъ готовившагося къ набѣгу ополченія; сюда прибыли ранѣе другихъ всадники горныхъ кочевьевъ, а за ними — рѣчныхъ и озерныхъ. Дальнія кочевья, облюбовавшія восточную окраину песчанаго моря, отказались отъ участія въ войнѣ подъ предлогомъ, что ихъ кони не выкормлены и отощали на безплодной почвѣ. Съ своей стороны, верховный шаманъ разослалъ приглашенія къ набѣгу по всѣмъ улусамъ, которые могли подать помощь противъ таджутовъ, отступниковъ отъ шаманства.

Передъ выступленіемъ въ походъ, нойонъ произвелъ личный смотръ собравшимся людямъ, ихъ конямъ и вооруженію. Кони были хороши, но въ вооруженіи нашлись недочеты, пополненные тотчасъ-же изъ улуснаго запаса. Въ арсеналѣ улуса нашлись и котелки съ огненнымъ составомъ, отбитые въ войнѣ съ гинами, но монгольскіе багадуры не умѣли обращаться съ этимъ опаснымъ, недавно народившимся орудіемъ войны. Въ продовольствіи ополченія не могло быть недостатка, такъ какъ женщины достаточно наготовили необходимыхъ въ походѣ припасовъ. Кромѣ того, Небо и Земля установили войну именно для того, чтобы можно было питаться на счетъ врага. Объ однообразіи въ одеждѣ и въ вооруженіи тогда еще не имѣли поня-

тія, такъ что ополченіе представлялось только скопищемъ грозно настроенныхъ и жаждавшихъ добычи людей.

Передъ выступленіемъ въ походъ, великій шаманъ устроилъ парадное моленіе Небу и геніямъ Алтая о ниспосланіи предстоявшимъ людямъ силы и храбрости, а ихъ противникамъ—слѣпоты и трусости. Опираясь на свои желѣзныя палицы, багадуры сосредоточенно слѣдили за быстрымъ круженіемъ священнодѣйствовавшихъ шамановъ; эти же метались и прыгали, точно ими распоряжались и въ самомъ дѣлѣ горные духи. Наконецъ, слабѣйшіе изъ нихъ начали падать съ пѣною у рта и съ выпученными глазными орбитами и возвѣщать въ полубезчувственномъ состояніи о невидимой помощи геніевъ войны и о заготовленныхъ уже ими трофеяхъ—въ видѣ скота, рабовъ и женщинъ.

Не успѣлъ однако Гёкдша окончить моленіе, какъ на тропинкѣ, извивавшейся по ребру дальняго горнаго хребта, показался небольшой отрядъ, состоявшій изъ чужеродцевъ, которыхъ въ улусѣ не ожидали. Судя по очертаніямъ лицъ—то были братья монголовъ, но по одеждѣ, оружію и мягкой вкрадчивой поступи, то были гины—люди застѣннаго царства!

Угрюмо настроенныя группы монголовъ встрепенулись только при вырвавшихся изъ среды ихъ восклицаніяхъ:—«Это посольство царя гиновъ, за данью! Видите, впереди несутъ на пикѣ царскій «дзарлыкъ». Горе намъ, горе, мы теперь бѣдны, чѣмъ мы заплатимъ дань?»—Да, нойонъ такъ давно представлялъ дань царю гиновъ, что забылъ и о своемъ подданствѣ и объ этикетѣ встрѣчи посольства, присланнаго съ царскимъ дзарлыкомъ. Ему слѣдовало-бы броситься навстрѣчу посольству и, выслушавъ посланника распростершись на землѣ, принять отъ него, стоя на колѣняхъ, дзарлыкъ, заключавшій обычно «слово старшаго къ младшему». Между тѣмъ онъ не тронулся съ мѣста и даже наградилъ своего трубача пинкомъ за обнаруженное имъ намѣреніе привѣтствовать посольство звуками приспособленной къ тому раковины.

Приблизившись къ ставкѣ, посольство увидѣло себя неожиданно во враждебномъ станѣ, готовомъ взмахнуть палицами и натянуть тетивы. Посланникъ смутился. Тѣлохранители его не знали, поднять-ли выше дзарлыкъ или опустить его ниже и, вообще, вступить-ли въ переговоры или принять вызовъ.

Нойонъ облегчилъ эту внезапную остроту отношеній тѣмъ, что, положивъ лукъ на землю, далъ этимъ понять о согласіи

своемъ вступить въ дружескія объясненія. Но на колѣни онъ не опустился и багадуры его продолжали оставаться въ явно непріязненномъ настроеніи. При такой обстановкѣ, посланнику было не весело вычитывать дзарлыкъ царя гиновъ:—«Я, царь гиновъ и повелитель всѣхъ странъ, посѣщаемыхъ солнцемъ и росою».....произносилъ онъ, стараясь выказать заплетавшимся языкомъ полное безстрашіе.—«Посылаю съ настоящимъ дзарлыкомъ хорошо уполномоченнаго вана къ нойону Ѣсучаю, для напоминанія о дани, не уплаченной имъ за послѣднія пять лѣтъ. По исчисленіямъ ученыхъ людей царства гиновъ, нойонъ обязанъ уплатить за каждый годъ: по девяткѣ верблюдовъ бѣлаго цвѣта, по девяти девятокъ овецъ....лошадей....роговъ изюбровъ....бобровыхъ шкуръ....а за недостатки въ натурѣ, расплатиться серебромъ; если же серебра не достанетъ, то хорошо уполномоченный ванъ можетъ добрать въ рабыни столько дѣвицъ и молодыхъ женъ, сколько то будетъ согласно съ справедливостью. Впрочемъ, одолѣваемый милостью къ своимъ подданнымъ, я, царь гиновъ, разрѣшаю замѣнить женъ и дѣвицъ—шкурами сернъ, оленей, медвѣдей и яйцами фазановъ. Дань должна быть доставлена лично нойономъ, которому приличествуетъ имѣть, по объявленіи ему настоящаго дзарлыка, веселое лицо и безмятежное сердце».

Впрочемъ, крупные размѣры дани были страшны только въ дзарлыкѣ. Въ натурѣ же монгольскіе подданные царя гиновъ представляли нерѣдко одного верблюда или одну лошадь или одинъ рогъ марала, а остальныя числа—изображали на берестяной корѣ, которую и представляли царю въ видѣ жертвоприношенія. Принципъ былъ въ этомъ случаѣ важнѣе реальныхъ доказательствъ подданства.

Выслушавъ дзарлыкъ, нойонъ нисколько не смутился и вступилъ въ дипломатическія объясненія съ посольствомъ царя гиновъ.—«У насъ бураны и гололедица истребили въ прошлыя зимы весь скотъ» отвѣчалъ онъ внушительнымъ тономъ,—«царь же гиновъ настолько богатъ, что могъ бы освободить отъ дани всѣ улусы Монголіи».—«Тѣмъ болѣе, что дѣвицы намъ самимъ нужны!» послышалось изъ рядовъ монгольской молодежи нѣсколько насмѣшливое замѣчаніе.—«У насъ женщинъ мало и добывать ихъ не откуда!»—«Тогда мы возьмемъ въ залогъ сына вашего нойона!» объявилъ царскій посолъ. «Вы-же преклоните колѣна передъ дзарлыкомъ и поцѣлуйте землю, на которой я стою. Повинуйтесь!»

Багадуры дрогнули, но безъ малѣйшаго намѣренія цѣловать

землю у ногъ царскаго посла. Послѣдній приказалъ приподнять еще выше пику съ дзарлыкомъ, но въ это время пущенная изъ рядовъ молодежи стрѣла разбила привѣшенную къ дзарлыку печать.

Ужасъ и смятеніе объяли обѣ стороны. Кто этотъ дерзкій, осмѣлившійся совершить поступокъ, за который полагалась въ застѣнномъ царствѣ мучительная смертная казнь: преступнику предстояло поплатиться сначала рукою, которую отдавали на его же глазахъ собакамъ на съѣденіе, а потомъ и другими членами. Даже багадуры переглянулись съ выраженіемъ полнаго недоумѣнія. Клочки истерзаннаго дзарлыка взывали къ отмщенію....

Посольство первое вступило въ переговоры:—«Мы шли къ вамъ съ мирными цѣлями и разсчитывали на ваше гостепріимство, а встрѣтили неистовую вражду. Вы оскорбили печать царя гиновъ! Вы забыли развѣ, что по одному его слову и рѣки идутъ вспять и горы обращаются въ колодези! Само небо называетъ его своимъ сыновъ....и вамъ ли, бѣднымъ варварамъ, противиться его силѣ и величію?! Образумьтесь!» — «Мы согласны отпустить васъ съ честью и невредимыми» заявилъ нойонъ,—«но съ условіемъ, чтобы вашъ царь не присылалъ больше къ намъ за данью. Скажите ему, что монголы отказываются платить дань не только дѣвицами и серебромъ, но и старыми лошадьми». — «Да! да!» послышались изъ всѣхъ рядовъ и сторонъ одобрительныя восклицанія.—«Наши предки были свободны и мы не хотимъ быть подданными царя гиновъ».—«Ваши предки не всегда были свободны» урезонивалъ посланникъ,—«много разъ вы уже отказывались платить дань и послѣ того всегда платили вдвое. Кто устоитъ передъ нашими войсками»? — «Мы устоимъ, мы, монголы. Да! Мы, монголы, не боимся вашихъ войскъ!»—«Но вѣдь и мы монголы!» хитрилъ посланникъ, «только родъ нашъ старѣе вашего, поэтому-то мы и собираемъ съ васъ дань!»—«Нѣтъ, нашъ родъ старѣе вашего!» возразилъ Темучинъ.—«Наши ученые хорошо знаютъ, что первая колыбель человѣка стояла на р. Ононъ. И было бы правильнѣе, если бы вы платили намъ дань, а не мы вамъ». — «Вы такой молодой еще человѣкъ?!»—«Да, онъ молодъ, но ему открыто больше чѣмъ многимъ старымъ людямъ!» вступился за своего любимца шаманъ Гёкдша.—«И если бы вы приходили не за данью къ намъ, а чтобы послушать Темучина, вы получили бы дары драгоцѣннѣе серебра и лошадиныхъ табуновъ». — «Мы такъ и будемъ поступать на будущее время, а теперь дайте намъ, что указано въ

дзарлыкѣ, потому что намъ нельзя возвратиться домой съ пустыми руками. Дайте намъ Темучина въ залогъ вашего подданства царю гиновъ».

—«Вы лучше уходите отъ насъ поскорѣе» строго и вразумительно объявилъ наконецъ нойонъ, поднимая свой лукъ съ земли въ знакъ окончанія переговоровъ.—«Взгляните, какъ сердито настроены наши люди. Шапки ихъ сдвинуты подобно тучамъ, когда они ползутъ съ горы и ужъ, разумѣется, вы не добудете ихъ для представленія вашему царю. Уходите пожалуйста и скажите царю, что монголы на р. Ононъ отказываются навсегда платить дань и что людей, которые осмѣлятся пріити за данью, они свяжутъ и отдадутъ своимъ голоднымъ собакамъ»!

Рѣчь эта приняла особенно внушительный характеръ, благодаря раздавшемуся лязгу оружія въ рядахъ монголовъ. Посланникъ видѣлъ, что дальнѣйшія его настоянія вызовутъ большую опасность. Въ рукахъ варваровъ было десять тысячъ стрѣлъ, которыя могли мгновенно разсѣчь воздухъ и уже разумѣется не для того, чтобы исчезнуть безслѣдно въ пространствѣ.

—«Мы шли къ вамъ издалека и наши кони и люди очень притомились»—перевелъ посланникъ свою рѣчь на обще-житейскую почву,—«позвольте намъ отдохнуть на вашей землѣ.»—«А вы не будете говорить больше о подданствѣ царю гиновъ?»—«Нѣтъ, мы не будемъ объ этомъ говорить. Мы подкрѣпимся силами и возвратимся обратно за большую стѣну».—«Извольте, наши луга и наши запасы отдаемъ на три дня въ ваше распоряженіе!»—объявилъ нойонъ.—«Мы готовы и далѣе пировать съ вами, да намъ некогда, мы собрались войною на сосѣдей».

По знаку нойона всѣ группы монголовъ приняли мирный характеръ: боевые доспѣхи были сняты и снесены въ арсенальныя юрты, а лошади развьючены и уведены табунами на поемные луга; пиршественные-же котлы окутались тотчасъ-же заманчивымъ паромъ. Вскорѣ, недавніе грозные воины обратились въ радушныхъ хозяевъ и въ заботливыхъ поваровъ. Но, разумѣется, изготовленіе сластей — изъ кореньевъ, меда и саранчи—лежало на попеченіи женскаго пола. Ради такого торжества, какъ освобожденіе отъ данничества, нойонъ не поскупился устроить народное угощеніе съ полнымъ изобиліемъ явствъ, кумыса и веселаго айрана. При томъ же, стада таджутовъ продолжали бродить довѣрчиво, неподалеку, безъ всякаго подозрѣнія о готовившемся на нихъ нападеніи....

Темучинъ однако остался недоволенъ тактикою отца и перемѣною его фронта. Нарождавшійся въ немъ геній войны требовалъ бурнаго натиска, чтобы враги не успѣли сплотиться въ ядро и преобразиться изъ пастуховъ въ багадуровъ. Недовольство свое онъ высказалъ друзьямъ Субетаю и Джамухѣ и оба они вполнѣ согласились, что монголъ страшенъ на войнѣ только въ голодномъ состояніи.—«Съѣвши барана, хочется сбросить поясъ, а сбросивши поясъ, хочется спать!» замѣтилъ Темучинъ.—«Если судьба дастъ мнѣ войско, то я потребую, чтобы каждый человѣкъ былъ сытъ на войнѣ кусочкомъ говядины и горсточкою овечьяго сыра».

Въ теченіе трехъ дней пояса не стѣсняли пировшихъ, такъ что ихъ вмѣстилища пріютили безъ особыхъ усилій почтенные куски лошадиныхъ бедръ, свиныхъ тушъ и всего, что могли осилить не испорченные зубы человѣка. Правъ былъ Темучинъ, говоря, что, идя на войну, слѣдуетъ быть умѣреннымъ въ пищѣ. Истину эту знали, разумѣется, и его отецъ и багадуры, но прошли условленные три дня дружеской бесѣды, а конца пиру не предвидѣлось. На лугахъ и въ горныхъ ущельяхъ бродили еще цѣлыя стада, собранныя на пропитаніе войска. Кромѣ того багадуры рѣшили устроить охоту, которая считалась въ Монголіи лучшею школою войны. Охота, при мастерски устроенной облавѣ, доставила также общественной кухнѣ серьезное подкрѣпленіе изъ сайгъ, лосей и дикихъ кабановъ.

Увы, однако, пиршество заключалось катастрофою, которую не предвидѣлъ и вѣщій шаманъ, принимавшій живое участіе въ праздникѣ. Ничто не предвѣщало, что нойонъ Ѣсучай—одинъ изъ величайшихъ гастрономовъ Монголіи—завершитъ свое земное поприще кускомъ недостаточно прожеваннаго лошадинаго бедра. А это именно и случилось и при томъ такъ внезапно и просто, точно каждому человѣку обязательно умирать отъ пресыщенія.

Нойонъ икнулъ.

Но онъ икнулъ и—замеръ, выпучивъ глаза, такъ знаменательно, что всѣ присутствовавшіе встрепенулись и кинулись къ нему на помощь. Въ ту пору познанія монгольскихъ врачей ограничивались искусствомъ закрывать раны и изгонять заклинаніями нечистаго духа. Въ такомъ же исключительномъ случаѣ, какой выпалъ на долю нойона, они могли только потеребить его желудокъ и затылокъ и—облегчить ему переходъ въ царство духовъ.

Нойонъ скончался.

Слезы и вопли Олонъ-Эхэ и собравшихся сыновей не остановили послѣднюю икоту, которою бывшій багадуръ попрощался съ Монголіей. Верховный шаманъ вступилъ тотчасъ же въ роль охранителя души покойнаго нойона. По его распоряженію юрта послѣдняго наполнилась плясунами и пѣсенниками. Начались пляска и завываніе. Не дремали и родственники; для умилостивленія злого духа они убили десятокъ барановъ съ черными головами и разбрызгали кровь ихъ во всѣ стороны свѣта. Не было недостатка и въ благовонномъ куреніи. Покойнаго обмыли водою, смѣшанною съ желчью старой змѣи....

При вѣсти о его внезапной смерти, посольство царя гиновъ изготовилось немедленно въ обратный путъ. Въ домѣ, гдѣ случилось такое несчастье, какъ смерть хозяина, неприлично продолжать гостить, хотя бы и лучшимъ друзьямъ. Не встрѣтивъ возраженія, оно спѣшно выступило въ горы, по направленію къ улусамъ таджутовъ, говоря, что эти также провинились передъ сыномъ Неба.

Въ Дэлюнъ-Болдокѣ наступили печальныя заботы о похоронахъ нойона. Еще близкіе его не успѣли облечься въ трауръ, еще Олонъ-Эхэ не успѣла наполнить свою пазуху дресвою и терновникомъ, какъ ламы и шаманы вступили въ борьбу за обладаніе его душою. Ламы утверждали, что ихъ похоронный обрядъ можетъ доставить человѣку совершенное спокойствіе въ загробной жизни. Они обѣщали даже выписать изъ Тибета похоронныхъ собакъ, или сжечь трупъ по правиламъ, освященнымъ высшимъ ученіемъ ламаитовъ. Изъ пепла костей, съ прибавкою муки, получались въ подобныхъ случаяхъ лепешки, которыя тибетскіе монастыри принимали за плату на вѣчное храненіе....

Олонъ-Эхэ, рѣшавшаяся умертвить себя, чтобы доставить загробныя радости покойному мужу, измѣнила свое намѣреніе только по совѣту верховнаго шамана, увѣрившаго, что Небо не осудитъ вдову, оставшуюся въ живыхъ ради попеченія о дѣтяхъ. За то она распорядилась устроить торжественныя похороны. Покойника натерли ароматическими травами и уложили вмѣстѣ съ нимъ въ ящикъ—сѣдло, желѣзную палицу, баранью лопатку и кушакъ, а также выдѣланныя изъ древесной коры изображенія верблюдовъ, лошадей, стрѣлъ и вещей домашняго обихода. До дня похоронъ, передъ покойнымъ перемѣняли ежедневно кушанья и напитки.

Въ день похоронъ багадуръ — пансіонеръ готовъ былъ взойти въ честь своего патрона на костеръ, но ему замѣтили всю безполезность его жертвы. Убожество препятствовало ему нести службу и въ загробномъ мірѣ. Ламаиты, правда, были иного мнѣнія и увѣряли, что человѣкъ перерождается съ послѣднимъ его дыханіемъ въ существо себѣ подобное или же въ цаплю, въ рыбу, въ осла и вообще въ одно изъ твореній природы. Но перспектива превратиться въ цаплю не ласкала багадура, поэтому онъ остался еще бременить Небо и Землю.

Первоначальное намѣреніе испепелить трупъ нойона было оставлено и замѣнено нѣсколько таинственными похоронами, отвѣчавшими и загадочности бытія и заманчивой привлекательности обряда. Шаманы залили останки нойона и весь его посмертный багажъ смолою и, не допуская ни родныхъ, ни постороннихъ, отнесли гробъ въ глухой боръ, гдѣ и повѣсили его на вѣтви стараго кедра. Только духи Алтая и летучія бѣлки могли потомъ указать, гдѣ успокоился навсегда отецъ Темучина.

Послѣ смерти монгола, оставившаго по себѣ хотя бы только одинъ войлокъ, слѣдовало подвергать очищенію все его имущество. Огонь былъ въ подобныхъ случаяхъ величайшею очистительною силою. Обрядъ же очищенія, принявшій отъ времени характеръ священнодѣйствія, состоялъ въ томъ, что зажигались обычно два костра, между которыми должны были пройти всѣ близкіе къ покойнику люди. Между кострами-же проводили его скотъ и лошадей и проносили все его имущество, не исключая ни сѣдла, ни бурхана, ни юрты. Во время очищенія шаманы произносили заклинанія, а волшебницы, признанныя въ этомъ званіи всѣмъ улусомъ, кропили имущество водою съ примѣсью желчи изъ трехъ существъ — плавающаго, летающаго и ползающаго.

Покойный нойонъ, не смотря на потерю съ годами значенія грознаго багадура, умѣлъ, благодаря своимъ аристократическимъ связямъ, сдерживать постоянно возникавшія въ его улусѣ распри. Смерть его порвала эту нравственную связь между отдѣльными кочевьями и они не прочь были разъединиться и примкнуть къ сосѣднимъ сильнымъ родственнымъ племенамъ. Къ тому же, въ самой семьѣ покойнаго возникли споры за главенство и сыновья Олонъ-Эхэ не хотѣли имѣть ничего общаго съ братьями, происходившими отъ матери черной кости. Рознь эта увеличивалась еще благодаря враждѣ между шаманами и ламами,

смущавшей въ ту пору всѣ монгольскіе улусы. Мать Темучина охотно объявила бы его преемникомъ нойона, но онъ былъ еще молодъ для управленія народомъ, склоннымъ къ уклоненію отъ всякой власти. Начались откочевки. Олонъ-Эхэ тяжело было смотрѣть, какъ исчезали цѣлыя тысячи юртъ и тянулись караванами— одни къ таджутамъ, другіе къ кераитамъ, а третьи въ безпредѣльную Гоби. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ она согласилась отдаться въ жены шаману Гёкдшѣ, всегда, даже во время пляски съ священнымъ бубномъ, кидавшимъ на нее страстные взгляды. По объявленіи этого брака, нашлись злые люди, распускавшіе слухи, что посѣщавшій Олонъ-Эхэ златокудрый юноша былъ никто иной какъ Гёкдша, которому не трудно было превращаться—силою тайныхъ познаній—и въ лучи солнца и въ желтую собаку.

Аристократическій бракъ съ верховнымъ шаманомъ усилилъ вліяніе Олонъ-Эхэ, но все таки ей приходилось не разъ вдѣвать ногу въ стремя, схватывать копье и кидаться на противниковъ, отбивавшихъ отъ нея кочевье за кочевьемъ. Главными ея помощниками служили въ подобныхъ случаяхъ друзья Темучина—Субетай и Джамуха. Не разъ она прикрывала и сына щитомъ, не разъ и вражескія стрѣлы пронизывали ея высокій головной уборъ. Только благодаря этой энергіи Дэлюнъ-Болдокъ продолжалъ считать Темучина преемникомъ покойнаго багадура Ѣсучая.

Прошло нѣсколько лѣтъ въ безплодной борьбѣ съ таджутами, какъ въ одной изъ стычекъ съ ними, сражавшійся рядомъ съ матерью, Темучинъ—исчезъ! Его не нашли между убитыми и ранеными, не нашли ни въ рѣкѣ, ни въ камышахъ, такъ что явилась мысль не попалъ ли онъ въ засаду къ таджутамъ, которые охотно бы расплатились его головою съ царемъ гиновъ. Поднялась невообразимая тревога. Весь улусъ сѣлъ на коней. Наконецъ нашлись люди, которые видѣли, какъ таджуты дѣйствительно схватили Темучина, и, лишивъ его колодками и кляпами возможности сопротивляться, увлекли его въ свою сторону. Олонъ-Эхэ и Субетай не замедлили помчаться въ погоню съ вѣрными сотнями, но слѣды были такъ хорошо скрыты, что ни материнское сердце, ни крѣпкая дружба не достигнули успѣха.

V.

БѢДСТВІЯ ТЕМУЧИНА.

(1168—1170 гг.).

стиннымъ руководителемъ засады былъ родной дядя Темучина, считавшій себя наслѣдникомъ покойнаго нойона. Онъ давно уже—изъ честолюбиваго стремленія добиться положенія гурхана всей Монголіи—волновалъ ея отдѣльные улусы. Съ этою цѣлью онъ перешелъ въ желтую вѣру, поклонился Буддѣ и, признавъ всѣ его перерожденія, разсчитывалъ привлечь отступничествомъ отъ шаманства на свою сторону монголовъ - ламаитовъ. Но на пути его честолюбивыхъ стремленій выросъ неожиданно Темучинъ, отмѣченный и особенностями своего рожденія и умѣньемъ властвовать надъ сородичами личными качествами.

Дипломаты царя гиновъ тонко воспользовались претендентомъ на высокое званіе гурхана. Предложивъ выкрасть Темучина, они обѣщали ему серьезную поддержку застѣннаго царства и титулъ Ванъ-хана. Титулъ этотъ представлялъ столько соблазна, что дядя охотно обѣщалъ спрятать племянника въ потаенное мѣсто и потомъ, когда уляжется тревога, передать его за большую стѣну.

Первые дни плѣна были особенно тягостны Темучину. Опасаясь погони, выкравшіе его люди распоряжались имъ какъ предметомъ, лишеннымъ человѣческихъ ощущеній. Его перебрасывали съ лошади на лошадь подобно мѣшку съ топливомъ, которое старухи подбираютъ на мѣстахъ отдыха улуснаго стада. Подкармли-

вая его крутомъ, они не давали ему ни капли кумыса и не обращали ни малѣйшаго вниманія на отеки отъ тугой перевязки арканами рукъ и ногъ. Спустя нѣсколько сутокъ безпрерывнаго бѣгства, плѣнникъ очутился въ дальнихъ кочевьяхъ таджутовъ, гдѣ нашлись сострадательныя женщины, нѣсколько облегчившія терзанія полумертваго юноши. Онѣ освободили его отъ колодокъ и мучительнаго кляпа во рту. Скрытое для него помѣщеніе нашли на островѣ, окруженномъ болотами и зоркими стрѣлками. При попыткѣ къ побѣгу онъ рисковалъ потерять кожу на спинѣ, которую спеціалисты снимали также искусно, какъ онъ снялъ нѣкогда волчью муфту.

Нетрудно представить себѣ чувства, обуревавшія душу молодого, пылкаго монгола, выросшаго въ княжеской обстановкѣ. Передъ нимъ кипятили громадные котлы съ бараниной, а его заставляли голодать и переносить грубое обращеніе сторожей. Немудрено, если въ его болѣзненно настроенномъ воображеніи возникла горячечная мысль окунуть въ этотъ раскаленный котелъ и родного дядю и весь его улусъ.

Явившіеся изъ-за большой стѣны люди, прежде чѣмъ забить его вновь въ колодки, объявили, что онъ вдвойнѣ имъ дорогъ: какъ залогъ подданничества царю гиновъ и какъ преступникъ, оскорбившій его дзарлыкъ. Ему напомнили объ этомъ люди, въ рукахъ которыхъ были наготовѣ бамбуковыя палки, плети и право приводить къ послушанію. И вотъ, передъ нимъ открылась вновь дорога то безконечною степью, то мучительными, для связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка, горными тропинками. Его влекли въ страну, гдѣ пытки и казни считались совершенно естественными установленіями человѣческой общины.

Передъ стѣною царства гиновъ, измученный и обезсиленный Темучинъ не давалъ уже себѣ отчета, гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлаютъ. Въ первый разъ его поставили на ноги въ городѣ, передъ дверьми судилища, у котораго красовался щитъ царя гиновъ и разставленныя въ красивомъ порядкѣ орудія пытки. Въ этомъ домѣ правосудія онъ изведалъ впервые примѣненіе бамбуковой трости къ человѣческой пяткѣ, что было не столько наказаніемъ, сколько введеніемъ его въ новый строй жизни. Послѣ этого предостереженія, на него надѣли новыя, болѣе тяжелыя колодки и повлекли привязаннымъ къ лошади въ столицу Бэ-гинъ, гдѣ ему предстояло выслушать приговоръ высшаго судилища. По

дорогѣ, провожавшая его стража выкрикивала его преступленія и получала за этотъ трудъ милостинныя подачки.

Небо, предоставивъ Темучину испытать всю горечь человѣческой злобы, послало однако вслѣдъ ему геніевъ Алтая выслушивать его жалобы и обѣщанія. Заглянувъ въ его душевный тайникъ, они прочли тамъ клятву: залить все застѣнное царство сплошнымъ пожаромъ и съѣсть лучшія части тѣла судьи, лишившаго его такъ несправедливо употребленія ногъ. Монголы нерѣдко съѣдали своихъ враговъ не только при чрезмѣрномъ голодѣ, но и въ приливѣ ожесточенной вражды.....

Важные господа, говорившіе на непонятномъ языкѣ, допрашивали Темучина трое сутокъ, нисколько не заботясь о подкрѣпленіи его силъ. Молодой варваръ ничего не понималъ. Наконецъ ему объявили, что онъ, за оскорбленіе дзарлыка, приговоренъ къ смертной казни, съ приведеніемъ приговора въ исполненіе черезъ два года послѣ утвержденія его царемъ гиновъ.

Въ первый годъ данной отсрочки, Темучину предстояло служить въ роли помощника палача. Второй-же годъ онъ долженъ былъ провести въ роли собирателя труповъ на улицахъ. Высокимъ судьямъ казался достаточнымъ этотъ срокъ, чтобы устрашенная Монголія опомнилась и прислала къ царю гиновъ своихъ лучшихъ людей съ повинною и жертвоприношеніями. Приговоромъ этимъ сынъ гордаго нойона былъ обращенъ въ ничтожество, лишенное правъ человѣка. Въ обѣихъ роляхъ—помощника палача и надзирателя за трупами—онъ оставался, разумѣется, подъ неусыпнымъ надзоромъ бамбуковой трости.

Въ ту пору, когда онъ находился такимъ образомъ между жизнію и смертью, завистливый дядя продолжалъ волновать его улусъ. Олонъ-Эхэ, однако, при помощи шамановъ, Субетая и Джамухи, зорко поддерживала у своей юрты осиротѣлый значекъ нойона. Много разъ противники сбрасывали бунчукъ на землю, но ея копье отыскивало дерзкихъ и наказывало ихъ съ силою истиннаго багадура. Достояніе отца она сберегала сыну, надѣясь, что его рѣшительный характеръ и геніи дадутъ ему возможность ускользнуть изъ-подъ надзора царя гиновъ. Субетай всегда поддерживалъ ея надежду, между тѣмъ Джамуха, каждый разъ, когда обсуждалось предположеніе выкрасть Темучина изъ-за большой стѣны, выглядѣлъ плаксиво, неувѣренно, точно собирался поработать въ собственную пользу.

Сношенія Монголіи съ застѣннымъ царствомъ были тогда рѣдки, такъ какъ варваровъ, появлявшихся даже съ мирными торговыми цѣлями, встрѣчали за стѣною крайне подозрительно. Набѣги-же ихъ приравнивались по ихъ опустошительности къ свирѣпымъ тифонамъ. Съ другой стороны и попадавшіе въ руки гиновъ варвары хорошо знали, о чемъ говорятъ вывѣски надъ комнатами ямуней. Въ «комнатѣ для серебра»—хранились обычно шейныя колодки, а въ «комнатѣ для шелковыхъ тканей»—связки бамбуковыхъ палокъ.

Въ первый годъ своего пребыванія за стѣною, Темучинъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы орудія пытокъ находились всегда въ должномъ порядкѣ и бамбуковыя трости не были-бы слишкомъ сухи. Онъ служилъ ретиво, такъ что шефъ-палачъ награждалъ его нерѣдко отрепьемъ казненныхъ преступниковъ. Ему особенно нравились двѣ казни—это висѣлица съ подножками и яма съ негашеной известью.

Варваръ изъ Монголіи не могъ-бы дойти своимъ умомъ до культурнаго изобрѣтенія висѣлицы съ подножками. Подъ ноги повѣшенному подкладывали три ряда кирпичей, такъ что въ первый день повѣшенія онъ имѣлъ подъ собою твердую опору, а на второй, когда снимали одинъ рядъ, онъ едва дотягивался носками до подножки; на третій день удаляли послѣдній рядъ, и—остальное понятно...

Яма съ негашеною известью всегда служила въ царствѣ гиновъ хорошо испытаннымъ средствомъ наказанія. Менѣе серьезныхъ преступниковъ окунаютъ тамъ и теперь въ яму головою, чѣмъ прекращаютъ жизнь мгновенно, а болѣе важныхъ мокаютъ сначала ногами въ известь и уже спустя сутки—головою, чѣмъ и завершается судебный приговоръ. Впрочемъ этотъ видъ кары допускаетъ и варіанты. Такъ, наканунѣ двадцатаго вѣка корейцы присутствовали въ Сеулѣ при своеобразной казни принца Льень-Ци, предъявлявшаго претензію на королевскую корону. Въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ его обливали водою и посыпали известью и только спустя недѣлю, послѣ этого приготовленія къ смерти, его разорвали на двѣ части....

Первый годъ жизни въ застѣнномъ царствѣ миновалъ для Темучина досадливо скоро. Онъ не успѣлъ даже налюбоваться достаточно корчами людей, считавшихъ его низшимъ твореніемъ Неба, какъ подошелъ уже второй годъ очищенія его передъ

смертью. Ему не приходило въ голову, что пройдетъ этотъ годъ и его самого или окунутъ въ негашеную известь, или отправятъ на висѣлицу съ подножками. Разумѣется, мысль о побѣгѣ не давала ему покоя, тѣмъ болѣе, что Субетай только и мечталъ о томъ, чтобы посѣтить застѣнное царство.

Второй годъ приготовленія къ смерти Темучинъ долженъ былъ провести въ очисткѣ столичныхъ улицъ отъ труповъ людей, умершихъ голодною смертію. То былъ трудъ наиболѣе оскорбительный и не безопасный, такъ какъ трупы приходилось отрывать отъ городскихъ собакъ, считавшихъ ихъ своимъ достояніемъ. Кромѣ того, самое прикосновеніе къ нимъ грозило заразою и смертью. Темучинъ героически выдерживалъ этотъ позоръ, тогда какъ сами гины соглашались скорѣе класть головы на плаху, нежели хоронить трупы своей нищеты. Можно думать, что постоянное сближеніе со смертью закаляло постепенно въ молодомъ варварѣ ту желѣзную волю, которая повела его впослѣдствіи по ступенямъ вершителя судебъ.

Второй годъ уже близился къ концу, между тѣмъ за стѣною ничего не было слышно о готовившемся набѣгѣ монголовъ. Вмѣсто нихъ появились у стѣны внезапно, изъ дальняго сѣвера, татары—племя родственное монголамъ, но считавшее послѣднихъ и въ культурномъ отношеніи и по духу воинственности—ниже себя.

Татары бросались нерѣдко бурнымъ ураганомъ, то на Монголію, то на сѣверный Китай, гдѣ и охранительная стѣна не сдерживала ихъ нашествія на столицу. Вторгнувшись сюда они свирѣпствовали не слабѣе черной смерти, если-бы эта была даже въ заговорѣ съ злобными духами Алтая. Благодаря имъ богатая и красивая столица обращалась въ нѣсколько сутокъ въ развалины, а пока собирались силы гиновъ, они, обремененные добычею, мчались уже обратно съ быстротою вѣтра. Обычно они спасались отъ погони на Ляотонгскомъ полуостровѣ или, смотря по удобству, на островахъ р. Амура.

Послѣ каждаго такого набѣга, гины должны были чинить проломы въ стѣнѣ, что считалось дѣломъ первостепенной важности. Стѣна начиналась неподалеку отъ Желтаго моря и, обогнувъ столицу, шла по горному хребту на протяженіи десяти тысячъ ли, съ развѣтвленіями и зигзагами. Фундаментъ стѣны состоялъ изъ монолитовъ дикаго камня, поверхъ котораго сохра-

няются и теперь еще двѣ параллельныя стѣны, высотою до двадцати четырехъ футовъ. Пустота между стѣнами наполнялась булыжниками и землею. Черезъ каждыя сто сажень стояли караульныя башни. Гигантскій трудъ этого сооруженія выполненъ каторгою, очень развитою и теперь въ Поднебесной имперіи.

Для наблюденія за исправностью стѣны существовалъ цѣлый рядъ инспекторовъ съ шефомъ, считавшимся командующимъ сѣверными войсками гиновъ. Онъ пользовался неограниченною властью. На работы у стѣны онъ могъ потребовать хотя бы все населеніе государства. Даже столица не освобождалась отъ этой натуральной повинности. Отказъ отъ работы считался мятежемъ.

Тяжелый трудъ рабочихъ—мѣстами на крутой высотѣ, а мѣстами по покатостямъ бездны,—вознаграждался горстью риса и пучкомъ луку. Работы велись спѣшно, такъ что, для устраненія лѣнтяевъ, при шефѣ инспекторовъ состоялъ палачъ съ аттрибутами наказаній и смертной казни.

Послѣ каждаго неотраженнаго набѣга всѣ инспектора стѣны лишались своего званія и ссылались въ заточеніе на острова Желтой рѣки. Первою обязанностью новаго шефа было осмотрѣть и зачинить прорѣхи. Такъ поступилъ и Уд-зи-чанъ. Ему, какъ первому сановнику царства, сопутствовали сотни слугъ съ крайне разнообразными обязанностями. Старшіе изъ нихъ состояли при громадномъ зонтикѣ, а младшіе—при ширмахъ необходимыхъ на случай уединенія. Паланкинъ его съ балдахиномъ, передъ которымъ обыкновенные люди обязаны были распростираться на землѣ, былъ видѣнъ на дальнемъ разстояніи. Палачъ занималъ въ свитѣ не послѣднее мѣсто.

Осмотръ стѣны совершался съ необыкновеннымъ торжествомъ. Процессія шла у ея подошвы шагъ за шагомъ и намѣчала необходимыя работы. При этомъ случалось, что татары или монголы появлялись неожиданно, впереди или позади инспекторовъ, и, совершивши грабежъ, убѣгали безнаказанно въ заранѣе условленныя убѣжища.

На этотъ разъ шпіоны донесли Уд-зи-чану, что на берегахъ р. Ононъ собралось скопище монголовъ съ намѣреніемъ напасть на него лично и при удачѣ взять его въ плѣнъ. Уд-зи-чанъ много лѣтъ обиралъ цѣлыя провинціи и поэтому могъ представить богатый за себя выкупъ. Шпіоны донесли ему даже и о размѣрѣ пред-

положеннаго выкупа; монголы намѣревались потребовать возвращенія Темучина, съ придачею къ нему мастеровъ, которые умѣли содержать въ чугунныхъ горшкахъ вѣчный и губительный огонь. При особенно-же счастливомъ успѣхѣ, они располагали увеличить контрибуцію тысячью лошадей, навьюченныхъ мѣшками риса и сотнею женщинъ съ длинными косами.

Донесенія шпіоновъ очень обрадовали Уд-зи-чана, который могъ вовремя изготовиться къ встрѣчѣ варваровъ и пріобрѣсти на первыхъ-же порахъ своего новаго высокаго положенія лавры побѣдителя. Не торопясь, какъ и слѣдовало знатному сановнику, онъ подошелъ съ эскортомъ къ главнымъ проваламъ стѣны и здѣсь разбилъ свой величественный шатеръ; каторга-же продолжала свое дѣло какъ будто и не предвидѣлось никакого тревожнаго событія. Взамѣнъ обветшалыхъ башень заложили новыя, проектированныя самимъ шефомъ и признанныя въ столицѣ за послѣднее слово геніальнаго ума. То были бойницы съ отверстіями для метанія снарядовъ. Снаряды-же состояли изъ большихъ стрѣлъ съ огненными хвостами, производившими адски невыносимый шумъ. Въ толпу всадниковъ они должны были вносить необычное замѣшательство. Другая серія снарядовъ состояла изъ чугунныхъ горшковъ, которые разбивались отъ удара, хотя-бы объ землю, и производили въ средѣ конницы губительную панику.

Планъ Уд-зи-чана заключался въ томъ, чтобы позволить варварамъ дойти до самыхъ проломовъ и здѣсь двинуть на нихъ изъ засады хорошо вооруженныхъ воиновъ. Въ то-же время изъ башень и съ вершины стѣны искусные метальщики должны были ослѣпить и оглушить враговъ огнемъ и громомъ. Произведенная репетиція предстоявшаго сраженія увѣнчалась поразительнымъ эфектомъ.

Для облегченія войскъ, всѣ тяжелые запасы ихъ были оставлены на дневной переходъ отъ главныхъ силъ, у той части стѣны, гдѣ непріятель не могъ перебраться, хотя-бы онъ мчался на крылатыхъ коняхъ. Здѣсь помѣстили и шатры самого Уд-зи-чана. Подъ покровомъ ихъ шелковыхъ тканей, любопытный взоръ могъ-бы подмѣтить немало живыхъ жемчужинъ, красота которыхъ вѣроятно ошеломила-бы и монголовъ, хотя они считали маленькія ручки и тонкую кожу не болѣе какъ извращеніемъ природы.

Остававшійся въ столицѣ Темучинъ, пользуясь тѣмъ, что его стража занялась однажды сборомъ подаяній, смѣшался съ толпою

сброда и вышелъ съ нею на постройку стѣны. Въ толпѣ онъ благоразумно скрылъ свое происхожденіе и назвался таджугомъ, ищущимъ пропитанія у сострадательныхъ душъ. Работая у стѣны, онъ не столько тесалъ камни и мѣшалъ глиняный растворъ, сколько любовался блестящими эволюціями войскъ царя гиновъ. Никто не могъ и подозрѣвать въ этомъ ротозѣѣ внимательнаго наблюдателя за всѣми пріемами регулярнаго войска. Онъ помнилъ набѣги отца на сосѣдей и сосѣдей на родной улусъ: теперь ему представлялся случай войти въ сравненіе различныхъ боевыхъ средствъ и военной тактики. Военное искусство монголовъ—простыхъ какъ ураганъ въ полѣ—не шло ни въ какое сравненіе съ сложными военными хитростями гиновъ. Всѣ расчеты на успѣхъ и побѣду монголы возлагали на личную храбрость, неутомимость коня, внезапность набѣга, остроту стрѣлъ, ловкость захватывать врага веровочными сѣтями и на мѣткость удара ножомъ или пикою. Вся тактика ихъ заключалась въ томъ, чтобы бросаться на врага лавою и при удачѣ—убивать и грабить, а при неустойкѣ—бѣжать въ разсыпную. Но эти пріемы были достаточны въ войнахъ и битвахъ съ пастухами-соплеменниками и никуда не годились при столкновеніяхъ съ военною культурою застѣннаго народа. Если джелаиры, мергиты, баргуты или найманы бѣжали передъ подобною лавою, то ей пришлось бы въ свою очередь бѣжать передъ фронтамъ, каре и колоннами гиновъ.

Все, что знала Европа въ дѣлѣ форменнаго истребленія людей, то знали уже и военные умы царства гиновъ. Они вводили въ бой классическія колесницы, покрытыя буйволовыми кожами, подъ прикрытіемъ которыхъ стрѣлки выпускали тучи стрѣлъ хотя-бы въ средѣ самого непріятеля. Войска ихъ шли мѣрнымъ шагомъ съ музыкой и строгимъ повиновеніемъ начальникамъ. При послѣднихъ состояли знаменщики, литаврщики и звонари, передававшіе приказанія колокольными сигналами. Сообразно съ ходомъ сраженія, войска строились въ каре, развертывались фронтомъ и перестраивались въ колонны. Они несли съ собою инструменты, чтобы окапываться, строить палисады, ставить щиты или дѣлать подкопы. При нихъ были машины для всхода на стѣны и приспособленія для переправы черезъ рѣки.

Не разъ уже инспекторская плеть прошлась по спинѣ Темучина, но онъ продолжалъ удѣлять больше вниманія военной картинѣ нежели занятію каменотеса. Передъ его жадными взорами

произошелъ парадный смотръ войскамъ, собраннымъ на защиту государственной границы. Блескъ, стройность и внушительность парада глубоко поразили внутренній видъ юноши, мечтавшаго, по складу своей природы, о великихъ кровавыхъ битвахъ.—«О! еслибы намъ, монголамъ, придать эти средства и эти знанія—весь міръ распростерся-бы въ прахъ подъ копытами нашихъ коней!», думалось Темучину, забывавшему въ такія минуты и свое двусмысленное положеніе и плети надсмотрщика. Но надсмотрщикъ зорко слѣдилъ за рабочими.—«Повидимому тебѣ и плеть не страшна!» замѣтилъ онъ наконецъ, убѣдившись, что даже его усердные удары не всегда возвращали молодого варвара къ дѣйствительности.—«Такъ знай, что при нападеніи монголовъ мы бросимъ тебя въ числѣ лѣнивыхъ работниковъ въ проломъ и пусть тамъ поработаютъ надъ тобою наши стрѣлы и монгольскіе кони!»—«Такъ вотъ почему они привели сюда столько войска!», соображалъ Темучинъ, принявшійся на этотъ разъ старательно оправлять молотомъ каменную глыбу.—«Монголы идутъ!... и Субетай впереди всѣхъ! Но, Небо, куда ты ведешь ихъ? Здѣсь они встрѣтятъ поголовную смерть. Громъ испугаетъ ихъ коней, а изъ засадъ, которыхъ они не подозрѣваютъ, прольется на нихъ губительный огонь. Горе монголамъ, горе и мнѣ.... и гдѣ-же вы, наши хранители, гдѣ вы геніи Алтая?»

Это печальное размышленіе было внезапно прервано объявленіемъ глашатая, обращеннымъ къ рабочему муравейнику:—«Вызывается Темучинъ, сынъ монгольскаго нойона Ѣсучая, чтобы пасть передъ взорами великаго Уд-зи-чана! Пусть варваръ знаетъ, что срокъ явки его окончится съ сегодняшнимъ закатомъ солнца. При ослушаніи онъ будетъ отданъ на растерзаніе звѣрямъ и птицамъ. Передайте мои слова всѣмъ, кто способенъ ихъ слышать».—Выслушавъ глашатая, Темучинъ не выдалъ себя, но задался вопросомъ: для чего онъ понадобился намѣстнику царя гиновъ?—«Разумѣется, разсуждалъ онъ, не для того, чтобы меня, монгола, приговореннаго къ смерти, сдѣлать своимъ приближеннымъ. Не подозрѣваютъ ли меня въ сношеніяхъ съ родиною, или съ людьми Субетая?»

Темучинъ былъ близокъ къ истинѣ. Узнавъ, что монголы рѣшили произвести набѣгъ на в. стѣну съ намѣреніемъ освободить сородича изъ плѣна, власти царя гиновъ распорядились отыскать его и казнить ранѣе назначеннаго срока. Поиски въ столицѣ ни

къ чему не привели. Ясно, что онъ былъ выгнанъ въ толп сброда на поправку стѣны. Тогда поиски направились въ эт сторону, но глашатаи напрасно надрывались, вызывая добровол ную явку Темучина къ подножію Уд-зи-чана. Работая въ гористо мѣстности, онъ давно уже намѣтилъ укромное мѣстечко, способно пріютить человѣка, хотя-бы до первой темной ночи....

Путь къ в. стѣнѣ былъ хорошо извѣстенъ монголамъ. Н этомъ пути много вѣковъ шла неутомимая борьба между кочевым народами и племенами, осѣвшими на берегахъ Желтой р. Поро кочевники одерживали верхъ и тогда пресыщались богатствам осѣдлой страны, а порою они терпѣли пораженія и настолы истребительныя, что многія названія монгольскихъ племенъ исчезл для исторіи....

Назначенный Темучину срокъ миновалъ, но солнце закат лось, не увидѣвши его ни у подножія Уд-зи-чана, ни на плах правосудія. Онъ безслѣдно исчезъ, нисколько не сожалѣя о том что его надзирателямъ предстояла также висѣлица съ подставко или яма съ негашеною известью.

VI.

НАБѢГЪ МОНГОЛОВЪ НА ЦАРСТВО ГИНОВЪ.

(1170 г.).

Часовые, охранявшіе сѣверную границу царства гиновъ, умѣли комфортабельно дремать, оперпшись на длинныя пики, или на парапеты охранной стѣны. Нерѣдкія пробужденія подъ свистомъ надзирательскихъ кнутовъ не отучали ихъ отъ этой привычки, которая оправдывалась тѣмъ, что варвары совершали свои набѣги только черезъ длинные промежутки времени. Кромѣ того, войска гиновъ содержались на доходы мѣстныхъ провинцій, а у большой стѣны мудрено было добыть даже горсточку рису. Поэтому мышцы у людей очень ослабѣли, а духъ, напротивъ, возвысился до того, что и удары кнута не возбуждали въ нихъ серьезнаго вниманія.....

Пользуясь этою безпечностью государственныхъ сторожей и непроглядною почью, Темучинъ пробрался легко по ту сторону стѣны и залегъ въ трущобѣ, чтобы съ первыми проблесками свѣта пуститься въ бѣгство. Изъ логовища онъ выбрался на просторъ только къ утру и въ крайне истерзанномъ состояніи; одежда его состояла изъ отрепьевъ, снятыхъ имъ еще въ столицѣ съ подобранныхъ труповъ. Вообще изъ царства гиновъ онъ уносилъ немногое— молотокъ, которымъ обтесывалъ камни и пучекъ луку, который

считался въ ту пору хорошею приправою хотя-бы и къ выброшенной на дорогу рисовой шелухѣ. Едва-ли впрочемъ онъ придавалъ значеніе недочетамъ въ пищѣ, такъ какъ его внутренній міръ былъ поглощенъ злобою и жаждою мщенія.

Въ обычное время, за стѣною, паслись табуны царскихъ коней, но теперь, когда варвары готовились къ нападенію, надзиратели перевели ихъ въ безопасныя мѣста. Темучинъ обманулся поэтому въ расчетѣ воспользоваться конемъ царя гиновъ и принужденъ былъ бѣжать далѣе, безъ оглядки, не заботясь о недостаткѣ обуви. Надежда на свободу и боязнь мучительной казни, въ случаѣ поимки, притупляли терзанія его по кремнистой бездорожицѣ и въ чащахъ безжалостныхъ колючихъ зарослей. Идя на сѣверозападъ съ короткими отдыхами, онъ питался преимущественно кореньями степныхъ ползучихъ растеній, пока не удалось ему убить мѣтко пущеннымъ молоткомъ звѣрька изъ породы землероекъ. Разумѣется онъ не затруднился разорвать его на части и утолить имъ неумолимое требованіе роптавшаго желудка....

Не разъ онъ припадалъ къ землѣ въ надеждѣ услышать топотъ конной толпы. Но увы! степь безмолвствовала!—«Неужели Субетай обманулъ?», думалось Темучину, когда онъ умѣрялъ свой бѣгъ, или ложился на ночлегъ у встрѣчнаго камня.—«Нѣтъ Субетай не можетъ обмануть, онъ мой аньда!»—Аньдой или друзьями на жизнь и смерть они сдѣлались еще дѣтьми, когда обмѣнялись стрѣлами своей работы, окрашенными собственною ихъ кровью!

И Субетай не обманулъ.

Приложивъ въ сотый разъ ухо къ землѣ, Темучинъ услышалъ, по направленію съ сѣверо-запада, гулъ безпорядочно скакавшихъ конниковъ. Гулъ становился съ каждою минутою явственнѣе и внушительнѣе и наконецъ въ дали ясно обрисовались пики украшенныя буйволовыми хвостами.

Оборванный, истерзанный, окровавленный скиталецъ взобрался на камень и выждалъ передовыхъ всадниковъ. Послѣдніе, пораженные явленіемъ въ безграничной и обездоленной степи человѣка, по виду безумнаго, остановились какъ вкопанные. Природное суевѣріе навело ихъ тотчасъ-же на вопросы:—«Не зловѣщій-ли это посланникъ Неба? Не преграждаетъ-ли онъ дорогу къ большой стѣнѣ?»—«Монголы-ли вы?», спросилъ ихъ юродивый, который, впрочемъ уже въ силу своего безумія, имѣлъ право на

участливое къ нему отношеніе.—«Да, мы монголы!», отвѣчали конники,—«Но кто ты? При тебѣ ли твой разумъ? Въ такой глуши и ты голъ?»—«Я такой-же монголъ, какъ и вы, и бѣжалъ изъ-за большой стѣны, чтобы встрѣтить васъ, какъ родныхъ братьевъ. Кто васъ ведетъ, Субетай?»—«Да, Субетай, ты его знаешь?»—«Гдѣ онъ? гдѣ мой аньда? Скажите ему, что Темучинъ, сынъ Ѣсучая, идетъ къ нему навстрѣчу».

Всадники, такъ недавно сомнѣвавшіеся, не оставилъ-ли разумъ этого человѣка, были озадачены именемъ Темучина. Вглядѣвшись-же въ него пристально, они быстро повернули коней и помчались къ главнымъ, шедшимъ за ними силамъ.—«Темучинъ, Темучинъ!» несли они съ собою радостную вѣсть. — «Темучинъ бѣжалъ отъ царя гиновъ, вотъ онъ, смотрите!».

Субетай первый подскакалъ къ камню, на которомъ продолжалъ стоять несчастный нищій, а можетъ быть и безумный, назвавшійся Темучиномъ. Одного взгляда однако были достаточно, чтобы признать въ немъ сына Ѣсучая. Разумѣется его отрепья и истерзанныя ноги не умалили глубокаго уваженія преданныхъ ему людей. Друзья его, слѣдуя сердечному движенію, а частью и своей степной политикѣ, оказали ему своего рода подданническія чувства: они дотронулись руками до земли у его ногъ и потерли себѣ глаза.—«Темучинъ, сердце наше, свѣтъ нашихъ очей!», раздавалось въ толпѣ монголовъ, сплотившихся вокругъ него плотнымъ кольцомъ.—«Твои враги—наши враги и мы клянемся истребить ихъ до послѣдняго зародыша!»—«Взгляните на меня и поймите, какъ жестоко обращаются гины съ монголами! Вы видите меня нагимъ, избитымъ и голоднымъ. Вы видите меня приговореннымъ къ смерти и только за то, что я монголъ и слѣдовательно въ ихъ глазахъ презрѣнный варваръ. Оставимъ-ли мы ихъ безъ отомщенія?»—«О, Темучинъ, наши кони сыты и наши колчаны полны стрѣлами. Проведи насъ въ столицу гиновъ и ты увидишь!...»—«У васъ есть вождь—Субетай!»—«Нѣтъ, Темучинъ, ты нашъ вождь. Вотъ тебѣ конь, лукъ, кистень и знаки твоей власти—знамя и литавры», возразилъ Субетай.—«Куда ты наклонишь его—туда кинется потокъ монголовъ! Идя спасать тебя, мы не забыли взять съ собою шапку твоего отца и его оружіе. Отнынѣ мы твои слуги».

Приливъ счастья быстро преображаетъ человѣка. Такое же счастье, какъ неожиданное превращеніе приговореннаго къ

смерти—въ вождя грозной силы, дается только избранникамъ, предназначеннымъ судьбою для мировыхъ событій. Недавній послѣдній человѣкъ—былъ теперь первымъ. Подъ нимъ игралъ тщательно сбереженный любимый конь. Ему поднесли отцовскую шапку, какъ знакъ прирожденнаго нойона и костюмъ, на который монгольскія дѣвушки не пожалѣли трудовъ и искусства.

Подкрѣпившись отдыхомъ и пищею, Темучинъ взыгралъ всѣмъ своимъ существомъ и все таки онъ не вышелъ изъ подъ вліянія строгаго разсудка. Чувство мщенія манило его броситься сейчасъ-же, не думая о послѣдствіяхъ, обратно къ большой стѣнѣ, но геній войны не далъ ему увлечься и возстановилъ въ немъ душевное равновѣсіе.

Не принимая на себя отвѣтственности за успѣхъ создавшагося въ умѣ его предпріятія, онъ призвалъ на совѣтъ Субетая и багадуровъ, одаренныхъ искусствомъ вести партизанскіе набѣги. — «Я буду говорить только то, что я хорошо знаю и что я видѣлъ своими глазами» заявилъ онъ своему военному совѣту. — «Лазутчики давно уже извѣстили царскаго намѣстника о вашихъ сборахъ къ нападенію и онъ готовъ встрѣтить васъ съ огнемъ въ одной рукѣ и съ громомъ въ другой. Онъ ждетъ васъ въ западнѣ, подобно пауку, скрывшемуся за паутину. Если вы довѣритесь спокойствію, царящему у большого пролома—вы погибли! Въ васъ вопьются изъ за стѣны тысячи стрѣлъ, а изъ башень прольется на ваши головы губительный огонь. Одинъ громъ его приведетъ нашихъ коней въ ужасъ, а на людей наведетъ полную растерянность».—«Хотя военная мудрость гиновъ безмѣрно велика, но все таки монголы никогда не возвращались домой безъ добычи!», попытался замѣтить Субетай.— «Насъ осмѣютъ въ улусѣ, если мы возвратимся съ пустыми руками!»—«Будьте спокойны, я знаю, что одна отцовская шапка, хотя бы она была опушена лучшими бобрами, не сдѣлаетъ меня хаканомъ. Наши руки не должны быть пусты, когда мы будемъ возвращаться домой, но для успѣха я требую полнаго вашего повиновенія».

Никто и не возражалъ. Всѣ монголы чувствовали инстинктивно, что ихъ молодой алтайскій орелъ пробуетъ клювъ и распускаетъ крылья. По одному его знаку, вся нестройная толпа ихъ повернула коней и направилась въ обратный путь къ отрогамъ Хинганскаго хребта. Не далѣе однако третьяго перехода, когда за

большой стѣной разнесся уже слухъ, что монголы оставили намѣреніе напасть на войска царя гиновъ, Темучинъ остановилъ отрядъ и объявилъ новый планъ нападенія.—«Возлѣ большого пролома вы встрѣтили бы только одну военную силу, такъ что и самая побѣда не доставила бы ничего кромѣ славы!», объявилъ онъ своимъ багадурамъ.—«Теперь-же мы нападемъ на ту часть стѣны, гдѣ скрыты Уд-зи-чаномъ казна и обозы. Поняли?»

Отвѣтомъ ему служили громкія и дружныя восклицанія, передававшія отрадное настроеніе людей, знающихъ цѣну военной добычи. Повернувъ обратно, монголы подчинились, быть можетъ въ первый разъ со времени существованія Монголіи, требованіямъ военной стратегіи. Темучинъ выдвинулъ авангардъ и два крыла и распорядился обернуть копыта лошадей въ мягкую рухлядь. Вечерѣло, когда люди его отряда подползли къ стѣнѣ въ строгой тишинѣ, такъ что застѣнные сторожа были застигнуты по обыкновенію врасплохъ. Они встрепенулись, когда уже передъ стѣною показались шапки варваровъ и острія ихъ пикъ.—«Монголы!», раздалось тревожное вдоль всей стѣны восклицаніе.—«Не пускайте ихъ сюда, не пускайте!» — Гребень стѣны очистился въ это время самъ собою, какъ будто на немъ никогда не было часовыхъ, а въ обозѣ поднялась безпорядочная тревога. Всѣ войска гиновъ были стянуты къ большому пролому, а здѣсь, гдѣ вовсе не ожидали враговъ, оставалась только одна охрана обоза и гаремовъ.

Увы, многимъ изъ охраны пришлось пробудиться съ смертельными ранами, нанесенными нежданно нападавшимъ врагомъ. Монголамъ очень помогли «каманды», при помощи которыхъ они свободно взобрались на высокія стѣны. Первая сотня стрѣлковъ, овладѣвшихъ гребнемъ стѣны, покрыла всю площадь обоза тучею стрѣлъ. Вскорѣ нашелся и складъ лѣстницъ. Благодаря имъ монголы опрокинулись на голову ошеломленной охраны и, не давая ей опомниться, проникли въ арсеналъ, въ гаремы и въ походныя кассы. Впрочемъ, по плану Темучина, часть всадниковъ осталась сторожить коней, принимать добычу и служить резервомъ противъ внезапнаго усиленія гиновъ.

Темучинъ остался на гребнѣ стѣны.

Здѣсь возвышался его хвостатый значекъ, который, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону, направлялъ усилія аттаки. Нужно было ожидать, что гонцы гиновъ помчатся съ быстротою вѣтра

смерти—въ вождя грозной силы, дается только избранникамъ, предназначеннымъ судьбою для мировыхъ событій. Недавній послѣдній человѣкъ—былъ теперь первымъ. Подъ нимъ игралъ тщательно сбереженный любимый конь. Ему поднесли отцовскую шапку, какъ знакъ прирожденнаго нойона и костюмъ, на который монгольскія дѣвушки не пожалѣли трудовъ и искусства.

Подкрѣпившись отдыхомъ и пищею, Темучинъ взыгралъ всѣмъ своимъ существомъ и все таки онъ не вышелъ изъ подъ вліянія строгаго разсудка. Чувство мщенія манило его броситься сейчасъ-же, не думая о послѣдствіяхъ, обратно къ большой стѣнѣ, но геній войны не далъ ему увлечься и возстановилъ въ немъ душевное равновѣсіе.

Не принимая на себя отвѣтственности за успѣхъ создавшагося въ умѣ его предпріятія, онъ призвалъ на совѣтъ Субетая и багадуровъ, одаренныхъ искусствомъ вести партизанскіе набѣги. — «Я буду говорить только то, что я хорошо знаю и что я видѣлъ своими глазами» заявилъ онъ своему военному совѣту. — «Лазутчики давно уже извѣстили царскаго намѣстника о вашихъ сборахъ къ нападенію и онъ готовъ встрѣтить васъ съ огнемъ въ одной рукѣ и съ громомъ въ другой. Онъ ждетъ васъ въ западнѣ, подобно пауку, скрывшемуся за паутину. Если вы довѣритесь спокойствію, царящему у большого пролома—вы погибли! Въ васъ вопьются изъ за стѣны тысячи стрѣлъ, а изъ башень прольется на ваши головы губительный огонь. Одинъ громъ его приведетъ нашихъ коней въ ужасъ, а на людей наведетъ полную растерянность».—«Хотя военная мудрость гиновъ безмѣрно велика, но все таки монголы никогда не возвращались домой безъ добычи!», попытался замѣтить Субетай.— «Насъ осмѣютъ въ улусѣ, если мы возвратимся съ пустыми руками!»—«Будьте спокойны, я знаю, что одна отцовская шапка, хотя бы она была опушена лучшими бобрами, не сдѣлаетъ меня хаканомъ. Наши руки не должны быть пусты, когда мы будемъ возвращаться домой, но для успѣха я требую полнаго вашего повиновенія».

Никто и не возражалъ. Всѣ монголы чувствовали инстинктивно, что ихъ молодой алтайскій орелъ пробуетъ клювъ и распускаетъ крылья. По одному его знаку, вся нестройная толпа ихъ повернула коней и направилась въ обратный путь къ отрогамъ Хинганскаго хребта. Не далѣе однако третьяго перехода, когда за

большой стѣной разнесся уже слухъ, что монголы оставили намѣреніе напасть на войска царя гиновъ, Темучинъ остановилъ отрядъ и объявилъ новый планъ нападенія.—«Возлѣ большого пролома вы встрѣтили бы только одну военную силу, такъ что и самая побѣда не доставила бы ничего кромѣ славы!», объявилъ онъ своимъ багадурамъ.—«Теперь-же мы нападемъ на ту часть стѣны, гдѣ скрыты Уд-зи-чаномъ казна и обозы. Поняли?»

Отвѣтомъ ему служили громкія и дружныя восклицанія, передававшія отрадное настроеніе людей, знающихъ цѣну военной добычи. Повернувъ обратно, монголы подчинились, быть можетъ въ первый разъ со времени существованія Монголіи, требованіямъ военной стратегіи. Темучинъ выдвинулъ авангардъ и два крыла и распорядился обернуть копыта лошадей въ мягкую рухлядь. Вечерѣло, когда люди его отряда подползли къ стѣнѣ въ строгой тишинѣ, такъ что застѣнные сторожа были застигнуты по обыкновенію врасплохъ. Они встрепенулись, когда уже передъ стѣною показались шапки варваровъ и острія ихъ пикъ.—«Монголы!», раздалось тревожное вдоль всей стѣны восклицаніе.—«Не пускайте ихъ сюда, не пускайте!» — Гребень стѣны очистился въ это время самъ собою, какъ будто на немъ никогда не было часовыхъ, а въ обозѣ поднялась безпорядочная тревога. Всѣ войска гиновъ были стянуты къ большому пролому, а здѣсь, гдѣ вовсе не ожидали враговъ, оставалась только одна охрана обоза и гаремовъ.

Увы, многимъ изъ охраны пришлось пробудиться съ смертельными ранами, нанесенными нежданно нападавшимъ врагомъ. Монголамъ очень помогли «каманды», при помощи которыхъ они свободно взобрались на высокія стѣны. Первая сотня стрѣлковъ, овладѣвшихъ гребнемъ стѣны, покрыла всю площадь обоза тучею стрѣлъ. Вскорѣ нашелся и складъ лѣстницъ. Благодаря имъ монголы опрокинулись на голову ошеломленной охраны и, не давая ей опомниться, проникли въ арсеналъ, въ гаремы и въ походныя кассы. Впрочемъ, по плану Темучина, часть всадниковъ осталась сторожить коней, принимать добычу и служить резервомъ противъ внезапнаго усиленія гиновъ.

Темучинъ остался на гребнѣ стѣны.

Здѣсь возвышался его хвостатый значекъ, который, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону, направлялъ усилія аттаки. Нужно было ожидать, что гонцы гиновъ помчатся съ быстротою вѣтра

за помощью къ большому пролому и что черезъ нѣсколько часовъ она подоспѣетъ въ значительной силѣ. Поэтому полный разгромъ нужно было совершить до появленія помощи и даже отойти на нѣкоторое разстояніе отъ стѣны. Бросивъ въ дѣло свѣжій резервъ, Темучинъ имѣлъ удовольствіе замѣтить, какъ дрогнувшая подъ мечами и палицами его багадуровъ охрана разсѣялась и оставила въ рукахъ побѣдителей обозъ, гаремы и своихъ начальниковъ!

При всей заманчивости обогащенія обозомъ Уд-зи-чана, Темучинъ во время остановилъ разгорѣвшійся аппетитъ багадуровъ, такъ что ранѣе, чѣмъ подоспѣла помощь со стороны большаго пролома, монголы держали уже путь къ родному улусу. Хребты ихъ коней гнулись подъ избыткомъ добычи, поэтому многія цѣнныя вещи пришлось бросить, чтобы только не затруднить быстрое возвращеніе въ Дэлюнъ-Болдокъ. По прибытіи къ мѣсту побоища, Уд-зи-чанъ нашелъ только слѣды безпощаднаго погрома. Его великолѣпный гаремъ сдѣлался добычею варваровъ, а отъ его казначейства, наполненнаго шелкомъ, нашлись одни растерянные и залитые кровью обрывки художественныхъ издѣлій. Мѣсто побоища алѣло кровью. Убитый горемъ и опозоренный, онъ и не подумалъ выступить въ погоню за большую стѣну. Ему предстояло или умертвить себя съ величіемъ философа или же протянуть остатокъ жизни на необитаемомъ островѣ Желтой р. въ размышленіи надъ вопросомъ: почему отъ него отказался «бѣлый отецъ», занимавшій такое почетное мѣсто въ его кумирнѣ?

Оставивъ Уд-зи-чана предаваться размышленію о суетности мірского величія, Темучинъ повелъ своихъ ликующихъ багадуровъ быстрымъ аллюромъ въ родной Дэлюнъ-Болдокъ, куда впрочемъ вѣсти о его спасеніи и побѣдѣ надъ гинами достигли ранѣе нежели поспѣли его кони. Всѣ юрты, оставшіеся вѣрными сыну Ѣсучая, вышли навстрѣчу возвращавшимся побѣдителямъ. Впереди же всѣхъ выступала счастливая Олонъ-Эхэ со значкомъ покойнаго мужа, который она и вручила своему достойному сыну. Ей сопутствовалъ великій шаманъ, въ роли ея мужа, успѣвшій украситься титуломъ «Тѣб-тэнгри» или «восходящаго на небо», но Темучинъ не былъ, повидимому, расположенъ удвоить свое расположеніе къ нему. Затѣянные имъ благодарственные передъ Небомъ танцы онъ остановилъ довольно властно, замѣтивъ, что для нихъ найдется время послѣ раздѣла добычи и отдыха. Въ числѣ людей, явившихся съ привѣтствіями, Темучинъ не видѣлъ второго аньду—

Джамуху и, увы, узналъ, что этотъ перешелъ на сторону его враговъ и даже собирается повести противъ него своихъ приверженцевъ.

Устранивъ торжество шамановъ, Темучинъ занялся раздачею добытыхъ у большой стѣны трофеевъ. По обычаю предковъ, счастливому предводителю нападенія принадлежали всѣ плѣнницы и все добытое оружіе, а остальной багажъ принадлежалъ добытчикамъ. Темучинъ измѣнилъ этотъ обычай: изъ отбитаго оружія онъ распорядился пополнить улусный арсеналъ, а на остальной багажъ и не взглянулъ, считая его достояніемъ багадуровъ. Оставался открытымъ вопросъ о плѣнницахъ. Олонъ-Эхэ считала ихъ заранѣе своими рабынями. Великій шаманъ тоже не прочь былъ выбрать нѣсколько особъ въ свое распоряженіе ради пріученія ихъ къ миссіи подручныхъ волшебницъ.

Всѣ добытыя за большою стѣною плѣнницы были сгруппированы и представлены ихъ новому господину. По первому брошенному на нихъ взгляду легко было понять, что почтенный Уд-зи-чанъ предпочиталъ неуклюжимъ соплеменницамъ роскошныхъ дѣвъ, купленныхъ или вымѣненныхъ въ странахъ жаркаго юга. То были нѣжныя, выхоленныя созданія, только что успѣвшія войти въ пору полнаго разцвѣта. Инспекторъ большой стѣны предвидѣлъ, что ему скучно будетъ задѣлывать прорѣхи государственной границы и поэтому, для услажденія своего слуха и зрѣнія, онъ содержалъ, въ видѣ походнаго штаба — и артистокъ обольстительныхъ танцевъ и томныхъ поэтессъ съ усладительными лютнями. Послѣ утонченной жизни въ гаремѣ сановника, всѣмъ этимъ небожительницамъ трудно было помириться съ положеніемъ рабынь въ юртахъ варваровъ. Онѣ не могли даже разсчитывать на свою красоту, которой не удалось подкупить и Темучина.—«Субетай!» подозвалъ онъ своего друга, не даря плѣнницъ и взглядомъ любопытства.—«Уведи отъ меня этихъ враговъ мужества и одари ими нашихъ багадуровъ. Не забудь только, что намъ, монголамъ, приличнѣе наносить удары мужчинамъ, нежели получать поцѣлуи женщинъ».

Тѣмъ и завершился дѣлежъ добычи. Ни одинъ всадникъ не былъ обиженъ. Красота же и цѣнность добытыхъ трофеевъ приняли въ народной молвѣ, быстро переходившей изъ улуса въ улусъ, необычайные размѣры. Вскорѣ къ Темучину прибыли депутаты изъ улусовъ кераитовъ и наймановъ съ поздравленіями

о побѣдѣ и съ тайнымъ порученіемъ взглянуть такъ-ли драго
цѣнны трофеи, какъ заговорилъ объ нихъ голосъ народа. Д
шелку и серебра было въ изобиліи и весь Дэлюнъ-Болдокъ вы
рядился на зависть сосѣдямъ въ костюмы, украшенные золотым
драконами. Конюха багадуровъ и тѣ величались въ шелковых
платьяхъ съ изображеніями павлиновъ.

При этомъ всѣ участники набѣга свидѣтельствовали—довольн
словоохотливо—передъ людьми кераитовъ и наймановъ, что чест
побѣды принадлежитъ тонкому уму и зоркому взгляду Темучин
Этотъ первый шагъ на міровой сценѣ долженъ былъ преклонит
на его сторону не мало почитателей, но онъ же пробуждалъ
зависть въ сердцахъ людей, полагающихъ, что достаточно почи
тать Небо и Землю, чтобы пользоваться всѣми ихъ благам
Въ числѣ первыхъ нашлись люди, которые, по ихъ увѣреніям
считали всегда Темучина идоломъ своего сердца. Въ ряды вто
рыхъ встали прежде всего дядя, предавшій его гинамъ, консер
вативные ойраты, наиболѣе могущественное племя мергитовъ
вообще улусы, желавшіе сохранить свою независимость.

Но ни ясно обозначившіяся крупныя дарованія Темучина, н
удача въ набѣгѣ на гиновъ, не давали ему права объявить себ
ханомъ Монголіи. Не будучи и первороднымъ въ потомствѣ покой
наго нойона, онъ долженъ былъ пролагать путь къ господств
личными усиліями и помощью друзей.

Усилія эти потребовали болѣе десяти лѣтъ жизни, при чем
Субетай продолжалъ оставаться неизмѣннымъ помощникомъ.—«С
смертью твоего отца семья монголовъ распалась на части», твер
дилъ онъ постоянно своему идолу.—«Теперь истинными монголам
можно назвать всего пятнадцать тысячъ юртъ, тогда какъ пр
нашихъ дѣдахъ монголамъ было тѣсно на землѣ. Они перепль
вали даже моря, чтобы пріобрѣтать острова для колоній. Гины
японы—тѣ же монголы. Они наши выходцы, а между тѣмъ он
чуждаются насъ, какъ людей дикаго племени. Будемъ-ли мы
дальше терпѣть ихъ кичливость? Попустимъ-ли, чтобы самое им
монголовъ обратилось въ безплодную шишку стараго кедра?» –
Субетай считался по справедливости лучшимъ ораторомъ Дэлюн
Болдока.—«Не пора-ли монголамъ сѣсть на коней и посмотрѣт
гдѣ конецъ міра? Для этого нужно избрать человѣка, въ руках
котораго могли бы помѣститься всѣ наши племена. Темучинъ, т
знаешь, что ханъ избирается у насъ всѣмъ народомъ, поэтом

согласись созвать курилтай и дай свое согласіе взойти на войлокъ власти, если такова будетъ воля народа».—«Подумалъ-ли ты, что случится съ именемъ монголовъ, если курилтай изберетъ ханомъ человѣка изъ рода таджутовъ?»—«Я думалъ объ этомъ и соображалъ, что тебѣ остались вѣрными всего пятнадцать тысячъ юртъ, но какихъ? Есть-ли въ нихъ человѣкъ, который предпочелъ-бы желѣзной пикѣ—деревянный крючекъ пастуха? Нѣтъ въ средѣ насъ такого человѣка, поэтому ни таджуты ни кераиты намъ не страшны!»

Темучинъ согласился, наконецъ, на созваніе улуснаго курилтая, такъ какъ къ обще-монгольскому онъ чувствовалъ себя еще недостаточно подготовленнымъ. Въ этомъ случаѣ молодой монголъ еще разъ доказалъ свою строгую подчиненность разсудку и желѣзной волѣ.

VII.

УЛУСНЫЙ КУРИЛТАЙ.

(1184 г.).

сть слова и обороты человѣческой рѣчи, принятые судьбою подъ особое покровительство. Они необыкновенно живучи. Ни тысячелѣтія, ни политическіе перевороты, ни нарожденіе новыхъ народовъ, ни вымираніе одряхлѣвшихъ не въ силахъ заглушить сочетаніе ихъ обаятельныхъ звуковъ. Такимъ устойчивымъ и властнымъ словомъ было въ средѣ монголо-тюркскихъ племенъ — «курилтай»! Происхожденіе его можно отнести къ той сѣдой древности, когда двѣ-три юрты, два-три пастуха собирались въ союзы, для избиранія надъ собою старѣйшинъ.

Съ теченіемъ времени курилтай пріобрѣлъ важное политическое значеніе. На курилтаѣ рѣшали дѣла такого первостепеннаго значенія какъ войны, массовыя переселенія улусовъ на новыя мѣста и выборы хановъ. На курилтаѣ можно было поддержать друга, сосчитаться съ врагомъ, узнать необыкновенную новость и присосѣдиться къ общественному котлу. Послѣ этого понятно почему не только честолюбецъ или кандидатъ въ вершители судьбы, но и заурядный человѣкъ пренебрегалъ зимнимъ бураномъ, разставался съ одѣяломъ изъ звѣриныхъ шкуръ и откликался на призывъ къ курилтаю. Лѣтомъ онъ также не задумывался покидать луга съ сочною травою и спѣшить по пред-

горьямъ, падямъ и нерѣдко черезъ опасную безводную степь— туда, куда тянулись всѣ кочевья....

Заботы по созыву и устройству курилтая приняли на себя Гёкдша, Субетай и багадуры, обогатившіеся въ набѣгѣ на гиновъ. Они должны были опасаться сильной оппозиціи не только со стороны отщепенцевъ своего улуса, но и такихъ высокомѣрныхъ родовичей—какъ татары, мергиты, ойраты или кераиты. Послѣдніе были въ ту пору однимъ изъ наиболѣе знатныхъ племенъ, такъ какъ во главѣ ихъ стоялъ Ванъ-ханъ, пожалованный этимъ титуломъ лично царемъ гиновъ. Темучинъ могъ считаться передъ нимъ только счастливымъ молодымъ человѣкомъ, не болѣе.

Дипломаты Дэлюнъ-Болдока понимали, что курилтай не удастся, если Ванъ-ханъ не удостоитъ его своимъ благоволеніемъ. Подчинившись этому разсужденію, Темучинъ собралъ скромную свиту изъ немногихъ мужественныхъ людей и отправился на поклонъ въ страну кераитовъ. То былъ очень удачный маневръ, приправленный къ тому-же и нѣкоторыми трофеями, добытыми за большою стѣною.

Ванъ-ханъ отнесся къ Темучину, какъ къ юношѣ, подающему хорошія надежды. При встрѣчѣ, онъ поставилъ его подъ мышку своей правой руки, что было уже знакомъ любви и покровительства. Онъ не отказался и отъ подарковъ и даже залюбовался плѣнницею, сохраненною нарочно для него дипломатами Дэлюнъ-Болдока.

Темучинъ имѣлъ намѣреніе просить себѣ, въ жены, для скрѣпленія политическаго союза, дочь Ванъ-хана, но по нѣкоторымъ признакамъ — недостатку соли при угощеніи — трудно было разсчитывать на полный успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, Ванъ-ханъ, котораго не долюбливали — за дружбу его съ застѣннымъ народомъ—всѣ ближайшія племена, изъявилъ готовность поддержать курилтай Темучина. При этомъ подразумѣвалось само собою безмолвно, что курилтай соберется только для избранія улуснаго нойона и не посягнетъ на положеніе хана всей Монголіи.

Взамѣнъ своихъ подарковъ, Темучинъ получилъ искусныхъ въ дипломатіи людей, уполномоченныхъ Ванъ-ханомъ перекричать и переспорить таджутовъ и ойратовъ, если эти возбудятъ разговоръ о присоединеніи Дэлюнъ - Болдока къ ихъ улусамъ. То была солидная помощь и не мудрено, что Темучинъ, прощаясь со своимъ покровителемъ, выказалъ ему многіе знаки преданности

и даже попросилъ дать ему на дорогу кусочекъ соли, которой не доставало при угощеніи для полноты истинной дружбы.

Возвратившись въ Дэлюнъ-Болдокъ, Темучинъ увидѣлъ, что шаманы и Субетай не дремали и что берега р.Ононъ покрылись группами пришельцевъ изъ дальнихъ мѣстъ Монголіи.

Прежде всѣхъ подошло племя нирунъ, гордившееся своимъ происхожденіемъ отъ женщины и одного изъ безплотныхъ духовъ Алтая. Темучинъ былъ отпрыскомъ чистыхъ нируновъ.

За ними поспѣшило племя хонкиратъ. Представители его заявили чистосердечно о желаніи породниться съ Темучиномъ, что было совершенно сбыточно, такъ какъ дочь ихъ нойона, красавица Буртэ-фужинь, владѣла всѣми чарами красоты и величія. Впослѣдствіи, Буртэ-фужинь сдѣлалась старшею женою Темучина и сопровождала его въ дальнихъ походахъ и даже при вторженіи въ среднюю Азію, со многими «тысячами» своего улуса.

Племя урянхитъ, изъ котораго происходилъ Субетай, прикочевало со всѣми своими багадурами.

Племя берласъ, изъ котораго вышелъ впослѣдствіи основатель династіи тимуридовъ, явилось съ требованіемъ избрать въ ханы такого человѣка, который обяжется убивать гиновъ, хотя бы по одному въ день. Желаніе это совпадало и съ желаніемъ багадуровъ Темучина.

Вообще трудно перечесть всѣ явившіяся племена, но достаточно сказать, что курилтай, несмотря на его относительно скромный характеръ, блестѣлъ представителями такихъ родовъ, какъ манкгуты, джалаиры, баринь и дурбень. Повидимому, никто изъ нихъ не желалъ ставить препятствія молодому энергичному человѣку, съ доказанною несокрушимостью воли. О Темучинѣ переходили, со времени его побѣды надъ гинами, изъ юрты въ юрту и изъ улуса въ улусъ вѣсти, какъ о молодомъ геніѣ, способномъ соединить раздробившуюся Монголію и воскресить ея угасшую славу.

Покрывавшія берега и острова р.Ононъ группы юртъ отличались едва уловимыми для неопытнаго глаза отличительными признаками. Чистые нируны выставили при своемъ сборномъ шатрѣ значекъ съ бѣлымъ лошадинымъ хвостомъ, поэтому хонкираты выставили у себя черный хвостъ. Когда берласцы увидѣли, что ихъ шапки опушены волчьимъ мѣхомъ какъ и у манкгутовъ, они замѣнили тотчасъ-же волка лисицею. Баринь и дурбень пришли

въ шароварахъ съ раструбами одного и того-же фасона, поэтому барины рѣшились ходить лучше вовсе безъ раструбъ нежели походить на дурбенцевъ, отличавшихся хвастливостью. Одни уйгуры не гнались за внѣшними признаками, полагая, что грамотность, которою они владѣли, достаточно выдѣляетъ ихъ изъ собравшихся соплеменниковъ. Впрочемъ и ойраты, составлявшіе консервативную силу Монголіи, ничѣмъ не поступились изъ того, что они унаслѣдовали отъ перворoднаго монгола. Они явились на курилтай съ намѣреніемъ помѣшать Темучину въ достиженіи власти, такъ какъ онъ, попирая сѣдую старину, видимо стремился къ новымъ порядкамъ.

Близкіе къ Темучину люди напомнили ему, что однимъ угощеніемъ нельзя склонить массу людскихъ сердецъ въ желательную сторону. Нужно было подготовить и друзей и враговъ къ великому дѣлу. Въ подобныхъ случаяхъ дружественныя охоты всегда оказывали дипломатіи пріятныя услуги. Скачки съ хорошими призами были также не дурнымъ средствомъ къ общенію людей, хотя бы и съ различными взглядами на жизнь. Не шутя нравилось и единоборство. На охотѣ Темучинъ имѣлъ случай всадить, на виду всѣхъ, ножъ подъ лопатку медвѣдя и пробить стрѣлою непокорнаго кречета, не пожелавшаго возвратиться на кулакъ своего господина. Въ скачкахъ онъ любезно уступилъ призъ лучшему наѣзднику кераитовъ. Отъ единоборства-же отказался бы на его мѣстѣ и каждый благоразумный человѣкъ, понимающій, что крѣпкіе позвонки еще не такой даръ Неба, чтобы онъ могъ служить опорою ханской власти....

Ночная пора доставляла новые виды развлеченій. Когда солнце скрывалось на отдыхъ въ дальній колодезь, всѣ отдѣльныя группы Дэлюнъ-Болдока принимались хлопотать у общественныхъ очаговъ. Сюда же, какъ къ центру жизни, подходили и сказатели былинъ, хранившіе преданія о подвигахъ первыхъ монголовъ. Своего рода классики, они не различали группу нируновъ отъ группы хонкиратовъ и охотно дѣлились своими воспоминаніями съ каждымъ, кто желалъ предложить имъ мѣсто у веселаго огонька.

— «Весь западъ вселенной принадлежалъ нашимъ предкамъ», передавалъ сказатель въ группѣ берласцевъ.—«Предки коней нашихъ скакали въ четырехъ концахъ свѣта, которыми повелѣвали сыновья перваго монгола Кара-ханъ, Озеръ-ханъ, Гёзъ-ханъ и

Озъ-ханъ. Подъ именемъ гунновъ, предводимыхъ величайшимъ изъ хановъ — Аттиллою, предки наши потрясали міромъ, какъ игрушкою. Теперь-же хитрые гины считаютъ монголовъ только своими конюхами.... и кто-же, кто освободитъ насъ изъ подъ ихъ бамбуковой палки?!»

— «Востокъ вселенной состоитъ изъ воды и дальнихъ на ней острововъ» — объяснялъ второй сказатель слушателямъ рода дурбень.—«На этихъ островахъ поселились люди, задумавшіе однажды пренебречь именемъ монгола. Тогда тысячи кораблей съ несмѣтными силами нашихъ предковъ отправились туда для наказанія мятежниковъ. На пути ихъ, возставали морскія чудовища, бушевали бури, разверзались океаны, но народъ на островахъ былъ наказанъ. Онъ былъ наказанъ такъ, что рыбы и звѣри прячутся съ тѣхъ поръ при одномъ звукѣ монгольской гортани.... ахъ, когда-же настанетъ время подобнаго же трепета и для царства гиновъ?»

— «Въ древнее время монголы носили въ степяхъ Гоби названіе Гіонгъ-пу» — повѣствовалъ сказатель въ кружкѣ джалаировъ.—«Весь югъ вселенной трепеталъ предъ ними. Китаны построили стѣну, чтобы преградить имъ дорогу, но—тщетно!... Монгольскому коню пути не заказаны и недалеко то время, когда царь гиновъ будетъ оправлять на немъ уздечку и стремена для хана монголовъ».

Всѣ преданія почтенныхъ хранителей старины, сводились къ тому, что вселенная полна монголами и что нѣтъ человѣка на землѣ, въ жилахъ котораго не текла-бы монгольская кровь. Наконецъ, по соображеніямъ дипломатовъ Дэлюнъ-Болдока, охоты, пиршественные котлы и былины подготовили достаточно собравшійся народъ къ разсужденію о выборѣ человѣка, который обновилъ-бы имя монгола.

— «Темучинъ, слышалъ-ли ты, о чемъ поютъ наши старики?» спросилъ передъ народною толпою Субетай свего друга.— «Неужели имя монгола затеряется подобно пылинкѣ въ пустынѣ?» — «Нѣтъ, я глубоко вѣрю, что Небо и Земля не допустятъ свой народъ до подобнаго несчастья», отвѣчалъ скромно Темучинъ, не смущаясь передъ тысячами слѣдившихъ за нимъ глазъ и ушей. — «Но имѣющіе разумъ должны однако понимать, что и Небо и геніи оставятъ насъ на произволъ вѣтра, если мы не обновимъ свою одежду. Подумаемъ, достойны-ли мы считаться

потомками Аттиллы? Мы лѣнивы, обжорливы, суевѣрны и каждый изъ насъ боится — какой стыдъ! — такой простой вещи какъ смерть!.... Прежде чѣмъ идти на медвѣдя съ ножомъ и стрѣлою, мы задобриваемъ и подземныхъ и небесныхъ геніевъ. Ясно, что одежда нашей души обветшала и, понятно, почему наши кони забыли дорогу къ колодезю, въ который опускается солнце для отдыха. Нельзя владѣть міромъ, отсиживаясь въ гаремѣ. Нельзя имѣть тѣло со слабыми связками и быть доблестнымъ монголомъ. Нельзя монголамъ смотрѣть въ разныя стороны и мечтать о господствѣ надъ гинами. Вы собрались отыскать человѣка, способнаго объединить Монголію....пусть же Небо и Земля просвѣтятъ на этомъ пути вашъ разумъ и укажутъ вамъ на достойнаго изъ своихъ сыновей».

Выслушанная съ напряженнымъ вниманіемъ рѣчь Темучина навела цѣлыя племена на мысль: не введены-ли они въ обманъ наружною простотою курилтая? Не происходить-ли передъ ихъ глазами формальное избраніе хана монгольскихъ племенъ? Правильно-ли передали гонцы приглашеніе какъ бы на признаніе Темучина только нойономъ Дэлюнъ-Болдока? Для чего же принесли этотъ войлокъ, на которомъ никогда не поднимали улусныхъ нойоновъ?

Вопросы и сомнѣнія могли бы развиться и далѣе, но Субетай и его багадуры точно сговорились не давать народу сосредоточиться на почвѣ возникшихъ подозрѣній.—«А если народъ укажетъ на тебя, Темучинъ, какъ на достойнаго потомка Аттиллы, то поклянешься ли, что твой конь будетъ ходить въ одномъ табунѣ съ нашими конями?»—послышались вопросы изъ рядовъ, очевидно настроенныхъ въ пользу Темучина. — «Будешь ли ты дѣлить съ нами сладкое и горькое?» — Темучинъ отвѣчалъ утвердительно, точно человѣкъ, совершенно подготовленный къ этому вопросу. На неосторожный же вопросъ верховнаго шамана: «Будешь ли оберегать нашу старую вѣру?» онъ отвѣтилъ съ характернымъ раздумьемъ: — «Когда наши боги благоволятъ къ намъ, мы не скупимся на приношенія; мы приносимъ имъ въ жертву благовонія, мѣха, рѣдкихъ звѣрей, волоса освященныхъ коней нашихъ. Но когда они покидаютъ насъ, мы не скупимся и на наказанія; мы кладемъ ихъ лицами къ землѣ и даже не жалѣемъ для нихъ хворостинъ. Если такая вѣра послужитъ на славу монголовъ, я сохраню ее, а въ противномъ случаѣ....» — Но здѣсь

Гёкдша, нѣсколько удивленный своего рода непокорностью Темучина, постарался заглушить окончаніе его рѣчи. Бубенъ, съ которымъ онъ не разставался, былъ необычайно звонокъ; ударъ же въ него послужилъ сигналомъ для толпы младшихъ шамановъ, собравшихся на курилтай изъ горныхъ, лѣсныхъ, дикихъ и суровыхъ убѣжищъ пуститься въ головоломную пляску, посвященную Небу, Землѣ, Водѣ и геніямъ....

Для всѣхъ однако депутацій было очевидно, что происходившіе переговоры служили своего рода вступленіемъ къ избранію хана, а вовсе не улуснаго нойона. Нѣкоторыя депутаціи и цѣлыя племена собрались поэтому уходить въ родные улусы, и на берегахъ р.Ононъ поднялась неописуемая суматоха. Одно желаніе заявить протестъ противъ рѣшенія курилтая задержало еще на время массовый уходъ кераитовъ, ойратовъ, манкгутовъ и другихъ властныхъ колѣнъ. Всякая дальнѣйшая медленность привела бы задуманный курилтай къ смѣшному концу, почему друзья Темучина повели его далѣе ускореннымъ шагомъ. Дальнѣйшую инициативу взялъ на себя верховный шаманъ, которому много помогла скала, имѣвшая своеобразную фигуру и сохранившая у шаманствующихъ и по настоящее время священное значеніе. На этой скалѣ Гёкдша явился народу въ парадномъ видѣ, внушавшимъ всегда безотчетный страхъ. На его груди блестѣли изображенія луны, солнца, журавля и гагары, а на спинѣ—медвѣдя и волка. Вдоль реберъ красовались желѣзныя пластинки. Ремешки, перья и побрякушки дополняли величіе его наряда. По плечамъ ниспадали космы волосъ, никогда не знавшихъ гребня. Для ударовъ же въ сердцеобразный бубенъ ему поднесли лапу оленя, убитаго съ соблюденіемъ особыхъ религіозныхъ церемоній.

Свита его тоже изготовилась къ торжественному моленію. Оно началось при свѣтѣ костровъ, придававшихъ картинѣ молитвеннаго экстаза впечатлѣніе таинственности и несомнѣнной связи шамановъ съ Небомъ и Землею. По данному сигналу, они дружно завертѣлись вокругъ доставленныхъ сюда боговъ, которые, при хорошо настроенномъ воображеніи народной массы, — поводили страшными зрачками, скалили зубы и испускали изъ ушей яркое пламя! Бубенъ же самаго Гёкдши звучалъ такими трелями, что подземные, враждебные боги принуждены были скрыться, хотя бы только на этотъ вечеръ, за предѣлы Алтая.

Служба шамановъ привела ихъ къ собесѣдованію непосред-

ственно съ геніями — покровителями всѣхъ истыхъ монголовъ. Гёкдша взялъ на себя объясненіе съ духомъ Аттилы, тогда какъ помощники его вошли въ общеніе съ духами горныхъ медвѣдей, рыбъ, съ солнцемъ, луною и звѣздами, съ богами охоты, войны и скотоводства и наконецъ съ духомъ р. Ононъ.

Подъ утро всѣ шаманы собрались въ кружокъ, чтобы объявить имена, указанныхъ геніями Алтая, кандидатовъ въ ханы Монголіи. На этотъ разъ геніи и духи указали одинаково на Темучина. Были ли багадуры Субетая въ заговорѣ съ ними— неизвѣстно, но обходя отдѣльныя группы они твердили всѣмъ встрѣчнымъ, точно ошеломленные вдохновеніемъ свыше:—«Знайте, что Темучину суждено парить выше всѣхъ орловъ Алтая!» Въ группахъ недовѣрчивыхъ людей сообщеніе это было встрѣчено насмѣшками, но багадуры такъ внушительно указывали на свои желѣзныя палицы, что протестантамъ пришлось умолкнуть....

Наступилъ торжественный моментъ.

— «Темучинъ, духи — покровители Монголіи — и народъ избрали тебя ханомъ всѣхъ монгольскихъ племенъ!» провозгласилъ Субетай безъ дальнѣйшей проволочки времени, подославъ предварительно къ юртѣ Темучина толпу преданныхъ багадуровъ.—«Выйди къ намъ и мы поднимемъ тебя выше всѣхъ людскихъ головъ».

Хотя собраніе предвидѣло этотъ результатъ совершавшихся событій, но все таки никто не ожидалъ такого рѣшительнаго подавленія народной воли. Въ воздухѣ началось шатаніе умовъ. Коегдѣ раздались и явственные протесты, но Темучинъ не затруднился выйти изъ своей юрты и—ступить на войлокъ власти! На этомъ монгольскомъ тронѣ, шаманы и багадуры подняли его выше людскихъ головъ, такъ чтобы вся Монголія могла увидѣть своего хана!

Потянулись ряды поздравителей.

Прежде всѣхъ прошло передъ нимъ собраніе шамановъ. Бубны ихъ рокотали, передавая веселыми звуками Небу, Землѣ и Водѣ, что народъ принялъ ихъ приказаніе и избралъ себѣ достойнаго властителя.

За шаманами прошли улусныя войска, успѣвшія уже организоваться, по плану Темучина, въ сотни и «тысячи». Субетай шелъ во главѣ копейщиковъ, лучниковъ и атлетовъ съ желѣзными палицами.

За войсками потянулись прибывшія на курилтай маленькія племена, не смѣвшія мечтать о самостоятельности. Одни изъ нихъ разсчитывали на будущія милости хана, а другія чистосердечно примкнули къ избранію Темучина и тѣмъ увеличили его военное значеніе.

Явными и громкими протестантами заявили себя татары, найманы, ойраты, мергиты и вообще властныя колѣна монголовъ. Чувствуя себя на курилтаѣ въ безопасности, они рѣшились высказать избраннику нѣсколько горькихъ истинъ. Обычаи предковъ освобождали ихъ—до момента закрытія курилтая—отъ всякаго преслѣдованія, какъ бы ни были жестоки ихъ протесты.

— «Не слыхано отъ вѣка, чтобы кроты господствовали надъ соколами!» заявили татары, торопясь оставить свое становище. Впрочемъ татары, презиравшіе шаманство, поступили не тактично, чѣмъ и вооружили противъ себя консервативное племя ойратовъ. Въ знакъ пренебреженія къ новому хану они отказались отъ его кумыса и вылили его на землю, что было уже проступкомъ противъ Неба.

— «Мы не признаемъ Темучина ханомъ Монголіи!» заявили таджуты, садясь на коней и верблюдовъ чтобы оставить улусъ похитителя, какъ они утверждали, ханской власти. — «Мы сейчасъ голодны, но ваши котлы съ сладкою пищею мы отдаемъ собакамъ».—Всѣ котлы были опрокинуты и—стаи собакъ накинулись на вкусную пищу. Поступокъ этотъ также не понравился другимъ протестантамъ, которые, храня древнія преданія, видѣли въ немъ оскорбленіе Земли, а не человѣка.

— «Вы до того дерзки, что даже не справились какого цвѣта долженъ быть войлокъ, на которомъ поднимаютъ хановъ!» замѣтили ойраты хозяевамъ праздника.—«Вы подставили ему черный войлокъ, точно намѣрены кланяться воронѣ!»

Кераиты были тоже огорчены.

— «Что скажетъ нашъ Ванъ-ханъ! Не является-ли Темучинъ противникомъ ему?» допрашивали они багадуровъ Субетая.—«Такимъ образомъ, въ Монголіи окажутся два хана, но мы знаемъ точно, что на землѣ не можетъ быть двухъ государей, какъ не можетъ быть двухъ ногъ въ одномъ сапогѣ?»

Темучинъ выслушалъ протестантовъ съ мудрымъ величіемъ и спокойствіемъ, знаменовавшимъ уже не юношу, а человѣка непоколебимой твердости.

— «Возвратитесь въ свои улусы», объявилъ онъ удалявшимся протестантамъ,—«и сообщите тамъ, что я, Темучинъ, сынъ покойнаго Ѣсучая, принялъ сегодня власть и титулъ хана и что вѣщіе шаманы возвѣстили мнѣ именемъ боговъ быть господиномъ вселенной. Удалитесь»!

Курилтай закрылся. Началось гомерическое пиршество и безграничное ликованіе людей, увѣровавшихъ въ Темучина какъ въ идола, способнаго подарить Монголіи всеобщее благоденствіе. Самъ же идолъ глубоко задумался, увидѣвъ какое онъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны оскорбленныхъ имъ сородичей. Ему рукоплескали, когда онъ являлся въ роли скромнаго великана и его готовились растерзать, какъ только онъ заявилъ намѣреніе выйти изъ этой роли. Значительнымъ утѣшеніемъ ему служила рознь, еще разъ обнаружившаяся на курилтаѣ, между отдѣльными племенами монголовъ. На этой розни геній Темучина основалъ его дальнѣйшіе успѣхи

VIII.

БОРЬБА ТЕМУЧИНА СЪ СОПЛЕМЕННИКАМИ.

(1184—1205 гг.).

бсолютную власть Темучина та
джуты отвергнули, какъ нѣчт
достойное глумленія, и вознена
видѣли его за одну уже рѣ
шимость сдѣлаться первымъ в
Монголіи человѣкомъ. За та
джутами послѣдовали и други
племена, которыя также не мог
ли видѣть Темучина на войлок
власти.

Мало по малу, у сородичей
избранника накопилось столь
ко зависти и недружелюбных
чувствъ, что его улусъ почувствовалъ себя въ тяжелыхъ тискахъ
Табунамъ его нельзя было податься, хотя бы подъ напоромъ степ
ного бурана, ни на востокъ ни на западъ; повсюду ихъ перени
мали, какъ ниспосланную самимъ Небомъ добычу для обществен
ныхъ котловъ. Даже ретивымъ охотникамъ его улуса было не
безопасно углубляться въ горы или пускаться въ степь безъ
большой, дружной и хорошо вооруженной компаніи.

Не довольствуясь политическою рознью, таджуты рѣшили порвать съ соплеменниками и религіозную связь. Признавъ себя послѣдователями Будды, они украсили его изваянія и изображенія ожерельями, цвѣтными камнями, тканями и клыками жертвенныхъ животныхъ. Наоборотъ, на отвергнутыхъ бурхановъ черной вѣры они надѣли розги и въ этомъ видѣ отослали цѣлую коллекцію ихъ верховному шаману, а курильницы—Темучину. Курильницы они наполнили, вмѣсто благовонной смолы, непристойнымъ соромъ....

Будды.
(Изъ коллекціи автора).

Долго Темучинъ не подавалъ и вида, что ему извѣстны поступки враждебныхъ племенъ, точно его лазутчики были глухи и слѣпы, а въ его арсеналѣ не было ни длинныхъ пикъ, ни закаленныхъ стрѣлъ. Наконецъ таджуты, усилившись нѣсколькими мелкими племенами и разсчитывая на поддержку татаръ, объявили Темучина не только лишеннымъ ханскаго титула, но и шпіономъ царя гиновъ, бѣжавшимъ изъ за стѣны, чтобы предать монголовъ на истребленіе. Клевета не затрудняется въ эпохи разгара страстей питать народную молву ошеломляющими эффектами.

Въ такомъ напряженномъ состояніи умовъ и сердецъ прошло не мало времени, въ теченіе котораго Темучинъ упорно воспитывалъ въ себѣ и въ окружавшихъ его людяхъ искусство веденія

войнъ на новыхъ началахъ. Воспитаніе это—безъ пособія лекцій и профессоровъ—шло упрощеннымъ способомъ, на практикѣ, путемъ безпрерывныхъ войнъ—сегодня съ таджутами, а завтра съ мергитами. При теоретическихъ-же расчетахъ, когда требовались выкладки, Темучинъ и Субетай приглашали въ помощь себѣ грамотнаго уйгура, выкладывавшаго сотни и тысячи воиновъ условными камешками и палочками. Начальники ихъ отмѣчались звѣриными клыками, маслаками съѣденныхъ барановъ или прихотливыми обломками базальта. О шахматной игрѣ монголы не имѣли понятія.

Боевое воспитаніе соулусниковъ поглощало все вниманіе Темучина, но онъ не выпускалъ и политику изъ подъ своего надзора. Въ этомъ отношеніи маленькія любезности передъ Ванъ-Ханомъ продолжали оставаться на первомъ планѣ. Пославъ ему кофту изъ черныхъ соболей, Темучинъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о питаемыхъ къ нему чувствахъ. — «Передайте моему сыну»—поручалъ въ свою очередь Ванъ-Ханъ депутаціи, представившей ему драгоцѣнную кофту—«что я соберу и присоединю къ нему всѣхъ отдѣлившихся отъ него людей и что въ войнѣ съ врагами я буду рядомъ съ нимъ, а въ облавахъ на звѣрей буду стоять за его плечами....»—Но при всей любезности этого отвѣта, Ванъ-Ханъ вновь отклонилъ, по настоянію своего завистливаго сына, просьбу депутаціи породниться съ Темучиномъ. Послѣдній припомнилъ въ свое время эту обиду и расплатился за нее кровавымъ образомъ.

Продолжая заботиться о судьбѣ своего избранника, геніи Алтая привели однажды къ его ногамъ храбрѣйшаго изъ багадуровъ противнаго лагеря. Въ одной изъ стычекъ онъ взялъ въ плѣнъ багадура Джебе. Багадуръ былъ взятъ скорѣе хитростью нежели силою, и все-таки Темучинъ имѣлъ право привязать его къ хвосту своей лошади. Но вмѣсто такого позора, видя крайнюю усталость побѣжденнаго врага, онъ поднесъ ему своими руками чашку кумыса. Можно сомнѣваться въ томъ, что поступокъ этотъ исходилъ изъ чувства великодушія, но онъ вызвалъ въ багадурѣ глубокую признательность.—«Темучинъ, если ты повелишь убить меня, то только замараешь клочекъ земли величиною съ ладонь», отвѣтилъ Джебе, принявъ чашу кумыса.—«Если же оставишь меня живымъ и неопозореннымъ, то получишь во мнѣ силу, которая постарается остановить передъ тобой и бѣгучую воду».—Даровавъ

Джебе жизнь и свободу, Темучинъ высказалъ себя прозорливѣйшимъ изъ монголовъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать вообще у Темучина нѣкоторой доли великодушія. Такъ, изловивъ своего аньду Джамуху, имѣвшаго дерзость вступить съ нимъ въ соперничество, онъ распорядился задушить его безъ пролитія крови, въ которой, какъ извѣстно, заключалась душа монгола. Самъ Джамуха не ожидалъ такой милости.

Далѣе, съ годами, политическіе успѣхи Темучина пошли быстрѣе и на перекоръ таджутамъ, то одно, то другое племя поступало въ число его приверженцевъ.—«И нынѣ и навсегда»— оповѣщалъ его уйгурскій пойонъ,—«я, со всѣми своими подданными, будемъ тебѣ слугами и дѣтьми и истощимъ на служеніе тебѣ силы, какъ псы и кони».—«Слыша о славѣ твоей, мы уже давно убоялись тебя», сообщало ему одно изъ племенъ, кочевавшихъ возлѣ большой стѣны,—«теперь мы будемъ твоею правою рукою и очень поусердствуемъ. Даже, если хочешь, мы будемъ представлять тебѣ въ дань—верблюдовъ, шерстяныя одѣяла и кречетовъ».—Темучинъ очень обрадовался этому предложенію, но, разумѣется, ни кречеты и одѣяла соблазняли его, а близость данниковъ къ стѣнѣ царя гиновъ—къ той стѣнѣ, у которой его вызывали положить голову на плаху.

Самимъ противникамъ Темучина приходилось не разъ убѣждаться въ томъ, что ему покровительствуютъ добрые геніи Алтая. Такъ, найманскій народъ принесъ торжественную жертву духу вьюги съ просьбою поблагопріятствовать ему при задуманномъ нападеніи на Темучина. Духъ вьюги сдѣлалъ все, что могъ и наполнилъ всѣ рытвины и ущелья снѣгомъ, но геніи Алтая обратили и эти старанія на пользу Темучина. Послѣдній предупредилъ, воспользовавшись зимнимъ путемъ, набѣгъ наймановъ и нанесъ имъ сильное пораженіе.—Въ другой разъ нашлись враги, поклявшіеся надъ принесенною въ жертву духамъ бѣлою лошадью—заколоть Темучина, но духи пренебрегли даже бѣлою лошадью и охранили своего избранника отъ ножей фанатиковъ. Наконецъ, таджуты увидѣли, что медлить долѣе невозможно и что ихъ недругъ, увеличивая ежедневно свою силу, пріобрѣтаетъ значеніе перваго человѣка Монголіи; преградою ему могъ служить только гурханъ, избранный всеобщимъ курилтаемъ.

И вотъ гонцы ихъ разсѣялись по всей странѣ съ призывомъ къ обще-монгольскому курилтаю.

Темучинъ ясно видѣлъ, что враги его сильны и что, при удачѣ затѣяннаго ими дѣла, онъ не только лишится быстро возраставшаго значенія, но и очутится вновь за большою стѣною. Соперникомъ его былъ все тотъ-же дядя, заручившійся теперь поддержкою многихъ улусовъ и нравственною помощью царя гиновъ. Тамъ, за стѣною, понимали, что если Темучину удастся соединить подъ своимъ главенствомъ разрозненныя племена Монголіи, то онъ зажжетъ пожаръ не въ одномъ сѣверномъ, но и во всѣхъ трехъ застѣнныхъ царствахъ.

Ко времени открытія курилтая, Монголія распалась на два лагеря, изъ которыхъ большій потянулся къ берегамъ р. Аргуни и несравненно меньшій остался вѣрнымъ Дэлюнъ-Болдоку. Нѣкоторыя племена перешли отъ Темучина къ таджутамъ, не щадившимъ средствъ для поддержанія своей политической затѣи.

Въ распоряженіи Темучина состоялъ уже въ эту пору организованный имъ институтъ колонновожатыхъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи извѣстность подъ названіемъ «юртъ-джи». То были способныя и рѣшительныя головы, не очень дорожившія нравственными принципами, но превосходно изучавшія слабыя стороны непріятеля и всѣ къ нему подступы. Говоря по просту, то были шпіоны, которымъ даже монгольскій «законъ соли» не казался такимъ священнымъ, чтобы нельзя было его нарушить. Они также отправились къ берегамъ р. Аргуни, не стѣсняясь, при встрѣчѣ съ враждебными племенами, награждать Темучина не лестнымъ и для монгола титуломъ—пожирателя людей. Они упоминали о его незаконнорожденности, которая, при всей простотѣ тогдашнихъ семейныхъ началъ, лишала его права на войлокъ власти. Онъ-де убилъ и своего единокровнаго брата и при томъ стрѣлою въ спину, а не въ грудь, и вообще они заявили по его адресу много непріятнаго. Передъ такими людьми таджуты могли и не скрывать свои намѣренія.....

Самъ-же Темучинъ и его приближенные точно принизились передъ наступившими событіями и не только перестали пускаться въ набѣги, но и подолгу не показывались передъ народомъ. Послѣдній узналъ только, что они занимаются день и ночь въ улусномъ арсеналѣ, но точатъ-ли они тамъ ножи, или куютъ палицы—это хранилось въ секретѣ.

Программа курилтая на р. Аргуни состояла изъ трехъ обычныхъ отдѣленій: скачекъ, охоты и избранія хана. Разумѣется

грѣхъ объядѣнія связывалъ и здѣсь всѣ племена въ одну семью, при чемъ праздничные котлы поражали своими размѣрами.

Первыя части программы были выполнены блистательно. На скачкахъ съ живымъ козломъ, ловкіе и сильные люди посрамляли неловкихъ, отнимая отъ нихъ козла не безъ помощи, понятно, нагаекъ и другихъ приспособленій. Облава вышла удачною. На этотъ разъ само Небо оставило Темучина и направило въ облаву неизвѣстно кѣмъ пригнанные табуны его улуса.

Наступилъ послѣдній актъ. О дарованіи народу мудраго рѣшенія долженъ былъ предстательствовать передъ Буддою, выписанный изъ Тибета верховный лама, который привезъ съ собою нѣсколько парадныхъ изваяній Будды и всѣ аттрибуты торжественной службы. Колокольчики его слугъ издавали чрезвычайно пріятные серебристые звуки, а одежда ихъ отличалась свѣжею желтизною.

Верховный лама, принявшій курилтай подъ свое духовное покровительство, убѣдилъ распорядителей не поднимать новоизбраннаго хана на войлокѣ власти. Подобный обычай былъ достоенъ только варваровъ, исповѣдывавшихъ шаманство. Онъ обѣщалъ лично возвести избранника на кровлю кумирни, посвященной самому Шикямуни, и оттуда представить его подвластному міру.

Послѣ жаркаго моленія многочисленныхъ ламъ и сожженія ими множества курительныхъ свѣчекъ, всевысочайшій Будда просвѣтилъ наконецъ собирательный умъ собравшагося народа. Моментъ этотъ наступилъ послѣ полуночи, когда надъ волновавшеюся массою пронеслось имя новоизбраннаго хана. Имя это вырвалось изъ многихъ тысячъ гортаней. Оно принадлежало дядѣ и врагу Темучина. Вслѣдъ затѣмъ, слуги Шикямуни возвели избранника на кровлю кумирни, и объявили его—гурханомъ!

Передъ этою величественною картиною восторгъ народной толпы возросъ до опьяненія. Радостные клики потрясли воздухъ. Передъ моремъ людей существовалъ только одинъ предметъ—это человѣкъ, властвовавшій теперь, какъ казалось всему курилтаю, надъ волею, разумомъ и поступками всего міра....

Любуясь своимъ избранникомъ, обѣщавшимъ оставить себѣ все горькое и отдать приближеннымъ все сладкое, избиратели не замѣтили какъ на каменныхъ грядахъ, окружавшихъ курилтай, появились крайне загадочные огоньки. Они намѣчены не были въ программѣ праздника. Огоньки эти точно выступили изъ горныхъ

нѣдръ и съ необыкновенною быстротою опоясали курилтай со всѣхъ сторонъ. Наконецъ явленіе это было замѣчено. Послѣ первыхъ минутъ недоумѣнія, верховный лама заговорилъ о необыкновенномъ благоволеніи самого Будды къ народному избраннику, такъ какъ никто другой какъ только онъ, всевысочайшій, могъ послать этотъ свѣтъ для озаренія торжества.... Но увы! картина вскорѣ измѣнилась. Ораторъ не успѣлъ досказать свое восхваленіе Буддѣ, какъ неизвѣстно откуда сорвавшаяся стрѣла ранила и свалила новоизбраннаго гурхана на землю. Затѣмъ мгновенно развернулась картина, потрясшая своею чудовищностью все людское море. Изъ за камней посыпались въ плотную толпу курилтая тысячи стрѣлъ и каждая изъ нихъ влекла за собою ярко пылавшій снопъ подожженной пакли!

То было таинственное изобрѣтеніе Темучина.

Да, Темучинъ выбралъ удачную минуту, чтобы явиться грознымъ мстителемъ за претерпѣнныя имъ обиды. Въ плѣну у гиновъ онъ зорко присматривался къ военнымъ пріемамъ, опередившимъ безхитростные, боевые удары монголовъ. Оттуда-же онъ вынесъ— а теперь примѣнилъ къ дѣлу—понятіе о значеніи стрѣлы, пущенной въ людскую толпу съ подожженнымъ снопомъ, брызгавшимъ тысячью огненныхъ капель.

Готовясь къ нападенію, онъ строго содержалъ свой планъ въ глубокой тайнѣ. Субетай и Джебе говорили о дальнемъ походѣ куда-то на югъ, гдѣ такъ много красивыхъ женщинъ и драгоцѣнностей, но ни разу не упоминали о сосѣдяхъ и обидчикахъ. И только, когда сотники и тысячники доложили Темучину, что у каждаго ихъ всадника есть запасная лошадь, запасныя тетивы и достаточные порціоны овечьяго сыра, онъ объявилъ о намѣреніи разогнать курилтай таджутовъ!

Тучи зажженныхъ стрѣлъ, спустившихся внезапно на мирно ликовавшій людской станъ, разнесли съ собою ужасъ и онѣмѣніе. Раненые валились безъ стона и воплей, точно оцѣпенѣніе отнимало у нихъ ощущеніе боли. Вскорѣ запылали юрты и склады сѣна. Напуганныя животныя увеличили общій хаосъ. Скарбъ монгола, отличаясь, вообще, жировымъ налетомъ, всегда представлялъ превосходную пищу огню. Группы юртъ обратились вскорѣ въ общее пожарище, такъ что и раненые и здоровые не находили выхода и бросались въ рѣку. При томъ-же людямъ и не дано силы и мудрости, чтобы можно было укрыться передъ яростью разгнѣ-

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

МОНГОЛЬСКАЯ ТАКТИКА.

ваннаго Неба. Кто каралъ, не боги-ли шамановъ за переходъ народа въ вѣру Будды? Если такъ, то нѣтъ спасенія. Хара-Хири, неумолимъ!

Багадуры таджутовъ схватились было за палицы и колчаны, но, благодаря паникѣ, мускулы ихъ отказывались служить съ достаточною крѣпостью, а тетивы не повиновались дрожавшимъ рукамъ. Ножи и тѣ засѣли черезъ чуръ глубоко въ ножнахъ.

Нападавшіе торжествовали.

Субетай и Джебе первые подали примѣръ безпощаднаго истребленія побѣжденныхъ враговъ. Джебе, какъ багадуру съ громадною силою, не стоило большого труда схватить въ охапку перваго изъ сопротивлявшихся враговъ и бросить его въ котелъ съ готовымъ кипяткомъ! Примѣръ этотъ подѣйствовалъ ошеломляющимъ образомъ. Слѣдуя ему, каждый изъ побѣдителей стремился теперь вымѣстить разгорѣвшуюся злобу и, въ какой нибудь часъ, десятки раскаленныхъ котловъ курилтая были наполнены людскими тѣлами!.....

Кто-же втиснулъ въ котелъ дядю Темучина? Когда спрашивали объ этомъ Джебе, онъ скромно потуплялъ глаза въ землю и отвѣчалъ иносказательно: — «Такъ поступилъ бы каждый, кто любитъ Темучина»! — Утро освѣтило страшный апоѳеозъ монгольскаго междоусобія: огонь превратилъ тысячи юртъ въ сплошное догоравшее пожарище. Трупы продолжали еще обугливаться и разсыпаться, повсюду виднѣлись лужи запекшейся крови. Раненые напрасно просили воды; отвѣтомъ на ихъ мольбы служили удары пиками и взмахи палицами. Аргунь не успѣвала уносить всю массу павшихъ въ нее людей и животныхъ.

Темучину представили по его желанію одинъ лишь трофей— черепъ его дяди!—«Сдѣлать изъ него чашу и пусть она именуется чашею моего гнѣва», рѣшилъ онъ передъ сонмомъ своихъ воиновъ, ликовавшихъ побѣду.—«На память-же о сегодняшнемъ великомъ событіи содержать ее въ арсеналѣ монгольскихъ доспѣховъ».—Даже монголы вздрогнули передъ такимъ приказаніемъ, но они вздрогнули отъ восхищенія, а не ужаса. Такія приказанія можетъ отдавать только человѣкъ, отмѣченный грознымъ велѣніемъ Неба! Такому избраннику страшныхъ геніевъ Алтая нельзя не покорствовать!

Приказаніе Темучина было исполнено. Обращенный въ чашу черепъ дяди сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ всей Монголіи

подъ названіемъ «Темучинова гнѣва». Въ торжественныхъ случаяхъ, при пріемѣ чужеродцевъ и пословъ, его выставляли на показъ какъ лучшій изъ трофеевъ. Впрочемъ Темучинъ только повторялъ, самъ не подозрѣвая того, одну строчку изъ всемірной исторіи. Еще задолго до него, у народовъ не только турецкихъ, но и германскихъ существовалъ обычай обращать вражьи черепа въ чаши пиршествъ. Черепъ рус. кн. Святослава служилъ также пиршествованною чашею кн. печенѣговъ Куря!

Оставаться на пепелищѣ бывшаго курилтая было выше физическихъ силъ человѣка! Предоставивъ его дикимъ звѣрямъ, Темучинъ предпринялъ увеселительную прогулку по землямъ таджутовъ. О сопротивленіи ему не могло быть теперь и тайнаго помысла.

Разгромъ сильнѣйшаго изъ монгольскихъ племенъ и рѣшительный поступокъ съ дядею открывали Темучину широкій путь на міровую сцену. Было время, когда его любимую жену взяли въ плѣнъ и возвратили только по настоянію Ванъ-хана. Она возвратилась домой пѣшкомъ, держа въ подолѣ рожденнаго въ плѣну его первенца—Джучи, но то время миновало уже безвозвратно! Теперь одно его имя наводило повсюду, отъ Гоби до Татаріи и отъ Алтая до Тибета, благовѣйный трепетъ. Теперь даже его ребенокъ, которому мать съ такими лишеніями и трудомъ сберегла жизнь, могъ-бы двигать цѣлыми кочевьями.....

Одни только кераиты продолжали чувствовать себя политически независимымъ племенемъ. Опираясь на дружбу съ гинами, они одни могли поставить Темучину преграду къ объединенію подъ его единовластіемъ монгольскихъ племенъ. Но и кераиты проникнулись глубокимъ къ нему уваженіемъ, такъ что Ванъ-ханъ теперь самъ уже прислалъ гонцовъ съ предложеніемъ отдать любую изъ его дочерей въ его гаремъ. Темучинъ обрадовался этому союзу, какъ окончательному укрѣпленію брачнымъ путемъ его могущества. Въ сопровожденіи немногихъ спутниковъ онъ отправился лично къ Ванъ-хану, чтобы выпить съ нимъ чашку «бухунчара»—веселаго напитка, замѣнявшаго сложный процессъ сговора и обрученья. Каково-же было его изумленіе, когда онъ встрѣтилъ гонца, посланнаго тайными друзьями, съ предупрежденіемъ, что ему грозятъ засада и смерть. Медленно онъ повернулъ коня обратно и отдался размышеніямъ: что побудило Ванъ-хана нарушить такъ коварно оказанныя ему услуги и забыть, что онъ

держалъ его подъ мышкою правой руки? Не отвѣтить ли на засаду немедленнымъ нападеніемъ?

Но прежде чѣмъ подойти къ рѣшенію послѣдняго вопроса, между Темучиномъ и Ванъ-ханомъ произошли переговоры, въ которыхъ упреки переплетались съ увѣреніями въ крѣпкой дружбѣ.—«Я призналъ тебя отцомъ—это моя первая заслуга» упрекалъ съ посланнымъ гонцомъ Темучинъ Ванъ-хана.—«Когда ты былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, мои войска оградили тебя отъ бѣды—это моя вторая заслуга. Весь отбитый у враговъ скотъ, я дѣлилъ съ тобою пополамъ и когда велъ облаву, то всегда гналъ звѣрей на твою сторону. Ты-же, отецъ, дѣлалъ-ли когда нибудь подобныя дѣла»?—Поддавшись вліянію завистливаго сына, Ванъ-ханъ почувствовалъ въ упрекахъ Темучина глубокое оскорбленіе. Но прежде нежели отомстить за него открытою силою, онъ прибѣгнулъ къ новому коварству. Надрѣзавъ, въ присутствіи свидѣтелей, палецъ, онъ послалъ собранную въ березовый бурачекъ кровь—Темучину съ клятвою:—«Кто первый изъ нихъ нападетъ другъ на друга—пусть также истечетъ кровью до послѣдней ея капли». — По древнему обычаю, Темучину предстояло проглотить нѣсколько капель этой крови, но онъ, несмотря на торжественность клятвы, заставилъ посланнаго испробовать доставленный имъ залогъ дружбы. Поступая такъ, онъ зналъ на что былъ способенъ ненавидѣвшій его сынъ Ванъ-хана. Подозрѣніе его оправдалось: клятвенная кровь была отравлена и посланецъ, проглотивъ поневолѣ залогъ вѣчной дружбы, умеръ, не успѣвъ извѣстить своего господина объ обнаруженіи его коварства.

Ходъ этой распри завершился сраженіемъ, въ которомъ кераиты, оставивъ Ванъ-хана, передались Темучину. Самъ Ванъ-ханъ бѣжалъ съ сыномъ—виновникомъ этой катастрофы—и, разумѣется, попалъ въ свою очередь въ засаду, изъ которой Джебе не выпустилъ живымъ ни одного человѣка.

Со смертью Ванъ-хана, Темучинъ объявилъ кераитовъ своими подданными, а Монголію объединенною подъ его властію. Гдѣ - то еще ойраты отстаивали свою неприкосновенность, но, умѣя только брюзжать и славить старые порядки, они были совершенно безопасны въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Роптали и татары. Располагая однако большинствомъ преданныхъ улусовъ и хорошо организованнымъ войскомъ, Темучинъ пос-

читался съ ними до того побѣдоносно, что оставилъ въ живыхъ только дѣтей и то ростомъ—«не выше колесной чеки».

Застѣнное царство чрезвычайно обрадовалось такъ жестоко выразившейся распрѣ между монголами и татарами и даже прислало Темучину почетный титулъ съ исчисленіемъ его подвиговъ. Грамоту эту, въ видѣ шелковаго флага громадной величины, онъ могъ бы выставить у своей юрты, но.... онъ предпочелъ разостлать ее въ стойлѣ своего боевого коня....

IX.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ ТЕМУЧИНА ЧИНГИСЪ-ХАНОМЪ.

(1205 г.).

Боевая жизнь Темучина отличалась необычайною въ его положеніи скромностью, не исключавшею, разумѣется, гарема съ тщательно подобраннымъ персоналомъ женщинъ. По его предсмертному признанію, страстные поцѣлуи доставляли ему такое же высокое наслажденіе— «какъ вопли побѣжденнаго врага или горькія слезы на его лицѣ». Старшею женою его оставалась всегда Буртэ-фужинь, владѣвшая собственною ордою, немаловажнаго въ средѣ монгольскихъ племенъ значенія. Въ этомъ предпочтеніи, политика преобладала надъ сердцемъ, которое, минуя соплеменницъ, льнуло всего чаще къ татаркамъ. Истребляя татаръ—и черныхъ, прикочевавшихъ къ берегамъ р.Ононъ и бѣлыхъ, сидѣвшихъ на сѣверо-востокѣ Монголіи—онъ роздавалъ татарокъ своимъ багадурамъ, обращая красивѣйшихъ изъ нихъ, по праву побѣдителя, въ число своихъ рабынь. Гарему его жилось не дурно, это видно изъ того, что молодая рабыня Ѣсугань, испытавъ въ его юртѣ всѣ радости жизни, пожелала предоставить и родной сестрѣ своей частицу этихъ

благъ.—«У меня есть сестра Ѣсуй, она еще красивѣе меня!» замѣтила Ѣсугань своему повелителю.—«Она также достойна быть твоей женой, но она такъ молода и глупа, что изъ боязни бѣжала въ лѣсъ съ своимъ женихомъ».—Ѣсуй не удалось избѣжать сладкой неволи. Вмѣстѣ съ нею былъ пойманъ и ея женихъ, которому «ради спокойствія Темучина» отрубили голову.

Гаремъ Темучина подарилъ міру родоначальниковъ нѣсколькихъ династій, занявшихъ въ міровой исторіи видныя страницы. Джучи, первенецъ Темучина, родился во время нахожденія его матери въ плѣну, изъ котораго она освободилась, благодаря заступничеству Ванъ-Хана кераитовъ. За нимъ слѣдовали Джагатай и Октай, извѣстный также подъ именемъ Угэдэя. Четвертый сынъ, Тули, былъ любимцемъ отца, который наградилъ его при жизни титуломъ «двойного князя», а при распредѣленіи наслѣдства возвелъ его въ господина «ста тысячъ». Кромѣ этихъ сыновей, гаремъ далъ еще не мало потомковъ мужского пола, какъ напримѣръ пятаго сына Кюлькана, получившаго въ надѣлъ четыре тысячи, но эти потомки остались для исторіи только рядовыми монголами.

Личная жизнь Темучина не задерживала однако ростъ и развитіе его государственной дѣятельности, посвященной до полувѣкового возраста исключительно организаціи и укрѣпленію военнаго могущества Монголіи. Въ результатѣ его упорныхъ и глубоко обдуманныхъ стараній получилась—орда, необычайно плотная, беззавѣтно храбрая и строго дисциплинированная. Въ безпрерывныхъ войнахъ и набѣгахъ она достигнула современемъ способности поражать громадныя азіатскія арміи и легіоны закованныхъ въ броню европейскихъ рыцарей.

По его плану, коренныя племена монголовъ обязаны были содержать военные кадры и выставлять ихъ на время войны въ возможно широкихъ размѣрахъ. Эти кадры служили также гвардіей Темучина и старшихъ членовъ его семейства. Единицею кадровъ была «тысяча», подъ которою подразумѣвалась не тысяча всадниковъ, какъ можно думать, а весь раіонъ, обязанный содержать кадръ. Такая единица равнялась пяти—десяти тысячамъ юртъ съ населеніемъ до пятидесяти тысячъ душъ. То были своего рода удѣльныя княжества, предоставленныя излюбленнымъ людямъ въ кормленіе, съ обязанностью выступать на войну по первому призыву, въ полномъ снаряженіи и со всѣми необходимыми запасами.

Въ эпоху военной зрѣлости Монголія была раздѣлена на центръ и два крыла. Центръ состоялъ изъ тысячи Темучина, въ которой каждая сотня находилась подъ начальствомъ особо довѣренныхъ лицъ, носившихъ названія тѣлохранителей, стольниковъ, сокольниковъ и пардусниковъ. Не всѣ тысячи располагали одинаковыми правами. Почетнѣйшія изъ нихъ пользовались полною самостоятельностью, а остальныя несли подчиненную службу. Тысячи нѣкоторыхъ лицъ, оказавшихъ услуги большой важности, обращались въ наслѣдственные удѣлы, такъ Субетай — первый сотрудникъ Темучина въ созданіи военной имперіи монголовъ— передалъ сыну и званіе нойона и свою тысячу.

Удѣльные князья пользовались надъ своими тысячами безконтрольнымъ правомъ. Они назначали и смѣщали бековъ, казнили и награждали своихъ людей, разбирали ихъ тяжбы и только не смѣли разрѣшать оружіемъ свои распри съ другими удѣлами. Впрочемъ, распредѣляя тысячи, Темучинъ замѣтилъ своимъ дѣтямъ:—«Вы еще люди молодые, а данные вамъ беки прошли уже длинный путь. Если они провинятся передъ вами, то вы не убивайте ихъ, не посовѣтовавшись со мною».—При этой организаціи, коренная Монголія довела свои кадры до двухсотъ тысячъ человѣкъ, не считая тѣхъ, которые находились въ распоряженіи намѣстниковъ покоренныхъ странъ. Ни одинъ удѣльный нойонъ не могъ передать свой кадръ или часть его въ распоряженіе другого нойона, что предотвращало появленіе опасныхъ «господину коренного юрта» авантюристовъ.

Располагая, при подобной организаціи, невиданною въ Монголіи силою, Темучинъ могъ объявить себя, не справляясь съ народною волею, неограниченнымъ «господиномъ коренного юрта». Съ другой стороны, ему не было надобности и выгоды нарушать обычаи предковъ, видѣвшихъ въ курилтаѣ основу своихъ вольностей. Теперь курилтай могъ быть только исполнителемъ его воли, какъ повелѣній самого Неба.

Курилтай можно было собрать въ бывшей столицѣ кераитовъ, Хара-Хорумѣ, но Темучинъ остался вѣрнымъ родовому улусу и распорядился открыть собраніе попрежнему въ Дэлюнъ-Болдокѣ. Сюда были приглашены представители всѣхъ монгольскихъ племенъ, не исключая и татаръ, для рѣшенія многихъ важныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ для объявленія войны гинамъ и изданія писаныхъ законовъ. Не имѣя послѣднихъ и руководясь одними обычаями, мон-

голы одного улуса грѣшили неумышленно противъ порядковъ другого, что вело къ сильной междоусобицѣ. Да и вообще, объединяя Монголію въ военно - административномъ отношеніи, Темучинъ не могъ допустить рознь въ прочихъ сферахъ ея существованія. Рознь же эта была такова, что въ глухихъ улусахъ сыновья могли еще жениться на родныхъ матеряхъ, а въ болѣе просвѣщенныхъ подобный союзъ считался позоромъ. Въ одномъ улусѣ вольнодумцы плевали въ Огонь также беззаботно какъ въ болотную лужу, а въ другомъ за подобное оскорбленіе Огня полагалась мучительная казнь.

Передъ курилтаемъ говорили, что готовится провозглашеніе Темучина великимъ ханомъ, при чемъ поднесутъ ему необыкновенный титулъ, но слухи объ этомъ были смутны. Если и было такое намѣреніе, то родственники и излюбленные люди держали его въ секретѣ.

Курилтай собрали довольно быстро; теперь онъ походилъ скорѣе на военный совѣтъ, нежели на народное собраніе. Со всѣхъ концовъ Монголіи потянулись тысячи Джагатая, Октая, Тули и даже болѣзненнаго и хилаго Джучи. По призыву Буртэфужинь явились всѣ всадники ея орды, которые, на правахъ гвардіи, окружили шатеръ Темучина. Тутъ же были, разумѣется, войска Субетая и Джебе, поставившихъ свои юрты только въ девяти шагахъ отъ главной ставки.

Курилтаю предшествовалъ тайный совѣтъ изъ родственниковъ и приближенныхъ людей Темучина, съ участіемъ верховнаго шамана. Совѣтъ охотно занялся изобрѣтеніемъ титула, который соотвѣтствовалъ бы достоинству объединителя Монголіи. Нужно было найти понятіе или выраженіе, равносильное титулу китайскаго императора: Сынъ Неба. Ученые уйгуры вспомнили здѣсь объ имени Аттиллы, но горделивый Джебе замѣтилъ, что Темучину непристойно повторять человѣка, послѣ смерти котораго разрушилась вся его имперія. Присутствовавшая въ совѣтѣ Буртэ-фужинь предложила нѣсколько мечтательный титулъ—не то безграничнаго океана, не то всесокрушителя—но ея предложеніе ничѣмъ не превосходило титула царя гиновъ. Шаманъ настаивалъ на титулѣ всевысочайшаго и опять таки, по строгой критической оцѣнкѣ, Сынъ Неба былъ нисколько не ниже этого положенія. Наконецъ, ученѣйшій изъ уйгуровъ вспомнилъ, что много вѣковъ тому назадъ было кѣмъ-то заповѣдано титуловаться хану всей Монголіи—Чингисъ-ханомъ. Вотъ этотъ титулъ соеди-

пилъ всѣ умы тайнаго совѣта, увидѣвшаго совмѣщеніе въ непонятномъ словѣ—океана съ сокрушителемъ и всевысочайшаго съ титуломъ царя гиновъ.

Новый титулъ требовалъ и новое «оронгви». Проектъ новаго знамени не затруднилъ совѣтъ, признавшій, что число девять дастъ хорошее сочетаніе величественности съ счастливыми предзнаменованіями. Отъ девяти красивѣйшихъ буйволовъ были немедленно отсѣчены хвосты и прибиты къ высокому древку подъ золотымъ яблокомъ, увѣнчаннымъ двумя бараньими рогами. Говорятъ, что древко имѣло также и девять подножекъ, съ чѣмъ легко согласиться, хотя бы изъ одного уваженія къ знаменательной цифрѣ.

По программѣ курилтая, ранѣе объявленія титула и воздвиженія знамени, надлежало объявить народу законы, составленные лично Темучиномъ подъ названіемъ «Яса-Намэ» или «Книги запретовъ».—Если вѣрить преданіямъ, то этотъ кодексъ, изложенный уйгурскими письменами, былъ вырѣзанъ на стальныхъ доскахъ, которыя могли быть добыты въ одномъ изъ набѣговъ на застѣнное царство.

Наканунѣ рѣшительнаго дня курилтая, тайный совѣтъ Темучина выпустилъ въ народъ хорошо подготовленныхъ шамановъ, надъ которыми теперь главенствовалъ новый Бютъ-Тенгри, замѣнившій Гёкдшу. Послѣдній, по преклонности лѣтъ, не могъ уже вертѣться передъ бурханами съ достаточною быстротою. Всѣ тысячи знали, что новичку, «восходившему на Небо», не слѣдовало бы вѣрить, такъ какъ онъ достигалъ религіознаго экстаза при помощи веселыхъ напитковъ, но онъ эффектно изрекалъ непонятныя фразы, что и поддерживало народное къ нему вниманіе. Такъ и теперь, когда онъ заговорилъ своимъ туманнымъ языкомъ о титулѣ Темучина, то всѣ слушатели забыли недовѣріе къ нему. По его словамъ, обладая глубочайшими тайнами природы, онъ разговаривалъ непосредственно съ Небомъ, для чего и отправлялся къ нему каждую ночь, сидя на бѣломъ конѣ. Въ послѣднюю ночь, Небо, напротивъ, прислало отъ себя нѣкоторое существо—и тоже на бѣломъ конѣ,—повелѣвшее объявить народамъ Монголіи, что Темучину не слѣдуетъ оставаться простымъ ханомъ, такъ какъ онъ давно уже заслужилъ титулъ царя царей.

При этой крупной вѣсти, депутаціи курилтая предпочли заняться прежде титуломъ Темучина, а потомъ уже перейти къ разсмотрѣнію его законовъ и къ военнымъ дѣламъ. Какой же под-

нести ему титулъ? Одни, не зная о рѣшеніи тайнаго совѣта, предлагали наименовать его гурханомъ, что обозначало только в. хана. Нашлись, разумѣется, тотчасъ-же протестанты, замѣтившіе въ этомъ титулѣ два неудобства: онъ былъ заимствованъ изъ ненавистнаго застѣннаго царства, и кромѣ того, онъ принесъ многимъ лицамъ, носившимъ уже его, большія непріятности, не исключая и насильственной смерти. Степныя кочевья предлагали титулъ хакана, но онъ напоминалъ того же гурхана и обозначалъ только крѣпкаго, сильнаго господина. Самъ Темучинъ могъ бы отвергнуть хакана потому уже, что и такія дикія племена, какъ джеты, имѣли своего хакана.

Темучинъ лично открылъ торжественный день курилтая. Громадный шатеръ его, красовавшійся на возвышеніи и отличавшійся на этотъ день необыкновенною пышностью, поддерживаемый золотыми копьями, былъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Посрединѣ его возвышался тронъ, приготовленный по указаніямъ юрть-джи, видѣвшихъ троны въ средней Азіи, на который онъ возсѣлъ, окруженный сыновьями, родственниками, багадурами и излюбленными людьми. Подножками къ трону послужили спины знатнѣйшихъ плѣнниковъ, прибереженныхъ именно къ этому дню и для этой цѣли. Впрочемъ всѣ они получили тотчасъ же свободу, прощеніе и по чашѣ кумыса.

Послѣ того Темучинъ всталъ для принесенія Небу благодарности за ниспосланную ему помощь въ созданіи грознаго величія родной Монголіи. Всѣ присутствовавшіе пали вмѣстѣ съ нимъ ницъ и исполнили также девятикратное поклоненіе. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ на средину шатра «восходящій на Небо» и объявилъ всенародно, что Небо повелѣваетъ Темучину принять титулъ Чингисъ-хана! Небо объявило также, что имя это перейдетъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ и принесетъ счастіе всѣмъ истиннымъ дѣтямъ Монголіи.

Это возвѣщеніе человѣка, заявлявшаго о своей близости къ Небу, обрадовало весь курилтай. Предстоявшій народъ не задумался теперь ни на одну минуту совершить передъ Чингисъханомъ девятикратное поклоненіе. Исполнивъ обрядъ поклоненія, багадуры окружили престолъ Чингисъ-хана и принесли ему отдѣльную присягу.—«Въ битвахъ съ врагами мы будемъ передовыми и если возьмемъ въ плѣнъ прекрасныхъ дѣвицъ, женъ и добрыхъ коней, то будемъ отдавать ихъ тебѣ. Мы будемъ отда-

вать тебѣ и всѣхъ пойманныхъ на охотѣ звѣрей». — «А я буду дѣлить съ вами все сладкое и все горькое»! отвѣчалъ торжественно Чингисъ-ханъ, заключая этимъ утвержденіемъ союзъ съ багадурами и народомъ.—«Но вы соглашаетесь ли убивать кого я прикажу»?—«Не сомнѣвайся въ насъ и будь спокоенъ»!

Надъ шатромъ красовалось уже въ это время «оронгви» съ девятью хвостами, а вокругъ шатра гремѣли радостные клики войска и народа.

Не сходя съ трона, Темучинъ далъ знакъ, по которому изъ глубины шатра вынесли, въ предшествіи литавръ, доски съ «Яса-Намэ». Монгольское названіе этого кодекса было «тунджикъ», но оно не привелось къ народной рѣчи и перешло въ потомство въ персидскомъ «Яса». Подъ этимъ названіемъ законы Чингисъ-хана обошли не только всѣ монгольскія племена, но и часть тюркскихъ племенъ. Въ продолженіи трехъ столѣтій, они были скрижалями, опредѣлявшими всѣ виды правоотношеній—государственныхъ, религіозныхъ и бытовыхъ. Золотая орда, правившая впослѣдствіи судьбами русскихъ княжествъ, не имѣла кромѣ Яса-Намэ другихъ писаныхъ законовъ.

Придворные ученые уйгуры вычитывали теперь громогласно написанное на доскахъ, при чемъ звуки литавръ привлекали къ этому дѣлу общее вниманіе. Курилтай могъ смѣло критиковать все, о чемъ ему возвѣщали, но, кажется, присутствуя лично при этомъ необычайномъ актѣ, законодатель не ожидалъ возраженій.

Въ первой главѣ заключались положенія о государственныхъ правоотношеніяхъ. Каждый вновь избранный ханъ обязанъ былъ приносить присягу о строгомъ соблюденіи имъ Ясы. Народу предоставлялось даже право низвергать в. хана и заточать его на всю жизнь, въ случаяхъ пренебреженія имъ велѣніями Ясы.—Понятно, что одно такое вступленіе обезоруживало самаго ядовитаго протестанта, если бы таковой и нашелся передъ лицомъ автора.

Полная вѣротерпимость была не менѣе знаменательнымъ положеніемъ, согласованнымъ къ тому же съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Шаманамъ было объявлено заранѣе, что ихъ протестъ противъ этого положенія поведетъ къ изгнанію ихъ съ курилтая. Относясь равнодушно ко всѣмъ религіямъ, монголы были одинаково чутки къ гнѣву и милости боговъ всѣхъ вѣрованій и несли жертвы съ одинаковымъ рвеніемъ какъ темнымъ силамъ, такъ и высочайшему существу. Солнце, луна, горы, рѣки, стихіи и предки

имѣли одинаковыя права на почетный передъ ними трепетъ. Сила вѣрованія въ могущественное вліяніе злыхъ духовъ была велика до того, что и авторъ Ясы, не останавливавшійся передъ сотнями тысячъ людскихъ жизней, приносилъ жертвы крылатымъ и безкрылымъ демонамъ. Впослѣдствіи, чингисиды охотно становились на колѣна передъ крестомъ и причастною чашею, принимая благословенія священниковъ-несторіанъ и католическихъ миссіонеровъ. И все таки, Чингисъ-ханъ и большинство его преемниковъ придавали религіи только пассивное, а не воинственное орудіе политики. Покровительство духовенству всѣхъ религій облегчало имъ средства управленія покоренными царствами и на всякій случай задобривало боговъ всѣхъ вѣръ, сектъ и оттѣнковъ. Для нихъ не существовало ни шіитовъ, ни суннитовъ, ни христіанъ, ни язычниковъ.

Литавры возвѣстили, что курилтай принялъ законъ о вѣротерпимости съ безусловнымъ одобреніемъ. Шаманы отказались, правда, взыграть на своихъ литаврахъ, но протестъ ихъ остался незамѣченнымъ. Далѣе слѣдовало положеніе объ освобожденіи отъ податей и всякаго рода даней духовенства и монастырей всѣхъ вѣроисповѣданій.—«Всѣ люди обожаютъ одного и того же Бога»—мотивировалъ законодатель свое положеніе—«и только одни благодѣянія Божіи заставляютъ думать каждаго, что вѣра его лучше другихъ».

Уваженіе къ женщинамъ и пощада имъ во время войны были также однимъ изъ коренныхъ положеній Ясы. Литавры одобрили и это положеніе, прошедшее потомъ яркою чертою во всѣхъ ордахъ чингисидовъ. Женщина заняла мѣсто рядомъ съ мужчиною и, нерѣдко, благодаря ея вліянію—на курилтаяхъ или въ семейныхъ совѣтахъ—династическіе вопросы рѣшались въ ту или другую сторону.

Можетъ быть нѣкоторыя положенія не прошли бы на курилтаѣ менѣе воинственнаго состава, но на народную волю смотрѣли пики многихъ тысячъ и поэтому утратился самъ собою даръ свободныхъ возраженій. Вотъ почему прошли безъ замѣчаній и крайне стѣснительныя для народа угрозы и наказанія. За кражу, напримѣръ, скотины, что въ кочевомъ мірѣ было проступкомъ обыденнаго свойства, законодатель требовалъ вознагражденія потерпѣвшаго въ девятикратномъ размѣрѣ похищеннаго. При несостоятельности вора къ уплатѣ, его дѣти должны были поступать

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

КУРИЛТАЙ

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ ТЕМУЧИНА ЧИНГИСЪ-ХАНОМЪ.

въ кабалу, а при неимѣніи дѣтей и средствъ на уплату штрафа, вору опредѣлялась смертная казнь.

Вообще высокій законодатель не стѣснялся въ щедромъ назначеніи смертной казни. Онъ потребовалъ смерти за адюльтеръ, за ложь съ злостными цѣлями, за третье банкротство, хотя бы и не по винѣ банкрота, за оскверненіе Воды и Огня и даже за пролитіе молока на Землю. Смертную казнь онъ разрѣшалъ замѣнять плетьми, но въ такихъ размѣрахъ, къ которымъ трудно было приспособиться и выносливой спинѣ монгола. На сколько же строго примѣнялась къ жизни Яса можно судить изъ того, что китайцы питаютъ и теперь отвращеніе къ молоку, пренебреженіе къ которому вело ихъ предковъ къ такому тяжелому послѣдствію.

Одно пьянство преслѣдовалось имъ не достаточно строго. Требуя воздержанія, законодатель разрѣшалъ напиваться до трехъ разъ въ мѣсяцъ, мотивируя свое снисхожденіе тѣмъ, что совершенно трезваго человѣка нельзя найти на свѣтѣ. Злые языки понимали впрочемъ уступчивость эту по-своему: они знали, что всѣ сыновья Чингисъ-хана были пьяницами и даже женщины его гарема не всегда довольствовались однимъ кумысомъ.

Карая то смертью, то плетьми рядовыхъ людей, Чингисъ-ханъ видѣлъ однако же необходимость образовать вокругъ себя сословіе съ правами на безсудность. Ни одна бѣлая кость не выдержала бы столько плетей, сколько могла заслужить хотя бы за одну ложь передъ своимъ властелиномъ. Поэтому, и ради поблажекъ аристократической партіи, Яса установила привиллегированное сословіе тархановъ. Эти нотабли Монголіи, снабженные тарханными грамотами, пользовались правомъ входить въ велико-ханскій шатеръ, не спрашивая ничьего позволенія и впадать до девяти разъ, безнаказанно, въ каждый отдѣльный родъ преступленій. Привиллегія эта была наслѣдственною и переходила до девятаго колѣна.

Литавры курилтая не умолкали. Ученые не успѣвали вычитывать ту или другую статью до конца, какъ въ рядахъ слушателей слышалось бурное одобреніе. Кодексъ Чингисъ-хана былъ принятъ единодушно. Впослѣдствіи, его отдѣльныя положенія были измѣняемы и дополняемы, но уже безъ критики курилтая. Юристы того времени находили нѣсколько неудобнымъ подвергать гласному обсужденію такіе вопросы какъ: грѣшно-ли по нуждѣ пить кровь врага? Питаться его мясомъ? Уничтожать охранные ярлыки? Обра-

щать оттискъ пятки великаго хана въ предметъ поклоненія?— Рѣшенія по подобнымъ щекотливымъ вопросамъ предоставлялись уже единоличной власти.

Разрѣшивъ такія великія дѣла, какъ изданіе законовъ, клонившихся къ утвержденію въ народѣ доброй нравственности, и возведеніе Темучина въ Чингисъ-ханы, курилтай предоставилъ ему безконтрольное право объявлять войну и заключать миръ. Кредитовъ для войны въ ту пору не требовалось, а коней и оружіе обязательно было имѣть каждому монголу. При томъ же, общее стремленіе къ военнымъ доблестямъ было таково, что каждый способный держать пику рвался на войну, какъ на праздникъ высшихъ наслажденій. Трусу, который рѣшился бы остаться во время войны въ юртѣ жены или матери, не было бы пощады при жизни; по смерти же ему положили-бы за пазуху лягушку или столь же презрѣнный предметъ.

Понятно, что сынъ бѣднаго нойона, а теперь глава всѣхъ монгольскихъ племенъ, обязанъ былъ одарить каждаго, кто помогъ ему въ созданіи его высокаго положенія. Онъ такъ и поступилъ, не скупясь на почетные титулы и званія.

Матери своей, старушкѣ Олонъ-Эхэ, онъ далъ десять тысячъ, старшему сыну Джучи—девять, Джагатаю—восемь, Октаю—пять и Тули—пять. Джебе и Субетай получили сверхъ тысячъ—намѣстничества съ правомъ вести самостоятельно войны съ упорными племенами. Доблестный багадуръ Мухоли произведенъ въ князья. Изъ прочихъ сподвижниковъ девяносто пять багадуровъ назначены тысячниками. Одного изъ родственниковъ онъ назначилъ «своими очами и ушами». Одного изъ сподвижниковъ за то только, что онъ покрылъ его однажды войлокомъ во время дождя, сдѣлалъ темникомъ—начальникомъ десяти тысячъ воиновъ—и тарханомъ. Нѣкто Хорчи, пророчествовавшій еще въ юности о его величіи, получилъ право выбрать 30 прекрасныхъ женъ и дѣвицъ изъ покоренныхъ народовъ. Сподвижнику, оказавшему услугу въ войнѣ съ Ванъ-ханомъ, онъ подарилъ собственную жену. Послѣдней онъ сказалъ, при передачѣ ее новому мужу,—«Я не разлюбилъ тебя и никогда не говорилъ, чтобы ты имѣла дурной нравъ или издавала скверный запахъ, но я дарю тебя своему сподвижнику за его большія заслуги».

Онъ вспомнилъ даже о человѣкѣ, подарившемъ его матери, при его рожденіи, соболью пеленку. Въ числѣ наградъ, онъ предо-

ставилъ права—ѣздить на бѣлой лошади, одѣваться въ бѣлое платье, садиться на высшее мѣсто, выбирать «добрый годъ и луну», т. е. счастливое время для всякихъ начинаній и брать въ свою пользу всю добычу на облавахъ и наконецъ ставить юрты гдѣ угодно. Вообще въ этотъ день «небо его щедрости пролило цѣлый дождь наградъ и подарковъ». Каждый присутствовавшій на курилтаѣ могъ пройти въ этотъ день безпрепятственно черезъ его шатеръ и, входя пастухомъ—выйти, по меньшей мѣрѣ, тѣлохранителемъ. Тархановъ народилось въ этотъ день нѣсколько тысячъ. Одни шаманы остались недовольными своимъ властелиномъ, провозгласившимъ вѣротерпимость политическимъ краеугольнымъ камнемъ. По крайней мѣрѣ старикъ Гёкдша отказался занять на царственномъ пиру почетное мѣсто. Его же помощникъ, Бютъ-Тэнгри, признался, подъ вліяніемъ лишнихъ глотковъ рисовой водки, что ему было приказано подготовить общественное мнѣніе къ возведенію Темучина въ Чингисъ-ханы. Признаніе это повело къ ссорѣ съ какимъ то багадуромъ, не терпѣвшимъ сплетенъ. Ссора окончилась тѣмъ, что хилый шаманъ сопричислился неожиданно къ невидимымъ геніямъ Алтая; багадуръ-же, только что получившій тарханную грамоту, остался ненаказаннымъ.

Этотъ благополучно окончившійся курилтай служилъ своего рода обновленіемъ Монголіи и прологомъ выступленія Чингисъ-хана на міровую сцену. Войска его ожидали теперь войны не въ средѣ скудныхъ средствами соплеменниковъ, а съ народами, о богатствѣ которыхъ знали одни только уйгуры, водившіе караваны между ср. Азіей и Алтаемъ. Впрочемъ, на первой очереди была все таки война съ застѣннымъ царствомъ.

щать оттискъ пятки великаго хана въ предметъ поклоненія?— Рѣшенія по подобнымъ щекотливымъ вопросамъ предоставлялись уже единоличной власти.

Разрѣшивъ такія великія дѣла, какъ изданіе законовъ, клонившихся къ утвержденію въ народѣ доброй нравственности, и возведеніе Темучина въ Чингисъ-ханы, курилтай предоставилъ ему безконтрольное право объявлять войну и заключать миръ. Кредитовъ для войны въ ту пору не требовалось, а коней и оружіе обязательно было имѣть каждому монголу. При томъ же, общее стремленіе къ военнымъ доблестямъ было таково, что каждый способный держать пику рвался на войну, какъ на праздникъ высшихъ наслажденій. Трусу, который рѣшился бы остаться во время войны въ юртѣ жены или матери, не было бы пощады при жизни; по смерти же ему положили-бы за пазуху лягушку или столь же презрѣнный предметъ.

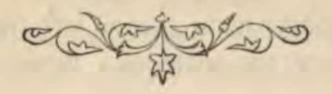
Понятно, что сынъ бѣднаго нойона, а теперь глава всѣхъ монгольскихъ племенъ, обязанъ былъ одарить каждаго, кто помогъ ему въ созданіи его высокаго положенія. Онъ такъ и поступилъ, не скупясь на почетные титулы и званія.

Матери своей, старушкѣ Олонъ-Эхэ, онъ далъ десять тысячъ, старшему сыну Джучи—девять, Джагатаю—восемь, Октаю—пять и Тули—пять. Джебе и Субетай получили сверхъ тысячъ—намѣстничества съ правомъ вести самостоятельно войны съ упорными племенами. Доблестный багадуръ Мухоли произведенъ въ князья. Изъ прочихъ сподвижниковъ девяносто пять багадуровъ назначены тысячниками. Одного изъ родственниковъ онъ назначилъ «своими очами и ушами». Одного изъ сподвижниковъ за то только, что онъ покрылъ его однажды войлокомъ во время дождя, сдѣлалъ темникомъ—начальникомъ десяти тысячъ воиновъ—и тархановъ. Нѣкто Хорчи, пророчествовавшій еще въ юности о его величіи, получилъ право выбрать 30 прекрасныхъ женъ и дѣвицъ изъ покоренныхъ народовъ. Сподвижнику, оказавшему услугу въ войнѣ съ Ванъ-ханомъ, онъ подарилъ собственную жену. Послѣдней онъ сказалъ, при передачѣ ее новому мужу,—«Я не разлюбилъ тебя и никогда не говорилъ, чтобы ты имѣла дурной нравъ или издавала скверный запахъ, но я дарю тебя своему сподвижнику за его большія заслуги».

Онъ вспомнилъ даже о человѣкѣ, подарившемъ его матери, при его рожденіи, соболью пеленку. Въ числѣ наградъ, онъ предо-

ставилъ права—ѣздить на бѣлой лошади, одѣваться въ бѣлое платье, садиться на высшее мѣсто, выбирать «добрый годъ и луну», т. е. счастливое время для всякихъ начинаній и брать въ свою пользу всю добычу на облавахъ и наконецъ ставить юрты гдѣ угодно. Вообще въ этотъ день «небо его щедрости пролило цѣлый дождь наградъ и подарковъ». Каждый присутствовавшій на курилтаѣ могъ пройти въ этотъ день безпрепятственно черезъ его шатеръ и, входя пастухомъ—выйти, по меньшей мѣрѣ, тѣлохранителемъ. Тархановъ народилось въ этотъ день нѣсколько тысячъ. Одни шаманы остались недовольными своимъ властелиномъ, провозгласившимъ вѣротерпимость политическимъ краеугольнымъ камнемъ. По крайней мѣрѣ старикъ Гёкдша отказался занять на царственномъ пиру почетное мѣсто. Его же помощникъ, Бютъ-Тэнгри, признался, подъ вліяніемъ лишнихъ глотковъ рисовой водки, что ему было приказано подготовить общественное мнѣніе къ возведенію Темучина въ Чингисъ-ханы. Признаніе это повело къ ссорѣ съ какимъ то багадуромъ, не терпѣвшимъ сплетенъ. Ссора окончилась тѣмъ, что хилый шаманъ сопричислился неожиданно къ невидимымъ геніямъ Алтая; багадуръ-же, только что получившій тарханную грамоту, остался ненаказаннымъ.

Этотъ благополучно окончившійся курилтай служилъ своего рода обновленіемъ Монголіи и прологомъ выступленія Чингисъ-хана на міровую сцену. Войска его ожидали теперь войны не въ средѣ скудныхъ средствами соплеменниковъ, а съ народами, о богатствѣ которыхъ знали одни только уйгуры, водившіе караваны между ср. Азіей и Алтаемъ. Впрочемъ, на первой очереди была все таки война съ застѣннымъ царствомъ.

X.

ВЫСТУПЛЕНІЕ ЧИНГИСЪ-ХАНА НА МІРОВУЮ СЦЕНУ.

(1205—1218 г. г.).

Повышеніе Темучина въ міродержцы, какъ начали именовать его звѣздочеты и льстецы, послужило новымъ сигналомъ къ возстаніямъ въ тѣхъ уголкахъ Монголіи, гдѣ еще не были хорошо извѣданы удары его багадуровъ. Казалось, что кровавыя побѣды его надъ найманами, кераитами и таджутами, должны были убѣдить всѣхъ его соперниковъ о наступленіи конца ихъ власти, но имъ такъ трудно было разстаться съ величіемъ повелителей и ихъ привиллегіями!

Предводительствуемые Таянгъ-ханомъ, найманы выступили противъ ненавистнаго имъ честолюбца, въ союзѣ со многими племенами. На ихъ сторонѣ были племена—дурбэнь, хатакинъ и сальджіютъ и тайныя симпатіи всего мергитскаго народа. Нельзя сказать, чтобы этотъ союзъ не безпокоилъ Темучина и его приближенныхъ,—напротивъ, въ ихъ средѣ была замѣтна силь-

ная тревога. Тысячники высказались единодушно противъ войны, находя болѣе удобнымъ отложить ее до осени, когда лошади будутъ откормлены. Родственики же Чингисъ-хана испугались ихъ рѣшенія, такъ что братья предложили ему вопросъ:—«Если найманы возьмутъ твой колчанъ»—или иначе твою страну—«куда прилѣпятся наши кости? Если же мы предупредимъ ихъ, то трудно ли будетъ, наоборотъ, взять ихъ колчанъ?»—Чингисъ-ханъ склонился на сторону семейнаго совѣта и—двинулъ противъ найманов всѣ подручныя тысячи....

Въ происшедшемъ сраженіи Таянгъ-ханъ былъ раненъ и упалъ въ глубокій обморокъ. Приближенные нукеры думали пробудить его именемъ его возлюбленной — Гурбазъ: — «Ободрись Таянгъ-ханъ, твоя Гурбазъ смотритъ на тебя!» но напрасенъ былъ и этотъ призывъ: государь наймановъ, пронзенный нѣсколькими стрѣлами, былъ уже мертвъ! Найманы проиграли сраженіе и обратились въ бѣгство, послѣ чего всѣ союзные племена, кромѣ мергитовъ, явились на службу, а сынъ убитаго хана бѣжалъ подъ покровительство своего дяди Буюрукъ-хана.

Вскорѣ, изъ всѣхъ племенъ коренной Монголіи одни мергиты остались независимыми, но и ихъ независимость была довольно призрачна. Много разъ еще они возставали противъ Чингисъ-хана и столько же разъ онъ приводилъ ихъ къ покорности. Понятно, что теперь, какъ міродержецъ, онъ не могъ помириться съ ихъ постоянно протестующимъ положеніемъ и при первомъ удобномъ случаѣ нанесъ имъ губительный ударъ. Ханъ ихъ умеръ въ сраженіи, что облегчало переходъ и его колчана въ общую быстро раздвинувшуюся границу Монголіи. Уничтоживъ независимость мергитовъ, Монголія могла считаться объединенною, такъ какъ вспышки сепаратистовъ не въ состояніи были уже поколебать оронгви о девяти значкахъ. Послѣднею серьезною вспышкою можно считать возстаніе тангутовъ, которое окончилось тѣмъ, что ихъ ханъ отвелъ лично свою любимую дочь въ гаремъ Чингисъ-хана!

Пока длились эти домашнія дѣла Монголіи, разрѣшавшіяся при помощи острыхъ пикъ и тяжелыхъ палицъ, шпіоны Чингисъ-хана избороздили всю Азію. Подъ видомъ купцовъ и юродивыхъ, они побывали и въ степяхъ и въ горахъ и у воды, оттуда они постоянно доставляли Чингисъ-хану свѣдѣнія о богат-

ствѣ и военныхъ средствахъ земель, въ которыхъ, въ случаѣ войны, можно было содержать безъ опасенія большія силы.

Неподалеку отъ Монголіи, въ холодной полосѣ, шли степи Турана, но тамъ прозябали народцы, не достойные даже, чтобы дарить ихъ серьезнымъ вниманіемъ. Всѣхъ этихъ ничтожныхъ тогда предковъ тунгузовъ, бурутовъ и остяковъ можно было приводить къ покорности попутно, при случаѣ, не тратя ни стрѣлъ, ни времени.

Южнѣе холодной полосы кочевали киргизы. Объ этомъ народѣ юртъ-джи отзывались съ большимъ уваженіемъ. Гордые и понынѣ давностью происхожденія и принадлежностью къ турецкому корню, киргизы вели свою генеалогію отъ сорока дѣвушекъ и миѳическаго богатыря. Они покрывали всю степь отъ Турана до теплыхъ рѣкъ и морей. Наѣздничество было ихъ стихіей. Совершенно безпечные къ вопросамъ религіи, а еще болѣе къ грамотности, они могли считать себя родными братьями монголовъ. Вообще-же, они предпочитали честность, гостепріимство и простоту нравовъ всѣмъ путямъ спасенія, указаннымъ Ормуздомъ, Буддою и воинственнымъ Мухамедомъ. При библейской простотѣ, они довольствовались своимъ степнымъ кругозоромъ и едва ли имѣли понятіе о людяхъ и земляхъ, которымъ становилось тѣсно по ту сторону холодныхъ горъ.

Не считая ихъ способными оказать сопротивленіе, Чингисъханъ отправилъ къ нимъ пословъ съ вопросомъ: не желаютъ-ли они признать его своимъ господиномъ? Вопросъ этотъ показался нѣсколько страннымъ людямъ, которые всегда были готовы накормить и напоить каждаго гостя и позволить ему кочевать въ степи невозбранно. Но послы изобразили вѣроятно своего повелителя сторукимъ богомъ войны, поэтому нѣсколько растерявшіеся и напуганные киргизы послали ему въ подарокъ бѣлаго кречета, что было уже заявленіемъ покорности и признаніемъ подданничества.

Въ сосѣдствѣ съ киргизами кочевали джеты, происходившіе отъ монгольскаго корня—ойратовъ. Народъ этотъ и теперь называетъ себя иногда по имени одного изъ своихъ знаменитыхъ таишей—Элете. Отсюда строгіе историки принялись превращать Элете—въ гетте, джете, чете и въ концѣ концовъ затерялись въ вопросѣ: не правильнѣе-ли называть ихъ калмыками? Чуждые всякой культуры они стояли на степени совершенной дикости. У нихъ былъ свой хаканъ—царь царей, который никакъ не могъ

понять, чего требуетъ отъ него посолъ сторукаго бога войны. На всякій случай, они рѣшили послать ему въ подарокъ двухъ волшебницъ, обладавшихъ тайнами призывать дождь на землю и усмирять снѣжные и пыльные бураны.

За землями джетовъ находилось, по донесенію юртъ-джи, богатое зарѣчное государство, въ которомъ солнце грѣло безъ устали, а деревья роняли листья, чтобы сейчасъ же набрать новые. Тамъ повсюду и всегда зрѣли плоды, о которыхъ въ Монголіи не имѣли и понятія. Очевидно, то были слухи о Хорезмской имперіи, поражавшей воображеніе монголовъ дарами своей богатой природы.

Хотя сообщенія юртъ-джи крайне заинтересовали Чингисъ-хана, но ему важнѣе было имѣть хорошія свѣдѣнія не столько о красотѣ зарѣчнаго царства, сколько о числѣ ея воиновъ и объ ея военномъ искусствѣ. Съ этою цѣлью онъ распорядился послать туда торговый караванъ, въ которомъ однако было «меньше овчинъ, нежели ушей для подслушиванія и больше шпіоновъ чѣмъ верблюжьихъ хвостовъ!» Караванъ повели уйгуры, какъ болѣе культурное племя, способное начертить маршрутъ и записать все, что поддается слову.

Юртъ-джи не заходили на югъ далѣе Хорезмской имперіи и на западъ далѣе Уральскаго хребта. По доставленнымъ же ими распроснымъ свѣдѣніямъ можно было думать, что на крайнемъ югѣ лежали страны вѣчнаго солнца и тепла, на западѣ-же, напротивъ, царили сырость, мракъ и холодъ.

На югѣ люди поклонялись неизвѣстно кому и этого неизвѣстнаго называли Аллахомъ, а его главнаго генія Мухаммедомъ. Послѣдній оставилъ на землѣ книгу, мантію и волосокъ изъ бороды, какъ знаки дѣйствительнаго существованія. Еще далѣе, люди поклонялись коровѣ и чтили духъ своей главной рѣки до того, что считали величайшимъ счастьемъ умереть на ея берегу. Тамъ были страны съ разными вкусными кореньями и съ жемчугами, которые родились въ желудкахъ морскихъ червей....

На западѣ лежала Русь, чуждая воинственнаго духа и съ такимъ большимъ числомъ нойоновъ, какого не было и въ Монголи. За нею находился уже тотъ именно колодезь, въ который по вечерамъ опускается солнце на отдыхъ и изъ котораго предокъ монголовъ Аттила поилъ своихъ коней.

Осторожный Чингисъ-ханъ, не довѣряя распроснымъ свѣдѣ-

ніямъ, распорядился послать въ дальнія страны новыхъ довѣренныхъ людей. Одни изъ нихъ должны были дойти лично до колодезя, въ который уходитъ солнце, а другіе—до коровы, которой поклоняются южные жители.

Но прежде чѣмъ заняться дальними странами ему пришлось подумать о затѣяхъ царя гиновъ, вспомнившаго не кстати о томъ, что монголы платили дань его предкамъ. Царь прислалъ перваго кн. своей имперіи Юнъ-цзи объявить Чингисъ-хану, чтобы онъ уплатилъ дань, совершивъ предварительно заочное ему поклоненіе. Отвѣтомъ на это запоздалое требованіе послѣдовали оскорбительныя насмѣшки и совѣтъ послу удалиться немедленно, не раздражая багадуровъ, не понимавшихъ политическихъ тонкостей. Войска Монголіи были уже готовы къ войнѣ съ застѣннымъ царствомъ, что составляло мечту всей жизни Чингисъ-хана.

Застѣнное царство состояло въ ту пору изъ трехъ имперій: Гинь, Сунь и Ся—по именамъ властвовавшихъ тамъ домовъ. Домъ Гинь происходилъ изъ нынѣшней Манчжуріи, извѣстной въ то время подъ названіемъ Нючжи. Богатое царство его, стоявшее, по сравненію съ Монголіей, на высокой степени культуры, имѣло пять столицъ, называвшихся по четыремъ странамъ свѣта—восточною, западною, сѣверною и южною и срединною столицею Бэ-гинъ, превратившеюся въ Пекинъ.—Двѣ другія имперіи, Сунь, лежавшая южнѣе гиновъ и Ся—западнѣе, не интересовали пока Чингисъ-хана, какъ требовавшія для обстоятельной войны чрезмѣрнаго напряженія его военныхъ силъ.

Зная, что за большою стѣною предстоитъ война не съ пастухами, какими были сородичи, Чингисъ-ханъ понималъ, что однихъ мускуловъ, стрѣлъ и палицъ недостаточно будетъ для пораженія врага, умѣвшаго воздвигать крѣпкія стѣны и метать громоподобные снаряды. Правда, метаніе дротиковъ съ зажигательными составами было доведено монголами до совершенства, но для разрушенія каменныхъ стѣнъ нужны были новыя приспособленія. Греки и римляне не затруднились-бы въ устройствѣ боевыхъ машинъ, но монголамъ было не легко придумать катапульту. Въ этомъ дѣлѣ Чингисъ-хану помогли перебѣжчики изъ застѣннаго царства, которые принесли съ собою и секретъ огненныхъ снарядовъ.

Чингисъ-ханъ никогда не скупился на подкупы. Благодаря его щедрости, кочевыя племена, обитавшія на сѣверѣ отъ стѣны, были втайнѣ на его сторонѣ. При томъ же, тамъ кочевалъ хонги-

ратскій родъ, изъ котораго вышла Буртэ-фужинь. Гины выжимали изъ нихъ суровыми мѣрами всѣ соки и поэтому не имѣли права разсчитывать на ихъ вѣрность.

Въ годъ окончательнаго разрыва между монголами и гинами, за стѣною царилъ Алтанъ-ханъ, повторившій, какъ то было въ обычаѣ императоровъ гиновъ, требованіе о присылкѣ подвластными народами дани и поклоновъ. На это требованіе Чингисъ-ханъ отвѣтилъ, что онъ пришлетъ подарокъ—другу своему, императору—но не ранѣе, какъ получивъ отъ него четырехъ принцессъ въ жены—Джучи, Джагатаю, Октаю и Тули. Ясно было, что императоръ гиновъ не вышлетъ своихъ принцессъ монголамъ и что Чингисъ-ханъ не признаетъ себя его вѣрноподданнымъ. Обѣимъ сторонамъ оставалось помѣряться силами въ военномъ искусствѣ. Здѣсь гины увидѣли, что за ихъ стѣною выросло неожиданно грозное государство, которое въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій расширилось и возросло до положенія царственнаго величія. Царственнымъ великаномъ оказался тотъ самый маленькій монголъ, который, находясь у нихъ въ плѣну, испыталъ терзанія человѣка, приговореннаго къ смерти. Теперь онъ угрожалъ не набѣгомъ, а правильною войною и, разумѣется, при успѣхѣ, истребительною и безпощадною. Слухи о брошенныхъ имъ въ кипятокъ соперникахъ и о чашѣ изъ черепа родного дяди, давно уже проникли за большую стѣну.

Еще не успѣли сбѣжать вешнія воды, какъ берега р. Керулень, назначенные сборнымъ пунктомъ монгольскихъ отрядовъ, начали покрываться конницею, хорошо вооруженною и вполнѣ обезпеченною для дальняго похода. Каждый всадникъ былъ о двуконь, въ латахъ и со щитомъ изъ толстой кожи дикихъ звѣрей, непроницаемой стрѣламъ и дротикамъ. При войскѣ виднѣлись и прадѣды нынѣшней артиллеріи—катапульты, самострѣлы и, какъ послѣднее по тому времени слово военной науки—вьюки съ горшками, наполненными зажигательными припасами. Проводниками служили уйгуры, отказавшіеся къ этому времени платить дань гинамъ.—«Я слышалъ отъ приходящихъ и уходящихъ о твоемъ могуществѣ»—писалъ ханъ уйгуровъ Чингисъ-хану.—«И все, что я знаю о застѣнномъ царствѣ, сообщу тебѣ правымъ сердцемъ. Ты же, видѣвши какъ я радуюсь всею внутренностію, сочти меня своимъ пятымъ сыномъ и возвеличь меня золотымъ поясомъ».—Согласившись на просьбу уйгура, Чингисъ-ханъ принялъ его въ свои сыновья, отдавъ ему въ замужество свою дочь.

Прежде чѣмъ двинуться къ большой стѣнѣ, Чингисъ-ханъ обезпечилъ свои главныя силы «карагулами», высланными авангардомъ и во фланги. Сильный арріергардъ долженъ былъ наблюдать за ненадежными улусами Монголіи. Кочевавшія у стѣны племена состояли изъ смѣшаннаго китайско-монгольскаго населенія, которое, получая жалованье отъ гиновъ, стерегло и кормило скотъ императорскаго войска—по преимуществу буйволовъ, верблюдовъ, ословъ и муловъ. Лошадьми гины были бѣдны. Жалованье однако не помѣшало хонгиратскому хану подержать стремя Чингисъ-хана; подкупъ и страхъ сдѣлали изъ него преданнаго союзника монголовъ. Послѣдніе обогатились такимъ образомъ, и перевозочными средствами на счетъ врага, и богатымъ запасомъ продовольствія.

За стѣною силы монголовъ раздѣлились на центръ и крылья. Первымъ командовалъ лично Чингисъ-ханъ съ помощью сына Тули, а вождями боковыхъ армій были остальные сыновья, обязанные впрочемъ выслушивать совѣты искуснаго полководца Мухули-Гована. Нынѣшній переходъ монголовъ за стѣну положилъ начало вѣковой борьбѣ Монголіи съ Китаемъ, то затихавшей, то вспыхивавшей съ ожесточенною яростью.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этого перваго похода, монголы имѣли дѣло съ крѣпостями, окружавшими столицы гиновъ и съ хорошо защищенными горными проходами. Ничто однако не могло противостоять выносливости и силѣ монголовъ и стремленію сыновей ихъ вождя отличиться на бранномъ полѣ. Каждый изъ нихъ добылъ себѣ по крѣпости, чему помогали отчасти вассалы императора гиновъ, охотно мѣнявшіе тиранію Китая на приволье жизни багадуровъ. Полуостровъ Ляо-дунь первый вошелъ въ сношеніе съ монголами и усилилъ ихъ полчища для нападенія на Бэ-гинъ.

Въ теченіе подготовительнаго періода войны, во власти Чингисъ-хана очутились всѣ важнѣйшія сѣверныя крѣпости и горные проходы. Нельзя сказать, чтобы войска гиновъ вели себя трусливо—напротивъ, есть свидѣтельства, что нѣкоторые гарнизоны ихъ пожирали даже людское мясо и все таки не сдавались монголамъ. Предводители ихъ охотнѣе распарывали себѣ животы или отравлялись, нежели надѣвали на себя позорныя веревки. Алтанъ-ханъ, понеся рядъ пораженій, бѣжалъ въ дальній Тонкинъ.

Чингисъ-ханъ лично руководилъ осадою Бэ-гина. Гарнизонъ его, проникнувшись паническимъ трепетомъ предъ безпощадностью монголовъ, раздѣлился на политическія партіи, которыя и приня-

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ВОЖДЬ МОНГОЛІИ.

лись истреблять одна другую. Главнокомандовавшій арміею умертвилъ намѣстника императора и, объявивъ послѣдняго лишеннымъ престола, возвелъ на тронъ своего родственника. Партія императора умертвила въ свою очередь главнокомандовавшаго и изгнала его ставленника. Взаимная вражда осажденныхъ способствовала тому, что Бэ-гинъ, полусожженный огненными стрѣлами монголовъ и изнемогшій отъ голода, сдался на милость побѣдителя.

Милости однако не послѣдовало. Годы не истребили изъ памяти Чингисъ-хана и унизительныя отношенія Китая къ Монголіи и тѣ позорныя работы, какими отягчали личную его участь. Теперь онъ прошелъ по улицамъ и площадямъ, гдѣ подбиралъ нѣкогда трупы павшихъ животныхъ и нищихъ, во всемъ величіи азіатскаго міродержца. По его слѣдамъ текла рѣка крови, а вокругъ него бушевало огненное море. Храмы, дворцы, рынки, кладбища — все дорогое и убогое, все грубое и изящное — все гибло по одному мановенію его оронгви.

Въ теченіе мѣсяца Чингисъ-ханъ всходилъ ежедневно на башню императорскаго дворца любоваться картиною разрушенія богатой столицы. И чѣмъ выше вздымались къ небу огненные языки, чѣмъ громче оглашалась окрестность воплями избиваемыхъ, тѣмъ яснѣе и отраднѣе свѣтились его зрачки. Наконецъ онъ поджегъ своею рукою дворецъ—и далъ знакъ монголамъ оставить догоравшій могильникъ.

Разославъ отряды истреблять непріятеля всюду, гдѣ бы онъ могъ показаться, Чингисъ-ханъ назначилъ правителемъ покорно лежавшей у его ногъ имперіи—Мухули съ полномочіями на жизнь и смерть, на войну и миръ. Онъ не ошибся въ выборѣ этого даровитаго воителя, какъ не ошибался и вообще въ выборѣ довѣренныхъ лицъ. Даже и теперь, истребляя въ разгарѣ страстей цѣлыя племена, уничтожая области и обращая цвѣтущіе города въ груды мусора, онъ даровалъ жизнь одному изъ сановниковъ павшей имперіи—Ели-Чуцаю.

Философъ, умный администраторъ и финансистъ своего времени, Ели-Чуцай предсталъ передъ побѣдителемъ съ безтрепетностью Конфуція, повелѣвавшаго умами—непоколебимостью правилъ и необычайною скромностью. Первая бесѣда очень расположила къ нему Чингисъ-хана, которому хотѣлось имѣть при себѣ хорошаго астролога. Ели-Чуцай попробовалъ было отказаться отъ роли звѣздочета, но міродержецъ не повѣрилъ, чтобы ученый человѣкъ

не могъ разобраться въ указаніяхъ небесной книги. Впослѣдствіи уже, убѣдившись въ безкорыстіи Ели-Чуцая, Чингисъ-ханъ освободилъ его отъ обязанностей предсказателя и передалъ ему часть своихъ государственныхъ заботъ. Въ концѣ концовъ, онъ почтилъ его неограниченнымъ довѣріемъ и передалъ ему большую государственную печать, что давало ему право на приказанія именемъ высочайшей власти. Въ видѣ необыкновеннаго исключенія изъ общаго правила, Ели-Чуцай никогда не злоупотреблялъ этими высокими прерогативами. Благодаря же его гуманности уцѣлѣвшіе остатки покоренныхъ монголами народностей приспособлялись вновь къ человѣческой жизни. Ему приписываютъ также первое изданіе невиданныхъ до того времени кредитныхъ денегъ, штампованныхъ на бумагѣ изъ тутовой коры. Особенно же дорогую по себѣ память онъ оставилъ постояннымъ стремленіемъ отстоять народъ отъ притѣснителей и хищниковъ. Онъ возсталъ противъ обычая раздавать области въ кормленіе. Нисколько не восторгаясь избытками казны, онъ посылалъ, черезъ каждые три года, во всѣ провинціи, инспекторовъ съ обязанностью представлять доклады о положеніи платящихъ классовъ и о качествѣ мѣстныхъ правителей. Монголы узнали при немъ о налогахъ въ пользу бѣдныхъ, о запасныхъ житницахъ и о льготахъ отъ податей въ годины бѣдствій. Говоря о вліяніи своей цивилизаціи на монголовъ, Китай указываетъ справедливо на Ели-Чуцая какъ на геніальнаго по тому времени правителя варварскихъ племенъ...

Располагая такими правителями какъ Мухули-Гованъ и Ели-Чуцай, Чингисъ-ханъ не задумался возвратиться въ Монголію. Менѣе всего онъ думалъ предаться тамъ покою, подобно геніямъ успокоителямъ его страны — напротивъ, тамъ, ему предстояла новая борьба съ возставшими соплеменниками. Къ тому же, въ войнѣ съ застѣннымъ царствомъ, усталъ и монгольскій конь, которому между тѣмъ предстоялъ дальній путь—въ центральную Азію, въ далекое, богатое зарѣчное царство....

XI.

ВТОРЖЕНІЕ МОНГОЛОВЪ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ.

(1218 г.).

Средняя Азія возбуждала вниманіе Чингисъ-хана не только возможностью богатой добычи, но и военно-политическими цѣлями. Побѣды его въ сѣверной части Китая заставили призадуматься и кара-китайскаго гурхана и шаха Хорезмской имперіи. Оба они видѣли необходимость подготовить оплотъ противъ нашествія монголовъ, обратившихъ уже въ руины и пепелище цѣлую треть обширнѣйшаго въ ту пору государства. Создавая этотъ оплотъ, они гостепріимно и радушно принимали всѣхъ монгольскихъ выходцевъ, недовольныхъ утратою своей независимости. Однимъ изъ такихъ выходцевъ былъ сынъ убитаго Таянгъ-хана найманскаго—Кушлукъ-ханъ, обладавшій достаточною ловкостью, чтобы получить отъ гурхана дочь, а отъ шаха ежегодную субсидію въ тридцать тысячъ золотыхъ динаровъ. Вскорѣ золото пересилило вліяніе женской красоты и Кушлукъ-ханъ передался всецѣло на сторону шаха, стремившагося расширить предѣлы своей имперіи на счетъ сосѣда. Усилившись остатками найманскихъ войскъ,

Кушлукъ-ханъ открыто выступилъ противъ тестя и овладѣлъ всѣми его областями и сокровищами. Нынѣшняя кашгарская провинція сдѣлалась его резиденціей и базисомъ, откуда онъ намѣревался повести борьбу съ Чингисъ-ханомъ. Хорезмскій шахъ поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи, чѣмъ и вызвалъ нашествіе монголовъ на свою имперію. Нашествіе это не остановилось уже и послѣ того, какъ нойону Джебэ удалось настигнуть Кушлука въ Бадахшанскихъ горахъ и убить его въ проходѣ Сары-Куль.

Хорошій предлогъ для столкновенія—если только Чингисъ-ханъ нуждался въ предлогѣ—могъ возникнуть изъ торговыхъ недоразумѣній или изъ оскорбленія посланника, заподозрѣннаго болѣе или менѣе основательно въ шпіонствѣ. Ср. Азія отличалась и въ ту пору торговою предпріимчивостью, такъ что ея караваны доставляли въ страны Алтая холодное оружіе, сушеные фрукты, ткани, ковры и ювелирныя издѣлія. Золото добывалось въ ср. Азіи тѣмъ-же первобытнымъ способомъ, какъ добывали его аргонавты; серебро получалось изъ Китая и частью изъ Монголіи, которая, впрочемъ, лѣнилась извлекать его изъ рудниковъ и предпочитала отнимать его у гиновъ, въ готовыхъ уже слиткахъ.

Въ эпоху Чингисъ-хана, торговымъ піонеромъ ср. Азіи былъ нѣкто Гайръ, смѣтливый караванъ — башъ, сумѣвшій по возвращеніи на родину достигнуть высокаго положенія бека. Бекство онъ получилъ въ Отрарѣ, служившемъ лѣтней резиденціей шаха. Монголіи нечего было возить въ ср. Азію, богатую всѣмъ, что могли дать ей сѣверные кочевники, но все таки ея торговыя люди отваживались иногда появляться въ Хорезмской имперіи. Они приходили сюда за покупкою вещей изъ первыхъ рукъ, если только не служили шпіонами своего властелина. Съ послѣднею цѣлью былъ снаряженъ караванъ самимъ Чингисъ - ханомъ, снабдившимъ его охраннымъ листомъ съ большою государственною тамгою.

Караванъ-башъ увидѣлъ, по приходѣ въ Отраръ, въ особѣ коменданта своего стараго знакомаго Гайръ-бека и съ истинно монгольскою простотою бросился къ нему въ объятія. Но Гайръ-бекъ, не допуская стараго друга до фамильярности, приказалъ ему прежде внести пошлины и подарки, а потомъ уже явиться къ нему на поклонъ. Пошлины были взяты въ усиленномъ размѣрѣ. Часть ихъ пошла въ кассу шаха, часть на добрыя дѣла и на

войну съ невѣрными, а остатки въ пользу самаго бека, такъ что у монголовъ остались одни верблюды, на которыхъ они привезли рога мораловъ и серебряные слитки.

Возникшая между старыми друзьями по этому поводу ссора, окончилась тѣмъ, что прибывшіе въ караванѣ монголы были объявлены шпіонами и брошены въ клоповникъ. Этотъ классическій «зинданъ» сохранилъ и по наше время форму большой бутылкообразной ямы, менѣе доступной воздуху нежели плотояднымъ насѣкомымъ. Брошенные туда преступники взывали къ смерти, какъ къ избавительницѣ отъ тысячи несносныхъ терзаній. Монголамъ пришлось однако не долго испытывать жала скорпіоновъ и укусы фалангъ, такъ какъ въ качествѣ шпіоновъ они были перебиты по ускоренному процессу судопроизводства.

Можно думать, что Чингисъ-ханъ и не ожидалъ другого результата отъ посылки каравана съ вспыльчивымъ во главѣ его человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, прежде нежели вѣсть объ истребленіи посланныхъ имъ людей дошла до Монголіи, его тьмы и тысячи направлялись уже къ верховьямъ р. Иртыша. Въ то-же время, крылатая вѣсть о томъ, что шахъ Хорезма посрамилъ большую государственную тамгу Чингисъ-хана, облетѣла всѣ дальніе улусы и подняла воинственный жаръ багадуровъ до точки кипѣнія. Побѣдители сѣвернаго Китая, отказались отъ отдыха и поспѣшно изготовились покорять новыя страны, которыя, по народной молвѣ, были такъ богаты, что улицы въ ихъ городахъ покрывались коврами, а въ степяхъ блуждали верблюды съ золотыми погремушками.

Постигая всѣ трудности предстоявшаго похода, Чингисъ-ханъ сумѣлъ сдержать страстные порывы своихъ совѣтниковъ и даже приступилъ къ мирнымъ переговорамъ съ неосторожнымъ шахомъ. Посолъ его имѣлъ порученіе перемѣшивать ласки съ угрозами и, представляя цѣнные подарки, требовать выдачи Гайръ-бека—разумѣется на казнь, не столько впрочемъ за истребленіе каравана, сколько за нанесенную имъ обиду государственной тамгѣ. Шахъ медлилъ отвѣтомъ, стараясь выпытать какъ велики силы Чингисъ-хана и чѣмъ можно было объяснить его побѣды въ Китаѣ. Колебаніе это длилось до того времени, когда посолъ объявилъ, что его властелинъ не отойдетъ отъ начатаго дѣла, пока шахъ не признаетъ себя его сыномъ. То было формальное требованіе признать себя вассаломъ—требованіе, истощившее терпѣніе шаха,

который повелѣлъ наконецъ выбрить у посла бороду и выпроводить его за границу. Болѣе яснаго отвѣта не требовалось. Насильственное бритье бороды посланника равнялось новому оскорбленію государственной печати.

Затянувшіеся переговоры дали, между прочимъ, возможность Чингисъ-хану привлечь на свою сторону очень крупную силу—это халифа Насира, недовольнаго своимъ сосѣдомъ. Мусульманство было въ ту пору въ упадкѣ, такъ что намѣстникъ Пророка, обязанный искоренять невѣрныхъ, призывалъ теперь вождя язычниковъ наказать шаха, который не только отказывалъ багдадскому духовенству въ милостинномъ даяніи, но и пренебрегъ даже приглашеніемъ прійти и поклониться мантіи Мухаммеда. Мало того, пышный эпикуреецъ угрожалъ Багдаду тѣмъ, что онъ заведетъ своего халифа и даже внесетъ поправки въ истолкованія корана....

На призывъ къ войнѣ всѣ племена и улусы Монголіи заявили, что они готовы двинуться съ семействами и стадами, какъ-бы въ перекачевку изъ одной страны въ другую.

Перекочевка предстояла изъ страны холодной и неприютной—въ теплую и богатую. Все лѣто прошло въ сборѣ военной силы, которая увеличивалась все новыми и новыми тысячами. Еще такъ недавно многія племена—даже Турана и Могулистана, нынѣшняго Семирѣчья — чуждались названія монгола какъ ничтожнаго и презрѣннаго, а теперь каждый бурутъ или калмыкъ видѣлъ въ этомъ названіи только блескъ, гордость и славу.

Передъ походомъ старшая жена Чингисъ-хана, напомнила ему о необходимости назначить на всякій случай наслѣдника его царствъ и сокровищъ.—«Ты идешь за высокія горы и широкія рѣки, въ далекія страны, на битвы и если случится тебѣ умереть, то кому изъ сыновей повелишь быть господиномъ?»—На собравшемся по этому важному вопросу семейномъ совѣтѣ заспорили о главенствѣ Джучи и Джагатай.—«У тебя кромѣ крутого нрава нѣтъ другого таланта», замѣтилъ Джучи.—«Не хочешь-ли побороться со мною, а отецъ пусть посмотритъ и скажетъ кому изъ насъ быть господиномъ».—Въ борьбѣ они оказались одина-

ково искусными, поэтому Чингисъ-ханъ выбралъ своимъ наслѣдникомъ Октая—наиболѣе умнаго изъ его сыновей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе приверженнаго къ алкоголю. Управленіе-же коренною Монголіей онъ поручилъ, на время своего отсутствія, родному брату Отчигиню.

Наконецъ къ осени собралось, между нынѣшними озерами Балхашемъ и Зайсаномъ, до полумилліона боевой силы и нескончаемые обозы съ семействами, табунами и домашнимъ скарбомъ. Военная операція превратилась въ переселеніе воинственнаго племени. Самая организація этого массоваго движенія представляла серьозныя трудности. Правда, пески Гоби оставались въ сторонѣ, но все таки впереди должны были встрѣтиться безводныя степи съ убогою растительностью и съ безпощадными—зимою—снѣжными буранами. Впрочемъ и время для передвиженія и направленіе пути были выбраны лучшими знатоками степи—караванъ-башами, ходившими не разъ въ зарѣчное царство. Выступленіе началось осенью, когда атмосферная влага пробуждала вторично къ жизни степную растительность и давала водоемы, достаточные для массы людей и животныхъ. Путь шелъ первоначально по сѣверной сторонѣ оз. Балхаша, а потомъ врѣзывался въ степь съ выходомъ у бассейна р. Сыръ. Движеніемъ не торопились. Нерѣдко цѣлыми мѣсяцами войска и таборы народа отстаивались на солончаковыхъ падяхъ и травахъ и потомъ бодро двигались дальше. Тьмы шли широкою полосою. Собственную тысячу Чингисъ-хана велъ его пріемный сынъ, преданный ему на жизнь и смерть. Центръ и крылья шли подъ начальствомъ сыновей и родственниковъ. Авангардомъ командовалъ Джебэ, а арріергардомъ—Субетай. Гаремъ былъ также обставленъ охранною стражею.

Продовольствіе милліонной массы ртовъ не особенно заботило интендантство Чингисъ хана. Каждый всадникъ его обязанъ былъ взять съ собою всѣ необходимые запасы. Слѣдовавшія въ обозѣ женщины готовили пищу и вьючили караваны, такъ какъ ихъ мужья, назначенные Небомъ для покоренія міра, не могли заниматься подобными мелочами.

Въ удобныхъ мѣстахъ устраивались генеральныя охоты, причемъ мясо убитыхъ звѣрей шло въ добавочные раціоны. Въ охотѣ Чингисъ-ханъ принималъ нерѣдко личное участіе. Такіе случаи требовали торжественной обстановки, которая для нашего времени представляется нѣсколько фантастическою. На избранномъ холмѣ

устанавливали его шатеръ и шатры его гарема. Этотъ, возникавшiй въ нѣсколько часовъ, замокъ, отличался пышностью юртъ, изобилiемъ кухни и вообще эпикуреизмомъ мiродержца. Сюда приглашались, кромѣ вождей и приближенныхъ багадуровъ, первоклассные стрѣлки, сказатели былинъ, артисты пѣнiя и музыки и всевозможные борцы. Этотъ центръ величiя и радости назывался «урдою».—Названiе это осталось въ ср. Азiи и понынѣ за цитаделями и вообще за дворцовыми раiонами. Въ урдѣ же находились и волшебники, выписанные изъ Тибета и Кашмира, умѣвшiе расцвѣчивать небо надъ ставкою повелителя. Домашнiя волшебницы, хотя ихъ было и много въ Монголiи, не умѣли вести это дѣло какъ слѣдуетъ.

Облава шла по строго опредѣленной программѣ: урда представляла центръ охотничьяго круга съ поперечникомъ иногда въ нѣсколько сотъ верстъ. Племена и области, охваченные этимъ кругомъ, обязаны были выставлять десятаго человѣка для отысканiя звѣрей и подъема ихъ изъ трущобъ и логовищъ. Повинность поставлять загонщиковъ исполнялась строго, подъ угрозою «Темучинова гнѣва». Кругъ держали войска. Обнимая громадныя площади, они постепенно смыкались съ расчетомъ, чтобы урда продолжала во все время охоты оставаться центромъ. Передъ началомъ самой охоты площадь охранялась уже пятью или шестью кольцами плотно примыкавшихъ людей.

Начальникъ охоты докладывалъ ежедневно Чингисъ-хану какъ велико число звѣрей, попавшихъ въ загонъ и есть ли между ними экземпляры, достойные его стрѣлы. Наконецъ звѣздочеты избирали счастливый часъ и тогда литавры возвѣщали его выходъ изъ ставки.—Онъ показывался войску и народу во всеоружiи Нимврода—звѣролова.

Изюбры, моралы, сайгаки и медвѣди падали первыми подъ его выстрѣлами. Случалось, что раненые убѣгали отъ него; тогда, забывъ свое верховное величiе, онъ вскакивалъ въ сѣдло и мчался съ короткимъ мечемъ, пока звѣрь не падалъ у его ногъ. Дамамъ его гарема тоже предоставлялось удовольствiе метать стрѣлы въ джайрановъ, дикихъ козловъ и лисицъ, а еще почетнѣе въ перелетную дичь.

Опустошивъ свой колчанъ, Чингисъ-ханъ уступалъ право охоты сыновьямъ и приближеннымъ. Эти также удостаивали своими стрѣлами только животныхъ высшей породы. Убившiй

НА ПУТИ ВЪ ЗАРѢЧНОЕ ЦАРСТВО.

тигра, вѣшалъ его клыки на шею своего боеваго коня, а шкурой его прикрывалъ входъ въ свою юрту.

Слѣдующіе дни охоты предоставлялись начальникамъ тысячъ, сотенъ и наконецъ всему войску; здѣсь уже не различали знатныхъ звѣрей отъ незнатныхъ. Зайцы и волки, кабаны и барсуки шипѣли рядышкомъ на раскаленныхъ камняхъ, замѣнявшихъ вертелы и жаровни.

Охота оканчивалась появленіемъ передъ Чингисъ-ханомъ депутаціи съ просьбою оставить часть не добитыхъ звѣрей на распложеніе. Просьба эта всегда исполнялась, при чемъ уцѣлѣвшихъ звѣрей крупной породы клеймили передъ дарованіемъ имъ свободы тамгою властелина,

Трофеи охоты, иногда въ чудовищномъ количествѣ, были общимъ достояніемъ войска и народа; только немногіе избранники, обладатели тарханныхъ грамотъ, имѣли право на личные трофеи.

Хотя охота и считалась надежною помощью монгольскаго интендантства, но трудность продовольствовать сотни тысячъ ртовъ облегчалась прежде всего нетребовательностью монгола во время похода и неприхотливостью его коня. Даже гололедица и толстые покровы снѣга въ степи не препятствовали послѣднему отыскивать себѣ кормъ. Что касается до его хозяина, то онъ не брезгалъ ничемъ, что можно было безнаказанно отправить въ желудокъ, не отличая чистыхъ животныхъ отъ нечистыхъ, вороны отъ бѣлки и кабана отъ горностая.

Монгольскій желудокъ охотно переваривалъ даже мышей и саранчу. Мышиныя полчища встрѣчаются и теперь нерѣдко въ азіатской степи, по которой онѣ движутся переселяясь изъ опустошенной страны въ другую, несмѣтными массами. Въ такихъ переселеніяхъ онѣ покрываютъ громадныя площади и, слѣдуя инстинкту, а можетъ быть и ходакамъ, бѣгутъ впередъ съ внушительнымъ видомъ и серьознымъ вниманіемъ. Лава ихъ неудержима. Истребленіе безполезно. Въ короткое время мѣшки и боченки наполняются ими безъ приманки и усилій.

Саранча была извѣстна монголу какъ рѣдкая гостья на его родинѣ и въ сушеномъ видѣ какъ цѣнное лакомство. Впослѣдствіи, когда монгольскія войска бороздили среднеазіатскія степи, встрѣча съ саранчею доставляла имъ глубокую отраду. Особые гонцы высматривали тогда гдѣ она опустится на землю съ намѣ-

реніемъ закопаться и положить свои сѣмена. Въ такихъ случаяхъ образовывается изъ нея слой въ нѣсколько вершковъ толщиною, такъ что копыта коней тонутъ въ этой жировой массѣ. Въ глазахъ монгола явленіе это было только чудеснымъ благоволеніемъ Неба къ его народу.

Такая—же простота требованій и порядковъ царила и въ прочихъ отрасляхъ военнаго управленія и хозяйства монгольскихъ полчищъ.

Въ ту пору не существовало еще договоровъ о гуманномъ избіеніи людей, поэтому истребленіе ихъ всѣми способами дѣлалось съ полною откровенностью. Не смущаясь фарисейскими чувствованіями, багадуры считали своею единственною задачею—убивать какъ можно больше враговъ и разрушать въ ихъ странѣ все, что поддавалось разрушенію. Поощреніемъ этой всеистребительной тактики служилъ и законъ занимавшій почетное мѣсто въ Яса-Намэ, предоставлявшій побѣдителямъ—семейства и имущество побѣжденныхъ. Врагами-же ихъ считались всѣ люди и страны, которые рѣшались стать поперегъ ихъ дороги.

Вступивъ въ непріятельскую страну, каждый монгольскій отрядъ дѣлился обычно на двѣ части; одна вела спеціально военныя операціи, а другая занималась захватомъ поселянъ, какъ рабочей силы, и фуражировкой всего, что годилось человѣку и его коню. На обязанности этой части войска лежало прекращеніе подвоза продовольствія непріятельскимъ войскамъ.

Народъ страны, подвергнувшейся нашествію монголовъ, бѣжалъ куда могъ съ тщетною, впрочемъ, надеждою найти убѣжище въ лѣсной чащѣ, въ звѣриномъ логовищѣ или въ горной разсѣлинѣ. Обойденныя кольцомъ всадниковъ толпы поселянъ направлялись въ распоряженіе осаднаго войска. Здѣсь они истощали силы и гибли подъ тяжестью работъ и голода несмѣтными массами. На нихъ-же лежала обязанность готовить фашины, засыпать крѣпостные рвы и подрывать стѣны. Сопротивленіе было безполезно. Тысячи стрѣлъ и желѣзныхъ палицъ были всегда наготовѣ для укрощенія строптивыхъ.

Впереди штурмовавшихъ колоннъ шли тѣ же плѣнные, обязанные нести, если того требовали стратегическіе планы, горшки съ огненными припасами и снаряды для катапультъ. Гибель этихъ авангардовъ была неизбѣжна. Осажденные осыпали ихъ камнями и стрѣлами, а при заминкѣ или неохотѣ идти противъ своихъ бра-

тій, надвигавшіеся за ними монголы обращали ихъ въ массу пригодную только для засыпки рвовъ и устройства дамбъ и переходовъ. Постройка башенъ для стѣнобитныхъ орудій также лежала на плѣнной толпѣ. Монголы оставляли за собою только одну чистую работу, заключавшуюся въ избіеніи враговъ.

Въ полевыхъ сраженіяхъ монголы всегда пользовались засадами и военнымъ притворствомъ. Увлекая враговъ изъ за окоповъ и частоколовъ своею мнимою слабостью, они обрушивались потомъ на нихъ съ вѣрнымъ расчетомъ на побѣду. Наконецъ ихъ стратегія не пренебрегала ни фальшивыми обѣщаніями, ни вѣроломствомъ, ни угрозами.—«Если ты покоришься и пропустишь мои войска черезъ твои владѣнія, то найдешь во мнѣ друга, въ противномъ случаѣ я не знаю что будетъ съ твоими богатствами и твоимъ государствомъ!»—Такъ оповѣщалъ Чингисъ-ханъ попутныхъ властителей, медлившихъ выйти навстрѣчу ему съ вспомогательными войсками и со знаками данничества.

За войсками слѣдовали мастера для изготовленія военныхъ машинъ и медики, обязанные собирать лекарственныя травы во время самаго похода. Медики избирались изъ теленгутовъ, славившихся распознавать цѣлительныя травы и камни. Нѣкоторые изъ послѣднихъ обладали чудодѣйственною силою до того, что однимъ треніемъ ихъ изгонялись—одинаково изъ человѣка и коня—всѣ болѣзни.

Переправа черезъ р.р., не исключая и такихъ многоводныхъ какъ Сыръ, совершалась необычайно просто. Впереди, наискось теченія, плыли лошади, предоставлявшіе свои хвосты въ помощь всадникамъ. Послѣдніе, держась одною рукою за эти повода, а другою за ящики, обтянутые кожею, чувствовали себя въ безопасности. Въ ящикахъ хранились оружіе и палатки. Гибель людей и коней была незначительная.

По мѣрѣ приближенія къ предѣламъ Хорезмской имперіи, монголы усилили военныя предосторожности и выпускали табуны на пастьбу только подъ охраною сильныхъ отрядовъ. На ночь они устраивали изгороди изъ вьюковъ и положенныхъ рядами верблюдовъ. Предосторожность ихъ была тѣмъ болѣе не лишнею, что киргизы ограничившись посылкою бѣлаго кречета, не пожелали слиться съ монголами и не сопротивлялись имъ только по собственному безсилію.

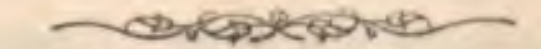
Подходя къ Хорезмской имперіи Чингисъ-ханъ располагалъ

уже шестьюдесятью тьмами всадниковъ. Число это, судя по количеству населенія собственно Монголіи, можно бы считать преувеличеннымъ, но нужно вспомнить какую перетасовку народовъ произвело движеніе его полчищъ въ ср. Азію. На пути его встрѣчались скопища людей, не знавшихъ надъ собою ни общинной, ни автократической власти. Блуждая отъ дня рожденія по степямъ Турана и Могулистана, они превосходно владѣли конемъ и стрѣлою и теперь охотно причисляли себя къ монголамъ въ надеждѣ богатой наживы въ зарѣчномъ царствѣ.

Генералъ бухарскихъ войскъ.
(XIX ст.).

По плану вторженія въ ср. Азію, Чингисъ-ханъ двинулъ туда четыре арміи въ видѣ четырехъ бурныхъ, сокрушительныхъ потоковъ, передъ которыми разступились р.р., пески и горы. Осаду Отрара онъ поручилъ Октаю и Джагатаю. Черезъ красные пески направился Джучи. Небольшой отрядъ пошелъ къ Ходженту, самъ же Ченгисъ-ханъ выступилъ съ главными силами, минуя богатый Ташкентъ, на Бухару, считавшуюся политическимъ центромъ Хорезмской имперіи.

XII.

ХОРЕЗМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

(XIII стол.).

Можно утверждать, что площадь бывшей Хорезмской имперіи полита человѣческою кровью обильнѣе всѣхъ прочихъ частей земного шара. Сюда заглядывали съ этою цѣлью всѣ знаменитости по части истребленія человѣческаго рода. Великій македонянинъ и великій монголъ поработали здѣсь одинаково усердно своими мечами. Цари высоко-культурной Персіи и степные рыцари, распоряжавшіеся исключительно ножами и дубинами, сдѣлали здѣсь также все, чтобы оставить по себѣ кровавыя воспоминанія. На этой почвѣ родился впослѣдствіи Тимуръ-ленгъ, который могъ спокойно играть въ шахматы, когда вокругъ него одна армія истребляла другую и когда султанскія короны падали вмѣстѣ съ головами ихъ носителей!...

В. македонянинъ посѣтилъ Трансоксанію какъ сатрапію персидскаго царства. Персіей правилъ въ то время Дарій III Кодоманъ, которому суждено было остаться послѣднимъ царемъ изъ рода Ахеменидовъ. Обширная имперія его, раздѣленная на крупныя сатрапіи, клонилась уже къ упадку, что выражалось и въ попыткахъ сатраповъ обособиться отъ монарха. Но предѣлы имперіи были все еще обширны и, охвативъ въ ср. Азіи всю Транксоксанію, шли далѣе—къ Тибету и Индіи.

Греческія государства охотно вручили Александру власть надъ соединенными силами, предназначенными къ войнѣ съ Персіей и все таки этихъ силъ набралось не болѣе сорока тысячъ человѣкъ. Дарій выставилъ армію въ двадцать разъ сильнѣйшую, но его рыцари и сатрапы, вскормленные въ сераляхъ и утопавшіе въ нѣгѣ, несли повсюду пораженія. Впрочемъ, при Граникѣ, Александру предстоялъ позорный плѣнъ, если бы не подоспѣла помощь со стороны его друга и полководца Клита. Потерявъ потомъ въ сраженіяхъ при Иссѣ и Арбеллахъ одними убитыми сто тысячъ человѣкъ, Дарій бѣжалъ въ Мидію, оставивъ побѣдителю свое семейство и столько драгоцѣнностей, что для подъема ихъ потребовалось десять тысячъ муловъ.

Бѣжавшіе сатрапы увлекли за собою Дарія, а когда онъ вздумалъ сопротивляться ихъ требованіямъ—убили и бросили его на дорогѣ. Погнавшійся за нимъ Александръ нашелъ только его трупъ, который онъ похоронилъ съ царскимъ великолѣпіемъ, а дочь покойнаго взялъ себѣ въ жены.

Сатрапы, разумѣется, побѣжали теперь къ Александру на поклонъ съ искреннимъ намѣреніемъ измѣнить ему при первой же возможности. Укрѣпивъ свой тылъ и, объявивъ себя наслѣдникомъ трона Ахеменидовъ, Александръ измѣнилъ простоту своего обихода на царскій этикетъ, чѣмъ и вооружилъ противъ себя своихъ боевыхъ соратниковъ. Образовавшійся изъ нихъ заговоръ привелъ къ тому, что Александръ измѣнилъ «кротость своего выраженія и нѣжную томность взгляда»—на вспыльчивость и подозрительность, вызывавшую его на преступленія въ обще-человѣческомъ смыслѣ.

Преодолѣвъ трудности похода за р. Аму, онъ явился въ Трансоксаніи уже свирѣпнымъ воителемъ. На каждомъ шагу онъ ожидалъ измѣны и засады. Сатрапы продолжали волновать народъ и хотя одинъ изъ нихъ—убійца Дарія—былъ уже распятъ на крестѣ, но все еще находились предводители возстаній. Самаркандъ сдался на волю побѣдителя. Населеніе Трансоксаніи—скиѳы, за которыми утвердилась почему-то слава прародителей славянства—не могли сопротивляться, поэтому города и крѣпости ихъ сдавались по первымъ требованіямъ герольдовъ, возвѣщавшихъ побѣдоносное шествіе счастливаго воина.

Въ видѣ опорнаго пункта, Александръ построилъ въ нѣсколько сутокъ, на мѣстѣ нынѣшняго Ходжента, укрѣпленный лагерь. Всѣ мѣстныя власти были замѣнены греками, не замедлив-

шими повести себя со свойственною имъ надменностью. Скиѳы опомнились. Малочисленные гарнизоны побѣдителя были вырѣзаны ими поголовно, а въ тылу и во флангахъ его появились толпы возставшихъ племенъ.

Чувствуя себя въ стѣсненномъ положенiи, Александръ вышелъ изъ него только личною отвагою и мщенiемъ, передъ которымъ затрепетали и самые скиѳы. Всѣ упорствовавшiе въ возстанiи были осуждены огульно къ поголовному истребленiю. Наконецъ, облитая кровью Согдiана смирилась и онъ отпраздновалъ свою побѣду гомерическимъ пиромъ и убiйствомъ своего друга и спасителя. Ликуя въ честь Клита, опьяненный македонянинъ убилъ его, не стерпѣвъ ничего не значущаго противорѣчiя.

Три года провелъ Александръ въ Согдiанѣ, гдѣ плѣнился Роксаною, дочерью одного изъ мѣстныхъ вельможъ. Этотъ бракъ съ плѣнницею примирилъ его съ согдiанскою знатью, такъ что онъ могъ уже свободно заняться насажденiемъ европейской культуры въ странѣ варваровъ. Несомнѣнно, что греки внесли сюда много начинанiй, передъ которыми скиѳамъ оставалось преклониться съ благоговѣнiемъ, окружившимъ Александра ореоломъ блеска и могущества. Имя его обратилось въ имя легендарнаго существа, которому спустя десять вѣковъ, самъ Мухаммедъ отвелъ почетное мѣсто въ коранѣ:—«Я разскажу вамъ исторiю Дгуль-Карнейна» повѣдалъ онъ въ одной изъ своихъ суръ.—«Мы укрѣпили его могущество на землѣ и дали ему средства достигнуть желаемаго».— По дальнѣйшему сказанiю, Дгуль-Карнейнъ овладѣлъ двумя краями земли—Востокомъ и Западомъ и сдѣлалъ хорошее дѣло, оградивъ смутьянъ Яджуджей и Маджуджей желѣзною оградою.

Называя Александра—двурогимъ, «Дгуль-Карнейнъ»—Мухаммедъ повторилъ только многочисленныя и разнообразныя легенды, продолжающiя обращаться въ ср. Азiи и по настоящее время. По одной версiи, у него торчали на вискахъ два рога, а по другимъ сказанiямъ, въ этомъ украшенiи слѣдуетъ видѣть нѣчто иносказательное: онъ - де имѣлъ рога не на головѣ, а на коронѣ, въ знакъ обладанiя двумя мiрами—надземнымъ и подземнымъ. При множествѣ легендъ по этому поводу, достаточно сказать, что на многихъ монетахъ Александръ украшенъ двурожiемъ, что не помѣшало ему впослѣдствiи объявить себя существомъ сверхъестественнымъ и божественнаго происхожденiя.

Побывали и китайцы въ Мавераннагрѣ.

Китай медленно расширялся въ эту сторону, но уже за д вѣка до хр. эры онъ пришелъ въ столкновеніе съ восточным областями Хорезма. Слѣдуя обычаю, Китай выдвинулъ въ вид авангарда—армію каторжниковъ для воздѣлыванія полей, а затѣм уже арріергардъ, т. е. настоящія войска.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Китай присылалъ въ нынѣ нія области Кашгара и Ферганы своихъ намѣстниковъ и админ страторовъ. Считая, что культура распространяется въ народн массѣ сверху внизъ, онъ мало заботился о перевоспитаніи наро ной массы и довольствовался тѣмъ, что его чиновники препод вали народу правила хорошаго тона.—«До сего времени» взывал къ народу князь Бо-я,—«обитая въ пустынныхъ предѣлахъ, народ распускалъ волосы и носилъ лѣвую полу наверху правой. Нын домъ Суй единодержавствуетъ и вся вселенная соединена въ од его царство. Принявъ обычаи просвѣщеннаго народа, я требую чтобы и мои подданные заплели косы и запахивались бы не лѣ вою, а правою полою халата.»—Но ни этотъ кн. совѣтъ, ни к лодки, красовавшіяся у его дворца для надѣванія на шеи пр ступниковъ, не привели Мавераннагръ къ китаизму....

Генералъ-Губернаторъ мусульманской провинціи Китая.
(XIX ст.).

Вторженія въ ср. Азію различныхъ народностей установили въ ея населеніи двѣ отличительныя расы: арійскаго происхожденія и тюркскаго. Арійцы остались здѣсь со временъ, когда Мавераннагръ составлялъ сатрапію имперіи Ксеркса и Дарія. Принявъ названіе таджиковъ, они принесли сюда ученіе Зароастра, этого великаго основателя ученія маговъ. Побывавъ на небѣ и побесѣдовавъ съ самимъ Ормуздомъ, Зороастръ возвратился, какъ извѣстно, въ Иранъ, гдѣ и вступилъ въ состязаніе съ легіономъ браминовъ. Побѣда осталась на его сторонѣ. Его Зендавеста была признана лучшимъ изъ законовъ и поэтому ученіе объ Ормуздѣ и Ариманѣ—покорило сердца многихъ милліоновъ людей. Ариманъ остался объектомъ безпрерывнаго съ нимъ сраженія на пользу Ормузда.

Долго и упорно отстаивали послѣдователи Зороастра свой режимъ, не соглашаясь промѣнять свое «живое слово», написанное на тысячѣ двухстахъ шкурахъ, на книгу Пророка и его единобожіе. Съ другой стороны и аравитяне работали усердно и саблями и копьями въ пользу насажденія истинъ ислама. Гегемонія ихъ то крѣпла, то ослабѣвала и понадобилось почти столѣтіе, когда наконецъ въ Дамаскѣ и въ Багдадѣ раздались восклицанія: «долой исчадія огня!»—

Въ Трансоксанію арабы подошли какъ въ послѣднюю изъ сѣверныхъ персидскихъ сатрапій, при чемъ предусмотрительно устроили двѣ базы: въ нынѣшнемъ Мервѣ и въ Балхѣ, который считался южными воротами въ зарѣчныя страны. Отсюда они повѣяли исламомъ до Кара-китайской имперіи и до каменнаго пояса у страны гебровъ. Прежде, однако, нежели утвердить въ Трансоксаніи вѣру Пророка — они попользовались въ Бухарѣ ея сокровищами, оружіемъ, золотыми и серебрянными издѣліями и вообще невиданными въ ихъ пустынѣ драгоцѣнностями. Знатный арабъ Сеидъ посягнулъ даже на сапоги величественной Хатунъ, управлявшей страной. Сапоги ея были осыпаны рубинами и бирюзою и стоили десятки тысячъ диргемъ. Не довольствуясь сапогами, онъ потребовалъ потомъ интимной дружбы самой Хатунъ, противъ чего она пробовала откупиться, но арабъ былъ такъ настойчивъ! Не удовольствовавшись и этою побѣдою, онъ потребовалъ, чтобы и знатные вельможи Трансоксаніи сняли съ себя мечи, украшенія и даже платья и передали бы ему, но вельможи воспротивились и— укоротили его дни.

Три раза арабы нападали на Бухару и обращали ее въ въ исламъ, но Зороастръ былъ на сторожѣ и видимо подкрѣплялъ мышцы своихъ приверженцевъ. Наконецъ Бухара въ четвертый разъ отворила передъ исламомъ ворота и на этотъ разъ, уже достаточно ограбленная и обезсиленная, рѣшила разстаться съ своими божествами, чуждыми воинственнаго характера.

Каждый бухарецъ принужденъ былъ уступить половину своего дома арабу, который являлся такимъ образомъ и постояльцемъ и наставникомъ въ вѣрѣ. Знатные вельможи приняли исламъ ранѣе народа и даже прежде чѣмъ научились употребительнымъ при молитвѣ тѣлодвиженіямъ и колѣнопреклоненіямъ. Народу же арабы преподавали молитвенный ритуалъ на особо отведенной площади, гдѣ, по командѣ главнаго имама, люди выкрикивали священныя слова, затыкали уши, раскачивались, вздыхали и вообще учились новой вѣрѣ. Предварительное обезоруженіе бухарцевъ много способствовало успѣху ученія Мухаммеда. Ту же систему насажденія вѣры арабы примѣнили къ Самарканду и вообще ко всей ср. Азіи. Сѣвернѣе р. Сыръ они не заходили.

Еще болѣе насилія выказали они надъ христіанами, свободно исповѣдывавшими въ Азіи ученіе Несторія. Преданіе третьимъ вселенскимъ соборомъ ученія этого патріарха анаѳемѣ, повело къ бѣгству его послѣдователей изъ Византіи въ Персію. Здѣсь они открыли школы, въ которыхъ аборигены, а потомъ и арабы познакомились въ Платономъ, Аристотелемъ и Гиппократомъ. Изъ Персіи, распространившись по центральнымъ областямъ Азіи, они достигли Индіи, Китая и Монголіи. Несомнѣнно, что они имѣли епископовъ и митрополіи въ Самаркандѣ и Кашгарѣ. Познанія ихъ во врачебномъ искусствѣ, высоко цѣнившіяся при дворахъ мѣстныхъ властелиновъ, много способствовали распространенію ихъ ученія. Раздробившись однако на малыя общины и отчужденные отъ главныхъ центровъ христіанства, проповѣдники ихъ ослабѣли съ теченіемъ времени какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обычныхъ правилахъ христіанской морали. Въ эпоху тимуридовъ мусульманство сравняло христіанъ съ буддистами и старательно истребило его памятники. Христіанская церковъ обратилась въ «бутъ-хана», т. е. въ домъ идоловъ, а мѣста, пріобрѣвшія священное уваженіе, получили иной видъ и иную исторію. Могилу Маріанны, которую несторіане выдавали за могилу матери Христа, мусульмане объявили могилою сестры Ахмета Ясавы. Церковь на

«тронѣ Соломона» они замѣнили мечетью. Только случайно открываемыя кладбища, указываютъ теперь на существованіе въ Азіи, какъ напримѣръ въ бывшемъ Могулистанѣ, древнихъ христіанскихъ общинъ. Усиленіе аравитянъ повело наконецъ къ совершенному изгнанію христіанъ изъ городовъ—въ горы и положило запретъ ихъ прозелитизму. Епископія въ Самаркандѣ прекратила такимъ образомъ свое существованіе.

За два вѣка до вторженія монголовъ въ ср. Азію, въ мусульманской Бухарѣ выдвинулся надъ современниками трансоксанскій турокъ Сельджукъ, которому благопріятствовавшія обстоятельства вручили Месопотамію, Сирію, Хоросанъ и малую Азію. Нисходившее поколѣніе блистательно поддержало достоинства и удачи своего предка, такъ что изъ него выдѣлились пять самостоятельныхъ династій: иранская, керманская, алеппская, иконійская и дамасская. Могущественнѣйшею изъ нихъ была иранская, господствовавшая въ Багдадѣ и Испагани. Основатель ея, внукъ Сельджука, породнился съ халифомъ, принялъ титулъ султана и оставилъ по себѣ потомковъ, видѣвшихъ у себя въ плѣну греческихъ императоровъ. Одинъ изъ сельджуковъ этой отрасли—Синджаръ, имѣя резиденцію въ Мервѣ, обладалъ Хоросаномъ, Балхомъ, Гератомъ, Сеистаномъ и позднѣе Хорезмомъ. Управленіе Хорезмомъ онъ поручилъ одному изъ своихъ полководцевъ, который въ свою очередь довѣрился рабу, захватившему вскорѣ царскія прерогативы. Сынъ его продолжалъ еще хранить вѣрность Сельджукамъ, но внукъ предпочелъ уже объявить себя независимымъ шахомъ. Такимъ путемъ возникла самостоятельная Хорезмская имперія, которая выйдя изъ вассальнаго положенія, обзавелась собственною династіею Хорезмъ-шаховъ. По смерти Синджара разрозненныя части его имперіи вступили во взаимную борьбу и Хорезмъ обратился въ яблоко раздора. Хорезмъ-шахи не затруднились тѣснить халифовъ господствовать на всемъ пространствѣ Азіи до Индіи и держать свои гарнизоны въ Месопотаміи, а при неудачѣ ограничиваться Трансоксаніей и нынѣшнимъ Хивинскимъ ханствомъ.

По богатству городовъ Трансоксаніи, первенство принадлежало Ташкенту, а по учености и религіозному значенію—Самарканду, съ которымъ только Балхъ, имѣя тысячу мечетей, могъ вступать въ счастливое соперничество.

Ташкентъ, носившій по временамъ названіе то Чача, то

Шаша, не помнитъ времени своего происхожденія, но древность его доказывается легендами, восходящими до времени Угуза, котораго мухаммедане считаютъ десятымъ ханомъ послѣ Ноя. Въ теченіе длинной эпохи своего существованія онъ пользовался не разъ республиканскою формою правленія и охотно давалъ пріютъ всѣмъ элементамъ ср. Азіи, недовольнымъ существовавшимъ порядкомъ вещей. Элементы эти, осѣдая въ его богатомъ предгорномъ районѣ, не обижались названіемъ «курамы»—сброда, какъ именуется и теперь населеніе чудесныхъ долинъ р.р. Чирчика и Ангрена. Шахи и эмиры избѣгали поэтому возводить Ташкентъ въ званіе столицы, но при желаніи провести весело время или при необходимости пополнить свою казну, они посѣщали Ташкентъ, какъ райскій уголокъ съ туго набитымъ сундукомъ. Его посѣщали потомъ съ этою же цѣлью и монголы и узбеки. Онъ служилъ завиднымъ яблокомъ раздора между кокандцами и бухарцами.

Сартъ.
Житель гор. Ташкента
(при русскомъ господствѣ).

Знаменитые покойники Зороастръ, Афросіабъ и Александръ-двурогій могли бы вступить въ ожесточенныя историческія пренія и все таки остался бы неразрѣшеннымъ вопросъ: при комъ изъ нихъ возникъ Самаркандъ? Извѣстно, что первое его названіе—Согдо перешло въ Маракандъ, изъ котораго легко уже было переименовать въ нынѣшній Самаркандъ. Онъ занимаетъ благодатное мѣстечко въ бассейнѣ бурно-бѣгущей р. Согдо или нынѣшней р. Зеравшанъ. Горный хребетъ отдѣляетъ его отъ пасмурнаго сѣвера, поэтому его сады обременены нѣжными плодами, его превосходно обработанныя пашни даютъ богатые урожаи, а виноградныя лозы, фиговые и гранатные кусты выдерживаютъ зимы безъ всякаго покрова. Обрамляющая его Міанкальская долина всегда была родиною поэтовъ, которые старались на прерывъ другъ передъ другомъ придавать ему возможно пышные титу-

лы.—«Эдемъ востока» смѣняется у нихъ «жемчужиной мухаммеданскаго міра» и доходитъ до «фокуса всѣхъ радостей вселенной.»

Самаркандъ побывалъ не разъ въ рукахъ персовъ, грековъ, арабовъ и узбековъ и хотя всѣ они ощипывали его безжалостно, но всегда оставляли за нимъ значеніе столицы ума и познаній. Въ этомъ отношеніи Самаркандъ именовался даже «царицею міра.»

Не претендуя на ученость, Бухара служила узломъ всемірныхъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Индіей. Такое положеніе мѣняльной лавки центральной Азіи всегда привлекало къ ней вниманіе просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ вершителей судебъ.

Неподалеку отъ Самарканда, лежитъ одинъ изъ райскихъ уголковъ ср. Азіи—Шааръ-Зебсъ, въ которомъ и во времена чингисидовъ процвѣталъ Кешъ, подарившій міру великаго Тимура и очень страннаго пророка Мокомну. Послѣдній явился въ роли серьезнаго протестанта противъ арабовъ и ихъ ученія. Самое имя его произошло отъ занавѣски, которою онъ покрывалъ лицо, никогда не приподнимая ее передъ людьми. Онъ поступалъ такъ, по словамъ мусульманъ, желая скрыть свое безобразное лицо, а по словамъ приверженцевъ—изъ опасенія ослѣпить міръ своимъ величіемъ и красотою. Замѣчательно, что никто и никогда не могъ понять его ученія, но всѣ вѣрили, что онъ являлся уже міру въ образѣ Адама, Авраама, Моисея, Іисуса и Мухаммеда и что ему дана власть являться въ какомъ угодно видѣ. Призывая соединиться вокругъ него, онъ обѣщалъ послѣдователямъ—рай, а ослушникамъ—адъ. Одного этого обѣщанія было достаточно, чтобы вокругъ него собралось войско въ десятки тысячъ человѣкъ. Не разъ онъ бросался противъ пришельцевъ и наносилъ имъ тяжелыя пораженія. Покинутый наконецъ довѣрчивою толпою, онъ устроилъ пиръ, на которомъ умертвилъ весь свой гаремъ, а самъ бросился въ раскаленную печь.—«Я долго стерегла печь, но онъ не вышелъ изъ нея» сообщила потомъ одна изъ его женъ, уцѣлѣвшая хитростью отъ поднесенной ей отравы.

Ко времени нашествія монголовъ, Хорезмскою имперіей правилъ блистательный шахъ Мухаммедъ. Онъ довольно счастливо увеличилъ доставшіеся ему отъ отца владѣнія завоеваніемъ Балха, Герата и Мазандерана. Кара-Китай поплатился въ его пользу Отраромъ и долиною р. Сыръ, а на югъ онъ раздвинулъ границы имперіи до р. Инда. Халифъ Багдада, испугавшись, не

смотря на свое главенство въ мусульманскомъ мірѣ, его быстро разроставшагося могущества, отказалъ ему въ титулѣ шаха. При этомъ онъ запретилъ упоминать его имя во всенародныхъ моленіяхъ. Въ свою очередь шахъ объявилъ халифа низвергнутымъ и отказался принимать въ платежи монеты съ его именемъ.

Правленіе его было однако постоянно ослабляемо ненасытнымъ честолюбіемъ его матери Туракайнъ - хатунъ, которая приказала себя именовать: «царицею женъ всей вселенной.» Она располагала подчиненными лично ей войсками и министры нерѣдко задумывались, чьи исполнить указы—шаха, или его матери?

Въ такомъ положеніи находилась Хорезмская имперія, когда возлѣ ея сѣверныхъ границъ появились тьмы побѣдоноснаго монгола.

Въ эпоху этого нашествія монголовъ, владѣнія Мухаммедъшаха дѣлились на двѣ части: Трансоксанію и Хорезмъ. Первая занимала площадь между р. р. Сыръ и Аму, и охотно оставляла за оазисомъ Ташкентъ-Бухара-Самаркандъ названія Мавераннагра и Согдіаны, а вторая шла по бассейну р. Аму и огибала Аральское море. Столицами въ ту пору были Ургенчъ и Балхъ, а лѣтней рези-

Группа артистокъ и артистовъ бывшей Хорезмской Имперіи—нынѣ Хивы. (XIX ст.).

денціей—Отраръ, возведенный въ первоклассную по тому времени крѣпость.

Направляя тьмы къ завоеванію Хорезмской имперіи, Чингисъ-ханъ напомнилъ своимъ сыновьямъ и темникамъ, что онъ обѣщалъ еще геніямъ Алтая истребить по сту тысячъ хорезмцевъ за каждаго монгола, умерщвленнаго въ Отрарѣ. Послѣдній приказъ его по войскамъ отличался поэтому необыкновенною суровостью.— «Если врагъ будетъ улетать на небо—обратитесь въ соколовъ и бейте его грудною костью. Если онъ уподобится мыши и зароется въ землю—обратитесь въ желѣзныя мотыки и откопайте его. Если онъ, подобно рыбѣ, скроется въ море—сдѣлайтесь сѣтями, пуститесь за нимъ въ погоню и вытащите его. Его жены и его имущество—возьмите себѣ.... И только, когда вы изловите самого шаха Мухаммеда или его гаремъ или его мать Туракайну—приведите ихъ ко мнѣ съ веревками на шеѣ и наполнивъ пескомъ пазухи ихъ рубашекъ!».

Этотъ внушительный приказъ глубоко запечатлѣлся въ памяти багадуровъ и они, избороздивъ всю ср. Азію, ни разу не измѣнили его строгимъ велѣніямъ.

XIII.

РАЗГРОМЪ ХОРЕЗМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(1218—1220 гг.).

Хорезмцы и вся Трансоксанія считали монголовъ только варварами, созданными Аллахомъ въ наказаніе людямъ за ихъ невѣріе и грѣхи. Убѣжденіе это раздѣлялось и Хорезмъ-шахомъ Мухаммедомъ, который однако не допускалъ и мысли, чтобы толпы безумныхъ варваровъ рѣшились перейти изъ страны вѣчныхъ льдовъ въ страны знойнаго юга. Но если-бы они и рѣшились на подобный шагъ, то однѣ крѣпости Трансоксаніи могли охладить ихъ порывы. Не говоря уже объ Отрарѣ, путь имъ преграждали первоклассныя крѣпости Джендъ и Ходжентъ и укрѣпленные лагери въ Самаркандѣ и Бухарѣ. Гарнизоны ихъ были сильны и опытны въ военномъ дѣлѣ и при томъ же имъ предстояло защищать правовѣріе противъ идолопоклонниковъ!

Но вотъ, изъ дальнихъ степей начали приходить извѣстія безпокойнаго характера. Во дворцѣ Хорезмъ-шаха, сначала шепотомъ, а потомъ и во всеуслышаніе заговорили, будто бы монголы вступили въ Могулистанъ и идутъ далѣе, безпрепятственно, быстро и въ необыкновенно воинственномъ настроеніи. Мало того, самая численность ихъ увеличивалась почти ежедневно племенами,

безцѣльно блуждавшими по окраинамъ КараК-итайской и Хорезмской имперій....

Наконецъ величавое спокойствіе Хорезмъ-шаха было нарушено вѣстью, будто бы на горизонтѣ степи показались уже непріятельскія копья и послышались оттуда ржаніе коней и ревъ верблюжьихъ каравановъ. Хорезмъ-шахъ рѣшилъ повѣрить лично эти слухи и, не теряя спокойствія и царственнаго обаянія, взошелъ на минаретъ дворцовой мечети. Здѣсь взглядъ его быстро потускнѣлъ, а душа разсѣялась и ослабѣла: передъ нимъ, всего за нѣсколько полетовъ стрѣлы, развѣвалось уже девятихвостое оронгви. Все же видимое пространство покрывалось—точно у себя дома, въ улусахъ Алтая—юртами, всадниками, табунами и обозами. Со стороны-же сѣверо-востока продолжали подходить новыя тьмы съ щетинами копій и, разумѣется, съ колчанами, полными стрѣлъ. Каждая тьма имѣла свою артиллерію изъ катапультъ и баллистъ и запасы фашинъ и лѣстницъ. Очевидно, варвары пользовались наставленіями опытныхъ инструкторовъ!

— «Они забросаютъ нагайками всѣ мои крѣпостные рвы»! замѣтилъ смущенный Хорезмъ-шахъ окружавшей его свитѣ,—«зачѣмъ Аллаху понадобилось столько палачей»? Это откровенное замѣчаніе указывало на сильное паденіе духа въ повелителѣ, которому двадцать пять лѣтъ улыбалось военное счастье и котораго столько же лѣтъ придворные льстецы сравнивали съ Искандеромъ—двурогимъ.

Нашествіе монголовъ совпало со временемъ, когда Хорезмъ-шахъ намѣревался идти войною противъ халифа. Готовясь къ этому походу, онъ распредѣлилъ управленіе своими провинціями между сыновьями, поручивъ Трансоксанію и Хорезмъ младшему изъ нихъ Ослагъ-шаху. Его же онъ назначилъ и наслѣдникомъ престола. Но теперь, съ переходомъ Чингисъ-Хана черезъ р. Сыръ, обстоятельства измѣнились настолько, что даже Бухара не могла удержать его съ своей урдѣ. Оставивъ Отраръ, онъ отступилъ поспѣшно въ Балхъ, куда направились и караваны съ его сокровищами и гаремомъ. Здѣсь былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ Джелалъ-эддинъ, наиболѣе предпріимчивый и способный изъ его сыновей, требовалъ отступленія къ р. Аму, съ тѣмъ, чтобы образовать тамъ оборонительный лагерь. Но нашлись и такіе совѣтники, которые желали сосредоточиться у Газны и даже бѣжать въ Иракъ. Такимъ образомъ, имперія Хорезмъ-шага осталась безъ общаго плана

защиты, а гарнизоны ея были предоставлены собственнымъ силамъ. Увы! Недавній коллосъ почувствовалъ подъ собою глиняныя ноги!

Монголы напали почти одновременно на всѣ пункты возможнаго сопротивленія, при чемъ осаду Отрара повели сыновья Чингисъ-хана Джагатай и Октай.

Отраръ былъ обильно снабженъ военными снарядами и располагалъ боевою силою въ пятьдесятъ тысячъ всадниковъ. Комендантомъ крѣпости шахъ поставилъ Гаиръ-бека, по совѣту котораго онъ истребилъ монгольское посольство. Послѣднее обстоятельство служило ручательствомъ за вѣрность Гаиръ-бека, такъ какъ измѣна не могла спасти его отъ «Темучинова гнѣва». Въ помощь ему былъ назначенъ одинъ изъ придворныхъ вельможъ Караджа-ханъ, красиво гарцовавшій на арабскомъ конѣ, но не успѣвшій еще доказать свои воинскія доблести.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ осады, монголы отрѣзали всѣ пути сообщенія и привели гарнизонъ къ полному голоданію. Въ то же время китайскіе мастера установили стѣнобитныя орудія, а толпа окрестнаго населенія отвела воду отъ крѣпости и насыпала земляныя прикрытія, изъ-за которыхъ арбалетчики искусно выкидывали стрѣлы съ подожженными хвостами.

Изнѣженный красавецъ Караджа-ханъ, не выдержавъ терзаній голода и жажды, передался съ своимъ отрядомъ на сторону монголовъ. Послѣдніе однако не повѣрили чистосердечности его измѣны и, по повелѣнію Октая, казнили всѣхъ передавшихся имъ дезертировъ. Оставленный безъ помощи, Гаиръ-ханъ продолжалъ упорное сопротивленіе. Гарнизонъ его, напуганный поголовнымъ истребленіемъ бѣжавшихъ товарищей, не ждалъ пощады, но и ничего не выигралъ цѣлымъ рядомъ отчаянныхъ вылазокъ. Рѣшительный приступъ монголовъ сломилъ упорство гарнизона, такъ что Гаиръ-бекъ принужденъ былъ ретироваться на крышу дворца, куда послѣдовалъ и его гаремъ. Нѣкоторое время женщины подавали ему кирпичи, которыми онъ отбивался отъ разъяренныхъ преслѣдователей до послѣдняго изнеможенія. Взятый живымъ, онъ испыталъ необыкновенно тяжелую участь корыстолюбца, осмѣлившагося ограбить монгольскій караванъ: ему залили глаза и уши растопленнымъ серебромъ!

Предохраняя себя отъ ночного нападенія монголы выгнали изъ урды Отрара все населеніе, которому было приказано перебраться до заката солнца за городскую стѣну. Но за время осады

накопилось много раненыхъ и больныхъ, а также истощенныхъ и безпомощныхъ стариковъ и дѣтей. На мольбы-же объ отсрочкѣ, побѣдители отвѣчали угрозами перерѣзать послѣ заката солнца всѣхъ, кто осмѣлится нарушить ихъ приказаніе. Солнце безжалостно склонялось къ горизонту. Наступали сумерки. Стража начала запирать ворота. Стѣны покрылись часовыми....

Бѣгство сдѣлалось общимъ и паническимъ.

Вмѣсто вечерняго намаза за городскою стѣною послышался теперь неумолчный стонъ. То были рыданія по оставшимся въ рукахъ гарнизона дочерямъ и женамъ, не успѣвшимъ скрыться

Гаремъ таджика.
(XIX ст.).

изъ западни. Подъ вліяніемъ этой скорби, въ народной массѣ родилась несчастная мысль взять урду силою и подъ покровомъ ночи утопить враговъ въ ихъ крови. Мысль эта созрѣла быстро и безотчетно. Вслѣдъ затѣмъ на загородныхъ кладбищахъ понесся къ небу дружный призывъ къ войнѣ за вѣру. Мусульманинъ при этомъ призывѣ и тогда уже обращался въ фанатика, не дающаго личной жизни ни малѣйшаго значенія. Нашлись и безумно рѣшительные предводители, увлекшіе за собою толпы невооруженныхъ людей, подступившихъ къ городскимъ стѣнамъ съ одною только вѣрою въ помощь судьбы. Но монголы, не довѣряя предопредѣленію, не дремали и быстро разсѣяли подступившую толпу тучею стрѣлъ съ огненными хвостами....

Утро ухудшило положеніе горожанъ Отрара. Выйдя изъ урд
плотными колоннами, монголы ринулись на нихъ безъ намѣрен
пощадить хотя бы одно живое существо.—«Ни древнѣйшія врем
на», говоритъ по этому поводу арабъ Абульфедъ,—«ни наши д
не представляютъ примѣра звѣрства и жестокости, выказанн
монголами. Мужчины гибли подъ ножами и палицами, а женщин
изнемогали подъ тяжестью цѣпей. Все священное было предан
истребленію. Добродѣтель и благочестіе бѣжали съ рыданіями
стѣнъ столицы шаха». И дѣйствительно, этотъ день владычест
монголовъ внесъ такую бурю разрушенія, отъ которой Отрар
никогда уже не поправился. Послѣ него осталась къ нашему вр
мени только слегка волнистая мѣстность. Дворцы его и мечет
тысячи домовъ и акведуки—все было ниспровергнуто, срыт
сожжено, разграблено и сравнено со степною равниною. Же
щины и дочери не возвращались болѣе къ своимъ мужьямъ
отцамъ.

Гибель Отрара служила предзнаменованіемъ побѣды варва
ства надъ тюрко-персидской цивилизацій на всемъ пространст
ср. Азіи. Впрочемъ Бухара пала еще ранѣе Отрара.

Общее начальствованіе надъ войсками, назначенными д
овладѣнія Бухарою, Чингисъ-ханъ оставилъ за собою, при чем
Субетай долженъ былъ отрѣзать пути сообщенія съ нею и пр
вести къ покорности окрестное населеніе. Имя Субетая бы
уже извѣстно въ ср. Азіи, поэтому немудрено, что попутн
кишлаки и аулы встрѣтили его съ колѣнопреклоненіями и поче
ными дарами. Одинъ только городокъ Зернукъ взялся было
оружіе, но самъ Хорезмъ-шахъ прислалъ довѣреннаго человѣ
остановить эту безплодную затѣю.—«Не хотите ли, чтобы мо
голы наполнили арыки вашею кровью?»—Послѣ такого вопро
своего же властелина, жители Зернука отправились на службу
монголамъ, въ видѣ вспомогательной рабочей силы.

Бухарцы, никогда не отличавшіеся воинственнымъ характ
ромъ, запрятали свои сокровища и вышли встрѣтить Чингисъ-ха
съ покорностью торговцевъ, знающихъ цѣну своему караван
сераю. Чингисъ-ханъ появился на богато убранномъ конѣ,
спутниками, одѣтыми въ парчевыя одежды. . . .

Населеніе Бухары, разсчитывая смирить грознаго монго
любезнымъ гостепріимствомъ, выказало его во всей полнотѣ св
ихъ обычаевъ и средствъ. По пути его были набросаны ковр

Дѣти ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ЯЗЫЧНИКИ ВЪ ПРЕДДВЕРІИ ИСЛАМА.

Утро ухудшило положеніе городскихъ [illegible] [illegible] монголы [illegible] [illegible] хотя бы одно живое существо [illegible], говорятъ по этому поводу арабъ [illegible] не представляютъ примѣра звѣрства [illegible]. Мужчины гибли подъ ножами [illegible] [illegible] цѣпей. [illegible] [illegible] и благочестіе [illegible]. И дѣйствительно [illegible] такую бурю разрушенія [illegible]. Послѣ [illegible] [illegible] мѣстность [illegible] [illegible] —все [illegible] [illegible] и сравнено съ [illegible] [illegible] возвращались [illegible].

[illegible] служила предвѣстникомъ [illegible] турко-персидской цивилизаціи [illegible] ср. Азіи. Впрочемъ Бухара пала еще [illegible].

[illegible] начальствованіе надъ войсками [illegible] Бухарою, Чингисъ-ханъ [illegible] [illegible] долженъ былъ отрѣзать пути [illegible] къ покорности окрестное населеніе [illegible] извѣстно въ ср. Азіи, поэтому [illegible] и аулы встрѣтили его съ [illegible] дарами. Одинъ только городокъ [illegible] оружіе, но самъ Хорезмъ-шахъ приказалъ [illegible] остановить эту безплодную затѣю.—«[illegible] наполнили арыки вашею кровью» [illegible] своего же властелина, жители Зернука [illegible] монголамъ, въ видѣ вспомогательной [illegible].

Бухарцы, никогда не отличавшіеся [illegible], запрятали свои сокровища и [illegible] съ покорностью торговцевъ, [illegible]. Чингисъ-ханъ появился на [illegible] [illegible], одѣтыми въ парчевыя одежды [illegible].

[illegible] Бухары, разсчитывая [illegible] [illegible] милосердіемъ [illegible] средствъ. [illegible]

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ЯЗЫЧНИКИ ВЪ ПРЕДДВЕРІИ ИСЛАМА.

звѣриныя шкуры и новыя платья. На перекресткахъ дрожали и кланялись депутаціи съ разными сладостями. Хлѣбный караванъ—серай былъ полонъ и открытъ безъ всякой утайки. Шейхъ-уль-исламъ, не благоволившій къ Хорезмъ-шаху за его распрю съ халифомъ, указывалъ лично дорогу въ главную мечеть. Впрочемъ, онъ не ожидалъ, что Чингисъ-ханъ въѣдетъ въ Божій храмъ верхомъ на конѣ.—«Не дворецъ ли это Хорезмъ-шаха?» спросилъ онъ, остановившись передъ роаломъ съ развернутымъ на немъ кораномъ. Узнавъ однако, что онъ находится въ домѣ, гдѣ приносятся моленія Всевышнему, онъ сошелъ съ коня и передалъ его уздечку стоявшему у его стремени первому вельможѣ Бухары.

Если вѣрить мусульманскимъ источникамъ, то Чингисъ-ханъ обошелся пренебрежительно и съ мечетью и съ кораномъ, находя, что для благоденствія народовъ достаточно его Яса-Намэ. Вообще онъ праздновалъ свою побѣду нѣсколько монгольскимъ способомъ. Сундуки со списками корана были обращены въ ящики для корма лошадей, а самая мечеть въ кухню, со всею ея неопрятною обстановкою. Изъ опасенія отравы, предложенный горожанами обѣдъ былъ отвергнутъ. Гомерическая ѣда, приправленная веселыми напитками, повела къ тому, что въ мечеть были согнаны плясуны и пѣвцы. Вѣрнымъ же слугамъ пророка—саидамъ, улемамъ и шейхамъ—выпала печальная доля служить конюхами и кравчими.

Пируя въ мечети, Чингисъ-ханъ поручилъ своимъ багадурамъ объявить народу, чтобы онъ не смѣлъ болѣе повиноваться Хорезмъ-шаху, какъ человѣку, не рѣшившемуся помѣряться съ оскорбленнымъ имъ врагомъ. Торговые бухарцы встрѣтили эту перемѣну государя безъ протеста. . . .

Вступивъ въ управленіе народомъ съ обычаями, совершенно противоположными монгольскимъ воззрѣніямъ, Чингисъ-ханъ пожелалъ лично ознакомиться съ юристами и богословами Трансоксаніи. Бухара должна была выставить свои лучшія интеллектуальныя силы, которыя были предварены, что они ничѣмъ не рискуютъ если и будутъ восхвалять своего Бога и его Пророка.

Шейхъ-уль-исламу было предоставлено первое слово.—«Мы, мухаммедане обязаны вести свою жизнь такъ, чтобы заслужить милости Аллаха и его Пророка!» вступилъ онъ въ диспутъ медоточиво-вкрадчивымъ тономъ, думая остановить тѣмъ грубаго варвара. Этотъ же остановилъ его замѣчаніемъ, что всѣ люди стараются

обыкновенно заслужить милости своего Бога.—«Мухаммедане обязаны отдавать десятую часть своихъ доходовъ духовенству для раздачи нуждающимся братьямъ» продолжалъ шейхъ-уль-исламъ, выпрашивая глазами одобреніе новаго властелина. Властелинъ промолчалъ. Далѣе же онъ во многомъ не согласился съ главою правовѣрнаго духовенства, находя пятикратную молитву въ день—излишествомъ, а путешествія въ Мекку—безполезностью, такъ какъ нѣтъ такого Бога, которому не принадлежала бы вся земля....

Сладкорѣчивая бесѣда духовенства была прервана на этотъ разъ докладомъ багадуровъ, узнавшихъ, что горожане утаили свои лучшія сокровища и уклоняются отъ платежа наложенной на нихъ контрибуціи. Кромѣ того, въ садахъ найдены были воины Хорезмъ-шаха. Извѣстіе это возбудило въ Чингисъ-ханѣ страшный взрывъ «Темучинова гнѣва». Бесѣда была прервана. По его знаку багадуры бросились избивать повсюду бухарцевъ....

Въ этотъ день монголы утопили «въ морѣ тлѣнія» тридцать тысячъ человѣкъ. Урда Бухары была сравнена съ землею, а рвы ея забросаны «бывшими одушевленными предметами.»

Разоривъ Бухару и плѣнивъ все сельское населеніе благодатной Міанкальской долины, Чингисъ-ханъ двинулся противъ Самарканда. Послѣдній, какъ центръ мусульманства и оплотъ шаха, готовился къ отпору. Сюда сошлись отборныя войска обоихъ противниковъ. На помощь своимъ шестидесяти тысячамъ таджиковъ, Хорезмъ-шахъ призвалъ цѣлыя племена туркменъ. Кромѣ того, гарнизону долженъ былъ помогать и отрядъ «диво-образныхъ» слоновъ, приспособленныхъ къ военнымъ активнымъ дѣйствіямъ.

На этотъ разъ монголамъ помогла прямая измѣна самаркандскаго духовенства. Имамы его побывали ночью, тайкомъ, въ лагерѣ Чингисъ-хана и объявили себя его слугами, а утромъ они широко распахнули передъ нимъ главныя, городскія ворота. Самарканду оставалось признать идолопоклонника своимъ господиномъ.

Въ средѣ жителей Самарканда нашлась однако партія, сохранившая вѣрность мусульманству и Хорезмъ-шаху, но сопротивленіе ея повело только къ всеобщему разоренію. Истребленіе Самарканда длилось нѣсколько сутокъ, при чемъ были пощажены—духовенство, ткачи и оружейники.

Во время истребленія Самарканда, Хорезмъ-шахъ скрывался

неподалеку, но когда измѣна духовенства предала его наиболѣе надежныя твердыни монголамъ, онъ бѣжалъ за р. Аму. Въ погоню за нимъ отправились Субетай и Джебе на легкѣ, съ тридцатью тысячами конницы, безъ толпы и обоза.

Изъ остальныхъ военныхъ дѣйствій въ Мавераннагрѣ нельзя не отмѣтить героическое сопротивленіе Ходжента, проявившаго необыкновенную въ ту пору вѣрность природному государю. Надъ осадными, вокругъ него, работами трудились пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ рабовъ. Подъ угрозами монгольскихъ стрѣлъ и копій они доставляли издалека камни и фашины и засыпали рвы и переходы. Но положеніе крѣпости на горѣ и духъ коменданта, которому и «Рустемъ годился бы только въ нукеры» держали долгое время монголовъ въ почтительномъ отдаленіи. Наконецъ обезсиленный гарнизонъ сѣлъ на плоты и отплылъ внизъ по р. подъ тучею провожавшихъ его стрѣлъ....

Чингисъ-ханъ остался въ Самаркандѣ, какъ въ центрѣ Трансоксаніи, откуда онъ могъ удобно распоряжаться приведеніемъ къ покорности отдаленныхъ провинцій Хорезмъ-шаха. Таджикамъ ясно было, что онъ обращаетъ ср. Азію во второе отечество монголовъ и не уйдетъ отсюда, не посадивъ своихъ намѣстниковъ съ надежными войсками. Догадка ихъ вполнѣ подтвердилась, когда его глашатаи приказали всѣмъ уцѣлѣвшимъ слугамъ Пророка, учителямъ, судьямъ и мастерамъ собраться въ назначенный день для собесѣдованія съ ихъ новымъ властелиномъ. Не охотно послѣдовали самаркандцы этому призыву, помятуя какимъ жестокимъ избіеніемъ окончилось подобное же недавнее совѣщаніе въ Бухарѣ, но трусливыхъ привели на веревкахъ, а упорныхъ подтолкнули палицами—и совѣщаніе открылось съ полнымъ комплектомъ лучшихъ людей Трансоксаніи....

Чингисъ-хану выставили импровизированный тронъ, походившій на кровать, достаточно обширную, чтобы нашлось мѣсто и его женамъ. Онѣ явились съ открытыми лицами. При видѣ этого чудовищнаго попранія мусульманскихъ обычаевъ, самаркандскій шейхъ-уль-исланъ могъ только смиренно опустить глаза и обратившись безмолвно къ Аллаху, прошептать: судьба!—«кисметъ!»

Всѣ, съ кѣмъ Чингисъ-ханъ желалъ бесѣдовать, должны были подходить къ его трону и ожидать его вопросовъ.—«Какого вы Бога боитесь и кому молитесь?»—На этотъ вопросъ отвѣтъ держалъ шейхъ-уль-исламъ, передъ которымъ его ассистенты поста-

вили коробъ со свитками корана. Почтенный шейхъ, поборникъ господствовавшаго въ ср. Азіи ученія Сунни, разсчитывалъ, повидимому, плѣнить грознаго идолопоклонника возвышенностью своей рѣчи.—«Нашъ народъ—да процвѣтаетъ онъ подъ твоимъ могуществомъ—исповѣдываетъ исламъ, знаменующій безусловное повиновеніе волѣ Всевышняго. Въ моихъ рукахъ ты видишь коранъ—книгу, переданную съ неба архангеломъ Гавріиломъ высшему изъ всѣхъ пророковъ на землѣ—Мухаммеду. Коранъ—это познаніе всего сущаго на землѣ и на небѣ, въ аду и въ раю, на войнѣ и въ гаремѣ, въ мечети и на судѣ! Совершеннѣйшая изъ книгъ, она отвергаетъ вѣру твоего народа и считаетъ идоловъ, передъ которыми благоговѣютъ твои шаманы, только ничтожными изваяніями грубаго ума!»—Шейхъ-уль-исламъ бралъ высокія ноты, но Чингисъ-ханъ поощрялъ его своимъ молчаніемъ къ дальнѣйшей исповѣди.—«Святыя слова корана предписываютъ вѣру въ Единаго Бога, вѣру въ Мухаммеда, какъ высшаго и послѣдняго пророка, вѣру въ предопредѣленіе судьбы, вѣру въ существованіе ангеловъ и сатаны, въ грѣхопаденіе, въ будущее воскресеніе и въ страшный судъ. Чтобы явиться съ неомраченными лицами на страшномъ судѣ, мы должны молиться въ опредѣленное время, очистивши напередъ тѣло, поститься, давать пожертвованія, странствовать въ Мекку. Даже послѣдователи пророковъ Моисея и Христа называютъ ниспосланный съ неба свитокъ — великимъ, мудрымъ, славнымъ, досточтимымъ, истиною, благовѣстью, милостью, озареніемъ, увѣщаніемъ, ученіемъ...»—«Остановись!» прервалъ Чингисъ-ханъ потокъ этой страстной рѣчи.—«Мнѣ это не нужно знать. Ты не назвалъ мнѣ имени твоего Бога». — «Аллахъ Экбаръ! Въ этомъ имени заключается девяносто два имени...»—«Но что говоритъ твоя вѣра о войнѣ?»—«Она повелѣваетъ войну въ трехъ случаяхъ: противъ невѣрныхъ, не признающихъ власти мусульманъ, противъ повинующихся, но не платящихъ дани мусульманамъ и противъ всякаго, кто первый начнетъ войну.»—«А что вы дѣлаете съ мужчинами и женщинами въ покоренныхъ земляхъ?»—Шейхъ-уль-исламу было тяжело отвѣчать на этотъ вопросъ, но еще тяжелѣе было бы уклониться отъ истины.—«Мужчинъ мы можемъ убивать, а женщинъ брать въ плѣнъ!»—«Твоя вѣра мнѣ нравится», рѣшилъ Чингисъ-ханъ, — «только не вздумай и въ самомъ дѣлѣ считать монголовъ людьми, достойными истребленія.

Вашу книгу писанія и ваши мечети я беру подъ свое покровительство. Продолжай!»—«Вся вѣра наша опирается на четыре догмата: на единствѣ Бога, на правосудіи Его, на существованіи и величіи пророковъ, на воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни. ..»

Рѣчь его лилась плавно и образно и если бы не представитель вѣроученія Ши'э, то можетъ быть идолопоклонникъ и склонился бы къ единобожію. Но защитникъ Ши'э позволилъ себѣ—въ качествѣ фанатика—перебить Шейхъ-уль ислама.—«Мы, шіиты, вѣримъ кромѣ того въ пятый догматъ: въ наслѣдіе имамовъ и безъ вѣры въ этотъ священный догматъ никто не можетъ считаться слугою Пророка». — Однако шейху удалось перебить соперника и онъ продолжалъ тономъ вдохновеннаго оратора.—«Нашъ Богъ не заключаетъ въ себѣ ничего физическаго, онъ не можетъ быть вмѣщенъ въ пространство или измѣренъ силою власти и временемъ....» — «Что понимаетъ ваша вѣра подъ предопредѣленіемъ?» — «Человѣкъ не произволенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и повинуется предопредѣленію судьбы....» «О, государь!»—перебилъ исповѣдникъ Ши'э — «позволь мнѣ сказать, что предопредѣленіе противно ученію о Божьей справедливости. Человѣку принадлежитъ произволъ дѣйствій. Мы вѣримъ въ книгу судебъ, но въ ней нѣтъ предопредѣленій, а только одно предвидѣніе....»

Даже передъ грозными взорами монгола шіиты и сунниты не могли не вступить въ споръ о правотѣ своихъ ученій. По мнѣнію одной стороны, пророки—безгрѣшны, по мнѣнію другой и пророки могли грѣшить наравнѣ съ простыми людьми.

Обѣ стороны потянулись было за свитками корана, но Чингисъ-ханъ далъ знакъ къ молчанію. Наступила торжественная тишина. Чью сторону возьметъ побѣдитель?—«Пусть въ моемъ государствѣ каждый человѣкъ поклоняется своему излюбленному Богу!» Таково было его рѣшеніе, нанесшее мусульманству ср. Азіи чувствительный ударъ. — «Никто не долженъ мѣшать другому молиться кому онъ желаетъ. Пусть мусульмане вѣрятъ въ столько догматовъ, сколько нужно каждому для спасенія души. Пусть христіане безпрепятственно любятъ сына Маріи, евреи—Моисея, индусы — Браму и Огонь, а мы, монголы, останемся при вѣрѣ предковъ. Шаманы останутся главными духовными лицами при моемъ дворѣ. Я сказалъ и кончилъ!»—Представители мусульманства окаменѣли предъ рѣшеніемъ язычника, но багадуры подали

имъ знакъ очистить мѣсто другимъ учителямъ. Шейхъ-уль-исламъ едва успѣлъ завернуть свои свитки, какъ на его мѣстѣ присѣли уже ученые люди, призванные разъяснить вопросы о ѣдѣ и питьѣ. Эти тоже разсчитывали поразить варвара глубиною мусульманской этики относительно принятія пищи и напитковъ.—«Убивающій животное на пищу мусульманину долженъ быть мусульманиномъ. Онъ долженъ перерѣзать сначала пищепріемное горло, потомъ дыхательное, а затѣмъ артеріи. Животное должно висѣть въ это время головою къ Меккѣ. Послѣ убійства оно должно пошевелиться. При рѣзаніи хорошо прославлять имя Бога.»—«Правда ли, что вы дѣлите съѣдомое на дозволенное и недозволенное?»—«Да, мусульмане не должны употреблять въ пищу—собакъ, кошекъ, свиней, мышей, крысъ и всѣхъ животныхъ, которыя пили молоко отъ свиньи или вино. Все умершее, все опьяняющее и одуряющее—также сквернитъ душу мусульманина».—«Въ обыкновенное время мы не ѣдимъ болѣе, какъ то дѣлали наши предки, своихъ престарѣлыхъ родителей, но во время войны съ гинами мы ѣли человѣчье мясо и мои шаманы не находили въ этомъ ничего противнаго повелѣніямъ Неба!» замѣтилъ внушительно Чингисъ-ханъ.— «Отнынѣ я уничтожаю въ моемъ государствѣ дѣленіе съѣдобныхъ предметовъ на чистые и нечистые. Если кому изъ васъ покажется фараонова мышь вкуснѣе перепелки, пусть ѣстъ ее безъ всякаго стѣсненія. Мнѣ непонятно почему грѣшно пить сырой виноградный сокъ и не грѣшно пить прокипяченый. Пусть каждый изъ васъ пьетъ теперь, что хочетъ, но только помнитъ, что пьяный человѣкъ всегда напрашивается на нагайки».

Наступила очередь законника по части охоты. Разъясненія его не могли не возбудить вниманія всего монгольскаго ареопага. Здѣсь также грубымъ степнякамъ пришлось утонуть въ пучинѣ мусульманскихъ тонкостей, то запрещающихъ, то разрѣшающихъ дѣйствія охоты.—«Охоту дозволилъ Аллахъ за всѣми животными, но добыча однихъ можетъ идти только на кожи, мѣха и перья, а другихъ и на мясо. Но и дичь, разрѣшенная на мясо, можетъ быть и законна и незаконна. Дичь, убитая однимъ и тѣмъ же соколомъ, можетъ быть также законна и незаконна, смотря по тому, возвратился ли самъ соколъ къ хозяину или нѣтъ.» Всѣ эти тонкости были такъ сложны, что багадуры, не смотря на торжественность собранія, пошептались довольно громко.—«Про-

гоните этого дурака!»—Это приказаніе варвара было вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніемъ его забросить въ бездну забвенія всѣ законы мусульманства объ охотѣ.

Можно думать, что жены Чингисъ-хана посовѣтовали ему поставить вопросъ о состояніи у мусульманъ брачнаго дѣла. Призванный по этому вопросу ученый имѣлъ смѣлость доложить, что мусульмане разработали понятія и условія брачнаго союза на столько обширно, что ему не достаточно одного дня для полнаго изъясненія. Однако ему приказали быть на столько краткимъ, чтобы обрисовать въ нѣсколькихъ словахъ всѣ виды браковъ.— «Для законности брака достаточно, если женихъ скажетъ отцу невѣсты: «заключи бракъ твоей дочери со мною». Отвѣтъ: «я заключилъ» достаточенъ для признанія брака дѣйствительнымъ. Впрочемъ толкованія по этому предмету различны. Во всякомъ случаѣ бракъ долженъ быть заключенъ въ присутствіи свидѣтелей и непремѣнно мусульманъ. Незаконно сочетаться бракомъ съ матерью или бабкою. Нельзя жениться на сестрѣ, на дочери, на внучкѣ, на теткѣ и на племянницѣ. Всемогущій запретилъ также бракъ и съ тещею....» Ученый былъ правъ, говоря, что его предметъ нельзя исчерпать въ одинъ день, но его остановили вопросомъ: «какія существуютъ въ мусульманствѣ наказанія за измѣну?»— Здѣсь ужь пошли такія, частью юридическія, частью психическія тонкости, переплетенныя разными утонченными видами казней, что Чингисъ-ханъ приказалъ прогнать и юриста съ площади.

Ознакомившись съ дѣлами государственнаго значенія и въ числѣ ихъ съ незнакомыми монголамъ правами на земли и воду, Чингисъ-ханъ разрѣшилъ и своимъ приближеннымъ удовлетворить ихъ любознательность. Дамы его гарема уже слышали, что въ этой странѣ самая вѣра поощряетъ кокетство женщинъ и разрѣшаетъ имъ и румяна и бѣлила и шелкъ. Съ этой стороны онѣ всецѣло примкнули къ завѣтамъ Пророка, сильно заботившагося объ ихъ привлекательности не только въ здѣшнемъ мірѣ, но и въ загробной странѣ вѣчнаго блаженства. Мужчины пожелали узнать мысли Пророка на счетъ «принужденія и его послѣдствій».—Оказалось, что Пророкъ, если только вѣрить его истолкователямъ, отвелъ «принужденію» обширное мѣсто въ его завѣтахъ и при томъ съ явною слабостью въ сторону бѣлой кости. По воззрѣніямъ его толковниковъ, ударъ по лицу человѣка черной кости не составляетъ

наказуемаго принужденія, а ударъ по лицу бѣлой кости—преступленіе съ чувствительною карою. Лишеніе плебея свободы на однѣ сутки—не преступно, а бѣлой кости—преступно. По принужденію и ради сохраненія собственной жизни, не преступно и побранить Пророка и сдѣлать видъ объ измѣнѣ мусульманству и впасть въ объятія чужой жены. Вообще эта часть мусульманскаго вѣроученія нашла полное сочувствіе въ сердцахъ монгольскихъ багадуровъ. Съ своей стороны и шаманы остались довольны законами мусульманства о жертвоприношеніяхъ. Дома они не были избалованы цѣнностью жертвенныхъ даровъ. Здѣсь же имъ сказали, что каждый свободный мусульманинъ обязанъ приносить въ жертву—въ память Авраама, предложившаго Богу въ жертву своего сына Измаила—за одно лицо козу, а за двухъ и болѣе—корову и даже верблюда. Третью часть жертвеннаго мяса слѣдуетъ отдавать на благотворительныя дѣла. При этомъ, обычай наложилъ строгій запретъ приносить въ жертву животныхъ съ такими пороками, какъ слѣпота, отощаніе и безмозглость въ костяхъ.

Бесѣда окончилась. Предстоявшій народъ жадно слѣдилъ за каждою морщинкою на челѣ Чингисъ-хана. Вотъ онъ поднялся со своего трона и при мертвой тишинѣ объявилъ своимъ новымъ подданнымъ всѣ начала своей государственной мудрости въ очень краткой сентенціи:—«Любите, кого вамъ велитъ Аллахъ, но убивайте, кого я вамъ прикажу. Довольно. Идите по домамъ и кормите хорошенько моихъ багадуровъ».—Народъ пришелъ въ восторгъ отъ этого мудраго рѣшенія, что и понятно, такъ какъ Чингисъ-хану ничего не стоило замѣнить поклоненіе Аллаху—поклоненіемъ Небу, Землѣ и Огню, а завѣты Пророка замѣнить повелѣніями Яса-Намэ; при этой замѣнѣ народъ чувствовалъ-бы въ душѣ нѣкоторое стѣсненіе, но съ теченіемъ времени повторилась-бы исторія аравитянъ, когда огонь и солнце уступили мѣсто непостигаемому умомъ божеству.

Вообще настоящій день былъ историческимъ днемъ въ судьбахъ Мавераннагра и всѣхъ мусульманскихъ племенъ, подпавшихъ подъ власть монголовъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ міровой исторіи онъ отразился на всю эпоху владычества чингисидовъ и не остался безъ слѣда въ эпохѣ тимуридовъ. Объявленная вѣротерпимость повела къ тому, что сунниты изгнали муллъ, навязанныхъ имъ шiитами, а несторіане воздвигнули вновь кресты на храмахъ и уда-

рили въ металлическія доски, замѣнявшія колокола. Буддисты закурили тотчасъ же душистыми бумажками передъ бурханами, парсы нарисовали огненные значки повыше своихъ переносицъ, а евреи замѣнили веревочные пояса—серебряными и прошлись въ туфляхъ по улицамъ Самарканда.

Несомнѣнно, что мысль объ убійствѣ Чингисъ-хана, попиравшаго такъ открыто міръ мусульманскихъ воззрѣній, не разъ поднималась въ умахъ фанатиковъ, но багадуры берегли его какъ зеницу ока! За ихъ желѣзными палицами онъ распоряжался теперь народами Мавераннагра, какъ распорядился-бы на Алтаѣ табуномъ улуса.

На другой день, послѣ бесѣды съ духовенствомъ и учеными, онъ произвелъ репетицію мусульманскаго суда въ полномъ составѣ: съ судьями, обвиняемыми, свидѣтелями и палачемъ. Въ числѣ обвиняемыхъ были: измѣнникъ вѣрѣ Пророка, воръ и женщина, заподозрѣнная мужемъ въ томъ, что она цѣловала посторонняго мужчину. Судьи явились со свитками приговоровъ—«ривоятовъ»—знаменитыхъ предшественниковъ, рѣшавшихъ подобныя же дѣла, а палачъ съ ножомъ и веревкою для висѣлицы.

— «Мы хотя и духовныя лица, но обязаны судить и мірскія дѣла» объяснилъ верховный кази Чингисъ-хану.—«Насъ назначаетъ имамъ страны, при этомъ онъ наблюдаетъ чтобы каждый изъ насъ обладалъ семью качествами: совершеннолѣтіемъ, разумомъ, правовѣріемъ, ученостью, справедливостью, законнорожденностью и былъ мужчиною. Мы судимъ всѣ преступленія и налагаемъ шесть родовъ наказаній: тюрьму, плети, закопыванье въ землю, отрубленіе головъ, отрубленіе членовъ, вѣшаніе и сбрасываніе съ башень».

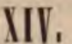
Чингисъ-ханъ позволилъ судить только одного вора, замѣтивъ, что послѣ объявленной имъ вѣротерпимости не можетъ быть и преступниковъ противъ вѣры. Воръ оказался изъ рецидивистовъ. На одной рукѣ у него уже были отрублены четыре пальца, а на другой — два. Опросивъ трехъ сѣдобородыхъ свидѣтелей, судъ не мѣшкая приговорилъ его къ отрѣзанію ступы на правой ногѣ съ тѣмъ, чтобы пятка осталась на своемъ мѣстѣ.

Ученый палачъ тутъ-же исполнилъ эту операцію.

Въ этотъ день, передъ неутомимымъ Чингисъ-ханомъ прошли представители его новыхъ подданныхъ—купцы, караванъ-баши, водомѣры, хозяева ословъ, ткачи и искуссники по изразцовой части.

Не мало времени онъ посвятилъ и въ слѣдующіе дни собесѣдовані
съ людьми бывалыми въ чужихъ земляхъ, отъ которыхъ узнал
что за Хорезмомъ начинаются новыя государства, съ морям
рѣками и высокими горами. Люди эти обратились потомъ въ ег
постоянныхъ собесѣдниковъ. Вообще всѣ его поступки свидѣтел
ствовали о томъ, что его монголы дѣлаются господами стран
поэтому оставшіеся безъ хозяевъ хутора, пашни и сады он
роздалъ сподвижникамъ, разселяя ихъ возлѣ стратегическихъ пр
ходовъ и переваловъ. Шааръ-Зебсъ онъ отдалъ въ пользовані
племени берласъ.

XIV.

ДЕНЬ ИЗЪ ЖИЗНИ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

Не могъ монголъ оставаться долгое время въ городской тѣснотѣ, за высокими стѣнами, подъ крышей, и безъ дальняго кругозора. Здѣсь онъ чувствовалъ себя лишеннымъ Неба и Земли, придавленнымъ, приниженнымъ и вообще наказаннымъ за какой-то поступокъ, лишеніемъ дорогой для него свободы. Чингисъ-ханъ чувствовалъ вдвойнѣ это лишеніе, такъ какъ онъ не могъ любоваться въ каждую данную минуту своими тысячами и тьмами,стоявшими боевымъ лагеремъ на берегахъ р. Зеро.

На берегу р. Зеро возвышается и теперь холмъ, извѣстный подъ названіемъ «Чупанъ-ата» или «отца пастуховъ» съ видомъ на необозримое пространство. Напрасно было-бы искать во всей этой окрестности лучшаго подножія для шатра міродержца. И вотъ, минареты Мавераннагра продолжали еще рушиться, а рѣки нести на своихъ волнахъ трупы убитыхъ, какъ на Чупанъ-ата воздвигнулось оронгви Чингисъ-хана къ общей радости его войскъ, уничтожившихъ здѣсь, для своего простора, сады, пашни и всю сѣть подгородныхъ хуторовъ...

На Чупанъ-ата, Чингисъ-ханъ почувствовалъ себя истиннымъ властелиномъ міра. Надъ нимъ было только Небо, а у ногъ его волновались жизнерадостныя тысячи и тьмы, готовыя двинуться по одному его мановенію въ любую сторону свѣта. Вскорѣ царственный холмъ обратился въ укрѣпленную урду съ «карагуломъ», охранявшимъ шатеръ властелина. По сторонамъ этого шатра шли юрты сыновей, гарема и неизмѣнныхъ слугъ Чингисъ-хана Субетая и Джебэ. Здѣсь-же находился и Ели-Чуцай, вызванный изъ Китая для устройства дѣлъ въ новопокоренныхъ странахъ. Урда была окружена нѣсколькими кольцами изъ юртъ багадуровъ, за ними шли коновязи, кухни и звѣринецъ изъ тигровъ и барсовъ—трофеевъ послѣдней генеральной охоты....

Непривычный къ нѣгѣ, Чингисъ-ханъ никогда не ожидалъ солнечнаго восхода и пробуждался къ дѣятельности съ первымъ румянцемъ восточнаго горизонта. Ни мягкіе войлоки, служившіе ему роскошною постелью, ни теплое одѣяло изъ ангорской кошки, ни утренняя прохлада не удерживали его подъ покровомъ шатра. Нѣсколько глотковъ бузы изъ проса подкрѣпили его настолько, что онъ могъ начать свой день, хотя-бы на конѣ и впереди багадуровъ. О туалетѣ-же не было и рѣчи, такъ какъ о существованіи мыла и его назначеніи онъ, какъ и всѣ его монголы, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Но прежде чѣмъ выйти изъ шатра, ему подавали малахай, украшенный крупнымъ рубиномъ, ногайку, поясъ и боевую саблю. Безъ этихъ аттрибутовъ онъ не появлялся ни передъ войскомъ, ни въ ставкахъ сыновей, ни въ гаремѣ.

Обычно Чингисъ-ханъ начиналъ свой день правосудіемъ. Разрѣшая мусульманамъ признавать коранъ превосходнѣйшимъ изъ законовъ, онъ требовалъ однако, чтобы послѣдователи Пророка повиновались и его Яса-Намэ. Послѣдняя очень облегчала правосудіе простотою рѣшеній и приговоровъ. Чуждая казуистики и тонкостей, она вела преступника къ смерти безъ всякихъ историческихъ справокъ и съ правомъ апелляціи только уже за предѣлами земной жизни.

Выйдя утромъ изъ шатра, Чингисъ-ханъ взглядывалъ прежде всего на мѣсто, куда приводили обычно людей, нуждавшихся въ его приговорѣ. Мѣсто это было обычно у самаго обрыва, за которымъ кипѣла р. Зеро. Къ одному изъ такихъ выходовъ на мѣстѣ правосудія, были выставлены десятки преступниковъ. Они знали зачѣмъ ихъ поставили здѣсь, но не могли податься въ сто-

рону; смерть сторожила ихъ и на днѣ рѣки и въ цѣпи окружавшихъ ихъ стрѣлковъ съ натянутыми тетивами.

По мѣрѣ прохожденія Чингисъ-хана мимо этой толпы, военные судьи объявляли громогласно проступки каждой ея отдѣльной партіи. Одни изъ нихъ грабили на большихъ дорогахъ, другія отказывались доставлять клеверъ войскамъ, третьи утаили свои сокровища во время сбора контрибуціи. Всѣ они были одинаково виновны.

Чингисъ-ханъ рѣшилъ участь всѣхъ виновныхъ однимъ взмахомъ властной руки. Стрѣлки спустили тетивы и толпа ринулась инстиктивно съ высокаго обрыва въ волны рѣки. Далѣе нечего было и наблюдать, такъ какъ ни одинъ черепъ не могъ уцѣлѣть на этихъ безпорядочно громоздившихся камняхъ. Волны-же быстро подхватили и унесли вдаль разбитыя тѣла.

Пока совершался актъ правосудія, другая толпа мусульманъ, собранная у подошвы отца пастуховъ, ожидала также не безъ трепета своей участи. То были плѣнные, объявившіе себя при разгромѣ городовъ и крѣпостей—мастерами, ремесленниками и учеными людьми. Такимъ людямъ обычно даровалась пощада, но съ оговоркою, что солгавшій поплатится головою. Наведя однимъ взглядомъ своимъ трепетъ на толпу этихъ плѣнниковъ, Чингисъ-ханъ приказалъ поручить имъ изготовленіе катапультъ и баллистъ. Здѣсь и ткачамъ и ювелирамъ и звѣздочетамъ приходилось одинаково обтесывать камни для стѣнобитныхъ орудій, точить копья и стрѣлы и гнуть ободья для военныхъ колесницъ.

Все это время дежурные тумени стояли въ долинѣ, наготовѣ, съ осѣдланными конями, ожидая приказа двинуться къ Мерву, въ Балхъ, на Ургенчъ или куда угодно будетъ властелину. Три дня уже они собирались въ походъ, но услышавъ условленное число ударовъ въ литавры, обозначавшее отказъ, люди и кони отправлялись кормится на пашни и въ виноградники таджиковъ. Впрочемъ, въ этотъ-же день могло выйти и иное рѣшеніе....

Распорядившись преступниками и плѣнными, Чингисъ-ханъ вошелъ въ юрту своего в. шамана. По срединѣ юрты горѣлъ костеръ изъ душистаго можжевельника, надъ которымъ перегорала подвѣшенная къ желѣзному треножнику баранья лопатка. Въ послѣдніе дни гаданье не обѣщало успѣха: послѣ охлажденія костра, лопатка лопалась на нѣсколько частей или разсыпалась въ мелкій чернобурый порошокъ. Но сегодня физіономія шамана была озарена

отраднымъ чувствомъ: лопатка не дала ни одной трещины! Осмотрѣвъ ее пытливымъ взоромъ и убѣдившись, что она сохранила твердость неповрежденной кости, Чингисъ-ханъ рѣшилъ по этому предзнаменованію судьбу нѣсколькихъ городовъ Трансоксаніи. По его знаку, литавры прогремѣли другимъ уже условленнымъ числомъ ударовъ—и дежурные тумени не замедлили собраться, вскочить на коней и—направится къ заходу солнца. Одни темники знали куда и съ какою цѣлью они поведутъ свои войска.

Отправляя ихъ въ походъ, Чингисъ-ханъ замѣтилъ, что при этомъ важномъ дѣлѣ не присутствовалъ ни одинъ изъ его сыновей. Такое нарушеніе этикета указывало на непорядокъ, который не трудно было разъяснить, такъ какъ ставки Тули и Октая, явившагося къ отцу послѣ погрома Отрара, были въ двухъ шагахъ.

Войдя въ юрту Октая, Чингисъ-ханъ увидѣлъ картину, глубоко оскорбившую его сердце отца и властелина. Оба его сына валялись на войлокахъ въ положеніи совершеннаго опьяненія. Они не могли даже подняться на ноги, что вполнѣ объяснялось отощавшими бурдюками, изъ которыхъ сочились послѣднія капли крѣпкаго напитка изъ перебродившаго меда. Швырнувъ ногою бурдюкъ въ лицо Октаю, Чингисъ-ханъ спросилъ:—«Мои законы не разрѣшаютъ напиваться болѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ, а ты который разъ уже пьянъ?»—Безсмысленный отвѣтъ сына ничего не объяснилъ отцу и властелину и онъ вышелъ изъ юрты мрачнѣе того горнаго духа, который пускаетъ огненныя стрѣлы въ базальтовыя скалы Монголіи.

Душевная буря Чингисъ-хана разрѣшилась тѣмъ, что, подойдя къ звѣринцу, онъ отхлесталъ ногайкою тигра, а это уже обѣщало кровавыя дѣла. Но вотъ изъ гарема вышелъ юноша, преисполненный, судя по поступи, взгляду и пріемамъ, духа энергіи, рѣшимости и своего рода умѣнья поднимать и смирять бури. То былъ Батый, сынъ первенца Джучи—единственная слабость дѣда и повелителя. Поджавъ руки, онъ подошелъ съ почтительно твердою осанкою. Тигръ между тѣмъ, удерживаемый надежною цѣпью, продолжалъ кружиться и вскидываться, но онъ уже пересталъ интересовать Чингисъ-хана, у котораго сердце повернулось въ другую сторону и озарилось чувствомъ мягкаго благоволенія....

Батый былъ особенно симпатиченъ въ это утро. Его смѣлый взглядъ, полный власти и силы, ласкалъ и нѣжилъ сердце дѣда. Послѣдній бросилъ свою забаву съ тигромъ и, положивъ руку

на плечо юноши, повелъ его въ юрту, служившую казнохранилищемъ. Много было сложено здѣсь дорогой утвари, собранной въ покоренныхъ городахъ и странахъ. Здѣсь были и золотыя стремяна царя гиновъ и тяжеловѣсныя драгоцѣнные бурханы и доставшіяся въ видѣ трофеевъ въ Отрарѣ великолѣпныя одежды Хорезмъ-шаха. Трансоксанія снесла сюда всѣ лучшія украшенія своихъ женщинъ. Но на разрѣшеніе дѣда взять, что понравится, Батый опустился лишь на колѣно и поцѣловалъ полу его одежды....

Октай и Тули не рискнули явиться къ обѣду, такъ какъ гнѣвъ отца могъ вспыхнуть мгновенно и неудержимо. Прощая три попойки въ мѣсяцъ, онъ видѣлъ съ нескрываемымъ ужасомъ и отвращеніемъ, что наслѣдники его власти напиваются какъ рядовые монголы. Къ обѣду явились только Батый и дежурный темникъ, а обычные застольные собесѣдники—Джебэ и Субетай гнались уже въ это время въ песчаной и знойной пустынѣ за убѣгавшимъ Хорезмъ-шахомъ. Джучи, отца Батыя, тоже не было. Онъ занимался снаряженіемъ отрядовъ для предстоявшаго похода въ Хоросанъ.

Мавераннагръ съ его прекрасными плодами и культурный вкусъ таджиковъ не могли не повліять на гастрономію монгольской кухни. Прежде всего побѣдители оказали честь пилаву изъ перепелокъ, персикамъ въ сливкахъ и сочнымъ арбузамъ. Ароматныя дыни также не остались въ пренебреженіи. Сладости изъ винограднаго меда затмѣвали монгольскіе колобки изъ перетертой въ муку саранчи. Даже и мясо барановъ не могло идти въ сравненіе съ вяленою и жесткою кониною.

Пищу готовили на берегу р. у подошвы холма. Отсюда, въ обѣденную пору, потянулась на площадку отца пастуховъ длинная вереница слугъ съ лотками, нагруженными мясомъ, плодами и сладостями. Многія сотни людей можно было накормить этими бедрами конины, курдюками баранины и корчагами риса вскипяченаго въ курдючномъ салѣ. Въ дѣйствительности такъ и было: эти горы мяса и плодовъ предназначались—всей урдѣ и избраннымъ багадурамъ, Но по заведенному этикету, яства пріобрѣтали особую цѣну, когда хозяинъ и повелитель бросалъ на нихъ свой милостивый взглядъ. Высшимъ, впрочемъ, знакомъ вниманія считалось, когда самъ Чингисъ-ханъ подносилъ ко рту избраннаго облюбованный кусокъ конины или горсть рису. Такого отличія удостоивались немногіе. Батый былъ въ числѣ этихъ немногихъ и даже пользовался самъ правомъ подносить ко рту дѣда лакомый кусочекъ.

Обѣдъ окончился тѣмъ, что Чингисъ-ханъ поручилъ внуку доставить лично въ гаремъ лотокъ съ виноградньшъ медомъ, калеными фисташками и вообще съ лакомствами, невиданными въ Монголіи. Такая милость гарему означала душевное равновѣсіе повелителя.

Привычный къ крѣпкимъ напиткамъ, Октай успѣлъ къ вечеру отрезвиться и даже прибѣгнуть къ ловкому маневру, чтобы вернуть расположеніе отца. Подъ его руководствомъ, плѣнные мастера готовили усовершенствованныя катапульты, которыя въ этотъ день можно было испробовать на какомъ нибудь строеніи. Для пробы былъ избранъ величественный мазаръ, не обращая внимая на то, что это старинное сооруженіе осѣняло могилу одного изъ мусульманскихъ святыхъ.

Мастерамъ—мусульманамъ, избѣгнувшимъ смерти благодаря умѣнію дѣлать стѣнобитныя машины, не приходило въ голову, что имъ придется попробовать свое искусство надъ могилою одного изъ своихъ патроновъ. Но кто могъ ослушаться Октая! И вотъ, камень за камнемъ полетѣли въ зданіе, вызывавшее до сихъ поръ только чувство священнаго уваженія. Вскорѣ въ его куполѣ образовались пробоины, затѣмъ повалились цѣлыя части стѣнъ и въ какой нибудь часъ мазаръ представлялъ—кучу негоднаго мусора!

Чингисъ-ханъ пришелъ въ восхищеніе при видѣ этой могучей силы его артиллеріи. Когда рушился послѣдній кирпичъ мазара, онъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ произвести личный осмотръ сдѣланной пробы. Лучшаго успѣха нельзя было и желать—и Октай удостоился не только прощенія, но и милостиваго замѣчанія отца:—«Если твои машины легки въ перевозкѣ, то мы можемъ отправиться на покореніе всего міра!»—Поощренный Октай распорядился подвезти катапульты подъ стѣны Самарканда. Произведенная здѣсь бомбардировка была еще болѣе удачна и доставила Чингисъ-хану истинное наслажденіе видѣть какъ быстро валятся ворота и стѣны подъ ударами громадныхъ каменныхъ ядеръ!

Къ вечеру этого-же дня Чингисъ хану доложили о прибытіи двухъ его развѣдчиковъ, давно уже потерявшихся изъ виду. Одинъ изъ нихъ имѣлъ порученіе изслѣдовать пути и страны сѣвернѣе Каспійскаго моря, а другой—обойти его съ южной стороны и потомъ описать повелителю все, что они видѣли и слышали. При-

бытіе юртъ-джи изъ дальнихъ странъ всегда было событіемъ большой важности. Для выслушанія ихъ показаній были приглашены

Видъ Самарканда съ сѣверной стороны.

Октай, Тули, Батый и всѣ приближенные темники и багадуры. —«О степяхъ—молчите, степи намъ извѣстны,» замѣтилъ Чингисъ-ханъ,—«говорите только, что вы видѣли и слышали за каменнымъ поясомъ.»—«Тамошній каменный поясъ не страшенъ»—повѣствовалъ сѣверный развѣдчикъ.—«Мои три верблюда прошли черезъ него безъ всякаго труда. Я ходилъ туда въ качествѣ хозяина бѣднаго каравана съ кожами и шерстью. За каменнымъ поясомъ я видѣлъ широкія рѣки, но тамъ много лѣсу, такъ что переправа не затруднительна. Возлѣ главной рѣки я вошелъ въ ханство, люди котораго называютъ себя великими булгарами. Они не знаютъ, кто ими правитъ—мусульманскій ханъ или христіанскій. Они люди торговые и промышленные и войны не любятъ. За ними идутъ русскія земли со множествомъ князей, которые враждуютъ между собою сильнѣе чѣмъ враждовали наши улусные нойоны.»

Вѣсти сѣвернаго развѣдчика пришлись по душѣ всему собранію.

—«Южный каменный поясъ, напротивъ, очень страшенъ!»—передавалъ южный развѣдчикъ, занявъ мѣсто своего собрата.—«Во многихъ мѣстахъ не пройти черезъ его тѣснины ни

верблюду, ни человѣку!»—«Даже и монголу?» спросилъ кто-то насмѣшливо изъ членовъ совѣта.—«По склонамъ этихъ горъ»—продолжалъ развѣдчикъ—«и подъ ихъ защитою дремлетъ богатое царство—Гюржистанъ, которымъ теперь правитъ царь Лаша. Едва ли этотъ царь убилъ въ своей жизни, хотя бы одного врага. Всю жизнь онъ молится Богу и пьетъ виноградный сокъ, а больше ничего не дѣлаетъ. Его кн. живутъ въ замкахъ, похожихъ на орлиныя гнѣзда и они также молятся Богу и любуются, какъ танцуютъ ихъ жены и дочери. Дальше каменнаго пояса я не ходилъ, но слышалъ, что тамъ есть желѣзныя ворота, за которыми открываются такія богатыя пастбища, которыя и не чудились еще монгольскому коню. Люди этихъ степей скорѣе пастухи, чѣмъ воины. Не много будетъ труда Субетаю обратить ихъ въ покорные тебѣ конюхи, а всѣ ихъ луга только въ продолженіе нашей Монголіи.»—«Такъ и нужно будетъ поступить!» рѣшилъ Чингисъ-ханъ, подаривъ умнаго развѣдчика ласковымъ взглядомъ. Въ общемъ, Чингисъ-ханъ былъ очень доволенъ сегодняшнимъ днемъ, это выразилось и въ посѣщеніи имъ гарема, въ которомъ шла жизнь по совершенно иному шаблону. Молодыя женщины вырядились въ костюмы тоджичекъ со многими ювелирными украшеніями, а старыя бесѣдовали съ шеихъ-уль-исламомъ по вопросу: какъ и какому Богу молятся жители Мавераннагра?—«Мы не поняли»—сообщили онѣ вошедшему Чингисъ-хану—«какъ могутъ здѣшніе люди любить и бояться одного и того же Бога? При томъ-же онъ прихотливъ. Утромъ онъ осыпаетъ всю землю огненными стрѣлами, а вечеромъ наполняетъ воздухъ ароматами!»—Чингисъ-ханъ махнулъ только рукою на претензіи старыхъ женщинъ знать болѣе чѣмъ имъ нужно и занялся одною изъ своихъ маленькихъ внучекъ....

Такъ патріархально оканчивался день в. монгола. Можно думать, что совершивъ все земное, онъ готовъ былъ успокоится на пріобрѣтенныхъ лаврахъ. Вѣроятно Ели-Чицай былъ того же мнѣнія, когда онъ явился къ повелителю съ жалобою на военную партію.—«Я обложилъ въ твоихъ земляхъ пошлиною и оброками вино и уксусъ, соль и желѣзо, горы и воды, но, повелитель, могули я разсчитывать, что казна твоя не опустѣетъ, когда багадуры топчутъ безъ надобности поля, разоряютъ плотины и рубятъ виноградники на топливо?»—«Еще не время говорить о твоихъ порядкахъ» отвѣчалъ Чингисъ-ханъ—«видѣлъ ли ты какъ горитъ

земля? Посѣешь ли ты на ней зерно? Посадишь ли ты въ нее ростокъ дерева?»

Смыслъ его вопросовъ разъяснился не дальше слѣдующаго утра, когда съ высоты отца пастуховъ можно было видѣть въ какомъ боевомъ порядкѣ отправились вновь многія тысячи и тьмы по направленію къ Балху, къ Герату и въ Хоросанъ. Земля еще только что начинала разгораться подъ ногами счастливаго монгола!

XV.

ПОКОРЕНІЕ МОНГОЛАМИ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(1219—1225 гг.).

Роковые удары, испытанные Хорезмъ-шахомъ въ Отрарѣ, Бухарѣ, Самаркандѣ и подъ Ходжентомъ, лишили его душевной крѣпости такъ быстро, что, по выраженію его недруговъ,—государь обратился мгновенно въ дряхлую старуху. Блескъ, которымъ онъ такъ недавно и такъ долго ослѣплялъ ср. Азію, потускнѣлъ; мѣсто его заняли одни несчастья, приведшія населеніе Мавераннагра и гарнизоны въ недоумѣніе—защищаться-ли противъ варваровъ или искать спасенія въ бѣгствѣ за р. Аму? Оставляя во власти враговъ крѣпость за крѣпостью и городъ за городомъ, Хорезмъ-шахъ не пытался даже организовать сопротивленіе изъ оставшихся ему вѣрными людей и освобождалъ ихъ отъ всякихъ къ нему обязательствъ.

Теперь у него была одна мысль, какая приходитъ только въ минуты величайшей паники — спастись бѣгствомъ отъ преслѣдовавшихъ его монголовъ. Впрочемъ, онъ поднялся изъ Балха еще довольно громоздко: съ собственнымъ гаремомъ и съ дворомъ своей матери Туракайнъ - хатунъ. За нимъ направились—караванъ съ драгоцѣнностями и компанія звѣздоче-

товъ, избиравшихъ во время бѣгства счастливыя минуты для отдыха и дальнѣйшаго путешествія. Ему сопутствовали сыновья Ослагъ-шахъ и Агъ-шахъ и отдѣлился только Джелалъ-эд-динъ, не перестававшій твердить, что уныніе господина—несчастіе вѣрныхъ ему рабовъ и что варвары не такъ страшны, какъ кажется ослабленному разсудку. Но и весь пылъ этого молодого, энергичнаго человѣка не могъ воздѣйствовать на отца, которому казалось, что варвары должны остановиться или у переправы черезъ р. Аму, или передъ необозримою площадью песковъ, отдѣлявшихъ Ургенчъ отъ Мавераннагра.

Но Субетай и Джебэ продолжали слѣдовать по его пятамъ и не давали ему отдыха. Чингисъ-ханъ получалъ отъ нихъ ежедневно свѣдѣнія о положеніи погони; иногда эти свѣдѣнія указывали на чрезмѣрную наивность Хорезмъ-шаха, который заставлялъ звѣздочетовъ допытываться у небесныхъ свѣтилъ: удастся-ли отвратить неотвратимое? Порою, когда за плечами утихалъ гулъ погони, онъ разбивалъ шатеръ и пускался съ окружавшею его свитою въ философскія разсужденія. Особенно ему хотѣлось разъяснить вопросъ: имѣютъ-ли добро и зло свои предѣлы? Мать порицала въ немъ это расположеніе духа, но и она утратила въ эту критическую эпоху властность своего духа. Число ея спутниковъ уменьшалось съ каждымъ переходомъ; прежде всѣхъ бѣжали ея фавориты, за ними звѣздочеты и наконецъ растаяли остатки ея блестящей гвардіи.

Для обезпеченія тыла Субетая и Джебэ, Чингисъ-ханъ послалъ за ними резервы съ единственнымъ наказомъ: устремиться подобно летучему вѣтру и требовать отъ всѣхъ людей покорности.—«Не останавливайтесь передъ осадою городовъ и крѣпостей»—наставлялъ онъ темниковъ—«они будутъ потомъ уничтожены. Не возвращайтесь, пока силою Бога великаго не возьмете шаха въ руки. Для покоренія Нишапура, Мерва, Герата и Хорасана пойдетъ вслѣдъ за вами мой сынъ Тули. Другими-же городами займутся прочіе мои сыновья».

Субетай и Джебэ остановили для короткаго отдыха свои тридцать тысячъ всадниковъ на берегу р. Аму. Эта могучая водная артерія всегда занимала видное мѣсто въ операціяхъ в. потрясателей земли. Китайцамъ она была извѣстна подъ именемъ Гуй-хе, грекамъ—Оксуса, персіянамъ—Рудъ-хане и арабамъ—Джей-хуна. Переходъ черезъ нее представлялъ первой важности вопросъ, но

только не для монголовъ, обращавшихъ все мирное населенiе въ рабочую силу. Вскорѣ, благодаря распорядительности резервныхъ темниковъ, на переправѣ очутилась «толпа», которой предоставили работать день и ночь надъ устройствомъ громадныхъ плотовъ изъ гигантскаго камыша, покрывавшаго берега р. Надутые воздухомъ бурдюки служили не малой въ этомъ дѣлѣ помощью. При множествѣ песчаныхъ отмелей и при вынужденномъ усердiи толпы, переправа устроилась необыкновенно быстро.

Плотъ изъ камыша на р. Аму.

Хорезмъ-шахъ, считавшiй себя на томъ берегу въ безопасности и даже занявшiйся «для прогнанiя печали судьбы» виномъ и гаремомъ, не успѣлъ посовѣтоваться о дальнѣйшемъ пути съ звѣздочетами, какъ р. Аму покрылась множествомъ спускавшихся по ея теченiю плотовъ. Ни ширина р., ни клубившiяся волны не остановили монголовъ. Шаху оставалось бѣжать далѣе—но куда?

Опасаясь опереться на свою столицу Ургенчъ, враждовавшую по племенному различiю съ Мавераннагромъ, Хорезмъ-шахъ не рѣшился проникнуть въ ея оазисъ. Послѣ недолгаго размышленiя онъ оставилъ свой немногочисленный уже лагерь и ввѣрился песчаной пустынѣ, направляясь къ горамъ Хоросана. Тамъ его любили

сердечнѣе чѣмъ въ Ургенчѣ. Далѣе, если-бы не прекратилась погоня, можно было пробраться къ Каспійскому морю...

Слѣдуя тактикѣ, указанной Чингисъ-ханомъ, темники его преслѣдовали только одну цѣль: взять въ плѣнъ Хорезмъ-шаха. Поэтому, не останавливаясь возлѣ городовъ и крѣпостей, они втягивали подобно смерчу встрѣчные племена и аулы. Смерчъ этотъ закрутилъ всею зарѣчною степью. Наиболѣе искусные и рѣшительные наѣздники, предшествуя главнымъ силамъ, требовали именемъ в. монгола—только хлѣба, фуража и—покорности. При этомъ прокламаціи темниковъ угрожали каждому, кто вздумалъ бы сопротивляться—«вѣтромъ разрушенія».

Въ Нишапурѣ Хорезмъ-шахъ могъ организовать сильный отпоръ. Здѣшній вассалъ его, напуганный вѣстями о варварствѣ монголовъ, семь разъ облобызалъ землю передъ нимъ и предлагалъ ему собрать до ста тысячъ войска. Но нравственная сила властелина была сломлена, а время потеряно. Субетай послалъ нишапурцамъ копію, даннаго Чингисъ-ханомъ ярлыка.—«Пусть знаютъ эмиры и народъ, что я предоставляю своему темнику Субетаю все лицо земное отъ восхода солнца до колодезя, въ который оно скрывается. Всякій, кто покорится ему, будетъ помилованъ, а противники его будутъ истреблены до послѣдняго близкаго имъ человѣка». Прокламація эта подѣйствовала и на нишапурцевъ такъ, что Хорезмъ-шаху пришлось бѣжать далѣе...

Вихрь, слѣдовавшій по его пятамъ, не далъ ему возможности «вынести душу изъ бездны погибели». Въ Мазандеранѣ онъ очутился только съ своими сыновьями, растерявъ по дорогѣ свиту и драгоцѣнности. Но, что всего ужаснѣе, онъ потерялъ и мать, которая не вынесла безпрерывной скачки и досталась въ руки монголовъ! Тотчасъ-же она была отправлена въ Самаркандъ, къ Чингисъ-хану, какъ пріятнѣйшій изъ ожидаемыхъ имъ трофеевъ.

Наконецъ, Хорезмъ-шаху казалось, что онъ нашелъ достаточно потаенное убѣжище въ бѣдномъ туркменскомъ аулѣ на берегу моря. Здѣсь онъ могъ свободно предаться молитвамъ и обѣщаніямъ передъ Аллахомъ управлять на будущее время имперіей по строгимъ правиламъ мудрости, бережливости и правосудія. Но не повѣрилъ-ли Аллахъ его обѣщаніямъ или таково ужь было его предопредѣленіе, только монголы и здѣсь не дали покоя. Путемъ пытокъ они узнали въ какой пещерѣ скрывается бывшій властелинъ обширной имперіи и уже приготовили хворостъ, чтобы выкурить

его изъ убѣжища, какъ ему посчастливилось бѣжать—ночью, въ лодкѣ,—на песчаный необитаемый островъ. Здѣсь покинули его остатки душевныхъ и физическихъ силъ и онъ скончался, оплаканный только сыновьями, въ такомъ обѣднѣніи, что не нашлось и савана для его погребенія. Поручая его душу Аллаху, симпатизировавшій ему историкъ замѣтилъ, что онъ царствовалъ двадцать одинъ годъ, былъ знаменитымъ законовѣдомъ своего времени и благодѣтелемъ ученыхъ людей. Послѣ сельджукидовъ никто не владѣлъ такою обширною какъ онъ имперіей.—«Кратко сказать, въ немъ одномъ соединилось то, что заключается по частямъ въ другихъ царяхъ и было-бы слишкомъ долго исчислять его доблести!»—Передъ смертью онъ устранилъ Ослагъ-Шаха и вручилъ Джелалъ-эд-дину свой мечъ и поясъ. То была передача правъ на утраченный тронъ. Впрочемъ и Ослагъ-шахъ и Акъ-шахъ не долго влачили свое существованіе и пали подъ ударами монгольскихъ багадуровъ.

Узнавъ о смерти шаха, Субетаю и Джебэ ничего не оставалось, какъ повернуть свои тьмы обратно въ Мавераннагръ. На пути, впрочемъ, они получили приказаніе соединиться съ войсками, шедшими подъ начальствомъ Тули и начать покореніе Хорасана. Джучи шелъ осаждать Ургенчъ.

Запрятавъ останки отца, съ намѣреніемъ перенести ихъ, когда позволятъ обстоятельства, въ столицу, Джелалъ-эд-динъ перебрался на материкъ, гдѣ и показалъ собравшимся толпамъ туркменъ, канкаліевъ и хорезмцевъ поясъ и мечъ отца. Многіе люди, не желавшіе брататься съ варварами, преклонились передъ этими регаліями и признали Джелалъ-эд-дина Хорезмъ-шахомъ. Не время было гоняться за порядкомъ и формою воцаренія. Варвары, не удовольствовавшись Трансоксаніей шли уже разорять западныя провинціи имперіи: Газну, Туркменію, Гератъ, а если не устанетъ монгольскій конь, то и Мидію, Грузію и Ширванъ.

Ургенчъ, видя, что ему не уберечься отъ нашествія монголовъ, предоставилъ въ распоряженіе молодого Хорезмъ-шаха всѣ свои запасы и силы. Нишапуръ также приготовилъ для него три тысячи баллистъ и пятьсотъ катапультъ. Гератъ выслалъ ему нѣсколько каравановъ съ хлѣбомъ и ятаганами, превосходная выдѣлка которыхъ была предметомъ его гордости. Подошли и толпы разбѣжавшихся войскъ хорезмцевъ, побратавшихся съ туркменами, всегда спѣшившими туда, гдѣ слышался лязгъ оружія. Но что

важнѣе всего, халифъ Насиръ, увидѣвъ свою грубую ошибку, отказался отъ союза съ идолопоклонниками и выставилъ противъ нихъ, на границѣ халифата, сильные кордоны.

Въ организаціи защиты Джелалъ-эд-динъ выказалъ себя человѣкомъ съ большими государственными способностями и съ необычайною силою воли. Въ то-же время и Чингисъ-ханъ зорко слѣдилъ за разроставшимся возстаніемъ исламитянъ. Съ цѣлью парализовать ихъ усилія, онъ послалъ сына Тули и зятя Тогангира съ порученіемъ смирить Нишапуръ и предать его «вѣтру тлѣнія». Зять пошелъ съ летучимъ карагуломъ ранѣе шурина и не желая уступить послѣднему лавры побѣдителя, бросился на штурмъ очертя голову. Но нишапурцы встрѣтили его такою тучею стрѣлъ, что весь его карагулъ былъ истребленъ поголовно. Голова-же его украсила шпиль главнаго минарета.

Совершивъ этотъ патріотическій подвигъ, нишапурцы навлекли на себя страшный гнѣвъ монголовъ. Теперь уже во главѣ ихъ встали не темники и багадуры, а сама дочь Чингисъ-хана, увидѣвшая голову своего мужа подъ клювами пернатыхъ хищниковъ. При всемъ ея гнѣвѣ, нельзя было однако приступить къ штурму Нишапура немедленно, такъ какъ Тули не окончилъ еще тогда истребленіе Мерва.

Развалины древняго Мерва можно прослѣдить и теперь, по замѣтно холмистой площади, пространствомъ до ста квадратныхъ верстъ. Преданія указываютъ, что на этой площади существовала цѣлая сѣть крѣпостей и въ числѣ ихъ—въ честь Александра Македонскаго!

Жизнь Мерва продолжаетъ длиться, то вспыхивая, то угасая, болѣе сорока вѣковъ. Еще Ормуздъ гордился имъ какъ лучшимъ изъ своихъ твореній, а классики Діодоръ, Страбонъ и Квинтъ Курцій—никогда не забывали его въ своихъ сказаніяхъ.— Къ его несчастью, такимъ же упорнымъ вниманіемъ пользовался онъ и со стороны царей и полководцевъ, составившихъ себѣ громкое имя остріями своихъ мечей. Нинъ ассирійскій, Киръ персидскій, Александръ Македонскій и арабы— всѣ побывали тутъ и каждый изъ нихъ внесъ свою долю разрушенія.

Находясь на р. Мургабѣ—лучшей изъ р.р. пустыни, засыпанной песчанымъ моремъ—Мервъ представлялъ прелесть и роскошь земнаго рая. Въ его оазисѣ прародитель человѣчества Адамъ обучался садоводству и земледѣлію; такъ, по крайней мѣрѣ, гово-

ратъ мѣстныя преданія. Были вѣка, когда Мервъ служилъ разсадникомъ христіанства и посылалъ своихъ миссіонеровъ—несторіачъ—въ глубину Китая. Онъ служилъ также и центромъ учености; здѣсь знали Платона, Аристотеля и Гиппократа. Обсерваторія и библіотека притягивали къ нему всю интеллигенцію Азіи.

Желѣзно-дорожный поѣздъ въ пескахъ Туркменіи.

Благосостояніе его однако всегда зависѣло отъ горизонта воды въ р. и отъ исправности устроенной на ней плотинѣ. Поэтому, въ политику азіатскихъ завоевателей всегда входило обладаніе этою драгоцѣнною плотиною и защищавшими ее крѣпостями. Мервъ не разъ истребляли до послѣдняго младенца и потомъ сами же истребители призывали его къ новой жизни, которая и проявлялась съ удвоенною силою.

Но явились чингисиды!

Одинъ изъ ихъ тысячниковъ, не имѣя ни ярлыка, ни внушительной тьмы, потребовалъ дани, въ которой повидимому не ожидалъ отказа. Однако вольнолюбивые мервцы, плохо повиновавшіеся и природнымъ властелинамъ, не задумались убить пришельца и выбросить трупъ его шакаламъ, служившимъ городскими санитарами.

По этому поводу Тули занялся приведеніемъ Мерва къ порядку. Настоящее порученіе отца онъ исполнилъ блистательно настолько, что профессіональные историки спорятъ и по сей день, могли ли монголы истребить полтора милліона мервцевъ? Нѣтъ, впрочемъ, сомнѣнія въ томъ, что монголы обратили Мервъ—въ поле и засѣяли его ячменемъ, что они практиковали впослѣдствіи

со многими городами, выступавшими на путь ослушанія. Изъ всего населенія они оставили въ живыхъ всего нѣсколько мальчиковъ и дѣвушекъ и лѣтописецъ былъ правъ, говоря, что человѣчество не видѣло отъ сотворенія міра подобной катастрофы. При истребленіи Мерва, монголы прибѣгнули къ выгодной для нихъ стратагемѣ. Не желая, чтобы кто нибудь изъ мервцевъ уклонился отъ ихъ меча и копья, они сдѣлали видъ, что покидаютъ городскія руины. Тотчасъ же послышались призывы къ намазу. На эту уловку выползли многіе, спасавшіеся въ потаенныхъ убѣжищахъ мусульмане, которые и были истреблены окончательно.

Оставивъ наконецъ это страшное мѣсто побоища во власти шакаловъ, Тули повелъ свои тьмы къ Нишапуру, гдѣ дочь Чингисъ-хана продолжала выплакивать свое горе.

Тули подступилъ къ Нишапуру съ громадною толпою, приготовившею до тысячи однѣхъ машинъ для бросанія горшковъ съ зажженною нефтью. Въ два дня осады крѣпостнаго рва не существовало, а въ стѣнахъ обнаружились, подъ ударами каменныхъ ядеръ, бреши, достаточно широкія для прохода десятка слоновъ!

На двѣнадцатый день осады, дочь Чингисъ-хана первая взошла въ Нишапуръ и подала знакъ къ его истребленію. Разрушеніе этого богатаго города длилось двѣ недѣли и прекратилось не ранѣе, когда голова послѣдняго нишапурца увѣнчала пирамиду изъ человѣческихъ череповъ. Но прежде чѣмъ выросла эта страшная пирамида, плѣнные сравняли стѣны родного города съ землею и затѣмъ уже легли подъ палицы и ятаганы монголовъ.

Изъ всѣхъ городовъ Хорезмской имперіи Ургенчъ выказалъ болѣе сильное сопротивленіе, такъ что осада его длилась семь мѣсяцевъ. Обстоятельство это слѣдуетъ приписать военнымъ способностямъ Джелалъ-эд-дина и несогласію, обнаружившемуся между сыновьями Чингисъ-хана—Джучи и Джагатаемъ. Ссора ихъ, подъ стѣнами непріятельской столицы, привела къ тому, что Чингисъ-ханъ прислалъ третьяго сына—Октая съ полномочіями диктатора.

Палъ и Ургенчъ!

Изъ массы его жителей монголы выдѣлили ремесленниковъ и художниковъ и отправили ихъ въ Мавераннагръ. Все остальное населеніе было истреблено, при чемъ каждому монголу пришлось убить болѣе двадцати плѣнниковъ. Всѣхъ же монголовъ насчитывалось здѣсь до пятидесяти тысячъ!

Съ цѣлью поразнообразить наказаніе, монголы не ограничи-лись истребленіемъ Ургенча только силою меча и огня. Руками той же многострадальной толпы, они отбросили на него воды р. Аму и смыли до почвы всѣ глинобитныя строенія павшей сто-лицы. Можно предположить, что пользуясь каторжнымъ трудомъ монголы прервали теченіе р. въ Каспійское море и направили е въ Аральское, съ цѣлью уничтожить вольнолюбивое населені Мангишлака. Такъ говорятъ болѣе логическія преданія, подрыва вѣру въ предположеніе, будто поворотъ этой могущественной арте-ріи вызванъ землетрясеніемъ и поднятіемъ почвы у ея нижняг теченія.

Одновременно съ военными операціями на западѣ Хорезм-ской имперіи, монголы громили и ея южныя провинціи. Въ Герат распоряжался свирѣпый темникъ Ильчикидай, изобрѣвшій особы способъ укращать сеидовъ, призывавшихъ слугъ Пророка к священной войнѣ. Онъ зашивалъ ихъ въ войлоки и употреблял эти свертки вмѣсто катковъ для уравненія дорогъ.....

Вообще успѣхи монголовъ въ ср. Азіи возрастали съ невѣ-роятною бostротою. При глубокой вѣрѣ въ предопредѣленіе, исла-митяне утратили физіологическую способность сопротивлятьс насилію, поэтому кичливость побѣдителей превзошла всякую мѣру Вооруженный монголъ могъ выйти на улицу и умерщвлять бе наказанно каждаго проходящаго таджика.—«И никто—говорит историкъ—не отклонялъ отъ себя ни большой бѣды, ни малой Богъ да избавитъ людей отъ такого посрамленія.»

Между тѣмъ Чингисъ-хану, которому гонцы доставляли еже-дневно вѣсти о городахъ и крѣпостяхъ, обращенныхъ въ пахот-ныя поля, казалось, что его сыновья и багадуры служатъ н достаточно ретиво богу войны. Располагая всѣми нитями широк раскинувшейся, сложной, военной операціи, онъ видѣлъ, чт Балхъ—«куполъ ислама»—еще не истребленъ, а испуганны халифъ призываетъ исламъ къ священной войнѣ. Джелалъ-эд-дин продолжалъ организовывать возстаніе. И вотъ, снявъ оронгви с вершины отца пастуховъ, Чингисъ-ханъ отправился лично про-тивъ Балха, богатаго впрочемъ не столько джигитами, скольк богословами.

Балхъ не сопротивлялся. Выйдя на встрѣчу грозному гостю задолго до его приближенія, улемы представили ему многіе дарі и его багадурамъ обильныя приношенія. Улемы руководилис

въ этомъ случаѣ сурою корана, утверждающею, что воздавать добромъ за зло значитъ превращать врага въ покровителя и друга. Но увы, эту чудесную пѣснь не напѣвали у колыбели Чингисъ-хана. Несмотря на капитуляцію, всѣ жители Балха были выведены въ полѣ, сосчитаны и—«по обыкновенному заведенію раздѣлены между солдатами, а потомъ умерщвлены.» Отъ самаго же купола ислама не осталось и слѣда.

Желѣзно-дорожный мостъ черезъ р. Аму.

Изъ Балха Чингисъ-ханъ пошелъ въ оазисъ Баміана. Здѣсь, при осадѣ одной изъ крѣпостей, стрѣла защитника впилась смертельно въ сына Джагатая, любимаго дѣдомъ наравнѣ съ другимъ внукомъ—Батыемъ. Случай этотъ приподнялъ «гнѣвъ Темучина» до предѣловъ уже безумія. Онъ обрушился не только на людей, но и на все живое. Не были пощажены ни птицы, ни растенія! Знаменитый баміанскій оазисъ обратился въ мертвую пустыню.

Пришлось и Герату встрѣтить Тули по этикету мусульманскаго подданичества—въ видѣ депутаціи изъ девяти представителей, съ девятью подарками каждый. Расположенные этими знаками повиновенія, побѣдители готовы были ограничиться истребленіемъ только двѣнадцати тысячъ человѣкъ, но «Темучиновъ гнѣвъ» не унимался. Получивъ приказъ отца предать весь Гератъ вѣтру тлѣнія, Тули пощадилъ изъ милліоннаго населенія только сорокъ

человѣкъ, спасшихся впрочемъ скорѣе чудомъ нежели его милостію.

Хорезмской имперіи не существовало болѣе. Но сильный духомъ Джелалъ-эд-динъ не унывалъ и, укрываясь за песчанымъ моремъ, призывалъ къ себѣ каждаго человѣка, способнаго поднять оружіе. Стоны ср. Азіи дѣйствовали въ этомъ случаѣ сильнѣе запоздалаго призыва халифа къ священной войнѣ. Стоны эти достигли и римскаго султана и дальней Индіи, изготовившей спѣшно вспомогательный корпусъ въ тридцать тысячъ человѣкъ.

Вскорѣ, въ распоряженіи Джелалъ-эд-дина собралась настолько внушительная сила, что онъ во главѣ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, разбилъ на голову довольно сильный отрядъ монголовъ, приводившихъ къ покорности Кабулъ и Газну. Но и Чингисъ-ханъ не медлилъ. Онъ отправился лично въ погоню за смѣлымъ Хорезмъ-шахомъ, не успѣвшимъ еще придать собравшимся подъ его бунчукомъ добровольцамъ твердую организацію. Разсчитывая на помощь Индіи, Джелалъ-эд-динъ бросился туда съ нѣсколькими избранными тысячами, но этимъ движеніемъ навлекъ только на богатый Лагоръ и Пешаверъ нашествіе монголовъ, Преслѣдуя его по пятамъ, они опоясали князей Индіи «поясомъ повиновенія» и настигли своего противника на берегахъ р. Синда. Здѣсь онъ проигралъ сраженіе и спасъ жизнь, благодаря только качествамъ своего коня и собственной рѣшимости. Переплывая р., онъ держалъ за собою щитъ, въ который поминутно впивались стрѣлы....

Безпрерывныя передвиженія и битвы повліяли однако и на желѣзную выносливость войскъ Чингисъ-хана, чѣмъ воспользовалась сторожившая ихъ за каменнымъ поясомъ холера. Она развилась въ средѣ ихъ быстро и немилосердно. Въ то же время пришли неблагопріятныя вѣсти и изъ коренного юрта. Тамъ Шидурга, государь тангутовъ, вышелъ открыто на поле неповиновенія. Говоря проще, онъ объявилъ себя независимымъ и угрожалъ разорить коренной юртъ, которымъ правили неопытные еще, молодые внуки Чингисъ-хана Гулага-ханъ и Кубилай-ханъ.

Паденіе Хорезмской имперіи на столько успокоило сердце Чингисъ-хана, что онъ рѣшилъ повести свои тьмы на родину, которую они не видѣли уже семь лѣтъ. Путь возвращенія онъ избралъ черезъ Тибетъ, но юртъ-джи сообщали о такихъ непроходимыхъ здѣсь горахъ и лѣсахъ, что пришлось возвратиться въ

Мавераннагръ прежнею дорогою, черезъ Баміанское ущелье. Толпа изготовила риса по сто фунтовъ на человѣка и покорно понесла этотъ багажъ, не отставая отъ копытъ монгольскаго коня.

Міанкальская долина послужила этапомъ дальнѣйшаго похода Чингисъ-хана. Здѣсь онъ сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія. Надъ бывшей Хорезмской имперій онъ поставилъ Джагатая, которому разрѣшилъ оставить въ своемъ распоряженіи столько войска, сколько было необходимо для «узды повиновенія». Этимъ путемъ осѣли въ Трансоксаніи многія монгольскія племена, считавшія себя потомъ долгое время господами надъ аборигенами страны.

Выступленіе Чингисъ-хана въ путь къ родному улусу сопровождалось торжественною обстановкою. Никто не могъ предвидѣть, навсегда ли онъ покидаетъ розы и платаны прекрасной Согдіаны, или возвратится для новаго разгрома въ сторону Тибета, Багдада или странъ, гдѣ чтутъ быка и аиста. За его тьмами потянулись караваны, обремененные драгоцѣнностями, начиная отъ юныхъ красавицъ, золотыхъ тканій, слитковъ золота и оканчивая невиданными въ Монголіи цѣлительными травами и благовоніями, приводящими человѣка въ восхищеніе. Малахаи его рядовыхъ всадниковъ блестѣли жемчугами и рубинами. Ручки ихъ нагаекъ, уздечки, сѣдельныя луки и ножны ятагановъ горѣли на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги!

И все таки не парча и камни наполняли затаеннымъ восторгомъ сердце гордаго побѣдителя. Церемоніймейстеры разставили по сторонамъ его дороги всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ и во главѣ ихъ «царицу всѣхъ женъ вселенной.» И царицѣ и гарему покойнаго Хорезмъ-шаха Мухаммеда и плѣнникамъ было строго приказано голосить все время и причитать о минувшемъ ихъ величіи, пока проходили мимо нихъ несчетные ряды всадниковъ....

Весьма возможно, что когда Туракайнъ-хатунъ шла за копытами его коня, въ умѣ его зародился вопросъ: что такое истинное счастье? Потомъ, при хорошемъ расположеніи духа, онъ не разъ выспрашивалъ у приближенныхъ лицъ мнѣнія по этому вопросу.— «Высшее наслажденіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы сидя на хорошо откормленномъ меринѣ, пускать подъ небеса соколовъ, которые бы ниспровергали оттуда журавлей и синецвѣтныхъ птицъ,»—отвѣчали ловчіе—«и одѣваться въ хорошія платья»—

добавляли къ этому идеалу наслажденія модники того времен Чингисъ-хану представлялось однако высшее наслажденіе въ бол сложномъ и привлекательномъ видѣ. Разумѣется и у него охо доставляла поводъ къ ликованію, но онъ рѣшилъ, что истин счастливъ только тотъ кто:— «побѣдитъ врага, уничтожитъ е племя съ корнемъ... отниметъ у него всѣхъ лошадей.... и нас тится розовыми щечками и алыми губками его гарема. При че необходимо, чтобы въ часы этого наслажденія оставшіеся живыхъ друзья и слуги убитаго врага стонали и плакали!»

Восхищеніе коренного юрта, при встрѣчѣ Чингисъ-хана его соратниковъ, блуждавшихъ въ теченіе семи лѣтъ вдали о родного Алтая, не поддается описанію. Караваны съ богатства подходили одинъ за другими и распредѣленные ранѣе по улуса и кочевьямъ, внесли въ каждую юрту—предметы «чудные невиданные.»

По уходѣ Чингисъ-хана, ср. Азія представляла собою гр мадный могильникъ, по которому бродили стаи шакаловъ и немн гіе изъ уцѣлѣвшихъ обывателей. Людямъ, напрасно искавши пищи и пристаница, пришлось нарушить теперь завѣты Проро и питаться нечистыми животными, не исключая кошекъ и соба Обработанныхъ полей не существовало болѣе и взамѣнъ прави наго орошенія возникли злотворныя болота. Въ нравственно мірѣ разрушились всѣ религіозныя и племенныя связи, такъ ч изъ обихода человѣческой жизни исчезло самое понятіе о измѣнѣ, коварствѣ и противоположныхъ имъ качествахъ. Зна Халифа, этого главы правовѣрія, обратилось въ знамя жадна властителя, готоваго обобрать всю общину исламитянъ.

Трансоксанія—менѣе воинственная часть бывшей Хорезмск имперіи—уцѣлѣла лучше Мерва, Ургенча и Хорасана. Прови ціямъ этимъ потребовались впослѣдствіи многіе десятки лѣт чтобы стряхнуть съ себя пелену мертвечины и войти вновь жизненную струю. Нѣкоторые большіе города—Рей и Газна погрузились по уходѣ монголовъ навсегда въ тьму забвенія, другіе—Нишапуръ и Серахсъ—остались влачить и въ цѣло рядѣ послѣдующихъ вѣковъ одно меланхолическое существовані Нетронутыми остались—Халифатъ, Фарсъ и Кирманъ и то толь на время, до новаго появленія въ ср. Азіи монгольской силы.

Еще Чингисъ-ханъ не успѣлъ возвратиться въ Монголі какъ блуждавшій въ горахъ сѣверной Индіи Джелалъ-эд-ди

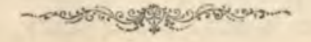
выступилъ вновь въ роли Хорезмъ-шаха. Имя его было достаточно обаятельно, чтобы обездоленные остатки хорезмцевъ и рыцари

Киргизъ-кайсакъ.

степей образовали вокругъ него довольно внушительную силу. По крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти или шести лѣтъ, когда монголы, занятые на сѣверѣ Китая, какъ-бы позабыли о своемъ среднеазіатскомъ улусѣ, Хорезмъ-шахъ велъ войны, заключалъ договоры и округлялъ границы своихъ владѣній. Но вотъ, пронеслась вѣсть о новомъ нашествіи монголовъ и Джелалъ-эд-динъ, встрѣтившись съ измѣною своихъ приближенныхъ, обратился попрежнему въ искателя приключеній. Усвоенный же имъ образъ жизни, въ которой преобладали вмѣстѣ съ веселыми женщинами и веселые напитки, оттолкнули отъ него такъ называемыхъ строгихъ мусульманъ и увлекли его на путь авантюристовъ. При одномъ изъ столкновеній на этомъ пути, грубый курдъ, повинуясь единственно чувству мщенія, убилъ его, нарушивъ даже законы гостепріимства.....

Въ это время коренная Монголія, управившись съ тангутами и переорганизовавшись на новыхъ началахъ, выступила вновь на міровую сцену и—ср. Азія застонала, теперь уже надолго, подъ копытами монгольскихъ коней!

XVI.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ И АРМЕНИИ.

(1222—1223 г.г.)

Военныя построенія Чингисъ-хана были результатомъ точныхъ расчетовъ военнаго генія; такими они представляются и въ движеніяхъ его по Азіи и въ планѣ перваго вторженія монголовъ въ Европу. Съ этою цѣлью, еще ранѣе посѣщенія Индіи, онъ образовалъ двѣ арміи, которыя и повелъ вокругъ Каспійскаго моря. Южная армія, подъ предводительствомъ Субетая, должна была пройти изъ Хорезмской имперіи черезъ Иранъ, Азербейджанъ, Грузію, Арменію, Агванію и Кавказскій хребетъ, а сѣверная, подъ начальствомъ Джучи, черезъ киргизскую и кипчакскую степи. Мѣстомъ соединенія ихъ могли быть берега р.р. Дона, Днѣпра или Волги, о которой онъ слышалъ какъ о неимѣющей соперницы на землѣ. По описаніямъ юртъ-джи, она текла по обширной кипчакской равнинѣ, подобно вѣчно движущемуся морю....

Направляясь въ кавказскія области, Субетай посѣтилъ страны и города, частью уже разоренные монголами, а частью ожидавшіе своей очереди испытать ихъ удары. На этомъ пути, одинъ Козвинъ оказалъ имъ сопротивленіе и настолько серьезное, что послѣ рукопашной схватки на ножахъ и палицахъ, обѣ стороны потеряли

до пятидесяти тысячъ человѣкъ убитыми. Тебризъ откупился отъ погрома пожертвованіемъ всего своего цѣннаго имущества. Далѣе, Субетай повелъ тумени черезъ Діарбекиръ, Хамаданъ, Арранъ, Ганджу и вышелъ на дорогу въ Грузію и Арменію.

Повторивъ разореніе Нишапура и Рея, онъ увлекъ за собою толпу молодыхъ и здоровыхъ плѣнниковъ. Они предназначались для расчистки пути въ странахъ, гдѣ горы, по показаніямъ развѣдчиковъ, уходили въ облака, а пропасти исчезали въ непроглядномъ мракѣ. Силы багадуровъ были слишкомъ цѣнны, чтобы тратить ихъ на такую черную работу. Не всѣ однако плѣнники обрекались на гибель; многіе изъ нихъ достигали званія воиновъ съ правомъ на боевой лукъ и мечъ. Такіе новобранцы дѣлались потомъ самыми рьяными монголами; изъ нихъ вышли родоначальники мамелюковъ, преторіанствовавшихъ впослѣдствіи въ Турціи и Египтѣ. Ядромъ этого войска послужили черкесы, мингрельцы и абазанцы.

Войдя въ кавказскія области, монголы нашли древнюю Арменію, страну гайканскаго народа—въ цвѣтущемъ состояніи. Ея р.р.—Тигръ, Ефратъ и Кура и ея вѣнчанныя бѣлоснѣжными коронами горы, обрамляли восхитительнѣйшія долины. Здѣсь зрѣли лучшіе въ мірѣ плоды. Сосѣдній Гюржистанъ, обижавшій нерѣдко гайканское племя, былъ уже въ ту пору культурною страною. Исповѣдывая христіанство, грузины предпочитали военнымъ утѣхамъ—винодѣліе, пчеловодство, рыбную ловлю и труды обхожденія съ благодарною землею. Гюржистанъ нерѣдко опустошали и персы и сарацины и турки—сельджуки, но онъ вновь возставалъ изъ развалинъ съ обновленною силою. Царь Давидъ и царица Тамара придали своей странѣ первое мѣсто въ западной Азіи. Но передъ нашествіемъ монголовъ она, благодаря междоусобіямъ, а можетъ быть и подъ вліяніемъ изнѣженной природы, ослабѣла и предалась нравственной сонливости. Изъ послѣдней она пробуждалась скорѣе подъ звонкіе бубны, призывавшіе къ танцамъ и къ кувшинамъ стараго вина, нежели подъ громъ военныхъ литавръ.

Вообще же Арменія и Грузія не имѣли понятія о народахъ, обитавшихъ на востокъ отъ Каспійскаго моря. Правда, по временамъ доносились оттуда неясные слухи о кровопролитныхъ войнахъ и сраженіяхъ, но и самъ грузинскій царь Лаша не могъ опредѣлить, кто тамъ воюетъ и во имя какихъ интересовъ. Эта безпечность длилась до той поры, когда изъ странъ «Чинъ и

Мачинъ» пришли никому невѣдомыя и говорившія на неизвѣ
номъ языкѣ полчища. Ничего не объявляя о себѣ, этотъ «наро
стрѣлковъ» принялся истреблять все живое, безъ сожалѣнія и пощад

Теперь только безпечный царь понялъ, что именно пред
щало землетрясеніе, разрушившее недавно храмъ, въ которо
погибли всѣ молившіеся люди. Къ тому же, на небѣ гор
потомъ всю ночь копьеобразная звѣзда; очевидно государству
грозила гибель отъ вражескаго копья. Что же дѣлать, молить
или воевать? Обезумѣвъ отъ одного вида пришельцевъ, подданн
бѣжали подъ его защиту толпами, покидая по дорогѣ и стада
немощныхъ старцевъ.—«Мугалы имѣютъ видъ адскій»—доклады
ли бѣглецы оторопѣвшему царю. — «Глаза у нихъ узкіе и б
стрые, а голосъ тонкій и острый. Они чрезвычайно долговѣчн
Для нихъ не существуетъ дѣленія животныхъ на чистыя и неч
стыя, но всему на свѣтѣ они предпочитаютъ конину. Они беру
женъ сколько хотятъ, но своихъ никому не отдаютъ. Богослуж
нія они не знаютъ. Мертвыхъ же хоронятъ вмѣстѣ съ и
лошадьми. Всѣ жены ихъ—ворожеи и волшебницы».—Люди,
потерявшіе разсудка, опредѣляли мугаловъ нѣсколько иначе:—«О
мужественны какъ львы, хитры какъ лисицы, дальнозорки ка
вòроны. Они обладаютъ хищностью волка и боевымъ жаро
пѣтуха. При чуткости кошки, они буйны какъ вепри, а кони и
могутъ долгое время оставаться безъ корма».

Съ другой стороны, нашелся старый сельскій священни
слышавшій отъ давно умершаго святаго вартапета, что мугал
напротивъ, исповѣдываютъ христіанскую вѣру и творятъ чуде
Главное ихъ чудо состояло, по увѣренію почтеннаго старца въ том
что они ставили передъ чудотворнымъ крестомъ мѣру ячменя, и
котораго все войско брало кормъ для лошадей. Мѣра не убавл
лась. Точно также и всѣ люди ихъ довольствовались изъ одн
небольшой чаши.

Слухъ этотъ передалъ царю преданнѣйшій изъ приближе
ныхъ къ нему людей — атабегъ Иване, который распорядил
вмѣстѣ съ тѣмъ выслать навстрѣчу врагамъ духовную процесс
Но Субетай, увидѣвъ въ первый разъ христіанскія оронгви,
понялъ ихъ значенія и, не предполагая, что онѣ обозначаю
покорность, смиреніе и просьбу о пощадѣ—двинулъ проти
приближавшейся процессіи сотни багадуровъ. Въ нѣсколь
минутъ процессія была смята и уничтожена!....

Черезъ тѣснины Кавказа

Только теперь царь Лаша и атабегъ Иване поняли съ какими варварами они имѣютъ дѣло! Наскоро собранное ими христіанское войско, не въ силахъ было оказать сколько нибудь серьезное сопротивленіе народу стрѣлковъ и понесло пораженіе настолько сильное, что по выраженію лѣтописца:—«бѣжалъ царь, бѣжали и князья, а мугалы, собравъ добычу, ушли въ свой лагерь».—Эта побѣда надъ сонною страною послужила къ тому, что жители городовъ и мѣстечекъ скрылись въ горы и въ мѣста, доступныя только птицамъ. Малѣйшія попытки къ сопротивленію вели къ поголовному избіенію мужчинъ и къ захвату женщинъ.

Не позволивъ однако багадурамъ увлекаться роскошными дарами Грузіи и Арменіи, Субетай указалъ имъ путь за каменный поясъ. Тамъ, какъ оповѣщали развѣдчики, собрались воинственныя племена, чтобы преградить ему дорогу на привольныя пастбища муганской степи. Во главѣ этого оборонительнаго союза стояли половцы, считавшіе всѣ земли сѣвернѣе Кавказа своею неотъемлемою собственностью.

Подойдя къ хребту, Субетай убѣдился, что и монголу трудно было двинуться черезъ уходившіе въ небо горные пики, неизмѣримыя бездны и бѣшеныя рѣки. Ему пришлось поэтому провести въ Азербейджанѣ цѣлый годъ, для пополненія боевыхъ средствъ. Мимоходомъ, для развлеченія, онъ разорилъ Ширванъ и Шемаху и собралъ свѣжую толпу для разработки дорогъ. Его отряды ходили ловить прятавшихся въ замкахъ и горныхъ пещерахъ грузинскихъ кн., отбирать ихъ табуны и тѣшиться надъ ихъ беззащитными женщинами. Цитадели ихъ сдавались также легко, какъ сдаются злобной ищейкѣ птичьи выводки.—Всѣхъ жителей замковъ они низвергали со скалъ въ бездны, гдѣ кости ихъ бѣлѣлись потомъ какъ кучи собраннаго камня.

Наконецъ, князьямъ Грузіи и Арменіи сдѣлалось совѣстно, что они, кавказскіе рыцари христіанства, падаютъ отъ рукъ беззаконниковъ, какъ ничтожнѣйшіе рабы. Пробудившійся патріотизмъ и общность вѣры образовали изъ нихъ союзъ, избравшій, увы, главнокомандующимъ того-же атабега Иване—смирнаго, милостиваго, нищелюбиваго, неутомимаго въ молитвѣ и—бездарнаго на войнѣ. Кн. успѣли собрать армію въ тридцать тысячъ человѣкъ.

Встрѣча неприспособленныхъ къ войнѣ гюржистанцовъ и гайканскихъ воиновъ съ монгольскими произошла возлѣ Азербейджана, гдѣ Иване и потерпѣлъ такое пораженіе, что бѣжалъ къ

царю Лаша съ просьбою разрѣшить ему поступить въ монастырскіе служки. Независимость Грузіи и Арменіи пала. Атабегъ стушевался, а съ нимъ скрылся и царь Лаша, которому монашескій посохъ былъ всегда пріятнѣе меча и копья. Считая пройденныя страны обезсиленными, а свой тылъ обезпеченнымъ, Субетай выждалъ подкрѣпленіе изъ Трансоксаніи и выдвинулся вновь къ проходамъ Кавказскаго хребта. Но и на этотъ разъ ему было не легко вывести тумени въ муганскую степь. Плѣнники истощали всѣ силы въ разработкѣ дороги мимо Казбека. Они впрягались въ лямки, для перетаскиванія катапультъ, но безъ пособія инструментовъ, ребра крутыхъ горъ не поддавались усиліямъ человѣка. Желая усилить ихъ старанія, инженеры-монголы выхватывали десятки людей и бросали ихъ въ бездны, но каменный поясъ все-таки не разступался и продолжалъ охранять таинственный сѣверъ. Конямъ Субетая пришлось сильно голодать въ горной тѣснинѣ. Здѣсь впрочемъ и люди, увидѣвъ себя въ клѣткѣ, окруженной неприступными горами, пришли въ уныніе. Плѣннымъ прекратили выдачу пищи, почему многіе изъ нихъ бросались въ бездны и безъ посторонняго насилія....

Тѣснины Кавказа.

Изъ этого критическаго положенія Субетай вышелъ, принявъ рѣшеніе повернуть коней обратно и направиться къ берегу Кас-

пійскаго моря, гдѣ, какъ увѣряли проводники, не трудно было выйти береговою полосою на желанное степное приволье. При этой диверсіи, Субетай оставилъ изъ толпы столько людей, сколько нужно было для запряжки въ катапульты; остальную массу народа онъ велѣлъ разбросать въ рр., въ бездны и въ разсѣлины, въ видѣ матеріала для удобныхъ переходовъ. Идя далѣе, черезъ Шемаху и населенные пункты, монголы освѣжили свои перевозочныя средства новыми плѣнниками и наконецъ подошли къ Дербентской стѣнѣ. Дербентскія ворота, не смотря на всѣ выгоды крутой горной мѣстности, не устояли противъ напора рвавшихся изъ непривѣтливыхъ тѣснинъ монголовъ и открыли имъ дорогу въ Европу....

Европа поманила ихъ степью, покрытою въ ту пору высокими и сочными травами, доставившими утомленнымъ въ борьбѣ съ природою туменямъ величайшую отраду. При видѣ ея роскоши, въ умѣ каждаго монгола сверкнула мысль, что его истинное счастье найдено и оно находится здѣсь, въ этой степи, съ необъятнымъ горизонтомъ. Самъ Субетай раздѣлялъ восхищеніе своихъ соратниковъ, но онъ удѣлилъ имъ только короткое время для отдыха и подкрѣпленія силъ и немедленно двинулся далѣе, чтобы напасть на соединившихся противъ него половцевъ, алановъ, ясъ и косаговъ.

По удаленіи на сѣверъ боевой монгольской силы, въ управленіе кавказскими государствами вступилъ Черма-ханъ, явившійся отъ имени Чингисъ-хана съ неограниченными правами судьи и военачальника. Вскорѣ послѣ его прибытія въ Грузію, царь Лаша и его атабегъ предстали предъ Всевышнимъ дать ему отчетъ въ ихъ безпечности. Послѣ Лаша остался сынъ Давидъ, но красавица Русуданъ—дочь Тамары, сестра Георгія Лаша—имѣла такъ много приверженцевъ, что ей не стоило большого труда захватить престолъ и устранить отъ него прямого наслѣдника. По сказаніямъ современниковъ, она превосходила, по множеству своихъ сердечныхъ склонностей, даже уступчивую передъ мужчинами Семирамиду. «Отказываясь выходить за тѣхъ, кого предлагали ей въ мужья и живя со многими.... она считалась неутѣшной вдовой.» Занятая своею красотою и обожателями, она предоставила управленіе государствомъ Авагу—сыну покойнаго атабега, съ сотрудниками изъ одаренныхъ ею счастливцевъ.

Авагъ, предпринявъ попытку сопротивленія монголамъ, за-

перся было въ неприступной крѣпости Каянъ, но не долго продержался въ ней и выслалъ свою дочь въ лагерь осады съ богатыми дарами и съ просьбою о снятіи блокады. Крѣпость нуждалась въ водѣ. Получивъ разрѣшеніе выйти изъ-за стѣнъ, гарнизонъ ея очутился въ плѣну, такъ что правителю Авагу пришлось признать себя вассаломъ в. хана. Царица бѣжала.

Вскорѣ Авагъ и совсѣмъ передался на сторону монголовъ и охотно помогъ имъ разорить многолюднѣйшій изъ городовъ—знаменитый Ани. Насколько этотъ городъ былъ обширенъ, можно заключить изъ существовавшаго тогда обычая клясться тысяча одною церковью Ани. Стѣны его однако не устояли противъ катапультъ и измѣнниковъ, передавшихся изъ обуявшаго ихъ страха, на вражескую сторону. Городъ сдался на милость побѣдителей, которая однако выразилась въ томъ, что они оставили въ живыхъ только женщинъ, дѣтей и ремесленниковъ. Послѣдовавшій затѣмъ грабежъ разрушилъ навсегда и красоту и благосостояніе города.—«Зрѣлище было раздирающее»—по замѣчанію лѣтописца.—«Трупы валялись кучами и покрывали поле, пропитанное кровью и гноемъ раненыхъ. Нѣжныя тѣла людей, уже привыкшихъ къ мылу, лежали почернѣвшія и вздутыя. Сюда согнали юношей и дѣвицъ, которымъ приходилось пить не чистое молоко лошадей. Цѣломудріе подвергнулось повальному оскверненію....»

Послѣ разрушенія Ани, Черма-ханъ подступилъ къ Карсу, который поспѣшилъ поднести ему ключи въ надеждѣ—по обыкновенію не сбывшуюся—на пощаду. Монголы ограбили и разрушили городъ и увели жителей его въ плѣнъ. Послѣ ихъ ухода, румскій султанъ также явился въ Карсъ наказать его за добровольную сдачу монголамъ и, такимъ образомъ, исполнилось рѣченіе: «ужасъ, ровъ и западня надъ вами, жители земли. Избѣжавшій ужаса—попадетъ въ ровъ. Избѣжавшій рва—попадетъ въ западню, а избѣжавшаго западни ужалитъ змѣя».

Вскорѣ и остальные города, крѣпости и замки перешли въ монгольскія руки. Кн. Авагу оставалось только поступить въ ханскую свиту, что онъ и сдѣлалъ, не безъ надежды смягчить приниженностью порывы ханскаго гнѣва. Уполномоченные для наблюденія за кн. покоренныхъ странъ и за исправными взносами даней «Баскаки» не дремали и высасывали уже изъ Грузіи, какъ и изъ прочихъ данническихъ странъ, все, что могли. Особенно имъ полюбились лошади, очутившіяся вскорѣ съ выжженными

клеймами собственниковъ—монголовъ. Прежніе же ихъ владѣльцы были объявлены огульно ворами.

Авагъ возвратился, наконецъ, изъ побывки у в. хана съ предложеніемъ скрывавшейся царицѣ Русуданъ отправиться въ ханскую ставку. Она отказалась исполнить это требованіе изъ опасенія чтобы ей, извѣстной красавицѣ, «худа не было». Впрочемъ, она признала власть хана, чѣмъ и завершилось первое нашествіе монголовъ на государства Кавказа.

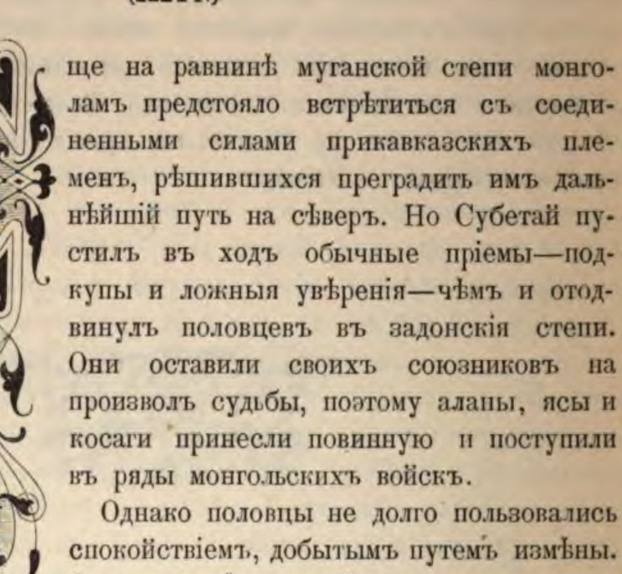
Неизвѣстно когда именно постигнула апоплексія Черма-хана, но онъ былъ такъ страшенъ при жизни грузинамъ и армянамъ, что жена его приняла безпрепятственно намѣстничество и продолжала его именемъ распоряжаться улусомъ.—«А когда Черма-ханъ умретъ,» велѣла она—«то кости его возить передъ войскомъ, такъ какъ онъ человѣкъ даровитый и удачливый». По лѣтописямъ того времени, Черма-ханъ былъ уже нѣмъ и одержимъ бѣсомъ и все таки ни Грузія, ни Арменія не подумали возстать противъ «народа стрѣлковъ.»

XVII.

ПОРАЖЕНІЕ МОНГОЛАМИ ПОЛОВЦЕВЪ И ЮЖНО-РУССКОЙ СИЛЫ.

(1224 г.)

Еще на равнинѣ муганской степи монголамъ предстояло встрѣтиться съ соединенными силами прикавказскихъ племенъ, рѣшившихся преградить имъ дальнѣйшій путь на сѣверъ. Но Субетай пустилъ въ ходъ обычные пріемы—подкупы и ложныя увѣренія—чѣмъ и отодвинулъ половцевъ въ задонскія степи. Они оставили своихъ союзниковъ на произволъ судьбы, поэтому аланы, ясы и косаги принесли повинную и поступили въ ряды монгольскихъ войскъ.

Однако половцы не долго пользовались спокойствіемъ, добытымъ путемъ измѣны. Они не успѣли перейти на свои вежи и укрыться за валомъ, какъ уже услышали за плечами погоню монголовъ и приглашеніе ихъ помѣряться силами.

Но половцы занимаютъ въ рус. исторіи такое видное мѣсто, что непростительно пройти мимо нихъ слишкомъ поспѣшно. Въ началѣ XI-го вѣка печенѣги, понесшіе подъ Кіевомъ пораженіе, разселились по степямъ Черноморья и р. Днѣпра. Въ то же время, съ востока надвинулись половцы и раскинули по сосѣдству съ ними свои шатры. На первое время, сосѣди дружно дѣлили благодатную окраину, обрамлявшую южно-русскія области и даже сообща выхо-

дили на добычу. И только грабежъ богатой Византіи, при которомъ они не сумѣли разсчитаться по-братски, поселилъ между ними раздоръ, завершившійся тѣмъ, что половцы истребили своихъ сосѣдей и друзей и распространили собственныя вежи по бассейну р. Дона, по берегамъ Азовскаго моря и по низовью р. Днѣпра. Отсюда они доходили до Ѳракіи съ одной стороны и до Каспійскаго моря съ другой, при чемъ, разсчитывая преимущественно на добраго коня и мѣткость стрѣлы, считали своею добычею все, что попадалось на глаза. Впрочемъ лукъ и копье не были единственнымъ оружіемъ половцевъ, такъ какъ извѣстно, что «окаянный, безбожный и треклятый Кончакъ» содержалъ у себя даже бесерменина, стрѣлявшаго «живымъ огнемъ».

Мягкій климатъ, плодородная земля и степное приволье представляли половцамъ всѣ прелести полукочевой жизни. Зимою, густыя камышевыя плавни давали прекрасное убѣжище людямъ и ихъ стадамъ; весною же и лѣтомъ, если только не предстояли набѣги на сосѣдей, табуны, люди и шатры раскидывались по всей необъятной степи. Сегодня мусульмане, а завтра христіане, половцы переходили безъ тяжелыхъ колебаній изъ Токсабы въ Юрія Глѣбовича и изъ Уланъ-Берды въ Глѣба Даниловича. Къ счастью для южно-русскихъ областей они дробились на множество колѣнъ и никакъ не могли соединиться подъ одну крѣпкую руку. Благодаря этой розни, они нерѣдко испытывали, то отъ Романа Волынскаго, то отъ Всеволода Большого-Гнѣзда—«губительную тягость». Въ свою очередь и кн. терпѣли отъ нихъ нещадно, такъ что Святославу Черниговскому приходилось нерѣдко взывать къ своимъ дружинамъ: «братія, потягнемъ!» Проводниками половцевъ на рус. земли и ихъ лазутчиками служили «черные клобуки»—одноплеменники берендѣевъ и печенѣговъ, названные такъ по цвѣту ихъ черныхъ шапокъ. Изгнанные изъ Руси еще Владиміромъ Мономахомъ, они ютились за южно-русскими предѣлами и никогда уже не имѣли собственнаго пристанища.

При этой обстановкѣ, пограничныя недоразумѣнія между южною Русью и половцами возобновлялись почти ежегодно и обратились въ своего рода испытаніе удали и наѣздничества. Столкновенія оканчивались нерѣдко чистосердечными договорами о вѣчномъ мирѣ:—«доколѣ камень начнетъ плавать»—но клятвы обѣихъ сторонъ нарушались до того часто, что одинъ Владиміръ Мономахъ заключилъ, по собственному его признанію, въ разное время,

девятнадцать мирныхъ договоровъ. Отъ этой неурядицы страдал
прежде всего южно-русскій пахарь, о которомъ такъ соболѣзновал
гуманисты того времени:—«Станетъ смердъ пахать на своей лошад
а наскочитъ половчанинъ и убьетъ смерда стрѣлою, лошадь ег
жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно сожжетъ...»

Случалось, что побѣды южно-русскихъ кн. надъ половцам
возбуждали своего рода зависть сѣверскихъ кн., выходившихъ в
подобныхъ случаяхъ на войну, какъ бы изъ одного принципа об
зательной борьбы съ погаными.—«Не дай Богъ отрекаться от
похода на поганыхъ» заявилъ ближнимъ людямъ Игорь Святосл
вовичъ.—«Поганые всѣмъ намъ общій врагъ!» Дальше онъ заявил
уже прямо о своемъ желаніи: «преломить копье объ поле пол
вецкое, положить тамъ свою голову или напиться шлемомъ из
Дону».

Сборы сѣверскаго кн. были не малые.—Кони его дружинъ—
если вѣрить величайшему изъ поэтическихъ произведеній XII-г
вѣка—«ржали за Сулою, слава его гремѣла въ Кіевѣ, трубы трубил
въ Новгородѣ, а знамена развѣвались въ Путивлѣ». Братъ кн. Всев
лодъ, приведя къ нему свои дружины, заявилъ, что и его «кон
также готовы, осѣдланы у Курска впереди, а куряне лихіе наѣз
ники, подъ трубами пеленаны, подъ шлемами взлелѣяны, концом
копья вскормлены, дороги имъ извѣстны, овраги имъ знакомы
луки у нихъ гибки, колчаны открыты, сабли наточены...»

Первый натискъ сѣверскаго кн. на половцевъ былъ очен
удаченъ, такъ что его дружинники попользовались и золотомъ
парчами и аксамитами; епанчами-же и кожухами они гатили топ
и болота. Но возобновившаяся на другой день битва измѣнила эт
картину благополучія: половцы окружили со всѣхъ сторонъ ру
полки и «бились день, бились и другой». На третій день, окол
полудня, счастье измѣнило кн. Игорю и его знамена пали как
подсѣченныя головки ярко-цвѣтнаго мака. Много пало и рус. лю
дей на половецкомъ полѣ. Жены павшихъ героевъ горько всплак
нули тогда о своихъ милыхъ, которыхъ уже нельзя было «н
мыслію примыслить... ни глазомъ увидѣть! Златомъ же и сребром
не пришлось имъ брянчать ни сколько!» Долго томился кн. Игор
въ половецкомъ плѣну и въ концѣ концовъ бѣжалъ, при помощ
половецкаго христіанина—въ Путивль, гдѣ опоэтизированная су
пруга его заливалась на городской стѣнѣ горючими слезами.

Управившись съ рус. кн. половцы еще шире разбросали сво

вежи по теченію р.р. Дона, Донца, Хопра, Воронежа и по всему Лукоморью. Здѣсь, по берегамъ р.р., шумѣли тогда богатые лиственные лѣса изъ бересты, вяза, клена и тополя. Они прикрывали щитомъ половецкія кочевья и несчитанныя стада ихъ отъ сѣверной стужи и степныхъ бурановъ. Дикія лошади блуждали здѣсь цѣлыми косяками, не возбуждая въ сытыхъ людяхъ даже желанія арканить ихъ на обычную услугу или на вкусную ѣду.

Обезпеченные природою первыми потребностями жизни, половцы обогащались набѣгами ради избытка и роскоши. Южнорусскіе плѣнники обратились въ своего рода мѣновые знаки, уходившіе безвозвратно въ дальнюю Таурменію, за Каспійское море и нерѣдко въ уплату за тамошнихъ женщинъ съ длинными черными косами. Впрочемъ и рус. плѣнницамъ, несмотря на ихъ синіе глаза, находился уютный шатеръ въ половецкомъ станѣ, точно такъ же какъ и половецкія черныя очи находили себѣ почетъ въ княжескихъ теремахъ. Такъ, Котянъ, кн. половецкій былъ тестемъ кн. галицкаго. Впрочемъ родственныя связи между рус. и половцами извѣстны еще со временъ Мономаха, который взялъ за сына Юрія половецкую княжну, дочь Аэпы, а за сына Романа—Володаревну. Кн. Андрей женился на внукѣ половецкаго кн. Тугаркана, а Ярополкъ привелъ себѣ жену изъ половецкаго похода «красну вельми», но по имени неизвѣстную...

И вотъ, половцы, въ рукахъ которыхъ были такъ могущественны и лукъ и стрѣлы и длинныя копья, одѣтые во время войны въ аварскіе шлемы и кольчатыя брони, услышали о появленіи туменей Субетая! Тумени его шли по вежамъ стихійною силою: все передъ ними склонялось или бѣжало, а позади ихъ оставались только трупы и пепелъ! Этимъ насильникамъ предшествовали слухи, что они идутъ изъ страны «Чина и Мачина», гдѣ какъ извѣстно, Александръ Македонскій управился съ большими усиліями съ Гогами и Магогами. Зайдя въ страну возлѣ Каспія, онъ встрѣтилъ тамъ двадцать четыре рода «дивіихъ людей» съ скотскими ногами, съ песьими головами и съ семью руками у каждаго. Каждый родъ имѣлъ свои особенности и своего царя. Назначеніе ихъ было опустошать земли, но Александръ загналъ ихъ въ горы, затворилъ ихъ мѣдными воротами, которыя залилъ составомъ, недоступнымъ ни огню, ни желѣзу. Теперь очевидно миновалъ срокъ ихъ затворничества и они явились на зло и погибель всему людскому роду.

Въ эпоху вторженія этихъ «незнаемыхъ» людей въ Европу, Россія испытывала уже всѣ невзгоды расчлененнаго на удѣлы государства. Расчлененіе ея началось за два вѣка передъ тѣмъ, когда самодержецъ Ярославъ Мудрый отступилъ отъ идеи государственнаго единства и раздробилъ свое наслѣдство между нѣсколькими сыновьями.

Самому Ярославу достался стольный городъ Кіевъ послѣ двукратной войны его съ Святополкомъ-Окаяннымъ. Въ обоихъ случаяхъ его поддерживали—и казною и силою—новгородцы съ наемною дружиною буйныхъ варягъ. Вытѣсненный въ первый разъ изъ Кіева, онъ возвратился съ новыми дружинами, противъ которыхъ не устоялъ Окаянный и бѣжалъ въ богемскія пустыни...

Ярославъ возвелъ Кіевъ въ блестящую столицу всей Руси, которую, благодаря счастливымъ войнамъ, раздвинулъ—на западъ до Даніи и—на востокъ до Азіи. Существовавшіе до этого времени удѣлы окончили свое самостоятельное существованіе и вошли въ составъ одной общей могущественной монархіи. Побѣда его надъ грозными печенѣгами, въ которой участвовали кіевляне, новгородцы и тѣ же варяги, придала ему обаяніе побѣдоноснаго самодержца. Новыя войны съ ятвягами, Литвою, въ Финляндіи и Греціи придали Кіеву и его князю значеніе крупнаго европейскаго центра и значеніе вершителя судебъ всего востока Европы. Кіевъ стремился даже обратиться во второй Царь-Градъ съ своей Софіей и своимъ митрополитомъ. Вообще же, высокое умственное развитіе Ярослава выразилось не въ однихъ его военныхъ успѣхахъ, но и въ его законахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Русской Правды».

Собравъ удѣлы въ единодержавіе, Ярославъ не устоялъ однако въ этой государственной системѣ и раздѣлилъ свое наслѣдіе на удѣлы, съ завѣтомъ младшимъ сыновьямъ повиноваться старшему брату Изяславу, которому предоставилъ права верховнаго судіи. Не прошло однако и десяти лѣтъ, какъ начались междоусобія, а съ ними и мятежи, такъ что и самому в. кн. пришлось бѣжать изъ Кіева и возвратиться на великокняжскій столъ уже при помощи войскъ Болеслава.

Эпоха удѣловъ ознаменовалась жестокою борьбою, длившеюся три вѣка, за старшинство и за соединенныя съ нимъ выгоды. Племянники возставали противъ дядей, Святославичи противъ Мономаховичей; Новгородъ шелъ противъ Кіева и наконецъ Святославичи возстали другъ на друга. Князья перебѣгали со стола на столъ

и звали къ себѣ на помощь всѣхъ охочихъ людей. Пользуясь ихъ взаимною непріязнью, половцы набѣгали на Русь съ юга, Литва и ятвяги—съ запада, финны и шведы—на сѣверѣ. Въ этой распрѣ то союзниками, то противниками являлись попеременно—Венгрія, Польша и Галиція. Кн. заключали договоры о мирѣ и тотчасъ же нарушали свои клятвы. Мира требовали вооруженною рукою: «приходи къ намъ на миръ, а не то...» Другъ друга приводили къ кресту, но и цѣлованіе креста не осиливало жажды къ коварнымъ захватамъ. Для характеристики этой эпохи достаточно сказать, что даже такія пограничныя ничтожности какъ берендѣи и торки выбѣгали изъ камышей р.р. Днѣпра и Дона и ухватывали безнаказанно все, что попадалось подъ руку.

Сознавая порою, что обще-русскія дѣла шли по наклонной плоскости, кн. собирались на съѣзды, которые однако нисколько не улучшали взаимныя между ними отношенія. Напротивъ, эгоистическія побужденія вели и самые съѣзды къ такимъ прискорбнымъ результатамъ, какъ случившееся впослѣдствіи ослѣпленіе Василька или убійство братьевъ Рязанскимъ кн. За князьями шли по тому же пути и бояре, размѣнявшіеся въ поискахъ—гдѣ жить хорошо?—на мелкую монету и совершенно забывшіе о стояніи за родную землю...

Однако половцамъ не къ кому было и прибѣгнуть за помощью противъ грозной тучи пришельцевъ, какъ только къ своимъ заднѣпровскимъ недругамъ. Разсчитывая на родственныя отношенія къ Галицкому кн., ужаснувшійся ханъ Котянъ отправилъ къ нему посла съ поклонами, и—«дары многи, злато, кони и паволоки, а ркя тако: шлю дары по русскимъ княземъ, днесъ насъ не будетъ, а васъ заутро».—Одаривая кн. «вельблюдами и красавицами», Котянъ распустилъ, для поднятія въ сородичахъ нервной системы, слухъ, что монголы идутъ съ печатями для клейменія всего человѣчества.

Посланцы Котяна предстали передъ кн. въ такомъ разстроенномъ душевномъ состояніи, что не могли толково объяснить какой именно народъ надвинулся на половецкую землю. Впрочемъ, и послѣ возвращенія уже этого народа въ его Таурменію, лѣтописецъ могъ повѣдать только, что «приходили языци не знаемы, ихъ же добрѣ никто-же не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша и котораго племени суть и что вѣра ихъ.... глаголютъ.... яко сіи суть ишли изъ пустыня Етріевскіа, сущіи межи востокомъ и сѣве-

ромъ.... и явишеся они поплѣнять всю землю отъ востока д
Евфранта и отъ Тигрь до Понтьскаго моря, кромѣ Ефіопія.»

Во всякомъ случаѣ, посланцы Котяна договорились до того
что идетъ войною народъ, одинаково ядовитый, какъ для полов
цевъ, такъ и для рус. людей. Опасность видимо была такъ велика
что кн. Галицкій разослалъ немедленно грамоты съ приглашеніемъ
собраться въ Кіевѣ для единомысленнаго совѣта. На призывъ
откликнулись: кн. Кіевскій—Мстиславъ Романовичъ, Черниговъ
скій—Мстиславъ Святославичъ, Смоленскій—Владиміръ Рюрико
вичъ. Наконецъ, ко времени совѣщанія, явился и самъ Котянъ с
товарищами, а за ними прикочевали толпы испуганныхъ половец
кихъ семействъ. Одна Рязань не придвинулась къ общему согласію

Въ совѣтѣ собравшихся кн. предсѣдательствовалъ старый и
добрый Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, который отнесся нѣсколько
свысока къ половецкой тревогѣ и—«отрече» посланцамъ:—«дон
деже есмь на Кіевѣ, то по Яико и по Понтьское море, и п
р. Дунай саблѣ не махивати».

Но кн. Галицкій увлекъ за собою весь совѣтъ, который и
рѣшилъ, что «лучше есть брань творити на чужой землѣ, нежели
на своей», и что если не помочь половцамъ, то они по невол
передадутся на сторону татаръ и поведутъ ихъ силу на рус
вежи.

Порѣшивъ воевать съ монголами,—которыхъ лѣтописцамъ
пріятнѣе было называть татарами,—Русь потянулась на встрѣчу
врагамъ изъ Кіева, Смоленска, Путивля, Курска и Трубчевска
Р. Днѣстръ покрылась ладьями волынцовъ и галичанъ, а р. Днѣпръ—
флотиліей кіевлянъ и черниговцевъ. Сборнымъ мѣстомъ было на
значено устье р. Хортицы, на берегахъ которой и произошла перва
встрѣча недруговъ.

Слѣдуя обычной тактикѣ разъединять непріятельскія силы
Субетай посылалъ къ кн. дважды пословъ съ предложеніемъ
дружбы и съ увѣреніемъ, что онъ идетъ войною только на полов
цевъ, на своихъ «непокорныхъ конюховъ», осмѣлившихся вражде
вать безъ его позволенія съ Русью. Въ знакъ своего миролюбі
онъ предложилъ заняться сообща истребленіемъ половцевъ, н
кн. не повѣрили его льстивымъ рѣчамъ и—пошли далѣе чѣмъ
слѣдовало: они умертвили—«а ту десять мужъ побиша»—посоль
ство Субетая и—приняли послѣдовавшій затѣмъ вызовъ на крова
вую встрѣчу.

Однако еще до встрѣчи со врагомъ обнаружилась притихнувшая было рознь между кн. Не доходя еще до р. Калки было ясно, что одинъ Мстиславъ не дастъ помощи другому Мстиславу и что молодымъ кн. хотѣлось бы броситься въ битву очертя голову. Къ тому же, дружины того времени выступали на войну безъ опыта и подготовки. Одни отроки и дворяне, кормившіеся во дворѣ кн. шли и съ надежными щитами и съ мечами, закаленными для нешуточнаго дѣла.

Соединенныя княжескія силы разбились, безъ предварительнаго уговора и плана, на двѣ части, подпавшія подъ начальство Мстислава Галицкаго и Мстислава Кіевскаго. Галицкому кн. посчастливилось въ стычкѣ съ монгольскимъ карагуломъ, которымъ Субетай пожертвовалъ, чтобы задержать на время движеніе рус. войскъ.

Встрѣча главныхъ силъ—«се же зло сдѣяся іюня 16»—произошла на лѣвомъ берегу р. Калки, гдѣ половцы, обыкновенно храбрые съ южно-рус. смердами, быстро показали тылъ передъ опытными монгольскими стрѣлками. Днѣпровскіе камыши были недалеко, а въ ихъ густыхъ заросляхъ и монгольскій конь не достигнулъ бы бѣглеца. Своимъ бѣгствомъ они смяли рус. передовыя дружины и въ самомъ началѣ битвы поселили въ нихъ неувѣренность въ счастливомъ ея исходѣ.

Первымъ началъ битву Даніилъ Волынскій, который «бѣ бо дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногъ не бѣ въ немъ порока». За нимъ вступилъ въ бой бояринъ Василько, но этотъ «сбоденъ былъ на первомъ ступѣ». Даніилъ былъ вскорѣ раненъ въ грудь, но «буести ради» продолжалъ битву.

Битва разгоралась.

Мстиславъ Кіевскій, занявъ возвышенный берегъ р. Калки, укрѣпился на немъ засѣками и не тронулся съ мѣста даже въ самый разгаръ боя, принятаго Мстиславомъ Галицкимъ въ открытомъ полѣ. Послѣдній не устоялъ наконецъ передъ натискомъ монголовъ и пустился въ бѣгство. Избѣгая погони, онъ уничтожилъ за собою всѣ днѣпровскія ладьи. На полѣ-же битвы легли шесть кн. съ ихъ богатырями и дружинами. Здѣсь же окончилъ свои подвиги и витязь Александръ Поповичъ.

Не устоялъ и Мстиславъ Кіевскій, подготовившій своимъ разъединеніемъ съ прочими кн. злую себѣ участь. Монголы обѣщали ему, черезъ измѣнника Плоскиню, свободный пропускъ,

чему онъ имѣлъ неосторожность повѣрить и—вышелъ изъ засѣки. Но какъ только онъ открылъ свой станъ, Плоскиня выдалъ его, вмѣстѣ съ двумя другими кн., на казнь монголамъ. Монголы же, въ отмѣстку за истребленіе ихъ посольства, придумали лютую казнь.—Они «князей подкладоша подъ дски и сѣдоша връху ихъ обѣдати и тако ту скончаши князи животъ свой».

Истребленіе кіевскихъ дружинъ было таково, что отъ нихъ не осталось и гонца, чтобы оповѣстить Кіевъ о постигнувшей ихъ катастрофѣ. Этимъ воспользовался кн. Владиміръ Рюриковичъ, который «прибѣгъ въ Кіевъ и всѣдъ на столъ». Что касается разбитыхъ половцевъ, то они обратились въ мародеровъ, добивавшихъ остатки рус. дружинниковъ.

На берегахъ р. Калки, заалѣвшей рус. кровью, осталось пятьдесятъ тысячъ труповъ. Послѣ битвы долго еще виднѣлись здѣсь военные доспѣхи, кольчуги, брони, досчатыя латы, шлемы съ сѣтками и щиты, обитые кожею. Не мало валялось и боярскихъ доспѣховъ, такъ что шеломы латинскіе и аварскіе улеглись рядомъ съ сулицами и харалужными мечами.—«Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи, оаты напоиша и сами полегоша за землю Русскую». Бѣгствомъ спаслись немногіе.—«Отъ всѣхъ вой едва десятый утече».

Южно-русской силы не существовало болѣе!

Послѣ битвы на р. Калкѣ, Субетай выслалъ въ погоню летучіе карагулы, передъ которыми тщетно умоляли о пощадѣ мирные граждане и духовныя процессіи, а самъ отправился съ главными силами и обозомъ на отдыхъ въ Крымъ. Здѣсь онъ поджидалъ прибытія туменей Джучи. Послѣдній однако запутался гдѣ то въ пріуральскихъ степяхъ и вовсе не явился на соединеніе съ его войсками. Въ этой неудачѣ сына Чингисъ-хана слѣдуетъ видѣть отсрочку въ покореніи Руси монголами и вторженія ихъ въ срединную Европу.

Въ Крыму Субетай занялъ судакскую долину, гдѣ онъ могъ ожидать цѣлые годы подкрѣпленій изъ орды. Судакъ служилъ въ ту пору международнымъ торговымъ пунктомъ, куда малая Азія доставляла припасы продовольствія и готовую одежду въ промѣнъ на невольниковъ и звѣриныя шкуры.

Во время этого отдыха, въ коренномъ юртѣ Монголіи возникло обстоятельство, нарушившее планъ Чингисъ-хана. Тамъ вспыхнуло новое возстаніе тангутовъ, которое приняло такіе широ-

[illegible] БИТВЫ НА [illegible]

[illegible] повѣрить и—вышелъ въ [illegible] открылъ свой станъ. Плосскиня [illegible] на клянь [illegible] за истребленіе ихъ посольства, [illegible] подкладена подъ доски и [illegible] кончали жизнь свою.

[illegible] было таково, что [illegible] Кіевъ о постигнувшей [illegible] кн. Владиміръ Рю[illegible] и всѣхъ на столъ. Что [illegible] обратились въ мародеровъ. [illegible]

[illegible] рус. времян, [illegible] битвы долго [illegible] брони, досчатыя латы, [illegible] Не мало валялось [illegible] и аварскія [illegible] «Ту [illegible] храбри Русичи, [illegible] уточе».

[illegible] не существовало болѣе!

[illegible] Субетай выслалъ [illegible] умоляла о пощадѣ [illegible] а самъ отправился [illegible] въ Крымъ. Здѣсь онъ [illegible] однако [illegible] явился на соединеніе [illegible] сына Чингисъ-хана слѣдуетъ [illegible] покоренія Руси монголами и вторженія ихъ въ [illegible] Европу.

Въ Крыму Субетай [illegible] судакскую долину, гдѣ онъ [illegible] цѣлые годы [illegible] орды. Судакъ служилъ [illegible] международнымъ торговымъ пунктомъ, куда [illegible] продовольствія и готовую одежду въ [illegible] и [illegible] шкуры.

Во время этого отдыха, въ коренномъ юртѣ Монголіи возникло обстоятельство, нарушившее планъ Чингисъ-хана. Тамъ вспыхнуло новое возстаніе тангутовъ, которое приняло такіе широ-

Двѣ волны

историческая хроника.

ПОСЛѢ БИТВЫ НА Р. КАЛКѢ.

кіе размѣры, что онъ принужденъ былъ вызвать изъ Европы Субетая и его войска, какъ хорошо испытанныя боевыя силы, которыми удобно было зайти въ тылъ арміи противниковъ. Послѣ погрома на р. Калкѣ, лѣтописцы какъ бы утратили слѣды «ядовитаго» народа, между тѣмъ онъ, распродавъ въ Судакѣ плѣнниковъ, отправился въ обратный путь черезъ перекопскій перешеекъ и астраханскія степи—въ Могулистанъ.

Понимая всю важность доставить во время помощь своему повелителю, Субетай направился прямою дорогою, не развлекаясь ни нападеніями, ни грабежомъ....

Послѣ этой битвы половцы ушли за р. Днѣпръ, частью въ Венгрію, гдѣ король Бела отвелъ имъ пристанище, а частью въ Трансильванію и Сербію. Историческій рокъ разъединилъ ихъ навсегда и самое наименованіе ихъ оставилъ въ удѣлъ только лѣтописямъ и воспоминаніямъ.

Послѣ возвращенія монголовъ въ Азію, наступилъ для южной Россіи отдыхъ, изъ котораго она вскорѣ же и пробудилась, но на этотъ разъ къ болѣе тяжкому, длившемуся уже цѣлые вѣка, испытанію.

XVIII.

СМЕРТЪ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

(1226 г.).

Не слѣдуя на этотъ разъ отечественной поговоркѣ: «торжествующій не спѣшитъ»—Чингисъ-ханъ приказалъ войскамъ, возвращавшимся въ Монголію, оставить всѣ тяжелые обозы и двинуться налегкѣ въ коренной юртъ. Оттуда шли вѣсти, что смерть Мухули-Гавана, не успѣвшаго укрѣпиться въ пріобрѣтенныхъ имъ за большою стѣною городахъ и земляхъ, послужила сигналомъ къ возстанію тангутовъ и гиновъ. Они не только вытѣснили монгольскіе гарнизоны, но видимо собирались перейти въ наступленіе и, пользуясь пребываніемъ монгольскихъ войскъ въ ср. Азіи, уничтожить коренной юртъ. Быстро разроставшееся возстаніе не сумѣли остановить молодые еще въ ту пору внуки міродержца, Гулагу-ханъ и Кубилай-ханъ.

Внуки встрѣтили своего дѣда подарками въ видѣ трофеевъ не высокой цѣны, добытыхъ ими лично въ походахъ за большою стѣною. Принявъ благосклонно ихъ дары, онъ не скрылъ понятную въ его положеніи улыбку: теперь онъ могъ осыпать своихъ близкихъ жемчугомъ, какъ дождемъ и рубинами какъ яркоцвѣтнымъ градомъ!

Возвращеніе его было невиданнымъ въ Монголіи тріумфальнымъ шествіемъ. Семь лѣтъ тому назадъ, онъ шелъ по этой дорогѣ съ однимъ только запасомъ мужества и энергіи; теперь же за нимъ слѣдовали гаремы побѣжденныхъ властителей и рабы— изъ первыхъ вельможъ, павшихъ подъ его ударами, государствъ!

Правда, въ его войскахъ убавилось число ветерановъ, выступившихъ въ ср. Азію, но на мѣсто убылыхъ явились тьмы таджиковъ, персовъ, туркменъ, лезгинъ и даже половцевъ, потерявшихъ отчизну, вежи и стада. Всѣ они просили, какъ великой милости, права называться монголами и стоять подъ побѣдоноснымъ оронгви.

Исламитяне и монголы забыли даже про религіозную рознь и исповѣдывали теперь одинъ общій культъ—культъ войны. Къ тому же монголы растеряли въ походахъ идоловъ и шамановъ; послѣдніе, спрятавъ свои аттрибуты, поступили на службу—одни въ оруженосцы, а другіе—въ знахари, заговаривавшіе раны. Обходясь безъ ихъ духовной помощи, багадуры возвратились на родину съ безвѣріемъ не только въ значеніе геніевъ Алтая, но и въ силу самого Неба.

Вскорѣ коренной юртъ обратился въ стойбище каравановъ— хорезмскаго, индусскаго, грузинскаго и половецкаго. Они именовались такъ по тѣмъ странамъ, въ которыхъ были добыты доставленные ими трофеи войны. При караванахъ шли табуны арабскихъ коней и выносливыхъ куланов. Никто не плакалъ по убитымъ отцамъ и братьямъ, предоставляя ихъ душамъ самимъ отыскивать путь въ царство тѣней....

Пригнали и толпу плѣнниковъ, пощаженныхъ при погромѣ различныхъ странъ и городовъ. То были избранники изъ звѣздочетовъ Самарканда, книжниковъ и философовъ Балха и художниковъ Ирана. Между ними одинаково высоко цѣнились и половецкіе кожевники и индійскіе ювелиры; только одни дамасскіе оружейники почитались выше астрономовъ и врачей. Впрочемъ, заклинатели тучъ и люди, которымъ дано слышать, гдѣ журчитъ вода подъ землею, также разсчитывали на привилегированное положеніе.

Пока устраивались отдѣльные племена и улусы, дворъ Чингисъ-хана озаботился придать обстановкѣ своего повелителя настолько величественный видъ, чтобы и цари гиновъ не смѣли бы считать себя сынами неба. Міродержцу поставили шатеръ изъ златокованной парчи, окружили его стражею и штатомъ изъ

церемоніймейстеровъ, стольниковъ, ловчихъ и множества другихъ должностей. Въ числѣ ихъ былъ и смотритель звѣринца, наполненнаго лютыми представителями животнаго царства.

— «Я привыкъ ходить въ такомъ же платьѣ, въ какомъ ходятъ и наши пастухи»,—замѣтилъ однако своимъ придворнымъ Чингисъ-ханъ—«почему-же вы хотите, чтобы я жилъ въ золотой юртѣ и есть-ли въ этотъ смыслъ? Моя пища не лучше пищи моихъ конюховъ, почему же ее будутъ подавать вельможи? Ахъ, я вижу, что послѣ моей смерти вы забудете простоту Монголіи и отдадитесь въ гнусный плѣнъ роскоши»!

Но и гаремъ и льстецы убѣдили его сохранить для обычной жизни обыкновенную войлочную юрту, а для парадной, чтобы поражать умы и воображеніе посольствъ, пользоваться сказочною роскошью. Они же сочинили и порядокъ пріема посольствъ, по которому иноземцы должны были входить со скрещенными на груди руками и потупя взоры и не ступать, подъ страхомъ позора, на порогъ шатра. Въ преддверіи они должны были выпивать чаши кумыса. Младшимъ изъ нихъ приказывали становиться на колѣни, а старшимъ—кланяться до девяти разъ, если не будутъ остановлены раньше....

Вмѣстѣ съ Чингисъ-ханомъ возвратились въ коренной юртъ только два его сына—Октай и Тули. Джагатай остался—на первое время—въ данномъ ему улусѣ, а Джучи умеръ, не успѣвъ дать отчетъ отцу о неудачномъ походѣ черезъ р. Яикъ. Наконецъ возвратились изъ похода на половцевъ и войска Субетая.

Въ короткое время, скромный Дэлюнъ-Болдокъ сдѣлался неузнаваемымъ. Все его женское населеніе вырядилось въ красивыя, разнообразныя платья, начиная отъ халата таджички и оканчивая тканью жрицы индусскаго храма. Не было недостатка и въ запястьяхъ изъ монетъ и въ побрякушкахъ безъ назначенія. Мальчуганы украсились вышитыми золотомъ фесками, а дѣвочки защеголяли въ сапожкахъ изъ голубой кожи. Престарѣлые, совсѣмъ уже негодные для войны, багадуры, навѣсили на себя дамасскіе ятаганы. Даже на пастухахъ явились котомки изъ ковровъ. Шаманы получили золотыя кисточки на бубны. Наконецъ, изобиліе было таково, что духамъ и геніямъ Алтая поднесли чаши розоваго масла и благовоній, какими Индія окуривала своихъ пенатовъ.

Въ Монголіи наступила эпоха волшебныхъ празднествъ, въ

которыхъ почетнѣйшее мѣсто принадлежало военнымъ играмъ и примѣрнымъ сраженіямъ. Нерѣдко одна тьма маневрировала противъ другой. Присутствуя при этихъ эволюціяхъ, Чингисъ-ханъ дарилъ побѣдителю свое оружіе, поясъ и, какъ верхъ награды, тарханную грамоту. По значенію полученныхъ наградъ, стоялъ впереди всѣхъ молодой Батый, рѣшавшій съ своими сотнями сложныя военныя задачи. Любимецъ дѣда, онъ возбудилъ общую зависть семьи, такъ что пьяные Октай и Тули считали его даже соперникомъ на наслѣдіе царствъ и троновъ.

Развлекая Монголію величественными праздниками, Чингисъ-ханъ не выпускалъ, разумѣется, изъ виду всего, что происходило за большою стѣною. Тамъ уже былъ заключенъ противъ него наступательный и оборонительный союзъ гиновъ и тангутовъ. Впрочемъ, еще на пути въ Монголію, онъ отправилъ къ Шидургѣ—государю тангутовъ—посольство съ требованіемъ, чтобы онъ прислалъ своего сына въ знакъ своей покорности. Но послы его возвратились только «съ караваномъ презрѣнія и насмѣшекъ». Правда, ихъ не убили, но имъ даровали жизнь ради усиленія презрѣнія, чтобы показать свое превосходство надъ варварами....

Еще пирамъ не предвидѣлось конца, когда пронеслась по Дэлюнъ-Болдоку вѣсть, что парчевый шатеръ Чингисъ-хана снятъ, оронгви поднято и боевой конь осѣдланъ. Оставалось ожидать, чтобы литаврщикъ взошелъ на вышку урды и прогремѣлъ условленнымъ числомъ ударовъ. Какъ только послышались эти удары, картина народнаго пиршества превратилась въ картину боеваго лагеря. Пестрыя одежды исчезли, праздничные котлы убраны, плясуны и музыканты прогнаны и на сцену выступили исключительно военные люди и ихъ доспѣхи.

Тьмы тронулись въ путь.

Дѣйствительно, показанія развѣдчиковъ были таковы, что всякое промедленіе угрожало непоправимыми послѣдствіями. Тангуты и гины собрали до пятисотъ тысячъ войска съ расчетомъ нагрянуть на Монголію и, пользуясь ея праздничнымъ настроеніемъ, нанести ей сокрушительный ударъ. Монголы выступили, не ожидая вскрытія рѣкъ и озеръ. На этотъ разъ походъ былъ недальній, и ничто не препятствовало идти безъ большихъ запасовъ. Тангутамъ предстояло принять сраженіе въ мѣстности, покрытой множествомъ озеръ. Шидурга понадѣялся болѣе чѣмъ слѣдовало на свои силы, забывъ при томъ, что безпрерывныя войны въ

ср. Азіи подняли военное искусство среди монголовъ въ значительной мѣрѣ. Искусство это онъ испыталъ на дѣлѣ, когда посредствомъ диверсій, ложныхъ аттакъ и фальшивыхъ отступленій, монголы выманили его на ледъ, гдѣ его неподкованная конница произвела страшную суматоху. За пріозерными-же буграми таились въ это время тьмы колчановъ, изъ которыхъ и посыпались миріады стрѣлъ.

Вскорѣ изъ тангутовъ образовались горы убитыхъ. Слѣдуя обычаю предковъ, монголы выставили, послѣ блистательной надъ ними побѣды, три столба съ трупами на каждомъ, обращенными ногами къ небу. Эти странныя колонны были военными реляціями того времени и оповѣщали о трехстахъ тысячахъ убитыхъ враговъ....

Оставивъ въ странахъ тангутовъ нѣсколько темъ, Чингисъ-ханъ повелъ остальныя войска противъ столицы гиновъ. Теперь большая стѣна помѣшала его движенію не сильнѣе, чѣмъ помѣшала бы паутина полету кречета. Города и крѣпости застѣннаго царства сдавались безмолвно. Вскорѣ осажденная столица, съ ея многочисленнымъ населеніемъ, ощутила недостатокъ въ продовольствіи, между тѣмъ всѣ ея пути сообщенія съ провинціями были прерваны летучими карагулами непріятеля.

Во время осады столицы гиновъ, самъ Чингисъ-ханъ оставался въ Ордосѣ, откуда онъ могъ свободно бросать резервы—на востокъ, черезъ Желтую р. противъ гиновъ и на западъ—противъ тангутовъ. Находясь въ Ордосѣ, онъ почувствовалъ какое-то болѣзненное предостереженіе, хотя Небо могло бы еще и повременить призывомъ его на свои вершины: ему было въ эту пору около семидесяти лѣтъ, закаленныхъ бурною жизнію. Предостереженіе заключалось въ вѣщихъ снахъ, переходившихъ въ горячечный бредъ, съ которымъ не могли справиться и ученѣйшіе изъ теленгутовъ. Одинъ сонъ повторялся наиболѣе найзоливо. Передъ нимъ проходили тѣ трупы, которыхъ выставляли на столбахъ вверхъ ногами, въ видѣ военныхъ реляцій. Они шли изъ всѣхъ странъ, направляясь къ геніямъ Алтая съ просьбою поставить ихъ на ноги, какъ слѣдуетъ стоять человѣку. Тогда—казалось больному—на вершинахъ Алтая поднимались злые бураны, наводившіе на него непреодолимый ужасъ. Бредъ оканчивался тѣмъ, что прилеталъ кречетъ и, сорвавъ съ его головы шапку, опускалъ ее съ горней высоты на голову Октая.

Подобный сонъ могъ быть только предвѣстникомъ смерти. Такъ поняли его не одни придворные знахари, но и самъ Чингисъ-ханъ. Позвавъ Октая, Тули и внуковъ, онъ приказалъ имъ выслушать свое предсмертное распоряженіе. Свидѣтелями онъ допустилъ только Ѣли-Чуцая, какъ перваго по уму человѣка и Субетая и Джебэ, неизмѣнно вѣрныхъ спутниковъ своей жизни.— «Дѣти мои, знайте, что приблизилось время моего послѣдняго похода!» объявилъ потрясатель земли тономъ скромнаго завѣщателя.—«Помощью Неба, я завоевалъ для васъ пространное государство, но, за недостаткомъ жизни, я не успѣлъ кончить покореніе всего міра. На васъ лежитъ продолженіе моихъ дѣлъ. Мои дѣла заключались всегда въ пораженіи враговъ и возвеличеніи друзей, что потребуетъ отъ васъ повиновенія одному лицу. Государство, которое я оставляю, такъ велико, что пройти его изъ конца въ конецъ можно только въ два года, поэтому и часть каждаго изъ васъ будетъ достаточна для вашего честолюбія. Тули, мой милый сынъ! Сердцемъ я давно намѣтилъ тебя въ в. ханы, но Небо и разсудокъ велятъ мнѣ передать мою шапку Октаю. Октай, я тобою недоволенъ! Ты пьяница, но теперь не время читать тебѣ поученія. Послѣ моей смерти, тебѣ присягнутъ братья и войска и будутъ тебѣ повиноваться, но на томъ свѣтѣ я самъ потребую отъ тебя отчета. Вмѣстѣ съ верховною властью я передаю тебѣ царства тангутовъ и гиновъ. Доверши ихъ покореніе. Джагатай пусть будетъ господиномъ бывшей имперіи Хорезмъ-шаха и царствъ Кашгара, Бадахшана, Балха, земли уйгуровъ и всѣхъ странъ на сѣверъ до Турана. Ты, Тули, будь господиномъ Хорасана, обоихъ Ираковъ, Арменіи, Гюржистана и сѣверной Индіи. Батый, ты наслѣдуешь все, что получилъ-бы твой отецъ: земли за каменнымъ поясомъ и всѣ страны, на которыя еще не ступали копыта монгольскаго коня. Знайте, что это мое рѣшеніе!»—Тули первый подошелъ къ Октаю и поцѣловалъ передъ нимъ землю. Такимъ-же путемъ присягнулъ и Батый, хотя и съ видимою неохотою и явнымъ пренебреженіемъ къ будущему в. хану. За нимъ цѣловали землю Ѣли-Чуцай, Субетай, Джебэ и приглашенные въ шатеръ темники.

На нѣкоторое время, одолѣвавшая Чингисъ-хана болѣзнь ослабѣла и онъ имѣлъ еще удовольствіе услышать, что въ осажденной столицѣ не осталось ничего съѣдобнаго. Ни мышь ни перелетная птица не укрылись тамъ отъ вниманія гарнизона. Мало того,

не разсчитывая на милость побѣдителя, гины рѣшили съѣсть всѣхъ немощныхъ стариковъ и дѣтей, но и это подспорье ни къ чему не привело....

Истощенная столица выслала наконецъ депутацію для переговоровъ о сдачѣ. Первый ея посолъ явился съ большимъ подносомъ крупнаго жемчуга, но Чингисъ ханъ приказалъ разбросать эту драгоцѣнность по дорогѣ, какъ ячменныя зерна. То было предвѣстіе «Темучинова гнѣва», надоумившее царя гиновъ просить Чингисъ-хана о принятіи его, хотя бы въ число младшихъ сыновей.—«Смерть помѣшаетъ мнѣ насладиться униженіемъ Шидурги»—шепталъ между тѣмъ угасавшій міродержецъ.—«Но вы, мои дѣти, не поднимайте по моей смерти ни плача, ни вопля. Пусть онъ прійдетъ сюда и тогда убейте его, хотя бы передъ моимъ трупомъ».—Шидурга не зналъ о тяжкой болѣзни своего безпощаднаго врага и поэтому собралъ совѣтъ для рѣшенія, какъ ему приличнѣе поступить: явиться-ли въ Ордосъ съ веревкою на шеѣ, или же отъ прилива горести распороть себѣ животъ? Пока совѣтъ обсуждалъ этотъ вопросъ, неизвѣстно кѣмъ и откуда была принесена вѣсть будто-бы злые геніи Алтая изготовились уже принять въ свои когти душу міродержца. Вѣсть эта была такъ отрадна, что истерзанная столица отказывалась вѣрить своему счастью. Но вотъ, войска монголовъ сошли съ дорогъ и открыли пути. Мало того, царь гиновъ получилъ приглашеніе посѣтить въ Ордосѣ заочно помирившагося съ нимъ врага.

Царь гиновъ повиновался.

Въ это время жизнь монгольскаго вождя была уже на исходѣ. Ни искусство теленгутовъ, ни тибетскія волшебницы не могли ослабить его страданія. Верховный шаманъ затѣялъ было пляску, но его попросили удалиться, такъ какъ умиравшій выразилъ желаніе сказать предсмертное слово. Оно было кратко: — «Сыновья и багадуры! Я чувствую, что ко мнѣ идутъ уже слуги Неба и Земли и, вотъ, когда они сдѣлаютъ свое дѣло, вы возьмите мои останки изъ мяса и костей и отнесите ихъ туда, куда укажетъ вамъ Тули. Наблюдите, чтобы гины не нашли къ нимъ дороги. Мои глаза темнѣютъ, но все таки я вижу, что вдали идетъ ко мнѣ царь гиновъ... ахъ, какое это счастье! Поторопите его, а вы слуги Неба и Земли помедлите....»

Они помедлили настолько, чтобы угасавшій міродержецъ могъ еще видѣть избіеніе передъ нимъ и царя гиновъ и всѣхъ

его спутниковъ! То была тризна, признанная багадурами вполнѣ достойною ихъ вождя!

Останки послѣдняго были вынесены изъ ордосскаго лагеря сыновьями и багадурами, направившимися къ указанному Тули мѣсту послѣдняго успокоенія. Таинственный кортежъ ихъ шествовалъ подъ охраною особаго летучаго отряда, на обязанности котораго лежало убивать по дорогѣ все живое, хотя бы и не обладавшее ни словомъ, ни волей, ни разумомъ. Люди и звѣри, птицы и гады—всѣ одинаково падали подъ стрѣлами и палицами этого траурнаго карагула, какъ того требовалъ старинный обычай погребенія в. людей Монголіи.

Могилу вырыли сыновья и багадуры—подъ камнями многовѣковаго кедра, опаленнаго не разъ ударами алтайской грозы. Боевой плащъ, пробитый во многихъ мѣстахъ стрѣлами, послужилъ погребальною пеленою этого низвергателя царствъ и троновъ. Сѣдло послужило ему изголовьемъ. Здѣсь же, у могилы, разрѣзали животъ у его боеваго коня и изъ искусно снятой шкуры выдѣлали чучело, которое и подвѣсили къ вѣтвямъ дерева. Неподалеку были также подвѣшены лукъ и колчанъ, наполненный надломленными стрѣлами....

Чингисъ-ханъ.
Генералъ рус. службы.
(Уроженецъ малой кирг. орды).

Отдавъ послѣдній долгъ своему отцу и повелителю, сыновья его и багадуры возобновили тотчасъ же осаду столицы гиновъ. Теперь ужь общее командованіе принадлежало Октаю, хотя признаніе его в. ханомъ всей Монголіи принадлежало по Яса-Намэ курилтаю, долженствовавшему собраться по окончаніи войны съ гинами. Война, впрочемъ, длилась уже не долго, такъ какъ въ осажденной столицѣ свирѣпствовали всѣ ужасы голода и болѣзней.

Окончивъ свое существованіе, Чингисъ-ханъ оставилъ по

себѣ династію, отпрыски которой не трудно встрѣтить и теперь—безъ особыхъ геральдическихъ усилій, въ киргизской степи, въ бывшей Трансоксаніи и Хивѣ и въ потомкахъ крымскихъ Гиреевъ.

Историческое значеніе Чингисъ-хана таково, что о самомъ происхожденіи его начинаются споры какъ о происхожденіи Гомера. Прошли вѣка и Японія, которой понадобились въ послѣднее время герои войны, готова признать его однимъ изъ своихъ сыновей. Благодаря хронологическимъ совпаденіямъ и легендамъ, онъ оказывается не болѣе какъ эмигрантомъ изъ страны восходящаго солнца. Оставивъ родину, по проискамъ брата, подсылавшаго къ нему убійцъ, изъ зависти къ его воинской славѣ, онъ бѣжалъ къ аинамъ, а потомъ къ монголамъ, чтобы явиться на сценѣ міровой исторіи во всемъ блескѣ потрясателя земли. Японскіе аины боготворятъ его и теперь подъ именемъ «Ганвалъ-Дай-Міо-Джинъ» или важнаго и славнаго завоевателя.

Что касается до китайцевъ, потомковъ гиновъ, то они стараются забыть всю непріязнь Чингисъ-хана къ ихъ предкамъ. Изъ казны богдыхана расходуются и теперь курительныя свѣчи и шелковыя матеріи для приношенія въ жертву духу покойнаго. При принесеніи жертвъ присутствуютъ въ парадныхъ курмахъ ваны, гуны и цзасаки. Вообще, для примиренія съ Монголіею, потомки гиновъ дѣлаютъ все, что слѣдуетъ по указаніямъ государственныхъ цензоровъ. Они возвели р. Ононъ въ кн. пятой степени и опредѣлили ей жалованья въ триста ланъ, которые чиновники обязаны бросать въ ея волны. Но—бросаютъ-ли?

Монголія же никогда не забудетъ своего в. вождя.—«При вступленіи его на престолъ»—вспоминали долго послѣ его смерти въ коренномъ улусѣ—«народъ не имѣлъ пищи въ желудкѣ и одежды на тѣлѣ, но, благодаря его подвигамъ, монголы стали богаты и многочисленны».—«И даже болѣе богаты, чѣмъ нужно»—добавляли вѣчно брюзжавшіе ойраты — «младшій братъ пересталъ кланяться старшему, а сынъ забылъ отца!»—Прошли вѣка со временъ былаго величія, а въ шатрахъ Монголіи передаются еще и теперь мудрыя слова Чингисъ-хана. Въ числѣ ихъ, народъ особенно чтитъ идеалъ хорошаго правителя страны и вспоминаетъ, какъ онъ замѣтилъ однажды въ приливѣ душевнаго восторга:—«Стрѣлки и воины мои чернѣютъ подобно многочисленнымъ лѣсамъ, а жены и невѣстки алѣютъ подобно красноцвѣтному пламени. Не мое ли

это намѣреніе, чтобы услаждать ихъ ротъ пожалованіемъ сладкихъ предметовъ и украшать ихъ со всѣхъ сторонъ парчевыми одеждами? Не я ли желаю ихъ четвероногимъ обильной травы и вкусной воды?»—Подобные идеалы не могутъ не ласкать и теперь воображеніе монгола, особенно когда онъ мечтаетъ, лежа у огонька дымныхъ арголовъ, какъ бы ему избавиться отъ поставки быковъ на пашни китайскихъ солдатъ.

XIX.

НАШЕСТВІЕ МОНГОЛОВЪ НА РУСЬ.

(1238 г.)

Чингисиды собрали по смерти родоначальника курилтай на берегу р. Керулэнь. Курилтаю предстояло избрать господина кореннаго юрта, которому подчинялись бы всѣ улусные ханы Монголіи. — «Одну стрѣлу можетъ переломить и малый ребенокъ, а большой пучекъ стрѣлъ кто осилитъ»? — Это изрѣченіе Чингисъ-хана должно было служить программою государственнаго устройства его обширной имперіи. Соединеніе улусныхъ хановъ, подъ главенствомъ господина кореннаго юрта, уподоблялось колчану, наполненному стрѣлами, какъ идеалу непреоборимой силы. Курилтаю же предстояло разграничить улусы, избрать мѣсто для столицы хана и разрѣшить множество дѣлъ объ организаціи военныхъ силъ. Само собою разумѣется, что и возобновленіе военныхъ операцій входило въ кругъ его сужденій, такъ какъ Монголія, поощренная рядомъ необыкновенно громкихъ побѣдъ и завоеваній, мечтала уже о покореніи всего міра. Таково, впрочемъ, было и завѣщаніе Чингисъ-хана, оставившаго Батыю всѣ земли, на которыя еще не ступали копыта монгольскаго коня.

Курилтай принялъ предсмертную волю покойнаго, какъ повелѣніе Неба, не допускающее ни критики, ни возраженія, ни одобренія.—Войлокъ власти былъ предоставленъ Октаю—эпикурейцу своего времени, извѣстному впрочемъ за правосуднаго и щедраго человѣка. За него подали голоса не одни монголы, но и татары, согласившіеся, при условіи покровительства ихъ религіи, ни въ чемъ не расходиться съ монголами.

Опредѣляя права улусныхъ хановъ, курилтай предоставилъ имъ содержать собственныя войска, имѣть свой дворъ и финансы, поэтому каждый улусъ составлялъ отдѣльное государство, входившее въ составъ общей монгольской уніи. Улусный ханъ могъ комплектовать войска новобранцами изъ туземцевъ и развивать кадры до произвольныхъ размѣровъ. Отсюда вытекало само собою право улуснаго хана вести войны за собственный счетъ и заключать мирные договоры. Не испрашивая согласія хана, онъ творилъ судъ и расправу, собиралъ дани и подати и вѣдался съ покоренными народами собственною администраціею. При такихъ обширныхъ мѣстныхъ прерогативахъ, за в. ханомъ осталась только тѣнь объединительной власти. Онъ давалъ ярлыки на царенiе и княженіе—и то только въ первую эпоху существованія кореннаго юрта—велъ дипломатическія сношенія съ дальними странами, но вообще довольствовался скорѣе нравственными выгодами, нежели матеріальными благами. Правда, улусные ханы посылали на поклонъ къ нему царей и кн., представляли ему дары и прикрывались его именемъ, какъ общимъ щитомъ имперіи, но и этотъ призракъ величія былъ вскорѣ подорванъ честолюбивыми представителями отдѣльныхъ отраслей династіи чингисидовъ.

Октай возсѣлъ на войлокъ власти по церемоніалу, отличавшемуся обычною скромностью и съ обычною присягою дѣлить съ народомъ и сладкое и горькое. Но эпоха пастушеской простоты монгольскихъ хановъ не пошла далѣе этого курилтая. Слѣдующей генераціи ихъ уже понадобились, какъ это и предвидѣлъ Чингисъ-ханъ—пышный дворъ, нарядныя одежды, красивые кони и гаремъ изъ обольстительныхъ иноземокъ....

По закрытіи курилтая, Октай озаботился перемѣнить юрту на дворецъ, а аулъ—на столицу, окруженную крѣпостнымъ валомъ. Вѣроятно его соблазнили въ этомъ случаѣ города Китая и павшей Хорезмской имперіи. Разумѣется, въ пустыняхъ Монголіи невозможно было создать второй Самаркандъ или подобіе

Балха, поэтому выборъ мѣста для столицы остановился на долинѣ р. Орхонъ, гдѣ, по преданіямъ, красовалась столица монголовъ въ очень давнія времена. Старики монголы называли виднѣвшіяся здѣсь руины—Кара-Корумомъ и Хорумъ-ханомъ, тогда какъ гины, считая эту-же территорію своею собственностью, называли ее Хо-линь. Татары помогли Октаю въ сооруженіи новой столицы Монголіи. Благодаря имъ, на руинахъ воздвигнулись мечети, канцелярія государственныхъ секретарей, улицы ремесленниковъ и укрѣпленный дворецъ. Сюда направлялись впослѣдствіи не только данники, но и послы западной Европы, заискивавшіе отъ имени папы и государей дружбы в ханов. Здѣсь-же горевали и русскіе кн. и армянскіе цари, когда улусные ханы посылали ихъ на поклонъ къ господину кореннаго юрта.

Между в. ханомъ и его племянникомъ Батыемъ существовало серьезное нерасположеніе, коренившееся во взглядахъ на самое величіе ханской власти. Батый отличался трезвостью и суровымъ образомъ жизни, что и служило своего рода укоризною всѣмъ прочимъ чингисидамъ, соблазнявшимся не столько шитыми золотомъ одеждами, сколько рисовою водкою и одуряющею бузою.

При всемъ однако нерасположеніи къ Батыю, Октай не воспрепятствовалъ ему набрать въ Монголіи кадры и, присоединивъ къ нимъ часть татарскаго народа, отправиться за Уралъ и р. Яикъ—добывать себѣ новыя земли. Руководителемъ его былъ Субетай. Впрочемъ, военныя дарованія послѣдняго требовались одинаково и въ коренномъ юртѣ и за каменнымъ поясомъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ изученія войны, Октай придалъ Батыю нѣсколько молодыхъ чингисидовъ и въ числѣ ихъ своего сына Гаюка и Менгу—сына любимаго имъ брата Тули. Молодые чингисиды, опираясь на свое родство и зная нерасположеніе ихъ отцовъ къ Батыю, не разъ отравляли его существованіе. Находясь уже за каменнымъ поясомъ, Батый жаловался, что Гаюкъ и другіе родственниками не почитаютъ его какъ слѣдуетъ и даже наносятъ ему тяжелыя оскорбленія:—«Послѣ войны съ различными народами»—писалъ онъ Октаю—«мы разсуждали о томъ, что полезно и что ненужно. При этомъ мы устроили пиръ, а такъ какъ я старше другихъ князей, то первый выпилъ чару вина, чѣмъ прогнѣвилъ Гаюка и другихъ родственниковъ. Гаюкъ сказалъ: «Батый есть ничто иное, какъ баба съ бородою, и я прикажу побить его полѣномъ.»—Бури сказалъ: «я ткну Батыя

[illegible], [illegible] для столицы [illegible] [illegible], красовался [illegible] [illegible] монголы [illegible] [illegible] и Хоруль-[illegible] [illegible] въ [illegible] на рукахъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible]

[illegible] Батый [illegible] [illegible] его [illegible] ему тяжелыя оскорбленія:—«[illegible] народами»—писалъ [illegible] Оттаю—[illegible] [illegible] и что [illegible]. При этомъ [illegible] я старше другихъ князей, [illegible] Гаюка и другихъ [illegible] есть ничто иное, какъ [illegible] полѣномъ.»—Бури [illegible]

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

НАШЕСТВІЕ НА РУСЬ. ПЕРЕВАЛЪ ЧЕРЕЗЪ УРАЛЬСКІЙ ХРЕБЕТЪ.

пяткой, свалю его и растопчу». Еще мнѣ сказали: «Батыю нужно придѣлать деревянный хвостъ». — Можно думать, что в. ханъ оставилъ эту жалобу безъ вниманія, за что Батый и показалъ въ свое время какъ было опасно подвергать его незаслуженному презрѣнію.

Собираясь двинуться въ Европу, Батый назначилъ верховья р. Иртыша сборнымъ пунктомъ кадровъ и кочевьевъ, желавшихъ вступить въ ряды его войска. Готовившееся движеніе напоминало переселеніе монголовъ въ Хорезмскую имперію. Тумени и толпы искателей приключеній подходили къ р. Иртышу съ женами, дѣтьми и стадами; они знали намѣреніе вождя завоевать первыя удобныя земли и основать на нихъ собственную орду. Кочевавшіе на дальнемъ сѣверѣ — буряты, на югѣ—киргизы и на западѣ—дикари Турана, стекались къ его оронгви цѣлыми племенами съ расчетомъ и надеждою, отнимать у встрѣчныхъ народовъ—женщинъ, коней, одежду, а для отдыха—пастбища и юрты.

Передъ Уральскимъ хребтомъ, между нынѣшними городами Орскомъ и Оренбургомъ, за оронгви Батыя слѣдовала уже полумилліонная сила, при видѣ которой безумѣли и люди, и звѣри, и птицы. За военными людьми поспѣвали семейные караваны, занимавшіе необозримыя пространства. Все встрѣчное безмолвно

Схема Руси.
(Въ эпоху монгольскаго нашествія.)

преклонялось передъ этою стихійною волною, или бѣжало безъ оглядки въ лѣса и степи; такъ, малолюдное племя саксиновъ первое оповѣстило Булгарію о надвигавшейся грозѣ и—словно отъ обуявшаго его страха—разсѣялось и исчезло безслѣдно для исторіи.

Въ эпоху нашествія Батыя, на юго-восточной границѣ Руси обитали: мордва, черемисы, пермь, меря, чудь, а южнѣе ихъ—камскіе булгары, печенѣги, и далѣе, къ Кавказу—племена бывшаго хазарскаго каганата. Отъ столицы послѣдняго не оставалось уже къ этому времени и слѣда, хотя по ея имени продолжало еще называться нижнее теченіе р. Волги—Итиль. Русская граница, шла ломаною линію отъ устьевъ р. Волхова до устьевъ р. Буга. Западнѣе этого рубежа простирались рус. княжества, постоянно обнаруживавшія склонность къ распрямъ съ сосѣдями.—«Либо миръ взять, либо ратью кончить!»—Девизу этому слѣдовалъ каждый кандидатъ на в. князя.

Пораженіе южно-рус. силы на р. Калкѣ не устранило рус. междоусобицу, такъ что князья, какъ только улеглась скорьбъ о погибшихъ братьяхъ, не замедлили возобновить свои мѣстническіе счеты. Титулъ в. князя, явившійся первоначально изъ простой учтивости приближенныхъ людей, обратился съ теченіемъ времени въ завѣтную мечту каждаго захудалаго Мономаховича, Ольговича или Святославича. Вмѣстѣ съ этою мечтою, шла разумѣется и погоня за обладаніе стольнымъ городомъ. Такихъ столовъ оказывалось на Руси одновременно по два, по три и болѣе, вступавшихъ въ кровавую между собою борьбу за старшинство. Ради пріобрѣтенія и удержанія за собою стольничества вообще, кн. не жалѣли кормовъ боярамъ и дружинникамъ, оберегавшимъ поэтому княжеское достоинство усерднѣе нежели границы и интересы общаго отечества.

При этомъ соперничествѣ властителей, новое нашествіе «незнаемыхъ людей» могло оказаться еще болѣе тяжкимъ, нежели то было при первомъ вторженіи монголовъ въ Европу. Къ тому-же и свѣдѣнія рус. людей о лежавшихъ за рубежомъ ихъ земляхъ, были слабы. Батый переходилъ уже р. Яикъ и приближался къ камской Булгаріи, а на Руси ни бояре, ни ратные, ни черные люди не задавались и мыслію кого и за какіе грѣхи насылаетъ Господь на ея земли. Впослѣдствіи уже, Русь догадалась, что татары провѣдали объ ея смиреніи, объ оскудѣніи ея

воинства на р. Калкѣ и двинулись изъ дальнихъ странъ за ея имѣніемъ.—«Пріидоша ихъ безчисленное множество, яко прузи траву поядаще, тако и ти сыроядцы христіанскій родъ потребляюще».

Камскіе булгары считали себя богаче и культурнѣе рязанскихъ, пронскихъ или муромскихъ порубежниковъ. Къ сожалѣнію, главенствуя въ ту пору на всемъ крайнемъ востокѣ Европы, они не позаботились оставить наслѣдникамъ даже матеріаловъ для разрѣшенія вопроса: откуда они пришли сюда или изъ какого выродились племени? Въ расцвѣтѣ своего могущества они занимали площадь отъ р. Волги до. р. Дуная и уже потомъ распались на два независимыя государства: на камскую Булгарію, принявшую названіе Черной или Великой и дунайскую, переродившуюся въ нынѣшнюю Болгарію. На какія-же племена раздробилась камская Булгарія? Растворилась-ли она въ средѣ поглотившей ее монгольской орды или потянулась на р. Дунай, или примкнула хотя частью къ порубежной Россіи? Увы! Беззаботность цѣлаго племени на счетъ его исторіи оставила и эти вопросы не разрѣшимыми.

Руины гор. Булгаръ.

Столица камской Булгаріи, извѣстная подъ именемъ Булгаръ, а иногда Великаго, Чернаго или Серебрянаго города, находилась, какъ свидѣтельствуютъ развалины, ея въ нынѣшней Казанской губерніи, близь гор. Тетюшъ. При этомъ географическомъ положеніи, Булгарія извлекала всѣ выгоды пролегавшихъ черезъ нее торговыхъ между Европою и южною Азіею, путей. Отсюда понятно,

что булгары были людьми тароватыми, промышленными и зажиточными. По крайней мѣрѣ, въ то лапотное время, они ходили въ сапогахъ, служившихъ признакомъ не только культуры, но и силы.—«Они суть всѣ въ сапогахъ.... и имъ дáни намъ не платити»,—рѣшилъ воевода Добрыня, руки котораго напрашивались на военную добычу. Владавцы булгаръ называли себя, сегодня—эмирами, а завтра—царями и даже «царями славянъ». Но эти цари славянъ падали ницъ передъ грамотою халифа, а вступая въ битву, восклицали: «Аллахъ экбаръ»! Въ договорахъ они не были крѣпки и, заключивъ миръ, посѣщали Путивль или Курскъ при первомъ подходящемъ случаѣ. Въ религіозномъ отношеніи они и сами себя считали недовѣрками и шатунами, такъ что одни изъ нихъ ходили въ Мекку, другіе держали у себя идоловъ, а третьи кланялись кресту. Будучи грамотнымъ народомъ, они не затруднялись вѣшать своихъ ученыхъ людей по одному тому соображенію, что умные люди необходимы скорѣе небу нежели землѣ.

Булгарія имѣла свой монетный дворъ, оставившій въ кладахъ и пережиткахъ не мало динаровъ, на которыхъ и теперь читаются благочестивыя сказанія въ родѣ слѣдующаго: «жизнь—часъ, употребляй ее на благочестіе»! На оборотной сторонѣ динаровъ славословилось нерѣдко имя царившаго въ ту пору халифа.

Въ военномъ отношеніи булгары были слабы, такъ что суздальскіе кн. обратили хожденіе въ ихъ страну въ своего рода образовательную для отроковъ прогулку. Порою манили ихъ туда слухи о возможности добыть въ Серебряномъ городѣ большой ясакъ, но чаще, какъ бы подчиняясь историческому року, они слѣдовали инстинктивному движенію Руси на востокъ. Булгаре слишкомъ ужь полагались на неприступность своихъ остроговъ, а при неустойкѣ—истребляли свои семейства и падали сами подъ ударами враговъ.

Но вотъ пришли монголы!

Съ присущею имъ быстротою они обратили Булгарію въ свой улусъ и расположились въ ней какъ хозяева, которымъ нужно было осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, подкормить коней и устроить семейныя становища. Столица Булгаріи обратилась въ резиденцію хана. «Царь славянъ» уступилъ мѣсто ордынцу, а монетный дворъ его принялся увѣковѣчивать имена: Батыя, а послѣ него—Узбека, Тохтамыша, Чадибека и другихъ знатныхъ чингисидовъ.

Монголы провели въ Болгаріи около трехъ лѣтъ и потомъ уже двинулись изъ нея, какъ изъ опорнаго базиса, въ мордовскую землю. Мордва, примыкая къ Рязани и Булгаріи, служила одинаково усердно обѣимъ сторонамъ. Рус. сторона набѣгала на нее по временамъ въ видѣ военной потѣхи, за что мордва накидывалась, въ свою очередь, на порубежниковъ и, осиливши ихъ, не давала имъ пощады. Въ этой борьбѣ она добѣгала до Нижняго-Новгорода. Оставаясь однако безъ всякаго политическаго устройства она, какъ-бы ожидала только властнаго пришельца, чтобы быть раздавленной и истребленной до корня. Но по одному изъ капризовъ историческаго рока, мордва жива и по сей день и попрежнему кланяется въ лѣсной трущобѣ—ощипанному гусю, какъ одному изъ могущественныхъ божествъ!... Не осмѣлившись и подумать о сопротивленіи, она, подобно вотякамъ и черемисамъ, признала господство надъ собою монголовъ за большую честь. Дороги въ рус. земли ей были хорошо извѣстны. По ея совѣту монголы, остановившись подъ чернымъ лѣсомъ, отложили свое нашествіе на Русь до зимняго пути, когда должна была открыться сплошная дорога черезъ рр. и болота.

Въ ту пору восточная граница Руси шла по направленію отъ р. Буга на Путивль, Курскъ, Пронскъ, Рязань, Муромъ и терялась на сѣверѣ въ тундрахъ Бѣломорья. За сѣверо-восточною линіею стояли: не оперившаяся еще Москва и стародавніе города—Рязань, Тверь, Новгородъ, Владиміръ, Суздаль и Ярославль. На западѣ за ними лежала Литовская земля и орденскія земли Ливоніи. Литва, съ ея собирателемъ Миндовгомъ, вела себя коварно по отношенію къ Руси и при всякой возможности захватывала частицы ея областей, въ чемъ ей помогали и Ливонія и въ послѣднее время галицкій кн. Даніилъ Романовичъ.

Монголы узнали между прочимъ изъ показаній булгаръ и мордвы что рус. люди ходятъ на войну неохотно, предпочитая взмахамъ копья или меча—упражненія съ тяжелою сохою. На счетъ ихъ зажиточности показанія были различны. Булгары, пренебрегавшіе лаптями, увѣряли, что въ рус. сторонѣ нѣтъ денегъ и что кн. получаютъ дань кожаными лоскутками, медомъ, воскомъ и даже лыкомъ....

Впослѣдствіи монголамъ пришлось дѣйствительно разочароваться на счетъ богатства рус. земли. Привыкнувъ видѣть въ походахъ на Китай и Хорезмъ густонаселенные города, роскошь

природы, величественные храмы, богатыя ткани и издѣлія изъ драгоцѣнныхъ камней и металловъ, они вошли на рус. землѣ въ дремучіе лѣса съ топями и болотами и встрѣтились съ населеніемъ добывавшимъ средства къ прозябанію—только изъ земли, воды и звѣря. Монголы, не повѣривъ этой убогости, принялись было пытать населеніе, но и подгорѣлыя пятки выдавали немногое: кокошникъ съ пронизками, припрятанную шубенку, кадь съ медомъ или мерина, загнаннаго въ боръ или логовище. О шелковыхъ же тканяхъ или о поясахъ съ серебряными украшеніями, рязанцы и суздальцы не имѣли, какъ оказалось, ни малѣйшаго понятія. Въ этой суровой и холодной сторонѣ нельзя было даже, пользоваться толпою плѣнныхъ, какъ то было въ Индіи, или караванами, какъ то было въ ср. Азіи. Никто изъ захваченныхъ въ плѣнъ людей не объявлялъ себя ни звѣздочетомъ, ни лекаремъ, ни мастеромъ стѣнобитнаго дѣла. Притомъ же населеніе, вмѣсто того, чтобы проситься въ ряды монголовъ—бѣжало безъ оглядки въ лѣса и бросало на произволъ судьбы свое лыковое хозяйство.

Всмотрѣвшись въ политическое устройство рус. областей, монголы увидѣли поразительную между ними усобицу. Рязань не спѣшила на помощь Москвѣ, а Москва не дружила ни Пскову, ни Твери, ни Новгороду. При этой неурядицѣ и состояніе рус. ратной силы было безотрадно. Дружины ея съ кадрами изъ боярскихъ и княжихъ отроковъ и гридней, пополнялись горожанами и сельчанами только на время похода и то съ послабленіями тысяцкихъ, дозволявшихъ возить оружіе на телѣгахъ. На тѣхъ-же телѣгахъ везли также колья и плетни на остроги для защиты отъ нападеній. Передовыми и лучшими войсками считались стрѣлки, потомъ копейщики; конница же не смѣла и мечтать о соперничествѣ съ монгольскими наѣздниками.

Рязанской землѣ выпала тяжелая доля первой встрѣчи съ «незнаемыми людьми». Всполошившаяся Рязань собралась однако на совѣщаніе тогда уже, когда явились послы Батыя—въ видѣ впрочемъ двухъ татаръ и какой-то съ ними жены «чародѣйницы»—съ требованіемъ дать имъ: «десятаго въ князехъ, десятаго въ людехъ, и въ конехъ, десятаго въ бѣлыхъ, десятаго въ вороныхъ, десятаго въ бурыхъ, десятаго въ пѣгихъ и во всемъ десятаго».—Эти размѣры дани напугали Рязанскаго, Муромскаго и Пронскаго кн. и навели ихъ на уклончивый отвѣтъ: «когда насъ не будетъ, то все ваше будетъ». Въ то-же время они послали за

помощью къ Владимірскому кн., но этотъ и самъ не пошелъ и мольбы ихъ не послушалъ, подъ предлогомъ, что онъ «самъ сотворитъ брань съ татарами». Впрочемъ, Рязани приходилось терпѣть безпомощное состояніе, благодаря ея-же честолюбивой политикѣ. Она не дала помощи южно-русскимъ кн. въ битвѣ ихъ съ монголами на р. Калкѣ, а между тѣмъ крѣпко стояла за собственный великокняжескій столъ. Это стремленіе прошло и потомъ красною нитью въ ея отношеніяхъ къ Москвѣ, которую она считала утѣснительницею. Москва, въ свою очередь, считала Рязань слишкомъ ничтожнымъ городомъ, чтобы уступить ему старшинство надъ собою. Псковичи и новгородцы поступили также эгоистично, не давъ помощи Рязани, но они не знали еще какъ быстры монгольскіе кони и какъ мѣтко и далеко летятъ монгольскія стрѣлы.

Отказъ въ дани повлекъ къ осадѣ Рязани, длившейся всего пять сутокъ. Она завершилась погромомъ, служившимъ предвѣстникомъ наступавшаго на Русь страшнаго бѣдствія. Въ этомъ погромѣ:—«князя убиши и княгиню его, а мужей емше, и женъ, и дѣти, и черницы и ерея овыхъ разсѣкоша мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху и въ огнь вметаху....» Багадуры Батыя дали разумѣется полную волю своимъ палицамъ, ножамъ и стрѣламъ, чтобы навести сразу на всю рус. землю паническій ужасъ. Во взрывѣ этой ярости, они не пощадили, вопреки обычной имъ вѣротерпимости, церкви, монастыри и священнослужителей....

Гибель Рязани, а съ нею Пронска и Бѣлгорода, донеслась перекатнымъ эхомъ прежде всего во Владиміръ; отсюда эта страшная вѣсть перелетѣла къ суздальцамъ, новгородцамъ и псковичамъ и къ Москвѣ. Зима ставила уже въ ту пору сплошной мостъ и вполнѣ благопріятствовала безостановочному движенію монголовъ. Навстрѣчу имъ ринулся прежде всѣхъ бояринъ Евпатій Коловротъ, но его тысяча семьсотъ воевъ не справились съ могучею силою. Произошла битва у Коломны. Потерявъ кн. и воеводъ, москвичи побѣжали, открывъ монголамъ путь къ испуганной и притаившейся Москвѣ....

Вскорѣ Москва сгорѣла какъ свѣчка.

Монголы выжгли ее съ досады за то только, что молодой городокъ былъ еще бѣденъ и не представлялъ завоевателямъ ни дани, ни полона. Далѣе, менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца, послѣ разоренія Рязани, Батый осаждалъ уже Владиміръ, а спустя нѣ-

сколько сутокъ окружилъ его тыномъ, стѣнобитными орудіями и изготовился къ штурму....

Владиміръ, оставленный в. кн. Юріемъ, рѣшилъ защищаться, хотя и видѣлъ, что ему не устоять противъ силы «незнаемыхъ людей». В. кн. предпочелъ отправиться на р. Волгу въ надеждѣ организовать, при помощи братьевъ Ярослава и Святослава, сильную рать для нападенія въ тылъ вражескому стану. Защиту Владиміра и великокняжеской семьи—изъ двухъ его сыновей и ихъ матери—принялъ на себя воевода Ослятинъ.

Расположившись противъ Золотыхъ воротъ, монголы навели на владимірцевъ одними размѣрами своего стана — паническій страхъ. Увидѣвъ его воевода замѣтилъ на предложеніе Юрьевичей идти на брань, что «нѣсть мужества, ни думы, ни силы противу Божія посѣщенія». Отвѣтъ этотъ заставилъ владимірцевъ подумать, вмѣсто сопротивленія врагу—о покаяніи и о спасеніи своихъ душъ. Толпы ихъ сбѣжались въ церкви, въ которыхъ и приняли «ангельскій образъ» отъ владыки Митрофана.

Монголы между тѣмъ засыпали городской ровъ и принялись громить катапультами городскія ворота. Вскорѣ подались и Орынины и Мѣдяныя и Волжскія ворота, такъ что монголамъ оставалось только рубить, жечь и грабить. Тщетно владыко Митрофанъ, «истригоша всю толпу», укрылся съ княжескою фамиліею въ соборномъ храмѣ, такъ какъ бушевавшій огонь не пощадилъ ни одного городскаго зданія. Разсѣкая мужчинъ мечами и вметая ихъ въ огонь, монголы щадили женскій полъ, который, однако, не отличая черницъ и попадій отъ прочихъ добрыхъ женъ и дѣвицъ, очутился во власти багадуровъ и ихъ соратниковъ. Во время погрома и здѣсь, какъ въ Суздали и въ другихъ городахъ, монголы, бросались прежде всего въ церкви и тамъ:... «иконы ободраша.... и кресты честные и сосуды священные и—даже—порты князей, еже бяху въ церквахъ святыхъ на память.... положиша себѣ въ полонъ»....

Истребивъ Владиміръ, ордынцы разсыпались по ростовской и суздальской землямъ, разыскивая повсюду в. князя. Послѣдній, услышавъ недобрую вѣсть о гибели его стольнаго города и о томъ, что «епископъ и княгиня огнемъ скончались», не въ силахъ былъ противустоять сильному врагу. Встрѣча ихъ произошла на р. Сити. Здѣсь онъ не успѣлъ «исполчится» какъ ему доложили: «господине княже, уже обошли суть на насъ татарове». Въ злой

сѣчи побѣда осталась за ордынцами, при чемъ палъ и в. кн. подъ ударомъ монгольскаго багадура. Неподалеку отъ него сложилъ свои кости и народный любимецъ—Василько Константиновичъ, о потерѣ котораго народъ сокрушался даже сильнѣе, нежели о потерѣ кн. Батый предлагалъ ему службу и почетъ въ ордѣ, но онъ не отступилъ отъ отчизны и христіанства. О немъ, какъ объ умномъ и свѣтломъ печальникѣ земли рус., съ которымъ «мужество и умъ живяще, а правда и истина ходяша», слышалось общее соболѣзнованіе. Тѣла в. кн. и Василька похоронили въ Ростовѣ.

Послѣ побѣды на р. Сити, ордынцы разметались вихремъ по всѣмъ ближнимъ и дальнимъ волостямъ и городамъ. При обычной тактикѣ не засиживаться на мѣстахъ побѣды, они полонили, въ теченіе мѣсяца, всю ростовскую землю, суздальскую, Ярославль, Галичъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, Торжокъ—и «все сѣкучи люди яко траву».

Монголы встрѣтили, болѣе или менѣе серьезное сопротивленіе и притомъ совершенно неожиданно, въ незначительномъ городѣ Козельскѣ.—«Козляне совѣтъ створиша не датися Батыеви рати».—Семь недѣль стояли темники Батыя подъ ихъ городомъ и только, когда подъ ударами стѣнобитныхъ машинъ пали его стѣны, горожане пошли въ ножи. Масса ордынцевъ раздавила ихъ, но прежде того «козляне ножи рѣзахуся съ ними и изыдоша изъ града противу имъ.... исѣкоша праща ихъ.... и убиша отъ татаръ четыре тысящи.... Батый же веземъ градъ и изби вся и не пощаде и до отрочатъ ссущихъ млеко». Послѣ погрома, кн., которому было 12 лѣтъ, вовсе не нашли. Онъ утонулъ въ крови убитыхъ.

Монголы разсчитывали побывать и въ Новгородѣ и въ Псковѣ, но наступила весна, а впереди пролегали болота и р. р. черезъ которыя не легко строить гати и переправы. Къ тому-же и могучій монгольскій конь пріусталъ; въ короткое время онъ проскакалъ, считая отъ одной Рязани, болѣе тысячи верстъ!

Разрушивъ въ теченіе пяти-шести мѣсяцевъ сѣверо-восточныя княжества, Батый отвелъ свои тумени въ донскія степи. Здѣсь онъ разбилъ остатки половцевъ, спасавшихся отъ него бѣгствомъ въ Венгрію. Во время-же отдыха занялся приготовленіями къ нападенію на южно-русскія области, облюбовывая въ то-же время мѣсто будущаго расположенія своей улусной ставки.

Выборъ его палъ на муганскую, донскую и приволжскую степи, представлявшія всѣ удобства для зимовокъ и лѣтовокъ кочевого государства. Возможно, что отсюда онъ уже посылалъ въ сѣверно-восточныя области баскаковъ, пошлинниковъ, данниковъ и писчиковъ для народной переписи и сбора дани. Въ первое время, когда еще не всѣ трупы были убраны съ дорогъ и городскихъ площадей, эти агенты монгольскаго фиска не встрѣчали ни малѣйшаго сопротивленія, но потомъ народъ поприсмотрѣлся къ нимъ и порою выходилъ противъ нихъ съ рогатинами и ножами. Появившись, напримѣръ, въ Новгородѣ они принуждены были просить объ охранной стражѣ.—«Дайте намъ число, а то побѣжимъ прочь!» угрожали народу писчики.—«Дайте намъ сторожей, а то убьютъ насъ!» заявляли данники и пошлинники. Новгородцы дали и число и стражу и—«тогда почали ѣздить окаянные татаре по улицамъ, переписывая домы христіанскіе.»

Югъ Россіи ожидалъ, въ продолженіе двухлѣтняго отдыха Батыя, съ трепетомъ своей участи и, не умѣя изготовиться къ сопротивленію, изливался безплодно въ гореваніи:

«Зачѣмъ мать сыра земля не по̀гнется?
«Зачѣмъ не разступится?»

Но вотъ соглядатаи донесли Батыю, что кн. Даніилъ Галицкій, владѣвшій въ ту пору Кіевомъ, затѣялъ устроить крестовый противъ него походъ. Свѣдѣнія эти были вѣрны: руины сѣверо-восточныхъ областей умоляли южную Россію о противостояніи счастливымъ варварамъ. Но южно-русс. кн. нечего было и думать о сопротивленіи одними своими силами, черезъ чуръ грузными на подъемъ и оробѣвшими передъ безстрашными пришельцами. Поручивъ охрану Кіева надежному тысяцкому Дмитрію, кн. отправился къ венгерскому королю лично, а къ папѣ Иннокентію отправилъ пословъ съ просьбою о помощи. Передъ королемъ онъ явился въ качествѣ свата, а папѣ обѣщалъ—перевести, въ благодарность за помощь противъ монголовъ, въ католицизмъ весь южно-русс. народъ.

Можно думать, что Европа смѣшала монголовъ съ ничтожными торками, берендѣями или черными клобуками, потому что на призывную буллу Иннокентія никто изъ европейскихъ государей не откликнулся. Король Бѣла также не поторопился отвѣтить согласіемъ на брачный союзъ его дочери съ сыномъ

кн. Галицкаго. Очевидно, на западѣ, не вѣрили въ возможность увидѣть у себя варваровъ, съ ихъ ничтожными боевыми средствами. Новое вторженіе гунновъ представлялось дѣломъ несбыточнымъ. При сравненіи-же рыцарскихъ доспѣховъ и тяжелыхъ длинныхъ мечей съ маленькими монгольскими щитами изъ ивовыхъ прутьевъ и неуклюжими копьями можно было видѣть заранѣе на чью сторону склонится побѣда.

Батый не медлилъ. Налетѣвъ вначалѣ на Переяславъ, а за нимъ на Черниговъ, онъ послалъ гонцовъ въ Кіевъ съ требованіемъ прислать дань и заложниковъ. Кіевляне, ожидая помощи съ запада и надѣясь на свои стѣны и ратное умѣніе тысяцкаго Димитрія, побросали пословъ съ раската о земь. Этотъ вызовъ привлекъ тотчасъ-же къ Кіеву всю монгольскую силу—и вотъ:— «Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ.... и окружи градъ и остолпи сила татарьская и бысть градъ во обдержаньи велицѣ.» О величинѣ-же его силы и о вызванномъ ею впечатлѣніи можно судить по сказаніямъ лѣтописцевъ и по образности поэтическаго горованія южной Россіи.—«Не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его»—жаловался очевидецъ потомству «отъ множества ревѣнія вельблюдъ его и рьжанія отъ гласа стадъ конь его.»— О числѣ-же ставшихъ подъ Кіевомъ монгольскихъ войскъ можно догадаться по одному поречету главныхъ воеводъ.

«Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ
«Собралъ собака силы трехъ годовъ,
«Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
«За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
«За зятемъ было силы сорокъ тысячей,
«Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
«Сорокъ королей, королевичей;
«Подшелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ....
«Похваляется: «дашь не дашь за боемъ возьму.»..

Красота Кіева произвела на Батыя сильное впечатлѣніе, что не помѣшало ему поставить «пороки» и выбивать ими день и ночь городскія стѣны и Лядьскія ворота. Горожане бились на стѣнахъ до послѣдней возможности и—«ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитъ скепаніе и стрѣлы омрачиша свѣтъ....» Вскорѣ однако пороки выбили такіе проломы, что горожане принуждены были оставить городскія стѣны и попытаться создать «паки другій

градъ, около святыя Богородицы». На утро пала и эта твердыня. Укрывавшіеся отъ наступившаго бѣдствія люди искали спасенія въ церквяхъ. Храброму тысяцкому, къ тому-же и раненому, ничего не осталось какъ сдаться на гадательную милость побѣдителя.

Вторгнувшіеся въ городъ войска Батыя, обратили южно-русс. столицу въ руины, не пощадивъ ни десятиннаго храма, ни гробницъ святыхъ Ольги и Владиміра. Вообще-же о силѣ погрома можно судить по тому уже, что кіевляне не замѣтили даже куда и при какихъ обстоятельствахъ исчезъ ихъ митрополитъ Іосифъ.

Паденіе Кіева отдало всю южную Русь во власть монголовъ. То была тяжкая власть: попавшія въ полонъ матери и жены кн. и бояръ ушли въ служанки при гаремахъ монголовъ и въ работницы при жерновахъ ихъ ручныхъ мельницъ. Дѣвицамъ предстоялъ тяжелый выборъ: смерть или наложничество съ багадурами. Лѣса и пещеры наполнились трепетавшими отъ страха бѣглецами. При отсутствіи-же единодушія въ высшемъ классѣ населенія, забывшемъ, что дружному стаду волкъ не страшенъ, и при беззащитности черносошника, никто уже и не думалъ о сопротивленіи.

Тысяцкій Димитрій, попавшій, благодаря личному мужеству своему, въ приближенные совѣтники Батыя, ощутилъ сильную оскомину противъ короля угровъ. Своевременная помощь послѣдняго спасла-бы и югъ Россіи и срединную Европу отъ наступившей бѣды, между тѣмъ Бѣла ни на шагъ не двинулся изъ своего королевства.—«Не мози стряпати въ земли сей долго,» усовѣщевалъ тысяцкій Батыя.—«Время ти уже итти на Угры; аще ли стряпаеши, земля ти есть силна, сберутся на тя и не въ пустятъ тебе въ землю свою».—Совѣтъ тысяцкаго вполнѣ согласовался и съ донесеніемъ развѣдчиковъ, сообщавшихъ, что погромъ южной Россіи принятъ наконецъ среднею Европою за грозное предостереженіе. Она принялась приводить свои замки въ оборонительное положеніе, а ея рыцари прислушались наконецъ и къ буллѣ папы.

Къ тому-же, на югѣ Руси, храмы были опустошены до того, что оставались безъ оконъ и затворовъ, а въ закромахъ обывателей нечѣмъ было попользоваться и голодному мышенку. Недозрѣлыя нивы были вытоптаны, а созрѣвшія выжжены. . . .

Батый отправился стряпать въ землю угровъ. Здѣсь король Бѣла и союзникъ его Каломанъ, при первой-же встрѣчѣ съ мон-

… затвориша въ церкви, . . . татарове
… милости оружиемъ смерти предаша . . .“

[illegible] Богородицы. [illegible]

[illegible] Время ли уже [illegible] часть силы, сбер[illegible] —Совѣтъ тысяцкаго [illegible] соглядчиковъ, сообщавши[illegible] наконецъ среднею [illegible] приводить свои [illegible] рыцари прислушались [illegible]

[illegible] храмы были опустош[illegible] что [illegible] и алтарей, а въ [illegible] голодному [illegible] зрѣлые [illegible] сокровища [illegible]

[illegible] въ землю угровъ. [illegible] Бѣла и [illegible], при первой-же встрѣч[illegible]

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

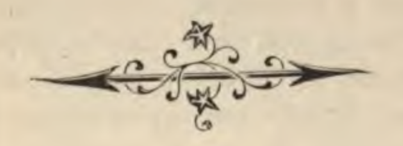
....„КНЯГИНИ И МНОЖЕСТВО БОЯРЪ ЗАТВОРИША ВЪ ЦЕРКВИ.... ТАТАРОВЕ ЖЕ ВЫЛОМИША ДВЕРИ.... И БЕЗЪ МИЛОСТИ ОРУЖІЕМЪ СМЕРТИ ПРЕДАША....“

голами на р. Солоной, обратились въ бѣгство—по направленію къ р. Дунаю.

Пока Батый стряпалъ въ ср. Европѣ, что длилось около трехъ лѣтъ, въ Кіевъ возвратился кн. Даніилъ, отрекшійся отъ единенія съ католическою Европою, которая обманула его надежды на общій отпоръ монголамъ. Южной Руси пришлось устраиваться на новыхъ, бѣдственныхъ для нея началахъ. Даніилъ побывалъ въ ордѣ и, вѣроятно, не отказался выпить чашу кумыса въ знакъ признанія своего вассальнаго отношенія къ хану. Теперь и король Бѣла согласился породниться съ нимъ, но этотъ союзъ не облегчалъ уже южную Русь отъ монгольскаго ярма.

Вновь возникшая кіевская митрополія, съ новоизбраннымъ митрополитомъ Кирилломъ, не нашла себѣ даже помѣщенія въ Кіевѣ. Здѣсь каѳедральный Софійскій соборъ и митрополичій дворъ оставались въ развалинахъ. Митрополія перешла поэтому во Владиміръ, гдѣ въ ту пору не была еще замѣщена каѳедра епископа, сожженнаго въ соборѣ при недавнемъ нашествіи монголовъ. Сокрушаясь о своемъ положеніи, южно-русс. столица глубоко чувствовала теперь силу образнаго стиха: «и отдалъ въ плѣнъ крѣпость свою и славу свою въ руки врага!»—Впрочемъ, эти желѣзныя руки обнимали теперь всѣ безъ изъятія русс. княжества, такъ что лѣтописцы нисколько не погрѣшили, замѣтивъ съ сердечною болью:

— «И оттолѣ нача работати Руская земля Татаромъ!»

XX.

ВТОРЖЕНІЕ МОНГОЛОВЪ ВЪ СРЕДНЮЮ ЕВРОПУ.

(1240—1241 гг.).

читая себя въ безопасности, короли Польши, Венгріи, Силезіи, Моравіи, нѣмецкій императоръ и Тевтонскій орденъ, относились совершенно спокойно къ доходившимъ къ нимъ извѣстіямъ о пролитыхъ въ рус. кн. потокахъ крови. Располагая рыцарями въ тяжелыхъ доспѣхахъ, крѣпостями съ высокими стѣнами, глубокими рвами бойницами и усовершенствованнымъ оружіемъ, они подсмѣивались надъ ярмомъ, вздѣтымъ на себя черниговскими и кіевскими черносошниками.

Что касается до Польши, то она изнывала и въ ту пору въ домашнихъ распряхъ. На ея корону заглядывались одновременно четыре претендента: Генрихъ Бородатый, Болеславъ Стыдливый, Конрадъ Мазовецкій и Владиславъ Познанскій. Они не остановились-бы и передъ междоусобіемъ, если-бы первый изъ нихъ не былъ такъ популяренъ въ народѣ и не располагалъ сильною партіею приверженцевъ. Голосъ его партіи всегда покрывалъ дебаты сеймовъ.

Однако паденіе Кіева, а за нимъ и всего Галицкаго княжества, было уже серьезнымъ предостереженіемъ не только Польшѣ-но и всей срединной Европѣ. Наступилъ часъ, когда равнодушіе къ варварамъ смѣнилось сильною тревогою. Императоръ Фридрихъ, посвятившій свою жизнь борьбѣ съ Римомъ, который отомстилъ ему впослѣдствіи не однимъ проклятіемъ, но и чашею съ ядомъ, пріостановилъ походъ въ Италію и также прислушался къ вѣстямъ о нашествіи варваровъ. Вѣсти-же были таковы, что при-

вели въ смущеніе даже этого вождя двухъ крестовыхъ походовъ. Ему донесли, что войска Батыя покрываютъ площадь—длиною въ двадцать дней пути и шириною въ пятнадцать дней. При этомъ, бѣжавшіе передъ ихъ натискомъ поляки и венгры увѣряли, что они видѣли передъ собою существа, не знавшіе материнской утробы и вышедшіе непосредственно изъ ада. Монголы-же охотно поддерживали это сказаніе, употребляя для того пріемы, которые вѣроятно не были бы одобрены позднѣйшими истребителями людского рода. Они обвѣшивали себя и своихъ коней, съ цѣлью устрашенія непріятеля—головами и другими частями тѣла убитыхъ враговъ, давая понять, что они каннибалы и въ ѣдѣ не видятъ различія между людьми и животными. Не прибѣгая въ Европѣ къ каннибальству, они очевидно стремились походить на бурхановъ изображавшихъ ихъ отечественныхъ боговъ войны. Монгольскій марсъ скачетъ и теперь на ретивомъ конѣ, по морю крови, волны

Бурханъ-истребитель.
(Изъ коллекціи автора).

котораго перебрасываютъ разрубленныя части человѣка. Голова его увѣнчана короною изъ череповъ, издающихъ яркое пламя. Въ рукѣ его виднѣется черепъ съ вскрытымъ мозгомъ. Грудь его украшена длинными женскими сосцами, обвитыми змѣями, а конь и всадникъ обвѣшаны человѣческими головами....

— «Уже сѣкира лежитъ при деревѣ»!—оповѣщалъ въ западной Европѣ императоръ Фридрихъ.—«Отовсюду несется вѣсть о приближенiи врага, грозящаго гибелью всему христiанству!»...

Оповѣщенiе это остановило между прочимъ ополченiе готовившееся къ новому крестовому походу противъ дальнихъ сарацинъ.

Въ срединную Европу монголы направились четырьмя путями, изъ нихъ три вели въ Венгрiю, а четвертый—въ Польшу и Силезiю.

Въ Польшѣ монголы опустошили прежде всего Люблинскую область, а потомъ Галицкую и Сендомиръ. Собравъ здѣсь большую толпу плѣнныхъ—цвѣтъ народонаселенiя—они погнали ее въ приволжскую степь, какъ гнали, еще такъ недавно, таджиковъ, персовъ, армянъ и грузинъ. Связанные попарно, безъ разбора, магнаты и холопы, сливки аристократiи и убогiе сельчане, поплелись окруженные веревками, безъ обуви и пищи, въ невѣдомыя страны....

Къ счастью плѣнниковъ, Владимiръ, каштелянъ Краковскiй, настигъ становище монголовъ, и, нанеся имъ пораженiе, освободилъ полонъ изъ неволи. Но храбрый каштелянъ недолго торжествовалъ побѣду. Получивъ подкрѣпленiе, монголы истребили его войска и опрокинулись вновь на Галицiю и Сендомиръ. Краковское воеводство пострадало при этомъ сильнѣе своихъ сосѣдей, такъ что кн. Болеславу пришлось бросить укрѣпленный замокъ и скрыться съ семьею въ монастырь, ютившiйся въ Карпатскихъ горахъ. Выждавъ здѣсь окончанiе бури, онъ возвратился въ Краковъ и нашелъ его въ состоянiи полнаго разрушенiя; граждане его скитались потомъ долгое время по лѣсамъ и горамъ, боясь возвратиться на свои пепелища.

Увидѣвъ мосты на р. Одерѣ разрушенными, монголы переправились черезъ нее вплавь, на глазахъ отступавшаго отъ нихъ кн. Мечислава. Теперь только Европа, постигнувъ мощную силу варваровъ, выставила противъ нихъ епископскiя войска, крестоносцевъ и Тевтонскiй орденъ, такъ что подъ начальствомъ Генриха герцога Силезскаго соединились пять отрядовъ, числомъ въ

тридцать тысячъ человѣкъ. Монголы однако выставили значительно большее число всадниковъ и при томъ не знавшихъ тяжелой брони и подвижныхъ какъ вѣтеръ. Встрѣча ихъ произошла возлѣ Лигница. Сраженіе открыли крестоносцы, ударившіе на враговъ болѣе съ надеждою на чудесную помощь, нежели на свое оружіе и искусство. Слѣдуя обычной тактикѣ, монголы устроили фальшивымъ отступленіемъ засаду, гдѣ и осыпали непріятелей стрѣлами. Дурно вооруженныя толпы, не имѣвшія понятія о военныхъ построеніяхъ, оказались при первой-же стычкѣ въ безпомощномъ состояніи. Выступившіе на помощь имъ германцы и поляки пришли слишкомъ поздно. Потерявъ своихъ вождей, они потерпѣли вмѣстѣ съ крестоносцами полное пораженіе. Герцогъ былъ убитъ. Отрѣзавъ на этотъ разъ уши убитыхъ враговъ, монголы наполнили ими девять мѣшковъ и отослали ихъ въ видѣ трофеевъ въ свою главную квартиру, продолжавшую оставаться на берегу р. Дуная.

Наступила очередь и Венгріи. Теперь варвары казались ей далеко не тѣми пигмеями, которыми такъ пренебрегалъ высокомѣрный король Бѣла. Понадѣявшись на свои Карпатскія горы, онъ позабылъ, что монгольскіе кони переходили уже черезъ каменные пояса въ Индіи и на Кавказѣ. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что дьяволъ, ведя тумени Батыя въ Венгрію, посылалъ колонновожатыми трехъ своихъ вѣрныхъ слугъ: духъ раздора, духъ невѣрія и духъ боязни. Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе его магнатовъ, избѣгавшихъ встрѣчи съ врагами.

Батый лично привелъ свои войска къ Пешту и окружилъ его, благодаря пригнанной толпѣ, полисадами и катапультами. Отбросивъ высокомѣріе, король предоставилъ вылазки двумъ епископамъ, довольно смѣлымъ, но недостаточно опытнымъ въ военномъ дѣлѣ. Войска ихъ были разбиты.

Пештъ былъ разграбленъ и сожженъ.

Король подарилъ тогда свою корону Фридриху Воинственному—и бѣжалъ въ Кроацію, гдѣ присоединились къ нему друзья и родные, спасшіеся отъ монгольскаго погрома. Повидимому, онъ не разсчитывалъ на скорое избавленіе своей страны отъ вражескаго нашествія, потому что распорядился перенести къ себѣ и мощи св. Стефана. Монголы однако не выпускали его изъ виду, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать далѣе, пока не перебрался на одинъ изъ прибрежныхъ острововъ. Въ отмщеніе за то, что онъ ускользнулъ отъ преслѣдованія, монголы собрали весь вен-

герскій полонъ и перерѣзали его на берегу моря. Насколько была опустошена Венгрія, можно судить по тому, что впослѣдствіи, взамѣнъ ея погибшаго народонаселенія, устроилось настоящее переселеніе выходцевъ изъ Германіи и Италіи.

Присоединенныя къ королевству—Далмація и Славонія не сопротивлялись монголамъ, что не мѣшало послѣднимъ дополнить картину избіенія средней Европы. Въ Каттаро, Сагіо и Дривасто они не оставили ни одной живой души и только не заглянули въ остававшуюся въ сторонѣ Рагузу.

Въ продолженіе происходившей борьбы, одинъ Ольмюцъ показалъ себя достойнымъ названія европейской крѣпости. Убѣдившись въ невозможности разрушить его твердыни каменными ядрами, монголы употребили всѣ пріемы, чтобы вовлечь гарнизонъ въ засаду, но онъ не поддался ни на одну уловку. Цитадель уцѣлѣла. Изъ чувства досады монголы забросали ея ровъ отрубленными головами—и удалились.

Вообще-же какъ мало знала средняя Европа съ какимъ непріятелемъ свела ее судьба, можно судить по эпизоду изъ осады богатаго города Стригоніи. Купцы этого международнаго базара, запрятавъ свои сокровища, надѣялись отсидѣться въ каменныхъ домахъ. Вскорѣ однако имъ пришлось убѣдиться въ своей ошибкѣ и выдать подъ пытками всѣ свои сокровища. Триста знатныхъ женщинъ Стригоніи явились въ монгольскій лагерь во всеоружіи красоты и блеска уборовъ, съ мольбою принять ихъ въ рабыни, чтобы только избавить ихъ родныхъ и согражданъ отъ мучительныхъ истязаній. Увы, это самопожертвованіе ни къ чему не привело: ярость монголовъ, по поводу обнаружившейся утайки богатствъ, была такъ велика, что всѣ красавицы Стригоніи поплатились головами....

Необыкновенно быстрые успѣхи монголовъ навели и на западную Европу тяжелое уныніе и боязнь за существованіе. Но вмѣсто того, чтобы занять горные проходы и переправы черезъ рр., ея государи и рыцари подняли мосты у воротъ своихъ замковъ и спрятались за ихъ бойницы. Населенію-же, не имѣвшему счастья носить латы и держать копья въ рукахъ, предоставлялось по выбору—бѣжать безъ оглядки или ложиться подъ копыта монгольскихъ коней. Герои турнировъ предпочитали теперь выглядывать изъ-за высокихъ стѣнъ—куда направятъ варвары свой путь? Варвары могли посѣтить Ливонію, Пруссію, Австрію, а можетъ

быть, не поворачивая коней изъ погони за королемъ Бѣлою, пойти далѣе, югомъ и наложить на папу рабскія цѣпи, что было вовсе не трудно.

Но вотъ пронеслась отрадная вѣсть будто-бы они оставляютъ срединную Европу и идутъ поспѣшно на соединеніе съ главными силами Батыя, державшаго резервы на берегахъ р. Дуная. Куда-же они направятся? На востокъ? Вѣсть эта была такъ пріятна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необъяснима, что рыцари долгое время еще держали мосты приподнятыми, а ворота замковъ заваленными камнями....

Однако не было болѣе сомнѣнія: монголы оставляли Польшу и Венгрію, увлекая только съ собою большой полонъ изъ магнатовъ, женщинъ и толпы! Они торопились. Полонъ видимо мѣшалъ быстрымъ переходамъ, поэтому они объявили ему полную свободу и, предоставивъ ему отойти нѣкоторое разстояніе, какъ бы опомнились и—истребили всѣхъ полонянниковъ. Далѣе они отправились черезъ рус. области, какъ по землѣ своего улуса, въ придонскія и приволжскія степи гдѣ кочевали ихъ семьи....

Что-же измѣнило планы Батыя, намѣченные еще его геніальнымъ дѣдомъ? Правда, христіане отказывались вступать добровольно въ ряды его войска, которое и рѣдѣло, такъ что ему приходилось призывать резервы изъ за р.р. Днѣпра и Волги. У него не было операціонной базы, а за плечами оставались озлобленныя имъ страны. Рус. области впрочемъ и не думали сплотиться для отместки разорителю. Не вѣрнѣе-ли предположеніе, что смерть хана Октая вызвала Батыя на мысль основать поскорѣе собственную орду, независимую отъ кореннаго юрта?

Изъ кореннаго юрта давно уже сообщали, что здоровье Октая и его брата Тули надорвано неумѣреннымъ пьянствомъ. Было также извѣстно, что управленіе Монголіей находится фактически въ рукахъ предпріимчивой жены Октая, окружившей себя гвардіей съ первостепенными багадурами, готовыми, по ея указанію, казнить и миловать. Батыю болѣе чѣмъ кому нибудь слѣдовало прислушиваться къ этимъ вѣстямъ, такъ какъ Гаюкъ—любимый сынъ правительницы юрта—продолжалъ питать къ нему враждебныя чувства. Онъ не стѣснялся даже говорить въ средѣ войска, что когда его изберутъ въ в. ханы, то онъ перенесетъ коренной юртъ на р. Волгу. Такимъ образомъ Батый, потративъ столько усилій на добычу улуса и при томъ съ наилучшими въ

мірѣ степями, могъ-бы лишиться мгновенно не только силы богатства, но и самой жизни....

Тумени Батыя, растоптавшіе вмѣстѣ съ нимъ половину Евро не затруднились-бы объявить его в. ханомъ, но что сказалъ курилтай? На землѣ еще витала тѣнь Чингисъ-хана и она у зала-бы на Яса—Намэ, по которой только рѣшенія курил имѣли верховную силу. Всякій противившійся этому положе подлежалъ смерти. Представители улусовъ: среднеазіатскаго Ираковъ высказались-бы несомнѣнно противъ Батыя, а въ это случаѣ коренной юртъ не стѣснился-бы и смертнымъ приго ромъ....

Октай выпилъ наконецъ послѣднюю чару жизни, остав по себѣ восемь сыновей; жена его захватила власть в. хана, что передать ее младшему сыну Гаюку. Судьба, въ видѣ насил тѣмъ или другимъ средствомъ—могла-бы измѣнить этотъ пла предпріимчивой женщины, но Батый вспомнилъ объ этомъ позд и упустилъ случай пересѣчь дорогу Гаюку. Этотъ-же, получи извѣстіе о смерти отца, ускакалъ немедленно, всего съ нѣско кими приверженцами, въ столицу Монголіи. Тамъ его ожида шатеръ родной матери, въ которомъ пребывали ежедневно д тысячи преторіанцевъ.

Стража зорко слѣдила за всѣми входами и выходами и да не впустила подъ сѣнь шатра самого Гаюка, когда онъ оста вилъ передъ нимъ усталаго и запыленнаго коня. Но правите ница подала знакъ—и все собраніе склонилось передъ нимъ, ка передъ господиномъ юрта. Подготовленный хоръ пропѣлъ е славу.

Созвали курилтай.

Со времени смерти Чингисъ-хана миновало всего четырн цать лѣтъ—періодъ царенія Октая—между тѣмъ Монголія, обо тившись данями, контрибуціями и грабежами, совершенно ут тила за это короткое время свой патріархальный обликъ. П возведеніи Темучина въ Чингисъ-ханы, ему поднесли настол скромные дары, что ихъ можно было уложить въ переметн сумы, не считая разумѣется оронгви съ десятью хвостами, то какъ на курилтаѣ Гаюка одни данники выставили пятьсотъ телѣ съ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями. Изъ царст гиновъ ему прислали зонтикъ, осыпанный драгоцѣнными камням Подъ богато-украшенными сѣдлами провели передъ нимъ и ар

скихъ коней и драмодеровъ Египта. Неизвѣстно, что доставила ему Русь, но несомнѣнно, что при этомъ торжествѣ присутствовали въ видѣ почетныхъ данниковъ—в. кн. Ярославъ Всеволодовичъ, грузинскіе принцы, послы святѣйшаго папы и халифа....

Храня обычаи предковъ, курилтай продѣлалъ всѣ внѣшнія формы избранія в. хана. Подведя Гаюка къ развернутому на землѣ войлоку, народъ—а въ сущности нойоны, темники и багадуры—заявилъ ему объ общемъ желаніи, чтобы онъ принялъ власть повелителя.

Пошли обычные переговоры—«Готовы-ли вы повиноваться мнѣ настолько, чтобы являться когда позову, идти куда велю и убить кого прикажу?»—«Мы готовы, но и ты помни, что надъ тобою Небо, которое и намъ принадлежитъ, а подъ тобою только земля и войлокъ».—Курилтай завершился на этотъ разъ не однимъ вознесеніемъ избранника на войлокѣ, но чего прежде не бывало, и пересадкою его на золотой тронъ. Здѣсь ему вручили драгоцѣнности Октая и дары вассаловъ, и онъ щедро осыпалъ ими фаворитовъ матери и своихъ приближенныхъ. Народу также раздавали вареное мясо, но какъ жаловались потомъ недовольные люди—безъ соли.

Приведя обратно свои войска на р. Волгу, Батый увидѣлъ, что ему остается помириться съ избраніемъ Гаюка въ в. ханы и приготовиться къ борьбѣ съ его властолюбіемъ. Планы Гаюка были извѣстны: перенести столицу на р. Волгу и устроить базисъ, который давалъ-бы возможность довершить мечты Чингисъ-хана о завоеваніи всей Европы. Но устройство опоры—не въ видѣ крѣпостей—входило и въ намѣренія Батыя, такъ что в. ханъ, не открывая ничего новаго, стремился только къ притѣсненію, если не къ уничтоженію, соперника.

Отказавшись участвовать въ курилтаѣ, Батый отговорилъ и Менгу-хана отъ поѣздки въ Хора-хорумъ. Недружелюбные счеты ихъ давно уже прекратились и даже перешли въ дружескій заговоръ. Они не рѣдко бесѣдовали на тему: о несправедливости избранія въ в. ханы Гаюка, который при томъ-же, какъ ходили слухи, готовъ былъ принять христіанство и ввести его въ ордѣ. Друзья рѣшили, что царене Гаюка будетъ несчастіемъ Монголіи. Въ результатѣ ихъ совѣщаній получилось то, что Менгу обязался выступить, при первомъ удобномъ случаѣ, соперникомъ Гаюка и съ помощью войскъ Батыя низвергнуть его съ трона. То была

первая—счастливая для всего христіанства—мысль о взаимномъ соперничествѣ чингисидовъ.

Остановившись на этомъ планѣ, Батый предался заботамъ объ устройствѣ орды и опредѣленіемъ данническаго положенія рус. областей. Съ этой стороны предстояло устроить, чтобы князья являлись съ поклонами и дарами, а ордынскіе чиновники были принимаемы если и неохотно, то съ честью, въ селахъ и городахъ Руси. Численники, обязанные вести записи о людяхъ, земляхъ и скотѣ, вошли вслѣдъ за разореніемъ Кіева въ южныя области, гдѣ никто не выказалъ имъ явнаго сопротивленія. Не легка была и ихъ обязанность, но за ихъ плечами всегда шли хорошо вооруженные спутники, а новые подданные хана отличались сангвиническимъ темпераментомъ. Тяжело было рус. людямъ работать на татаръ, но на войну противъ нихъ никто не звалъ; духовенство растерялось и не знало какъ себя вести съ безбожными агарянами, бояре разсыпались по отчинамъ, а боярскихъ дѣтей, отроковъ и гридней какъ будто и не бывало.

Русь приникла и замолкла.

Великокняжескій столъ находился въ ту пору во Владимірѣ, во власти Ярослава II Всеволодовича, которому выпала печальная доля показать первый примѣръ хожденія на поклонъ къ ордынскому хану. Общее положеніе рус. дѣлъ было таково, что онъ и не подумалъ отказаться отъ приглашенія явиться къ Батыю и ударить ему челомъ. Мало того, отправляясь лично къ ордынцу, онъ снарядилъ своего сына Константина на поклонъ къ в. хану, чтобы заручиться съ обѣихъ сторонъ добрымъ расположеніемъ. Этотъ первый шагъ в. кн. по направленію къ ордѣ, былъ прямымъ признаніемъ данническаго передъ татарами положенія всей Руси.

За в. кн. потянулись въ орду—уже безъ приглашенія—удѣльные кн. и прежде всѣхъ суздальскіе, за ярлыками на спокойное княженіе. В. кн. былъ принятъ Батыемъ не только съ уваженіемъ къ его сану, но и съ особою милостью, выразившеюся въ признаніи его главою сѣверно - русскихъ и Кіевскаго княжествъ.

Не много однако понадобилось времени, чтобы это благоволеніе ордынца измѣнило свой видъ и краски: в. кн. пришлось вскорѣ явиться вновь въ орду и уже въ качествѣ отвѣтчика по боярскому на него извѣту. Такимъ образомъ ханъ объявилъ себя верховнымъ судьею надъ всею Русью. Онъ повидимому оправдалъ,

в. кн., но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ его на поклонъ къ в. хану. То былъ своего рода дипломатическій маневръ, которымъ Батый показывалъ съ какимъ смиреніемъ преклоняются передъ нимъ повелители сѣверныхъ странъ. Ярославъ Всеволодовичъ прибылъ въ коренной юртъ въ самые дни избранія Гаюка и привѣтствовалъ его со всѣми знаками подданничества....

Рус. независимости не существовало болѣе.

Для удержанія-же Руси на положеніи данницы, постоянно объятой страхомъ, Батый занялся устройствомъ на ея юго-восточной границѣ своей операціонной базы, извѣстной подъ названіемъ Золотой или Кипчакской, а порою Дешты-Кипчакской орды.

XXI.

ЗОЛОТАЯ ОРДА.

(XIII—XIV стол.).

Разгромъ Батыемъ ср. Европы, что было достигнуто имъ, не сходя съ коня и не снимая колчана, помогъ ему пріобрѣсти въ военномъ искусствѣ рядъ новыхъ воззрѣній. Сравнивая отечественные пріемы истребленія людей съ иноземными способами, онъ нашелъ первые болѣе свойственными его багадурамъ. Вообще-же онъ разрѣшилъ это сравненіе не въ пользу мужиковатыхъ крестоносцевъ и горделивыхъ рыцарей. Шлемъ рыцаря далеко уступалъ въ его понятіи легкому войлочному малахаю монгола, какъ уступали: панцырь—щиту изъ буйволовой кожи и благородная шпора—плебейской нагайкѣ.

Оставаясь повсюду покорителемъ странъ и народовъ, празднуя свои тріумфы на «костяхъ» непріятеля и выбивая катапультами въ стѣнахъ европейскихъ цитаделей достаточно широкіе проломы, онъ былъ въ правѣ презирать всѣ ухищренія въ видѣ замковъ, бойницъ, подъемныхъ мостовъ и закованныхъ въ броню арбалетчиковъ. Крѣпости ему представлялись то глупыми ловушками, то каменными мѣшками, въ которые добровольно пряталась

дичь въ добычу опытнымъ охотникамъ. Въ каждомъ изъ павшихъ укрѣпленій онъ добывалъ столько плѣнныхъ и ихъ сокровищъ, сколько не давало ему ни одно полевое сраженіе.

Отсюда понималось само собою, что воинственный народъ не долженъ былъ закрѣпощать себя между высокими стѣнами, отнимавшими у него силу мышцъ и духъ героизма. Для поддержанія и развитія этихъ элементовъ храбрости, требовались—конь и безграничная ширь, а не городскія тѣснины. Весь рядъ этихъ сужденій наводилъ Батыя на мысль создать въ Европѣ кочевое государство, легкое на подъемъ и готовое разстаться, хотя бы и съ облюбованнымъ мѣстомъ, безъ сентиментальнаго сожалѣнія. Достаточно было имѣть одну постоянную ханскую ставку, такъ какъ представлялось неудобнымъ принимать поклоны царей, не имѣя трона!

Батый могъ выбрать для своей резиденціи любой рус., хотя-бы и стольный городъ, но для его туменей требовались хорошія пастбища, необозримые луга, изобиліе воды и просторъ для многихъ тысячъ юртъ. Такими исключительными удобствами не могли похвалиться ни сѣверные кн. съ ихъ дремучими лѣсами и болотами, ни южныя благодатныя, но неспособныя прокормить безъ приложенія человѣческаго труда полумилліонный табунъ коней. Одни низовья р. Волги, съ астраханскими и донскими степями, удовлетворяли спросу его ордынцевъ.

Здѣсь, прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ резиденціи, Батый поставилъ свой шатеръ въ бывшей столицѣ Булгаріи, считавшей за честь потѣсниться передъ грознымъ пришельцемъ. Перекочевывая потомъ изъ Булгаріи на зимовки, въ степи между р. Волгою и Лукоморьемъ, онъ не могъ не обратить вниманія на урочище, извѣстное подъ названіемъ Царевы - Поды. Достаточно найти и теперь возвышенную долину, идущую вдоль р. Ахтубы, перерѣзываемую многими рѣчками, чтобы понять всю заманчивость этой мѣстности для степнаго коня и его неприхотливаго всадника. Съ востока долина обрамлена высокимъ сыртомъ, а на западъ усѣяна озерами и

протоками, благодаря которымъ она богата такими превосходными пастбищами!

Батый повелѣлъ быть на этомъ мѣстѣ его столицѣ съ дворцами, государственными канцеляріями, монетнымъ дворомъ, молитвенными зданіями шамановъ и мусульманскими мечетями. Впрочемъ, существуетъ предположеніе, что резиденція его находилась на мѣстѣ нынѣшняго урочища Селитряннаго городка, хотя почва послѣдняго не выдаетъ археологамъ такихъ людскихъ пережитковъ, какими богата почва Царева. Послѣдняя покрыта руинами нѣкогда обширнаго и богатаго сельбища, простирающимися почти на сто верстъ, съ остатками кирпичей типической формы и вообще обломковъ глубокой старины. Здѣсь встрѣчаются и усыпальницы, въ которыхъ еще недавно находили гробы съ цѣнною отдѣлкою. Общій характеръ здѣшнихъ пережитковъ таковъ, что они могли принадлежать только воинственному народу, извлекавшему изъ покоренныхъ странъ и свинцовыя трубы и кувшины культурнаго типа, и даже бубенчики съ епископскихъ мантій. Найденные здѣсь рѣзные мраморы могли украшать въ свое время дворцы короля Бѣлы или кн. Болеслава, а золотые перстни и браслеты изъ аравійскаго золота—баядерокъ, поплатившихся ими при вторженіи монголовъ въ Индію. Пронизки и ожерелья изъ жемчуга и стекла были добыты, по всей вѣроятности, въ хоромахъ рязанскихъ или владимірскихъ боярынь и только наконечники копій и лезвія бердышей могли быть собственнаго производства.

Резиденція Батыя получила названіе Шери-Сарая или Золотаго Дворца, что соотвѣтствовало названію шатра, подбитаго золотою парчею и добытаго Чингисъ-ханомъ въ царствѣ гиновъ. Шатеръ этотъ достался Батыю по наслѣдству при дѣлежѣ богатствъ его дѣда.

Существованіе столицы подразумѣвало и существованіе государства съ собственнымъ именемъ. Не считая однако возможнымъ—въ интересахъ всего монгольскаго міра—отдѣлиться немедленно отъ кореннаго юрта, Батый наименовалъ свое владѣніе только улусомъ и то по имени отца — Джучіевымъ улусомъ. Потомъ, когда при пріемникахъ Батыя прекратилась подчиненность ихъ в. ханамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прервалась и линія Джучидовъ, появилось названіе Кипчакской орды, а иногда Дешты-Кипчакской или степной стороны. Но въ этомъ наименованіи слишкомъ

слабо выражалось земное могущество, поэтому болѣе знатное названіе Золотой орды завоевало себѣ окончательно мѣсто въ исторіи.

Столица З. орды строилась и расширялась въ продолженіе двухъ столѣтій, при чемъ надъ ея созданіемъ трудилась усердно татарская партія, которой никто не препятствовалъ воздвигать высокіе минареты. Мастерами и строителями были плѣнники, о чемъ можно догадываться какъ по архитектурнымъ замысламъ, такъ и по работамъ изъ мрамора и алебастра. Не только монголы, но и татары того времени не справились-бы съ задачею построить хотя-бы главное зданіе, оставившее по себѣ фундаментъ въ восемьдесятъ сажень длины. Очевидно, оно служило вельможѣ—властителю, объявлявшему при случаѣ, что: «на небѣ существуетъ Богъ, а на землѣ—я, и больше никто!»—Подданные хана и прибывавшіе въ орду иноземцы обязаны были селиться съ расчетомъ, чтобы на югъ отъ дверей шатра или дворца было совершенно свободное пространство. Кажется и въ этомъ ханскомъ капризѣ нужно было видѣть руку татарской партіи, открывавшей путь къ Меккѣ....

Кромѣ Шери-Сарая на Ахтубѣ, существовалъ еще Сарайчикъ на Уралѣ, служившій исключительно некрополисомъ хановъ, съ несомнѣнными могилами Тохтаги, Чанибека и другихъ чингисидовъ. Орда хоронила здѣсь своихъ покойниковъ по обычаю уже мусульманъ, а не монголовъ, такъ что у могилы святаго Джигита разрослось цѣлое кладбище ордынскихъ святошъ. Сарайчикъ служилъ по временамъ и столицею отщепенцевъ отъ З. орды или такого ея выселка, какъ занявшая свое мѣсто въ исторіи Синяя орда.

Вглядываясь въ общественную жизнь Шери-Сарая, нельзя не вспомнить предвѣщаніе Чингисъ-хана о томъ, что его наслѣдники предадутся роскоши и забудутъ простоту патріархальной жизни. Вмѣсто обычной одежды изъ шерсти и мѣховъ, здѣсь щеголяли въ платьѣ мусульманскаго покроя, изъ разноцвѣтныхъ тканей и съ строгимъ этикетомъ. Если придворный штатъ являлся вчера въ платьѣ алаго цвѣта, то сегодня онъ надѣвалъ синіе или желтые бешметы, а съ ними того-же цвѣта и прочія принадлежности костюма, не исключая неизбѣжныхъ калошъ. Монголы и татары всегда мечтали о хорошей одеждѣ, поэтому теперь, когда настала возможность, они украсились и золотыми тюбетейками и опушками

изъ дорогихъ мѣховъ. Женщины пошли далѣе и тѣ изъ нихъ, которыя рѣшились-бы выйти на улицу въ шараварахъ изъ бараньей шкуры, подверглись бы обиднымъ насмѣшкамъ. Почва Шери-Сарая выдала между прочимъ и серебряный умывальникъ—кунганъ, украшенный каменьями, и не мало браслетъ изъ толстой серебряной проволоки, которые могли служить только богатой и знатной кокеткѣ. При Чингисъ-ханѣ, кокетки, если и умывались, то изъ деревянной миски или кожанаго бурдюка.

Дворъ хана быстро разростался. Батый еще довольствовался церемоніймейстерами, стольниками и шталмейстерами, а по части охоты—ловцами, волчарями, сокольниками и барсниками. Но далѣе уже народилось множество чиновъ—великихъ, среднихъ и нижнихъ, множество вельможъ и воеводъ. Послѣдовавшее развитіе ордынской жизни создало уставодержавниковъ, книжниковъ, учительскихъ людей, судей, контролеровъ, начальника монетнаго двора и вмѣсто придворныхъ шамановъ, которыхъ орда быстро забраковала—придворныхъ муллъ и улемовъ. Общее государственное устройство потребовало мощной административной сѣти. Теперь уже монголы не могли довольствоваться своими первобытными способами управленія покоренными странами. Еще такъ недавно политическая мудрость ихъ довольствовалась приведеніемъ врага до полнаго изнеможенія, отобраніемъ отъ него оружія, срытіемъ его крѣпостей, а при сопротивленіи—поголовнымъ истребленіемъ. При помощи этой простой тактики, они безопасно управляли покоренными народами, находясь даже въ дальнихъ странахъ и рыская то на лебединой, то на звѣриной охотѣ. Теперь же понадобились и даруги и баскаки съ обширными штатами служилаго народа.

Первые правили съ громадными полномочіями улусами коренной Монголіи, а вторые несли службу ханскихъ резидентовъ въ покоренныхъ странахъ. Можно даже подозрѣвать, что они имѣли голосъ и въ государственныхъ совѣтахъ рус. кн. При нихъ состоялъ штатъ фискаловъ изъ данщиковъ, поборщиковъ, скотосчетчиковъ, таможниковъ, побережниковъ, заставщиковъ, лодейниковъ и писцовъ.

З. орда, впрочемъ, еще скромничала въ штатахъ своей администраціи, такъ какъ въ персидскомъ улусѣ, при монголахъ-же, существовали еще визири, помощникъ визиря, хранители драгоцѣнностей, вожаки каравановъ, придворные имамы, шейхи, кади и цѣлые ряды надзирателей.

Ханы всегда предпочитали военный служилый элементъ гражданскимъ людямъ, находя исключительно въ первыхъ способности выполнять всякія поручаемыя имъ дѣла. Но когда баскакъ не въ силахъ былъ выжать дань изъ рус. области, тогда темникъ поступалъ въ его распоряженіе и исполнялъ его приказанія. Высокій рангъ темника существовалъ почти до самаго разрушенія З. орды. Мамай былъ темникомъ.

Численныя военныя силы орды были очень велики, такъ какъ все ея мужское населеніе, способное владѣть оружіемъ, обязано было являться на войну по первому призыву хана. Съ этою цѣлью населеніе было распредѣлено на десятки, сотни, тысячи и тьмы, съ особыми начальниками и сборными пунктами. Подъ тьмою подразумѣвались не только десять тысячъ воиновъ, но и отдѣльныя области, какъ подъ тысячью — опредѣленные раіоны войсковаго контингента. Вообще въ войскахъ сохранилась организація Чингисъ-хана, даже съ правыми и лѣвыми крыльями и центромъ, совпадавшимъ съ столицею орды. Воинская повинность не только не тяготила коренное населеніе орды, но напротивъ, и по образу жизни, и по любви къ добычѣ, каждый золотоордынецъ охотно вскакивалъ на лучшаго изъ своихъ коней и любовно пронизывалъ воздухъ копьемъ. Побѣжденные народы— одни по собственному побужденію, а другіе неволею—отдавали своихъ людей на службу хану. Въ годины ордынскаго террора, Россія отдавала хану третьяго человѣка, способнаго носить оружіе. Рус. кн. бывали иногда въ необходимости подчинять всю свою военную силу требованіямъ орды, но только для операцій въ предѣлахъ рус. земель. Впрочемъ, извѣстны случаи, когда дружины ходили съ ордынцами противъ кавказскихъ племенъ.

Батый имѣлъ въ своихъ войскахъ четыреста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ иноплеменниковъ, считая въ числѣ ихъ и поверстанныхъ на службу полоняниковъ изъ Руси и срединной Европы. О продовольствіи ихъ ханъ не заботился ни въ мирное время, ни въ военное, позволяя при этомъ не различать въ походахъ контрибуцію отъ фуражировки и фуражировку отъ мародерства.

Располагая такою громадною военною силою, пышнымъ дворомъ и величественною столицею, Батый далъ знать рус. кн., что онъ будетъ признавать только тѣхъ изъ нихъ полновластными господами, которые удостоятся получить на то жалованную грамоту,

или ярлыкъ съ печатью в. хана. Впрочемъ и онъ и его пріемн
призывали иногда къ себѣ, въ орду, кн. только для того, чт
они «познали славу и величіе монголовъ». Впослѣдствіи, обяз
ность хожденія въ орду и испрошенія жалованныхъ ярлык
была распространена и на іерарховъ церкви.

При такой обстановкѣ, повелителямъ З. орды, трудно б
помириться съ зависимымъ отъ в. хановъ положеніемъ. I
в. ханѣ Октаѣ, Батый еще терпѣлъ эту зависимость, но
Гаюкѣ не только обособился, но, какъ есть основаніе полагать
укоротилъ его жизнь. Поставивъ же друга своего Менгу в.
номъ, онъ считалъ себя свободнымъ отъ всякихъ стѣснительн
отношеній къ коренному юрту.

Его преемникъ Береке взошелъ на престолъ уже подъ ти
ломъ султана и, разумѣется, правосуднаго. Вѣроятно, Береке
спрашивалъ и согласія в. хана на то, чтобы, забросивъ бу
новъ, провозгласить символъ ислама: «Ля иляга илля ллагу!»
каковы бы ни были домашніе титулы золотоордынцевъ, они о
лись навсегда для рус. народа только подъ именемъ хановъ.

Сосредоточивъ, такимъ образомъ, мало по малу, въ сво
рукахъ всѣ прерогативы в. хана, золотоордынцы ограничивал
посылкою послѣднему отъ времени до времени скромныхъ под
ковъ, въ видѣ кречетовъ или красивыхъ полонянокъ. По при
тіи же мусульманства, ханы установили «хотбу»—молитвы—за с
собственное благоденствіе, нисколько не заботясь о благоденст
главы дома чингисидовъ. Къ числу—быть можетъ болѣе пріятн
и легкихъ—прерогативъ хана принадлежало право обладанія вс
незамужнимъ женскимъ персоналомъ орды. Ежегодно улусъ х
высылалъ къ нему толпы дѣвицъ—исключительно впрочемъ
нехристіанскихъ земель — которыхъ онъ и раздавалъ своимъ п
ближеннымъ людямъ. Болѣе красивые экземпляры оставались
его гаремѣ.

Убогіе гаремы монголовъ не могли идти ни въ какое срав
ніе съ гаремами золотоордынскихъ хановъ. Если родоначальн
орды—Джучи, имѣлъ до двухсотъ женъ, подарившихъ ему ок
сорока сыновей, то гаремы его пріемниковъ далеко превосходи
эти, относительно говоря, скромныя цифры. Разумѣется, на гар
необходимо смотрѣть въ данномъ случаѣ, какъ на придворн
штатъ, придававшій деспоту своего рода блескъ и пышнос
Въ сущности, изъ всѣхъ женщинъ гарема, только одна—слѣдо

тельно менѣе, чѣмъ у нынѣшнихъ мусульманъ, допускающихъ четыре законныя жены—пользовалась правами законной супруги. Только ея дѣти удерживали за собою право наслѣдовать отцовскую власть. Она пользовалась значительною долею преимуществъ надъ прочими женами и принимала участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а въ эпохи междуцарствія правила самостоятельно ордою до вступленія на престолъ наслѣдника. Повсюду она являлась на ряду съ ханомъ, участвовала въ его торжественныхъ аудіенціяхъ и давала отъ себя ярлыки, а на ассамблеяхъ, носившихъ отчасти государственный характеръ, какъ напримѣръ: передъ началомъ лѣтовокъ, являлась и хозяйкою и царицею пиршествъ.

З. орда разсталась съ курилтаемъ еще со времени своего родоначальника, такъ что престолонаслѣдіе въ ордѣ не соображалось уже болѣе и съ призракомъ народной воли. Почти одновременно ослабѣло значеніе курилтая и въ коренномъ юртѣ. — «Мы повелѣваемъ тебѣ принять надъ нами власть!» объявляли избранникамъ вожди курилтаевъ. — «Взгляни на Небо и на войлокъ, на который мы тебя поставили. При великодушіи и мудромъ правленіи ты получишь отъ Неба все, что желаешь. Въ противномъ случаѣ, у тебя отнимется и этотъ ничтожный войлокъ, отдѣляющій тебя отъ земнаго праха».—Золотоордынскіе ханы, отвергнувъ и курилтай и эту форму народовластія, принялись шагать черезъ трупы своихъ предшественниковъ и иногда черезъ трупы своихъ отцовъ. Очевидно, рискованный путь требовалъ приспѣшниковъ и помощниковъ, поэтому у золотоордынскаго трона явились преторіанцы, занявшіе въ ордѣ выдающееся положеніе. Иногда значеніе этихъ «агленовъ» возрастало до того, что ханская власть являлась только декорумомъ и даже смѣшнымъ призракомъ, не болѣе.

Ханъ Береке первый произнесъ основной символъ ислама, но затѣмъ гаремы вельможъ рѣшили также замѣнить новою вѣрою обветшалое шаманство. Шаманы, какъ знахари и вѣщуны были терпимы въ Монголіи, гдѣ знаніе обычаевъ и нравовъ народа, произведеній земли и явленій атмосферическихъ и климатическихъ давало имъ еще возможность угадывать, хотя изрѣдка, ходъ событій и приближавшихся явленій. На новой же почвѣ, гдѣ сравнительно съ пастушескою простотою, было все такъ сложно и непонятно, кудесничество ихъ обратилось въ сплошную глупость. Не одно изъ предсказаній ихъ не сбывалось

и даже кровоточивыя раны, которыя онѣ затыкали то наговоренною печенью волка, то просто каломъ, перестали повиноваться ихъ искусству. Къ тому же монголы видѣли, что идолы другихъ странъ—даже болѣе страшные, чѣмъ ихъ бурханы, скачущіе по морямъ крови—не уберегли своихъ поклонниковъ отъ нагайки побѣдителей. Оставивъ поэтому шамановъ безъ сожалѣнія, монголы вышли на распутье, не зная въ какую сторону наклонить свои души—въ несторіанство, католицизмъ или въ мухаммеданство?

Несторіане могли бы выйти побѣдителями въ этомъ вопросѣ, такъ какъ священники ихъ много лѣтъ уже ходили съ ордою и при ихъ служеніи присутствовали, нерѣдко, женщины ханскаго гарема и ихъ дѣти. Но представители ученія Несторія, если только вѣрить францисканскому монаху, были совершенно недостойны наименованія проповѣдниковъ слова Божія. Они предавались пьянству не слабѣе самихъ монголовъ, а священную службу отправляли, переполнивъ уже свои утробы кумысомъ....

Мухаммеданство менѣе всего могло опасаться соперничества несторіанъ. Оно нѣсколько смутилось только передъ проповѣдниками католицизма, прибывшими еще при жизни Батыя, въ орду, по желанію Людовика XI, который, находясь въ Палестинѣ, услышалъ, что Сартакъ, сынъ и намѣстникъ хана, исповѣдуетъ втайнѣ христіанство. Мысль воспользоваться покровительствомъ Сартака глубоко запала въ душу французскаго короля. Къ сожалѣнію, его попытка обратить орду въ христіанство, была обставлена до того идеально, что миссіонеры испытали всѣ неудобства недостаточно зрѣло обдуманнаго предпріятія.

Миссіонерами были избраны монахи Вильгельмъ Руисбрукъ и Варѳоломей Кремонскій. Оба они не знали страны, въ которую направлялись, не знали и языка, на которомъ были бы понятны ихъ проповѣди. Въ матеріальномъ отношеніи босоногіе францисканцы были снабжены очень бѣдно. Правда, король снабдилъ ихъ богатыми книгами, библіей и церковною утварью, а королева псалтиремъ съ картинками, но въ глазахъ монголовъ дары эти не могли имѣть большой цѣны. Затѣмъ уже посольство пустилось въ путь, уповая только на милосердіе Господне. Переводчика—и то передававшаго въ пьяномъ состояніи проповѣди монаха въ видѣ какого-то сумбура—миссіонеры пріобрѣли, какъ нужно думать, въ Крыму, откуда они направились въ орду.

Совѣтники должны были надоумить короля, что татаро-мон-

голы считали посланниковъ, позволявшихъ себѣ являться безъ подарковъ, своего рода оскорбителями ханскаго величія. Въ подаркахъ они видѣли не сущность даримаго, а степень вниманія дарителя, чѣмъ еще и въ наше время обусловливается политическое обхожденіе мусульманскихъ деспотовъ. Знаніе этого порядка не поставило бы Руисбрука въ то комическое положеніе, въ какомъ онъ очутился, представивъ важному сановнику орды и родственнику Батыя—коробочку сухарей и блюдечко плодовъ! Этой убогости даровъ слѣдуетъ приписать, что властный вельможа принялъ посольство, сидя на постелѣ, съ музыкальнымъ инструментомъ въ рукахъ, въ обществѣ одной изъ своихъ женъ. Дары, поднесенные ему отъ имени короля Франціи, онъ роздалъ тутъ-же своимъ приближеннымъ на закуску, такъ какъ посольство представлялось въ самый разгаръ попойки. Отправляя посольство далѣе, къ Сартаку, онъ снабдилъ его въ свою очередь только козою и нѣсколькими бутылками молока....

Представляясь Сартаку, посланникъ долженъ былъ надѣть ризы и войти въ шатеръ съ священнымъ пѣснопѣніемъ.

Сартакъ осмотрѣлъ посольство и картинки въ книгахъ съ истинно монгольскимъ любопытствомъ, нисколько не обнаруживая этимъ прилежанія къ христіанству. Мало того, его придворные, въ числѣ которыхъ находились и несторіанцы, предостерегали Руисбрука, чтобы онъ не вздумалъ признавать Сартака христіаниномъ. Пренебрегая уже грубыми пріемами шамановъ и не притѣсняя христіанъ, Сартакъ сильно побаивался исламитянъ, ставившихъ въ ордѣ повсюду и свободно высокіе минареты. Не вступая даже въ разговоры о христіанствѣ, онъ отправилъ посольство къ отцу, сидѣвшему въ это время въ своей зарождавшейся столицѣ.

Несторіане встрѣтили посольство также непривѣтливо и даже отняли отъ него ризы, такъ какъ и сами нуждались въ облаченіи. Долго стояло потомъ посольство босикомъ передъ шатромъ Батыя. Наконецъ онъ, сидя на тронѣ вмѣстѣ съ женою, разрѣшилъ посольству войти и поднести ему королевскую грамоту. Послѣ колѣнопреклоненій Руисбрукъ произнесъ рѣчь на тему: «иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ». Въ переводѣ толмача цитата эта получила, вѣроятно, несоотвѣтствующее ей значеніе, потому что Батый отвѣтилъ на нее улыбкою недоумѣнія, которая поощрила

потомъ его свиту осыпать бѣдныхъ монаховъ градомъ насмѣшекъ.

Къ тому же посольство, совершенно незнакомое съ законами и обычаями ордынцевъ, имѣло неосторожность нарушить во многомъ придворный этикетъ и, чуть-ли не самъ Руисбрукъ, прежде чѣмъ войти въ шатеръ, ступилъ на его порогъ! Другой членъ посольства подержался за веревки шатра! Оба эти преступленія карались смертью. Наконецъ Руисбрукъ сидѣлъ во все время пріема, потупя глаза въ землю, а это уже служило прямымъ признакомъ его дурныхъ намѣреній. Вѣроятно за нимъ наблюдали: не шепчетъ ли онъ ненужныя слова, не поводитъ-ли глазами и вообще не ведетъ-ли потаенную бесѣду съ злыми, подземными духами. Суевѣріе монголовъ продолжало оставаться въ полной силѣ и при новой ихъ обстановкѣ.

Прокочевавъ безплодно съ ордою нѣсколько недѣль, Руисбрукъ получилъ приказаніе отправиться на поклонъ къ хану Менгу, безъ разрѣшенія котораго Батый не желалъ и разсуждать по вопросу о перемѣнѣ религіи. Тулупъ, валенки и епанчу изъ козьей шерсти—вотъ и все, что пріобрѣлъ миссіонеръ при дворѣ Батыя. Притомъ его одолѣвали вопросами: правда ли, что папа римскій живетъ пятьсотъ лѣтъ? Гдѣ находится море, которое не имѣетъ конца? Сколько быковъ и коровъ у французскаго короля?....

Къ Менгу-хану Руисбрукъ слѣдовалъ уже посланникомъ отъ Батыя, а это давало ему право на попеченія «яни»—людей, обязанныхъ встрѣчать, провожать и кормить посланниковъ. Кое-гдѣ монаха приглашали молиться христіанскому Богу за выздоровленіе болящихъ.

Менгу-ханъ принялъ пословъ въ степной кочевкѣ. Они были допущены въ шатеръ послѣ обыска, не скрыты-ли у нихъ ножи. При пріемѣ в. ханъ спросилъ, прежде всего, чего они хотятъ выпить—вина, кумысу, терацина или балла? Толмачу также поднесли большой рогъ съ веселымъ напиткомъ и онъ опьянѣлъ до того быстро, что привѣтственная рѣчь посла утратила всякій смыслъ. Тѣмъ не менѣе в. ханъ понялъ, что монахъ готовъ молиться и за него, и за его женъ и дѣтей.

Присутствуя на пирахъ, Руисбрукъ убѣдился, что монголы—мужчины вовсе не склонны къ христіанству; покрайней мѣрѣ, чашу пиршества в. хана благословляли въ одно и то же время и христіанскіе священники и муллы. Правда, Менгу-ханъ не отказы-

вался бывать въ церкви несторіанъ, но туда, въ церковь, приносили и его «позлащенную кровать», замѣнявшую тронное кресло. Кровать ставилась передъ жертвенникомъ. При этой обстановкѣ в. ханъ охотно слушалъ: «veni sancte spiritus»!

Идя впрочемъ и въ христіанскій храмъ, Менгу-ханъ загадывалъ по способу шамановъ, на жженныхъ бараньихъ лопаткахъ: слѣдуетъ-ли молиться христіанскому Богу? Если лопатки оставались цѣлыми, онъ шелъ въ церковь безъ опасенія.

Гаремъ его однако искренно сблизился съ представителемъ христіанства, такъ что встрѣчая Руисбрука съ крестомъ въ рукахъ, ханскія жены и ихъ дѣти кланялись кресту до земли. Первая ханша даже говѣла. Наконецъ, по настояніямъ посольства, было разрѣшено состязаніе въ вѣрѣ между христіанами и мухаммеданами.

Это миссіонерское собесѣдованіе окончилось, при настроеніи всей ханской ставки въ пользу ислама, побѣдою послѣдняго и— попойкою, послѣ которой посольству было предложено изготовиться въ обратный путь. Руисбрукъ очень наивно сожалѣлъ потомъ, что Богъ не далъ ему силы дѣлать чудеса подобно Моисею, такъ какъ при этой силѣ онъ навѣрно обратилъ-бы всѣхъ монголовъ въ христіанство.

Канцелярія в. хана вручила Руисбруку, передъ возвращеніемъ его въ отечество, грамоту королю Франціи. Она гласила: «На небесахъ находится единый вѣчный Богъ, а на землѣ я— верховный государь».—Далѣе грамота относилась какъ и слѣдовало ожидать высокомѣрно къ королю Франціи.—«Приказаніе это дано отъ Менгу-хана Людовику, королю французскому и всѣмъ прочимъ вельможамъ и священникамъ и всему народу французскому, да уразумѣютъ они заповѣди Бога вѣчнаго, данныя Чингисъ-хану и слова в. хана».... Грамота была заключена угрозою:—«хотя твоя земля далека, твои горы высоки и крѣпки, а моря велики и глубоки, но если ты, надѣясь на это, пойдешь на насъ войною....то узнаешь все, что мы сдѣлаемъ съ тобою»!....

Руисбруку пришлось еще разъ повидаться съ Сартакомъ, а потомъ съ Батыемъ и въ концѣ концовъ, потерпѣвъ полное фіаско, отправиться домой. Не рѣшаясь уже лично представиться королю Франціи, онъ отослалъ къ нему изъ Акры грамоту Менгу-хана.

Неудача христіанина доставила татарской придворной партіи возможность выдвинуть на сцену коранъ и улемовъ, видѣвшихъ

мантію пророка въ Багдадѣ и почерпнувшихъ возлѣ нея даръ глубокихъ размышленій! Но пока, по образу мыслей и складу ума монголовъ, было безплодно прививать къ нимъ тонкости вѣры Пророка, поэтому улемамъ оставалось еще, нѣкоторое время, ограничиваться пропагандою только существенныхъ условій бытія правовѣрныхъ. Эти же условія совершенно совпадали и съ представленіями монголовъ объ истинномъ назначеніи человѣчества. Исповѣдники ислама, какъ и шаманства, стремились одинаково—истреблять враговъ, пользоваться ихъ собственностью, имѣть гаремы и жить за гробомъ со всѣми земными радостями. Разумѣется и женщинамъ не могли быть противны вкусы Пророка, поэтому З. орда быстро пошла по пути къ мусульманству.

Между Береке-ханомъ, примкнувшимъ къ исламу впереди всей орды и общимъ принятіемъ ордою единобожія и завѣтовъ Мухаммеда, протекло менѣе полувѣка. Но принятіе ислама нисколько не умалило въ средѣ золотоордынцевъ значеніе всемірной поговорки: «счастье творитъ людей дерзостными». Явленіе это, сказываясь съ особою силою въ расахъ низшаго типа и въ мало культурной средѣ, пріобрѣло у золотоордынцевъ характеръ обязательнаго гнета надъ всѣмъ, что не имѣло счастья родиться отъ татаро-монгольской женщины. Разставшись съ простотою монголовъ, вышедшихъ изъ пастушеской колыбели, властители Шери-Сарая окружили себя показнымъ величіемъ и сложнымъ этикетомъ. Иностранцы, просившіе аудіенціи, не исключая и рус. кн., подвергались теперь—по старинному, впрочемъ, монгольскому обычаю—окуриванію и даже своего рода душевному обезвреженію посредствомъ прохожденія между двумя горящими кострами. Огонь истреблялъ такимъ образомъ въ пришельцахъ не только дурные помыслы, но и самую способность прибѣгать къ колдовству. Послѣ окуриванія, церемоніймейстеры вводили представлявшихся въ ханскій шатеръ, черезъ восточную дверь, или западную, смотря съ какой стороны прибыли послы и гости. Въ шатрѣ приглашали прежде всего гостей къ кумысу, какъ къ продукту, пріобщавшему иноземцевъ къ мусульманскому міру. Въ видѣ особой снисходительности кумысъ замѣняли бузою. Аудіенція начиналась колѣнопреклоненіями и льстивыми рѣчами пословъ, которымъ все таки приходилось услышить что: «какъ солнце изливаетъ лучи свои повсюду, такъ и власть хана должна быть почитаема во всѣхъ углахъ міра».... Какъ были величественны аудіенціи, такъ были

шереховаты отвѣтныя грамоты иностраннымъ королямъ. Приказаніе, данное Менгу-ханомъ королю французскому, не было исключеніемъ. Исключеніе и то въ менѣе благопріятную сторону выпадало на долю китайскихъ пословъ. Каково это было исключеніе можно судить по тому, что убійца—монголъ могъ откупиться отъ смертной казни, заплативъ за сородича сорокъ золотыхъ монетъ, тогда какъ за убійство китайца достаточно было стоимости одного осла.

Къ внѣшней обстановкѣ ханской власти слѣдуетъ отнести и установленіе «паизе»—своего рода дипломовъ на чины и должности; иногда она служила подорожными курьерамъ и адъютантамъ хана. Паизе—китайскаго происхожденія—имѣли видъ дощечекъ изъ золота, серебра или дерева съ различными на нихъ изображеніями. Обладатель тигра на золотой дощечкѣ могъ быть только даругою или темникомъ, а золотая дощечка безъ тигра обозначала тысячника, какъ серебряная—сотника и деревянная хотя и знатное лицо, но изъ покоренныхъ народовъ. На этихъ почетныхъ знакахъ, удержавшихся въ ср Азіи и въ эпоху тимуридовъ, выбивались иногда повелѣнія хановъ и эмировъ. Особенно важное значеніе имѣло паизе съ двумя кречетами. Обладатель его могъ отбирать силою у встрѣчнаго населенія и даже у всадниковъ ханскаго происхожденія—лошадей, проводниковъ и необходимый кормъ.

Наиболѣе же угнетательный видъ величія ордынскихъ хановъ по отношенію къ рус. кн. заключался въ обрядѣ посаженія кн. на столъ и въ поклоненіи его—«басмѣ». Существованіе басмъ не подлежитъ сомнѣнію, но что такое басма? Во всякомъ случаѣ, это не изображеніе хана, потому что она появилась въ эпоху мухаммеданства З. орды, когда изображенію человѣка воспротивились бы придворные улемы. Тѣмъ не менѣе, басма служила воплощеніемъ идеала величія одной стороны и приниженія другой. Самое названіе ея обозначало—украшеніе въ видѣ аграмантовъ или обвязей, но что она украшала? Не оттискъ-ли на воскѣ, или отпечатокъ на ткани руки хана? Въ этой догадкѣ нѣтъ ничего невозможнаго, потому что ханы и эмиры ср. Азіи и теперь изображаютъ на своихъ побѣдоносныхъ знаменахъ кисти рукъ со стихами корана, предвѣщающими побѣду надъ невѣрными. Этой рукѣ—хотя есть указаніе, что басма служила отпечаткомъ ноги—долженъ былъ совершить торжественное поклоненіе кн. передъ лицомъ своихъ под-

данныхъ. Басмы присылались обыкновенно вновь вступившимъ на престолъ ханомъ и поклоненіе ей служило присягою данниковъ. Впрочемъ в. кн. возводились на столъ дважды—въ ордѣ и въ стольномъ городѣ. Въ ордѣ они получали мечъ и ханскую лошадь. Бирючи громогласно возвѣщали народу о высокой милости хана, даровавшаго такому-то ставленнику великокняжескій санъ. Въ стольномъ же городѣ ханскіе послы, въ присутствіи бояръ и знатнаго духовенства, вычитывали передъ басмою ханскій ярлыкъ, о чемъ бирючи также возвѣщали народу. Всѣ эти услуги ханскихъ вельможъ требовали подарковъ. Подъ ноги посла постилали роскошный мѣхъ.

Не менѣе важнымъ признакомъ подданства служили обязательныя молитвы духовенства о здоровьи хана и его семьи. За отправленіе хотби духовенство покоренныхъ странъ получало широкія льготы.

Наравнѣ съ хотби, ханы цѣнили право выпускать монету съ своими именами, поэтому монетный дворъ былъ только однимъ изъ дворцовыхъ учрежденій. Даже авантюристъ, продержавшійся на войлокѣ власти двое-трое сутокъ, стремился оставить по себѣ монетку съ своимъ именемъ и съ восхваленіемъ своего правосудія и благочестія. Булгарскій монетный дворъ не затруднился передѣлать среднеевропейскіе талеры на динары и теньги, послѣ чего З. орда открыла уже собственной дворъ въ Шери-Сараѣ и содержала въ продолженіе своего существованія до пятнадцати монетныхъ фабрикъ въ болѣе выдававшихся городахъ ея улусовъ.

Потакая ордынской слабости, рус. кн. выпускали монету, въ теченіе цѣлаго почти столѣтія, съ двойнымъ штампомъ. Для внутреннихъ потребностей, монета ихъ имѣла одинъ рус. штемпель, а для «выходной дани»—и рус. и татарскую надписи. На одной сторонѣ можно было видѣть человѣческую голову съ плетеною косою, а на другой—всадника съ соколомъ на кулакѣ. На одной сторонѣ именовался «князь всеа Руси», а на другой— «справедливый Кая-ханъ». Даже дальнія страны, какъ Египетъ, и тѣ старались угодить чингисидамъ и тимуридамъ и посылали имъ монеты своего чекана съ ихъ именами.

Страсть къ монетному дѣлу доходила въ З. ордѣ до того, что работа не прерывалась и во время перекочевокъ. Выпущенная въ это время монета помѣчалась битою въ «Ордѣ». Монета выпускалась изъ серебра и мѣди.

Въ знакъ своей лойяльности, Батый и первые его пріемники выпускали монету съ именами хановъ, но потомъ золотоордынцы предпочли выставлять собственныя имена, какъ самовластныхъ повелителей. Монеты изъ серебра носили названіе «денгъ», перешедшее въ общее именованіе рус. денегъ и въ нынѣшнюю «теньгу» ср. Азіи. Мѣдные «пулъ» служатъ и до сихъ поръ прототипомъ нынѣшней азіатской чеки, представляющей кусочекъ металла безъ опредѣленной формы и съ кое какими начертаніями. Въ первоначальную эпоху жизни орды, когда мусульманство начинало еще только обнимать ее своими попечительными заботами, на монетахъ видны изображенія животныхъ, птицъ, рыбъ и цвѣтовъ. Карась и стерлядь, павлинъ и пѣтухъ, левъ, тигръ, собака и верблюдъ служили, очевидно, геральдическими знаками властелиновъ, выпускавшихъ монету. Властелины, болѣе склонные къ размышленіямъ, украшали монеты соломоновою печатью, или нравственными изрѣченіями. Иногда монеты пріурочивались къ событіямъ, въ родѣ войны съ Персіей, послѣ которой явилось изображеніе льва и солнца. Случалось, что монетные мастера копировали иностранныя издѣлія, чѣмъ только и можно объяснить изображеніе двухглавой птицы, геральдическаго знака Византійской имперіи. Наконецъ и такая важная, по размѣрамъ фантазіи, птица, какъ Симургъ-Анка не могла быть забыта въ Сараѣ. По сказаніямъ аравитянъ, птицу эту никто не видѣлъ и она никогда не садится на землю, но если тѣнь ея осѣнитъ чью либо голову, то счастливецъ сейчасъ-же сдѣлается богачемъ. Если-же Симургъ коснется головы человѣка крыломъ, то ему не будетъ иного мѣста, какъ на престолѣ. Птица эта долговѣчна и сильна до того, что слоны почитаютъ ее своею госпожею.

Замѣчательно, что ордынскіе ханы, какъ впрочемъ впослѣдствіи и тимуриды, страдали маніею правосудія. Пріятно было титуловаться—сегодня славою, а завтра красотою вѣры, но еще пріятнѣе было признавать себя правосуднымъ ханомъ. Ханъ, взошедшій на престолъ по теплому трупу своего предшественника, торопился выпустить тотчасъ-же монету съ своимъ именемъ и титуломъ: «Верховный, правосудный ханъ, да продлитъ Аллахъ его царствованіе»!

Съ теченіемъ времени, медленно, но неудержимо, монголы растворились въ татарскомъ элементѣ, который взялъ верхъ, между прочимъ и грамотностью, надъ коренною Монголіею. Поэтому

должностныя лица орды выбирались преимущественно изъ тата
скихъ племенъ, и рус. народъ, отбросивъ во всѣхъ своихъ ска
ніяхъ и пѣсняхъ монголовъ, занялся одними «злыми татарам
Здѣсь сказалась великая народная мудрость: кому больше да
тотъ и долженъ расплачиваться передъ народомъ и исторіею. В
случаи, въ которыхъ орда—«избиша», «изсѣкоша», или «пожгош
приписывались лѣтописцами злымъ татарамъ, такъ какъ они, рыс
за данью или наблюдая за повиновеніемъ кн., направляли проти
непокорныхъ и строптивыхъ и стрѣлы, и палицы, и огонь м
гольскихъ ратниковъ.

Тѣ же татары являлись въ рус. землѣ и въ качествѣ тор
выхъ гостей, которыхъ приходилось кормить и окружать забота
Они приводили на продажу лошадей.—«А съ нимъ»—говорил
о приведенномъ на продажу табунѣ—«шестьсотъ человѣкъ, ко
кормили.... а коней съ ними продажныхъ было болѣе сор
тысячъ».

Наконецъ коранъ вытѣснилъ, мало по малу Яса-На
хотя жизнь все еще продолжала идти въ ордѣ по теченію, нап
вленному в. монголомъ. Огонь продолжалъ оставаться въ прежне
почетѣ, а третье банкротство или невозвращеніе хозяину найд
наго на дорогѣ вьюка наказывались смертью. Корану не предсто
впрочемъ труда смягчать въ отношеніи къ иноземцамъ сердца м
головъ, такъ какъ мусульмане и сами допускали коренное раз
чіе въ поступкахъ по отношенію къ внутреннему быту и
врагу. Въ своемъ личномъ обиходѣ, они никогда не скверно
вили, чуждались ссоръ, избѣгали дракъ, сутяжничества, уважа
своихъ женщинъ и охотно помогали другъ другу. Не так
были—одинаково и монголы и татары—по отношенію къ врага
которыми считались всѣ чужіе люди. Въ этомъ направле
добрыя качества татаро-монгольской души покрывались нравств
ною чернотою: вѣроломствомъ, обманомъ, жестокостью и прит
неніемъ слабаго.

Эти свойства ордынцевъ пали тяжелою плитою на плечи р
народа, задержавшаго бѣгъ орды въ западную Европу. Мысл
покореніи западной Европы замерла въ ордѣ, какъ-то, сама собо
Можно думать, что боязнь оставить у себя за плечами готовившу
пробудиться рус. силу, устрашала орду настолько, что она рѣш
довольствоваться перекочевками отъ Кавказа до нынѣшней Каза
безпрерывною охотою, дешевизною опьяняющихъ напитковъ,

быткомъ плѣнницъ, коневодствомъ и выжиманіемъ даней. При этомъ раздольѣ, ханы поддерживали свое величіе кровавыми расправами съ кн. и благоволительными грамотами святителямъ, озабочиваясь только взаимными счетами, въ которыхъ джучиды старались взять верхъ надъ гулагидами, а гулагиды надъ джагатаидами.

Во всякомъ случаѣ, груды костей рус. народа несомнѣнно задержали монгольскаго коня, по крайней мѣрѣ до времени, когда въ средѣ самихъ чингисидовъ возникли мятежи, междоусобія и расколы. Періодъ подневольнаго состоянія Руси длился болѣе двухъ столѣтій. Тяжесть его испытали на себѣ всѣ рус. люди, начиная отъ сельчанина и оканчивая князьями и іерархами.

XXII.

ДАННИЧЕСТВО И ПОЛОНЪ РУССКАГО НАРОДА.

(XIII—XIV стол.).

Жестокое отношенiе орды къ рус. народу облегчалось въ значительной степени тѣмъ, что она не затрогивала и не угнетала его религiю, довольствуясь въ этомъ отношенiи только внѣшними признаками своего властительства. Точно также она не вмѣшивалась и въ кн. распорядки по управленiю землею, за исключенiемъ фискальной части, верховнаго ставленничества князей и суда надъ ними.

За то фискальную часть орда развила до широкихъ размѣровъ и поставила ее на основательную и даже научную по тому времени почву. Опасаясь утайки податей, она произвела—вслѣдъ за своимъ основанiемъ—первую въ рус. княжествахъ народную перепись. Одно духовенство было избавлено отъ нея: «не чтопа... тѣхъ, кто зритъ на Господа Бога и на пречистую Богородицу... и служитъ Божiимъ церквамъ».—Такъ переводили въ монастыряхъ благоволительные имъ ярлыки.

Перепись дала ордѣ возможность узнать не только о числѣ подвластнаго ей народа, но и объ имущественномъ его положеніи, такъ какъ между численниками и писчиками были и скотосчетчики. Податные списки, извѣстные подъ именемъ «дифтерныхъ» записей, велись по десяткамъ и сотнямъ избъ, раздѣленныхъ впослѣдствіи для надзора между агентами баскаковъ. Разумѣется, перепись внесла въ народную массу чрезвычайную тревогу. Болѣе нервные люди распространяли даже слухи, что послѣ переписи прійдутъ изъ орды печатники и будутъ выжигать клейма на плечахъ у христіанъ. При этой страшной вѣсти, народъ бѣжалъ въ лѣса, которые въ ту пору были еще такъ дремучи, что змѣѣ не находилось прохода. Въ лѣсахъ жилось не дурно, особенно тѣмъ, кто былъ умудренъ строительнымъ дѣломъ. Тамъ можно было прожить въ тишинѣ и спокойствіи и до конца вѣка. Такимъ бѣглецомъ, укрывавшимся отъ татарскаго клейма, былъ и костромичъ Ивашка Сыровяткинъ, котораго можно счесть за прототипъ многаго множества Сыровяткиныхъ того времени, стонавшихъ подъ тяжестью подъяремнаго положенія. Ивашкамъ приходилось тогда скрываться въ лѣсахъ не отъ однихъ татаръ, но и отъ княжаго двора и отъ княжой семьи. Но зная даже и по послышкѣ о «Словѣ» Даніила Заточника, каждый Ивашка зналъ по опыту, что «тіунъ князя—яко огонь и рядовичи его—яко искры».

Онъ зналъ также, что в. кн. ходитъ на поклонъ къ главному баскаку, къ этому намѣстнику хана, отъ котораго зависѣло нерѣдко спокойствіе цѣлыхъ областей. Главный баскакъ, завѣдуя всею политикою хана въ его рус. улусѣ, участвовалъ въ назначеніи кн. и принималъ мѣры къ выжиманію дани. Въ его распоряженіи состояли низшіе баскаки и темники, съ ихъ немилостивыми воями и посыльными людьми.

Если Ивашка могъ только слышать о существованіи главнаго баскака, то волостныхъ, городныхъ и сельскихъ онъ могъ и знать и видѣть. Эти раскладывали подати, принимали присяги и производили народную перепись. Впрочемъ даньщики и писчики находились еще ближе къ народу и, въ качествѣ уже исполнительныхъ чиновниковъ, стояли неподалеку отъ кармана и личности плательщика. Въ такомъ-же близкомъ единеніи находились и таможники, но съ этими вѣдались по преимуществу купцы, тогда, какъ заставщики и заказники сидѣли на дорогахъ и мостахъ, не давая проѣзда и прохода безъ дачи имъ мытныхъ и проѣздныхъ пошлинъ.

Ханская охота ложилась на рус. людей тоже не малымъ бременемъ. Ханскія власти выѣзжали на охоту въ сопровожденіи громадной свиты изъ ловцовъ, сокольниковъ, пардусниковъ, побережниковъ и лодейщиковъ. Каждый служитель ханской охоты имѣлъ право охотиться по всѣмъ лѣсамъ и р.р. рус. земли, не спрашивая ничьего согласія. Они могли брать въ свою пользу всѣ орудія охоты, а Ивашка и всѣ его собратья обязаны были выходить на облаву и въ загонщики. Во все время охоты, сельчане кормили ловцовъ, ихъ лошадей, собакъ и ловчихъ птицъ... Но и лѣсъ не оберегалъ Ивашку отъ встрѣчи съ татарскою силою. Впрочемъ онъ всетаки могъ бы жить и дышать, если-бы зналъ кому онъ принадлежитъ. На этотъ именно счетъ мнѣнія были различны, такъ какъ Русь тогда еще не размежевалась какъ слѣдуетъ. Спасо-Ефиміевскій монастырь считалъ Ивашку своимъ работничкомъ и требовалъ съ него посильной дани: въ грибное время—груздями и боровиками, а въ остальную пору года—маломѣрными щуками, хотя-бы по одной рыбешкѣ черезъ каждыя три пятницы. Бояринъ Путята считавшій Ивашку своимъ черносошникомъ, обложилъ его тремя тетеревами къ своему боярскому столу. Какъ-то сбоку притесался къ Ивашкѣ ледащій бояринъ Святоша, которому тоже хотѣлось получить хотя бы по лисьему хвосту на опушь. Въ кн. казну нужно было нести по двѣ бѣличьихъ шкурки, да такихъ, чтобы звѣрьки были биты въ голову, а не въ бокъ. Еще что-то требовали на «выходное» татарамъ, на выкупъ полонянниковъ и въ казну Митрія-Преполитаго.

Ивашка всѣхъ удовлетворялъ и только противился боярину Святошѣ, какъ по неимѣнію лисьего хвоста, такъ и по сущей христіанской совѣсти, не дозволявшей человѣку быть рабомъ множества господъ. За эту дерзость Ивашка былъ «окровавленъ деревомъ» и получилъ рану, но безъ увѣчья, за что однако бояринъ Святоша очень поплатился. По владычному суду онъ принужденъ былъ заплатить Ивашкѣ гривну,—не малую сумму,—особенно въ то время, когда еще рус. люди имѣли о гривнѣ слабое понятіе.

Эту гривну Ивашка вмазалъ въ подпечье, въ чемъ ему помогали жена Аѳонасьевна и сынишка Василекъ. Семья Ивашки была дружная. Аѳонасьевна и по повадкѣ и по нѣжному круглому лицу годилась-бы и въ горожанки, но своего лѣсовика она любила всѣми душевными помыслами.

Запрятавъ въ подпечье счастливо полученную гривну,

Ивашка—веселый и счастливый—крикнулъ Василька, чтобы пройтись по завѣтнымъ мѣстамъ: къ озеру, гдѣ былъ налаженъ вентеръ на рыбу и на опушку, гдѣ былъ ловко прикрытъ натянутый капканъ. Отецъ съ сыномъ шли перелѣскомъ. Въ такое чудесное утро, когда запахъ отъ распустившихся березъ могъ поджнвить и мертваго, Васильку было не до степенной походки. Вся душа у него вертѣлась колесомъ, онъ и дудилъ и свистѣлъ и пошвыривалъ камешками въ бѣлокъ, дразнившихъ его своими полетами съ ели на ель. Но вотъ зоркій глазокъ Василька уперся въ какой-то странный предметъ, одиноко лежавшій на дорогѣ. То была «перстатая» рукавица съ пятью пальцами, вышитая узорочьемъ, съ фигурою кречета на тыльной сторонѣ.—«Видно злые татары охотятся неподалеку»—мрачно замѣтилъ Ивашка, когда Василекъ подалъ ему свою находку,—не посѣтили-бы они нашу хибарку!»—Перчатку, хотя она была и красивою и цѣнною вещью, Ивашка не взялъ съ собою и отбросилъ въ сторону.—«Татаринъ-де воротится съ поискомъ, а съ нимъ и жизни радъ не будешь!»

Навстрѣчу Ивашкѣ показался изъ-за лѣса монастырскій служка тотъ, что приходилъ къ нему черезъ каждыя три пятницы съ коробкомъ за рыбою. Дальше они отправились къ озерку втроемъ, разсуждая по дружески: откуда могла попасть такая вещь, какъ охотничья татарская перчатка, приснаровленная къ держанію кречета на рукѣ? Служка, однако, довольно равнодушно отнесся къ этому явленію, такъ какъ никакой татаринъ не посмѣлъ бы учинить монастырю непріятность. Татаринъ могъ невозбранно охотиться и въ монастырскомъ лѣсу, но поохотившись—отойти къ себѣ съ честью, безъ обиды.

Вентеръ вполнѣ порадовалъ на этотъ разъ сердце Ивашки. Онъ не только могъ расплатиться съ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ, но и себѣ могъ оставилъ мелкоты на уху.

Порадовали Ивашку и силки: въ нихъ трепыхались прихваченные за лапки—туруханчикъ и рябецъ, вполнѣ пригодные для боярскаго стола. На кухнѣ боярина Путяты можно было сговориться и сдать обѣ птицы хотя-бы за одного тетеря, что было-бы уже не малою подмогою въ податяхъ. Одинъ только капканъ сплоховалъ, да и то, судя по тому, что лучокъ соскочилъ со стержня, была въ немъ ловитва, да можетъ большой звѣрь покормился какою-нибудь неосторожною тварюшкою. Поправивъ силки и настороживъ лучокъ, Ивашка рѣшилъ, что пора повернуть домой. Въ другой

день онъ долго еще пробылъ-бы въ лѣсу, потому что бѣлки играли точно на заказъ и распустивъ хвосты перелетали птицами съ вѣтки на вѣтку. Неосторожныя драчуньи забывались до того, что падали о земь и легко-бы могли попасться подъ удачный швырокъ камнемъ, но сегодня сердце Ивашки било почему-то тревогу—и не напрасно.

Поторопливаясь возвратиться въ избушку, онъ услышалъ сильный конскій топотъ, который могъ исходить отъ большой ратной силы. Здѣсь уже было все равно:—княжеская ли шла дружина или скуластые вои, а лучше было спрятаться въ лѣсную чащу. Василекъ подумывалъ не вскарабкаться-ли ему векшею на дерево, но вспомнивъ, что отецъ не въ состояніи совершить такой подвигъ, продолжалъ идти большою дорогою. Перчатка осталась на прежнемъ мѣстѣ. Не успѣли они пройти и сотни шаговъ, какъ изъ чащи вынырнула толпа татарскихъ конниковъ, составлявшихъ ловецкую свиту важной особы, что было замѣтно по сворамъ собакъ и по кречетамъ съ золотошитыми колпаками.

Сыровяткины кинулись было въ придорожный орѣшникъ, но нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ общей группы и подскакавъ къ нимъ начали бесѣду съ того, что высоко подняли свои ногайки. Потомъ они быстро заговорили по-татарски и показывали себѣ на руки. Если-бы Ивашка и Василекъ не оторопѣли, все обошлось-бы благополучно, но страхъ затемнилъ у нихъ всякое соображеніе. Очевидно, татары искали перчатку своего господина. Вмѣсто того, чтобы показать гдѣ она лежитъ, Ивашка покачалъ отрицательно бородой и перекрестился, будто онъ стоялъ передъ своимъ братомъ, христіаниномъ. Шустрому Васильку тоже не вспала на умъ проклятая перчатка. Его ошеломили горделивая осанка татаръ и богатство ихъ уборовъ, начиная отъ сабель и колчановъ до узорочной тюбетейки и голубого цвѣта калошъ.

Ловцы видимо торопились. Поболтавъ немного по своему и помахавъ ногайками, они, точно сговорившись, схватили и вскинули Василька на лошадь. Ивашка бросился было выручать сына, но татары сбили его ногайками съ ногъ и ускакали вдаль, по лѣсной дорогѣ. Слышно было, что Василекъ кричалъ:—«Дяденька, мы монастырскіе!» Но вскорѣ смолкли и топотъ лошадей и крикъ Василька и бѣдный Ивашка, похрамывая отъ боли, поплелся въ свою лѣсную чащу.

Здѣсь его встрѣтило не меньшее горе. Не дойдя еще до мшанника, онъ услышалъ причитанье Аѳонасьевны, точно она провожала

въ могилу родное дитя. Но вотъ и она сама—простоволосая, истерзанная, исцарапанная! По ея круглому степенному лицу шли кровавыя полосы отъ чьихъ-то безстыжихъ ногтей и эти ногти прошлись видно и по шеѣ, а можетъ ниже. Куда дѣвалась и краска на ея лицѣ и ясный взглядъ ея добрыхъ голубыхъ очей. Аѳонасьевна напоминала теперь бабу, которую насильно оторвали отъ корчаги съ крѣпкимъ медомъ.—«Прости, отецъ, не повинна я, видитъ Богъ не повинна!» завопила она, распростершись на землѣ передъ мужемъ—«не поняла я поганой ихъ брехни и ужь такъ обомлѣла, что и не знаю какъ показала имъ на подпечье. Быстро это они выковыряли свѣжую глину и изымали кубышечку съ гривною. Да, видно, подлымъ мало показалось и еще чего-то требовали... а я обезпамятила... а который старшой тотъ полѣзъ съ поцѣлуемъ... я царапнула по его поганымъ зенькамъ... а онъ... а я... а потомъ...» Аѳонасьевна залилась горючими слезами и какъ обезумѣвшая твердила:—«Не повинна я, вотъ какъ передъ Богомъ и передъ святою Богородицею!»

Все рушилось въ этотъ злосчастный день на голову бѣднаго Ивашки! Утромъ онъ и не думалъ о татарахъ, которымъ и дороги не было къ его мшаннику, а теперь разомъ все пропало: сына уволокли въ полонъ, гривну выкрали и Аѳонасьевну изобидѣли! Вотъ она лежитъ и не знаетъ годится-ли ей голосить въ минуты такой горестной муки.—«Постегалъ-бы ты меня!» предложила она мужу съ ясною цѣлью облегчить его горе.—«Можетъ тебѣ родимый полегчаетъ?»—«Не дѣло говоришь! Неча стегать, когда всѣ подъ татариномъ ходимъ!» разрѣшился наконецъ Ивашка послѣ тяжкаго раздумья.—«Василька нашего изымали—вотъ это большое горе и не избыть его до гроба. Въ орду его поведутъ, въ полонъ, а тамъ заставятъ пить кобылье молоко да пырять ножомъ въ крестьянскую-же душу... вотъ это такъ Божья кара и нѣтъ горше ея на свѣтѣ!»

При этомъ извѣстіи, Аѳонасьевна приподнялась съ земли и, оставаясь все еще на колѣняхъ, точно забыла и про кубышку съ гривною и про все то прочее, вымолвила:—«Да вѣдь мы монастырскіе?»—Здѣсь и на Ивашку нашло просвѣтлѣніе.—«А и впрямь, монастырскіе!» сообразилъ онъ, отодвигая шапку на затылокъ.—«Какое такое право насъ тиранить? Ежели мы доберемся до владыки, такъ наше дѣло не пропащее. Аѳонасьевна, собирай коробокъ и поплетемся, а тамъ, въ монастырѣ разсудятъ, тамъ этому самому

собакѣ ярлыкомъ носъ утрутъ. Аѳонасьевна, живо!»—Но
насьевнѣ какъ будто еще хотѣлось вызнать, прощена-ли
сама?—«Прости отецъ!» припала она къ ногамъ Ивашки. «
въ этомъ дѣлѣ вины моей, попомнитъ-же и онъ меня собак
«Ну что про то говорить! Извѣстно, собака съ цѣпи сорвал
а твое дѣло бабье, гдѣ-же справиться! Вѣдь не доброю волею
это дѣло, а силкомъ...»

Пока Сыровяткины собирались въ дорогу, послышался
комый топотъ Василька по лѣсной тропѣ, и дѣйствительно,
бѣжалъ, да такъ быстро точно у него за плечами мчалась
сила басурманская.—«Отпустили!» кричалъ онъ еще издал
«Это они поганые воззрились за перчатку, а когда я пока
гдѣ она лежитъ—отпустили!...» Возвращеніе Василька здра
и невредимымъ было такъ дорого обоимъ Сыровяткинымъ,
они позабыли и о пропавшей кубышкѣ съ гривною и объ об
нанесенной татариномъ-собакою. Аѳонасьевна занялась даже
чистою совѣстью и бодрымъ духомъ, приготовленіемъ ух
Василекъ побѣжалъ съ туруханчикомъ и рябцомъ ко двору
рина Путяты съ просьбою принять ихъ за тетерева. Къ ве
просвѣтлѣлъ и самъ Ивашка и только, будто ради закрѣпы
дѣла посовѣтовалъ женѣ:—«Про все то прочее помалкиват
по людямъ зачѣмъ же благовѣстить?»

На этомъ и окончился день изъ жизни подъяремнаго Ив
Сыровяткина. Таковы были въ ту пору и горести и радости
гихъ и многихъ тысячъ рус. народа, ходившаго подъ татари
какъ подъ нависшею тяжелою каменною глыбою.

Еще по окончаніи первой переписи, ханъ вручилъ находи
муся въ ордѣ в. кн. Ярославу податную запись съ приглашен
относиться аккуратно къ интересамъ ордынской казны. Впос
ствіи, подобныя же податныя записи вручались каждому кн.
утвержденіи его на княженіе. Первоначально, дани не были
бенно тяжелы, но потомъ, по мѣрѣ развитія роскоши въ о
онѣ ложились непосильнымъ бременемъ на народъ, которому
ходилось идти въ кабалу къ богачамъ, чтобы не попасть
недоимки въ рабство. Первоначально, даньщики сами явля
за податями, но потомъ ханы предпочли откупные порядки, ч
воспользовались евреи, армяне, бухарцы и жители Хорезма. От
щики однако оказались выжимателями еще хуже баскаковъ,
вело иногда къ возстаніямъ ограбленныхъ людей. Извѣстны

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ОБЫСКЪ ВЪ ЛѢСУ.

чаи, когда нѣсколько городовъ сходились на общее вѣче противъ бесерменъ. Вообще же ненависть къ выжимателямъ доходила до того, что ихъ вметали въ огонь, за что и расплачивались потомъ и кн. и ихъ области.

Десятинная дань была всеобщею податью и главнымъ источникомъ рессурсовъ ордынской казны. Ради нея народная перепись производилась неоднократно. За десятинною данью шли пошлины съ товаровъ, извѣстныя подъ названіемъ—«тамги», напоминающія нынѣшнія таможенныя пошлины, при чемъ пломба замѣнялась тамгою—печатью. Не мало сборовъ доставлялъ «мытъ», который теперь былъ бы названъ заставною пошлиною съ провозныхъ товаровъ. Далѣе, одно перечисленіе сборовъ приводило въ ужасъ особенно людей, имѣвшихъ неосторожность селиться неподалеку отъ большихъ дорогъ. Здѣсь населенію приходилось держать «ямъ», гонять подводы и доставлять кормъ проѣзжимъ ордынцамъ всѣхъ ранговъ и родственникамъ хановъ и ихъ конямъ. Содержаніе дорогъ выполнялось натуральною повинностью. Воинская повинность отбывалась и ратниками въ натурѣ и денежнымъ налогомъ. Натурою и деньгами расплачивался также рус. народъ на ханскую ловитву, караулы, почестья, поминки, на съѣздное и мимоѣздное, шедшее въ пользу пословъ и баскаковъ. Каждую проданную лошадь приходилось «пятнать»—платить пошлину за наложеніе клейма. Каждая лодченка, пристававшая къ берегу платила побережное, а все вывезенное на торгъ оплачивалось явленными пошлинами. Впослѣдствіи три тягла платили двѣнадцать золотниковъ серебра, а Москва платила 7.000 тогдашнихъ рублей и, кажется, не разъ въ годъ, а по веснѣ и осени. При оскудѣніи же ханской казны, нарушались и привилегіи духовенства, такъ что митрополиту Өеогносту, обвиненному въ томъ, что при большихъ сборахъ съ своей паствы, онъ относился къ ордѣ со скупостью грека, составлявшаго себѣ состояніе, пришлось выкупить ярлыкъ за шестьсотъ тогдашнихъ рублей. Понятно, что сборщики даней не забывали вознаграждать и свои труды, такъ какъ непристойно же было имъ возвращатьcя въ свои ордынскіе шатры, съ пустыми переметными сумами!

Достойно однако вниманія, что фискальные агенты имѣли право забирать недоимщиковъ въ рабство и даже, при ослушаніи, прирѣзывать ихъ, но не имѣли права подвергать ихъ истязаніямъ. Кнуты и цѣпи не составляли у нихъ средства для выжиманія дани. Эта яркая черта не стушевалась и въ правленіе тимуридовъ,

когда бекъ, предпочитавшій кнутъ своему уму, считался недос
пымъ своего положенія. Поэтому, едва ли справедливо приписы
правежъ, когда полосовали гибкими прутьями икры людскихъ н
татаро-монгольскому измышленію. При всемъ томъ, вымогат
ства ордынскихъ податныхъ сборщиковъ и особенно откупщик
возбуждали по временамъ въ сердцахъ смиренныхъ данник
ожесточенную ярость. Наиболѣе памятный протестъ противъ нас
былъ поднятъ людьми ростовской земли. Не прошло и десяти л
послѣ народной переписи, какъ ростовцы, условившись съ д
гими городами, «созвониша вѣчье» и воздвигнули на бесерм
великое гоненіе. По этому сигналу поднялись Владиміръ, Сузд
Переяславль и Ярославль, которые не оставили у себя и слѣд
пребыванія ордынцевъ. Орда имѣла однако у себя въ зап
талантливаго по тому времени администратора Котлубея, являв
гося обычно усмирителемъ протестантовъ. Котлубей явился
на этотъ разъ въ ростовскую землю и, какъ нужно дум
съ внушительнымъ числомъ монгольскихъ всадниковъ. При эт
монахъ Зосима принялъ на себя неблагодарную роль примирит
за что и понесъ тяжелую кару. Онъ былъ и ранѣе того на д
номъ счету у горожанъ—«бѣ бо пьяница и студословецъ,
празднословецъ и кощунникъ»—а въ роли защитника ордынц
онъ былъ уже заподозрѣнъ въ отреченіи отъ Христа. Зос
убили въ Ярославлѣ.—«И бѣ тѣло его ядь псомъ и враномъ».

Первый протестъ ростовцевъ не былъ послѣднимъ. Подни
лись также и Ярославль и Владиміръ и Кострома, но орда им
всегда на готовѣ и войска и администраторовъ-усмирителей, п
шавшихъ бунты опытною рукою и наводившихъ потомъ на гор
и кн. «великую истому».

Сборъ дани натурою былъ не всегда удобенъ, тѣмъ бол
что хлѣбъ считался въ ордѣ только побочною пищею. Въ пер
время господства орды, пока не появились на Руси металличе
деньги, дани собирались «кунами», «мордками» и «рѣзями». Так
образомъ, въ орду шли цѣлые караваны и съ пушниною,
съ кадями муки и меда, и съ сундуками, наполненными всяк
цѣннымъ добромъ.

Потребности ханскаго двора росли между тѣмъ все шир
шире, такъ что, ради извлеченія большихъ выгодъ, пришл
подумать не замѣнить-ли рус. кн.—даругами? Вѣроятно, въ в
опыта, изъ орды явился въ Тверь посолъ Щелканъ, заявив

о своемъ намѣреніи «сѣсти на княженіе». Опытъ оказался однако неудачнымъ и окончился тѣмъ, что тверичи истребили все посольство до послѣдняго человѣка. Самъ Щелканъ былъ загнанъ въ подожженный домъ и—«сгорѣвъ пропаде».

И всетаки, какъ ни тяжелы были дани и повинности, но тяжелѣе ихъ была неволя—въ средѣ бесерменъ, зараженныхъ высокомѣріемъ и считавшихъ черносошный народъ дешевле рабочаго скота. Въ неволю попадали многими путями: въ видѣ военноплѣнной толпы, по рекрутскому набору, за ослушаніе и недоимки и просто захватомъ дѣвушекъ и женщинъ, вышедшихъ безъ охраны и опасенія за околицу. Живая и по нынѣ пѣсня упоминаетъ о «мыладомъ турчинѣ», который, получивъ, при раздѣлѣ плѣна, старую женщину, привелъ ее въ спаленку къ молодой женѣ:

«Жена моя боярыня,
«Привелъ тебѣ служаночку
«Служаночку полоняночку....

Дочь узнала въ полоняночкѣ родную мать. Видно молодая свыкнулась съ своимъ положеніемъ, иначе она не сказала бы матери:

«Скидай, мати, шубу старую,
«Надявай, мати, шубу новую,
«Бросай, мати, вѣру прежнюю».

Но старая христіанка не согласилась на перемѣну вѣры.

Попавшіе въ полонъ дѣти и юноши выростали тамъ, нерѣдко въ мужей и все-таки не мирились съ своею участью. Олонецкая былина сохранила и къ нашему времени воспоминаніе какъ «королевичъ изъ Кракова», не осиливъ тоску по родинѣ, бѣжалъ изъ орды. Случилось такъ, что Петрой Петровицъ королевскій сынъ, разъѣзжая по чистому полю, сразился однажды съ бѣглымъ поляничемъ, къ которому и приступилъ съ допросомъ: «Ты коей земли, да ты коей орды?» Поляничъ признался, что онъ королевскій сынъ Лука Петровицъ и что онъ:

«Увезенъ былъ маленькимъ робеноцькомъ,
«Увезли татары—ты поганые,
«Да й во ту во славну, во темну орду».

Тамъ онъ выросъ и:

«Повыѣхалъ на матушку Святую Русь,
«Поискать себѣ отца матушки....»

Братья спознались, и счастливо избѣжавшій плѣна королевскій сынъ успѣлъ таки повидать свою родимую, «честну вдову», которая накормила его «ѣствушкой сахарной и напоила питьемъ медвянымъ».

Вообще уволокъ ордынцами рус. женщинъ практиковался видимо въ большихъ размѣрахъ. Родная сестра Михаила Козаринова такъ объяснила ему—какимъ путемъ она досталась тремъ татарамъ, тремъ собакамъ наѣздникамъ:

«Я вечеръ гуляла во зеленомъ саду
«Со своею сударынею матушкою,
«Какъ издалеча, изъ чиста поля,
«Какъ черны вороны налетывали,
«Набѣгали три татарина наѣздника,
«Полонили меня красну дѣвицу,
«Повели меня во чисто поле....»

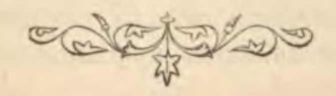
До какихъ размѣровъ доходило число полоняниковъ можно судить по тому, что одна Казань выдала послѣ нанесеннаго ей погрома шестьдесятъ т. ч., а одинъ изъ Гиреевъ возвратился въ Крымъ, послѣ набѣга на Россію, съ толпою въ сто т. ч.— «Дружба съ Москвою даетъ мнѣ только скромные поминки»— объяснялъ онъ свой захватъ съ цинизмомъ атамана разбойниковъ—«тогда какъ война обогащаетъ плѣнниками все мое ханство». Въ концѣ концовъ, онъ просилъ кн. Василія не присылать ему поминки стоимостью дешевле четырехсотъ плѣнниковъ.

Съ теченіемъ времени плѣнники обратились въ мѣновые знаки, которымъ хорошо знали цѣну въ ордѣ, а еще лучше въ Крыму, торговавшему ими съ азіатскими странами. Плѣнниковъ продавали оптомъ и въ раздробь съ правильно устроенными аукціонами. Литовцы считались по сравненію съ москвичами тупыми и менѣе хитрыми, а поэтому и болѣе выгодными рабами. На аукціоны съѣзжались и дальніе богатые ордынцы, не скупившіеся пріобрѣтать красавицъ, особенно умѣвшихъ пѣть и плясать, по очень высокой цѣнѣ. Случалось, что полоняниковъ изъ высшаго класса, не успѣвшихъ произвести на покупателей выгоднаго впечатлѣнія, привозили обратно въ рус. города съ предложеніемъ внести за нихъ окупъ. Если у кн. не было въ это время полоняничныхъ денегъ или плѣнникъ не встрѣчалъ сострадательной души, его везли обратно, но уже съ жестокимъ надругательствомъ. Мущинъ нерѣдко кастрировали и клеймили тамгами собственниковъ.

Выкупъ плѣнныхъ обратился наконецъ въ государственную задачу, надъ которою глубоко раздумывали и кн. и соборы и народъ. Есть указанія даже, что сборы на окупъ были приравнены къ подати съ раскладками на сохи, а когда накоплялось чрезмѣрное число полоняниковъ—производились экстренные сборы: «по монастырямъ, изъ келейныхъ денегъ побольше, а прочіе кому сколько можно дать по силѣ». Посланный съ этою цѣлью подъячій, собиралъ братію, или сестеръ, церковный причтъ и всякихъ людей и говорилъ имъ, что въ полону много рус. людей: дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ и всякихъ служилыхъ и торговыхъ и посадскихъ и всякихъ чиновъ людей и крестьянъ — и что они терпятъ за христіанскую православную вѣру великія муки и тѣсноту. Сборы на этотъ предметъ считались даяніемъ за спасеніе души жертвователя.

Тяготы полона не прекращались даже и при московскихъ государяхъ, такъ что дѣлами «о искупленіи плѣнныхъ» занимались и отцы Стоглава. Соборъ ихъ высказался за то, чтобы приводимыхъ въ Москву плѣнныхъ православныхъ христіанъ—греками, турками или армянами—считать свободными и окупать изъ царевой казны. Полоняниковъ, цѣловавшихъ въ ордѣ—понятно подъ давленіемъ и насиліемъ—крестъ на томъ, чтобы не бѣжать, соборъ повелѣлъ разрѣшать отъ клятвы и только накладывать на бѣжавшихъ эпитимію. Послѣдняя впрочемъ отличалась большою строгостью, Святые дары давались такимъ людямъ только при смерти.—«Лучше-бо умерети, а креста не цѣловати»!

Рус. земля стонала и изливалась въ слезахъ и горькихъ причитаньяхъ. Два вѣка не всходило надъ нею солнца и не сушило ея слезъ. Что же касается до воровскаго умыканія потомками чингисидовъ женщинъ, то оно прекратилось только наканунѣ XX-го вѣка. Аламанщики бывшаго Хорезма и Туркменіи выслѣживали еще такъ недавно казачекъ на оренбургской линіи и умыкали ихъ въ свои кочевья, вплоть до перехода Хивы въ вассальное передъ Россіей положеніе. Теперь гаремамъ ср. Азіи приходится уже довольствоваться однѣми чистокровными соотечественницами.

XXIII.

КОРЕННОЙ ЮРТЪ.

(VII—VIII-стол. мус. эры).

ервопріемнику Чингисъ-хана—Октаю понадобились: вмѣсто пастушескаго стойбища—столица, вмѣсто шатра—замокъ, вмѣсто малахая—корона и за кускомъ войлока власти—блистательный тронъ. Онъ уже не могъ довольствоваться одними военными чинами и волшебниками изъ Тибета. Если багадуры, какъ храбрецы, «таргу-джи», какъ хранители печати арміи и «биляргуджи», какъ коменданты двора, сохранили еще свое высокое положеніе, то за ними уже явились государственные секретари, церемоніймейстеры, фискалы, поэты мистики, астрологи....

Захудалую столицу кераитовъ, находившуюся на берегу р. Орхонъ, и извѣстную подъ названіемъ Хара-Хорумъ, онъ приказалъ обновить съ возможнымъ по его времени великолѣпіемъ. Недостатка въ ремесленникахъ, пригнанныхъ толпами изъ южныхъ странъ, не было. Они построили цитадель и крѣпкій земля-

ной валъ съ воротами на четыре страны свѣта. Впослѣдствіи, ходившіе на поклонъ въ коренной юртъ, русскіе кн., грузинскіе цари, венеціанскіе купцы и миссіонеры видѣли въ Хара-Хорумѣ множество храмовъ, не исключая и христіанской религіи. Ради показной пышности, возлѣ дворца находился колодезь, изъ котораго изливалась вода черезъ пасть серебрянаго тигра. Дворцовые звѣринцы были наполнены наиболѣе лютыми экземплярами животнаго царства. Но вскорѣ и Хара-Хорумъ оказался ниже достоинства в. хановъ и Кубилай перенесъ резиденцію въ Пекинъ.

Въ числѣ сокровищъ, оставшихся послѣ Чингисъ-хана, нашлось не мало коронъ, принадлежавшихъ султанамъ и царямъ побѣжденныхъ странъ. Одна изъ нихъ—наиболѣе, вѣроятно, блистательная—служила украшеніемъ и Октаю, когда онъ торжественно возсѣдалъ на тронѣ. Кромѣ коронъ Чингисъ-ханъ оставилъ еще своему наслѣднику такого геніальнаго администратора, какъ Ѣли-Чуцай и такого главнокомандующаго, какъ Субетай.

Послѣ курилтая, рѣшившаго вмѣстѣ съ избраніемъ в. хана, продолжать завоеваніе міра, Тули слѣдовало-бы отправиться въ свой улусъ и повторить походъ въ Индію, но онъ не могъ разстаться съ Октаемъ. Крѣпкая дружба братьевъ объясняется отчасти собутыльничествомъ, сгубившимъ ихъ обоихъ, хотя смерть Тули приписывается монгольскими легендами самопожертвованію, а вовсе не алкоголю. Если вѣрить имъ, то—во время войны съ гинами—Октай опасно заболѣлъ и уже готовился къ смерти, когда Тули потребовалъ, чтобы придворные волшебники заговорили извѣстнымъ образомъ воду, которую онъ и выпилъ, прося Небо и Землю принять его взамѣнъ брата. Небо и Земля вняли его просьбѣ. Октай выздоровѣлъ, а Тули умеръ, переживъ отца всего нѣсколькими годами.

Еще подъ пиршественными котлами курилтая догорали арголы, когда Октай повелъ войска противъ гиновъ. Въ ту пору императоръ гиновъ пытался отстоять свою независимость въ южной столицѣ—Бяни, куда проходы для враждебныхъ армій были крайне затруднительны. Образовавъ двѣ арміи, Октай повелъ сѣверную подъ своимъ начальствомъ, а южную, всего съ тридцатью тысячами всадниковъ, поручилъ Субетаю.

Сѣверная армія скоро окончила счеты съ имперіей Сунъ и выступила по труднымъ дорогамъ на соединеніе, возлѣ самой столицы Бянь, съ южною арміей. Быстрота монгольской конницы

превосходила всѣ слабыя средства защиты гиновъ, не рѣшившихся дать отпоръ ни въ попутныхъ крѣпостяхъ, ни въ полѣ. Мало того, часть войскъ изъ имперіи Сунъ явилась съ покорностью къ Субетаю и пошла противъ своихъ друзей и сосѣдей. О трудности-же перехода къ Бяни можно судить потому, что монголамъ приходилось питаться на этотъ разъ человѣческимъ мясомъ.

Гины, памятуя, что о пощадѣ со стороны побѣдителя не будетъ и рѣчи, заперлись въ Бяни и рѣшились на героическій отпоръ. Монголы-же, установивъ строгую и правильную осаду, озаботились, чтобы никто не ушелъ изъ осажденнаго города. Преслѣдуя эту цѣль, они построили собственную вокругъ города стѣну, что не стоило имъ труда, такъ какъ въ ихъ власти была толпа изъ плѣнныхъ горожанъ и поселянъ.

Осада затянулась. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали сотни катапультъ, забрасывая противниковъ каменными ядрами. Гины дѣйствовали уже и пороховыми приспособленіями—ракетами, гранатами, бомбами, а монголы отплачивали имъ огненными стрѣлами и прекращеніемъ доставки продовольствія.

По соединеніи сѣверной и южной армій, осаду Бяни повелъ Субетай, который завалилъ въ пятьдесятъ дней столицу и ея окрестности девятью стами тысячъ труповъ! Благодаря прекращенію подвоза припасовъ, въ столицѣ открылся историческій голодъ, такъ что къ концу осады были съѣдены жены, дѣти, старики и раненые. Кожанныя издѣлія пошли также въ пищу. Изъ человѣческихъ костей готовили бульонъ. Изрѣдка попадавшіеся сытые плѣнники шли ко двору на лакомыя блюда.

Приведенный въ отчаяніе, императоръ гиновъ повѣсился, а его столицѣ ничего не осталось какъ только перейти въ руки безпощадныхъ побѣдителей. Субетай потребовалъ было, согласно съ повелѣніями Яса-Намэ, поголовнаго истребленія уцѣлѣвшихъ ея защитниковъ, но Октай, по совѣту Ѣли-Чуцая, даровалъ жизнь ученымъ, художникамъ, мастеровымъ и чиновникамъ. За то ежегодная дань была увеличена до полумилліона ланъ серебра, полумилліона мѣшковъ риса и до восьмидесяти тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей.

Повторенный разгромъ гиновъ—былъ единственнымъ подвигомъ Октая, посвятившаго остальные годы своего властительства—охотѣ, пьянству и щедрой раздачѣ накопленныхъ отцомъ сокро-

вицъ. Послѣ неумѣренныхъ кутежей, у него нерѣдко «прерывался пульсъ»; тогда гаремъ призывалъ на совѣтъ Ѣли-Чуцая, которому приходилось быть поневолѣ и министромъ финансовъ и звѣздочетомъ и врачемъ. При одномъ изъ такихъ случаевъ онъ вспомнилъ свое происхожденіе и заявилъ, что повелитель не выздоровѣетъ, если не даруетъ амнистію всему царству гиновъ. Амнистія была дана—и в. ханъ выздоровѣлъ. Но еще одна гомерическая ѣда, еще одинъ колоссальный кутежъ и—послѣ четырнадцатилѣтняго управленія кореннымъ юртомъ—Октая не стало!

Въ управленіе кореннымъ юртомъ вступила энергичная вдова Октая Туракина-хатунъ. Желая сохранить юртъ своему сыну Гаюку, находившемуся въ ту пору въ ордѣ Батыя, она пренебрегла завѣщаніемъ мужа, назначившаго пріемникомъ другого сына Шилмыня, окружила себя фаворитами и стражею и велѣла созвать курилтай.

Она вступила даже въ неблагодарную борьбу съ Ѣли-Чуцаемъ, котораго хотѣла подчинить одному изъ своихъ фаворитовъ. Послѣдній пользовался такимъ значеніемъ въ юртѣ, что сопротивленіе ему угрожало обыкновенному человѣку лишеніемъ обѣихъ рукъ, но Ѣли-Чуцай сохранилъ свое достоинство, отвѣтивъ, что онъ управляетъ дѣлами по повелѣнію в. Чингисъ-хана и что освободить его отъ этой обязанности можетъ только новый, законно-избранный в. ханъ. Тогда явилось обвиненіе въ утайкѣ имъ государственныхъ доходовъ, но когда сдѣлали у него обыскъ, то нашли всего десятокъ любимыхъ имъ гуслей и нѣсколько ящиковъ съ книгами и гравюрами на металлѣ и камняхъ. Рядъ подобныхъ огорченій свелъ наконецъ Ѣли-Чуцая въ могилу, надъ которою никогда не исчезнетъ добрая о немъ слава.

Возведеніе Гаюка на тронъ отличалось необыкновенною торжественностью: главная часть церемоніала происходила въ шатрѣ, раскинутомъ на двѣ тысячи человѣкъ и окруженномъ двумя стами палатокъ для второстепенныхъ вельможъ и иностранцевъ. Даже такіе почетные гости какъ русскій в. кн., грузинскіе кн., послы халифа и шейхи сарациновъ—оставались за оградою курилтая. При этомъ ясно обозначилось паденіе курилтая, этого выразителя народной воли, такъ какъ въ избраніи в. хана участвовали исключительно нойоны, вельможи и преторіанцы. Они не успѣли возгласить: «мы повелѣваемъ тебѣ принять надъ нами власть»—какъ церемоніймейстеры подняли высоко свои жезлы съ красными

шарами—и избраніе совершилось! Вмѣстѣ съ Гаюкомъ возсѣла на тронъ и его старшая жена, что въ Монголіи было еще тогда невиданнымъ явленіемъ. Вообще высокомѣріе Гаюка равнялось только высокомѣрію его матери, что не обѣщало прежде всего З. ордѣ добрыхъ отношеній къ коренному юрту.

Батый былъ на сторожѣ. Онъ зналъ, что подъ предлогомъ довершить завоеваніе Европы, новый в. ханъ мобилизуетъ всѣ военныя силы Монголіи и направляетъ ихъ къ Шери-Сараю. Повидимому, коренной юртъ готовился уничтожить улусную самостоятельность З. орды, и включивъ ее въ свои предѣлы, повести уже за свой счетъ дальнѣйшее осуществленіе завѣщанія Чингисъ хана. Расчетъ этотъ однако не осуществился потому, что внезапная смерть уничтожила всѣ замыслы Гаюка. Кто прервалъ пульсъ его жизни—Небо, земля или, какъ можно думать, агенты Батыя?—Вопросы эти остались подъ покровомъ историческаго рока.

По смерти Гаюка, наступила усобица, длившаяся три года, когда наконецъ изъ З. орды явился поддерживаемый багадурами и туменями Батыя—Менгу, одинъ изъ восьми сыновей покойнаго Тули-хана. Считая курилтай лишнею процедурою, онъ принялся распоряжаться кореннымъ юртомъ какъ неотъемлемою отчиною. Прежде всего онъ сосчитался съ прямыми потомками Октая, составившими противъ него заговоръ, а потомъ распорядился женами и имуществомъ своего предшественника. Заговорщики, изъ уваженія къ ихъ высокому роду, были завернуты въ ковры и задушены безъ пролитія крови. Способъ этотъ вполнѣ охранялъ ихъ души отъ истязанія, такъ какъ по вѣрованіямъ той эпохи душа человѣка заключалась въ крови и нигдѣ болѣе. Второстепенныхъ заговорщиковъ задушили проще: рты ихъ наполнили камнями, чѣмъ и прервали ихъ пульсъ. Женѣ Гаюка и матери Шилмыня, заподозрѣннымъ въ волхованіи, приказано было умереть, а самого Шилмыня, заявившаго о своемъ правѣ на тронъ, отправили въ ссылку и заточеніе.

Менгу-ханъ провластвовалъ семь лѣтъ безъ пользы для Монголіи и со вредомъ для христіанства. При искорененіи рода Октая, онъ обвинилъ его въ намѣреніи охристіанить монголовъ, между тѣмъ Небо и Земля видимо покровительствовали Монголіи и благословляли оружіе ея воиновъ. Противъ послѣдняго доказательства трудно было спорить и посольству папы Иннокентія IV, ко-

торое возвратилось поэтому домой, нисколько не усиливъ здѣсь блескъ христіанскаго ученія.

Нельзя впрочемъ отрицать, что и Менгу-ханъ и его пріемникъ Кубилай-ханъ продолжали поддерживать на должной высотѣ оронгви в. хана. Менгу давалъ себя чувствовать, хотя-бы посредствомъ выдачи ярлыковъ такимъ отдаленнымъ данникамъ, какъ цари Арменіи и Грузіи. Армянскій царь Гетумъ принужденъ былъ отправиться къ в. хану съ просьбою о дачѣ ему ярлыка на царство. За нимъ однакожъ ревниво слѣдили турки, не одобрявшіе его сношеній съ ордою. Чтобы обмануть бдительность султана, царь переодѣлся въ простого путешественника и обнаружилъ себя только уже у горы Араратъ, куда доставили ему потаенно и платье и дары ордынцамъ. Царю хотѣлось выпросить льготы для своей страны, гдѣ монголы уже собирали подати—«не только по числу людей, но и по числу домовъ, нивъ, луговъ, рѣкъ, деревъ, возовъ, быковъ и коней». Далѣе онъ отправился черезъ г. Дербентъ, повидался съ сыномъ Батыя, который и направилъ его къ в. хану черезъ р. р. Яикъ и Иртышъ, въ Хара-Хорумъ, гдѣ онъ и увидѣлъ «хана Мангу, въ великой славѣ сѣдящаго». Получивъ ярлыкъ—разумѣется послѣ даровъ многихъ,—царь возвратился домой черезъ киргизскія степи, гдѣ онъ встрѣтилъ «людей дикихъ и наглыхъ и ихъ женщинъ съ большими отвислыми грудями». Дальнѣйшій путь его лежалъ черезъ Трансоксанію и по южному берегу Каспійскаго моря. На путешествіе понадобилось болѣе года, но оно увѣнчалось полученіемъ ярлыка съ льготами для армянской церкви.

Узнавъ о смерти брата, Кубилай взошелъ на престолъ въ какомъ-то темномъ, дальнемъ мѣстечкѣ юрта, не нуждаясь въ услугахъ курилтая. Возлѣ него нашлось достаточно преданныхъ людей, чтобы поднести ему государственный мечъ. Съ этого времени, курилтаи коренного юрта Монголіи обратились въ преданіе.

Кубилай отличался, по показаніямъ современниковъ, не одною личною отвагою, но и другими достоинствами, а главное стремленіемъ къ облагороженію своего трона. Слѣдуя династическимъ традиціямъ, онъ долженъ былъ, ради укрѣпленія за собою верховной власти, одержать надъ кѣмъ нибудь знатную побѣду съ большимъ числомъ убитыхъ противниковъ. Случай не заставилъ себя ожидать. Одинъ изъ нойоновъ, располагавшій нѣсколькими десятками тысячъ всадниковъ,—задумалъ было возмутиться противъ него и

съ этою цѣлью заключилъ союзъ съ недовольными вассалами. Мятежъ разростался, поощряемый между прочимъ и роднымъ братомъ в. хана Эрикъ-Бугой. Въ теченіе 20 дней, Кубилай-ханъ собралъ войска и выступилъ противъ мятежниковъ. Необыкновенно быстрыми переходами онъ успѣлъ предупредить соединеніе противниковъ и заставилъ мятежниковъ принять бой при невыгодныхъ для нихъ условіяхъ.

Установивъ свои тумени, в. ханъ вступилъ въ сраженіе, сидя въ шатрѣ, прикрѣпленномъ на хребтахъ четырехъ ученыхъ слоновъ. Эта маленькая подвижная крѣпость, блиндированная толстыми кожами, была наполнена лучшими стрѣлками, выпускавшими стрѣлы по мановеніямъ царственнаго вождя. На верху шатра развѣвалось знамя съ изображеніемъ солнца и луны. Слоны были покрыты закаленною бронею.

Обѣ стороны шли на смертный бой. Выпущенныя ими тучи стрѣлъ долго колебали исходъ битвы, но дистанціи, раздѣлявшія ожесточенныхъ людей, сократились и въ дѣло пошли наконецъ пики, мечи и дубины. Эти приспособленія войны подѣйствовали настолько успѣшно, что на полѣ сраженія образовались горы труповъ. Мятежники потерпѣли пораженіе. Дядя попалъ въ плѣнъ къ племяннику, который не былъ расположенъ терпѣть въ своемъ юртѣ недовольныхъ людей. По его приказу, дядю завернули въ одѣяла и принялись качать, пока «не прервался» его пульсъ. Что касается до брата, то Кубилай-ханъ распорядился заключить его въ шалашикъ, сплетенный изъ терна. Преступникъ, прежде чѣмъ умереть, имѣлъ терпѣніе выжить цѣлый годъ въ этой квартирѣ....

Ни одинъ в. ханъ не властвовалъ такъ долго какъ Кубилай, правившій кореннымъ юртомъ въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ. Эпоху его господства нельзя не отмѣтить стремленіемъ къ просвѣщенію Монголіи и къ знакомству съ западною Европою. Признавая умственное превосходство послѣдней, Кубилай-ханъ охотно принялъ необычайнаго гостя—богатаго венеціанскаго дворянина, прозваннаго милліонеромъ, Николая Поло. Задумавъ подрумянить свои милліоны торговыми оборотами въ Монголіи, Поло отправился съ товарами европейскаго производства въ Крымъ, откуда не безъ труда достигъ коренного юрта. Здѣсь онъ скоро вошелъ въ такое довѣріе къ в. хану, что этотъ поручилъ ему отправиться къ папѣ и выпросить у него «сто ученыхъ,» которые-бы могли

наставить Монголію въ правилахъ христіанской вѣры. Идолы слишкомъ ужь безцеремонно обманывали коренной юртъ и утратили даже и въ народѣ остатки довѣрія къ нимъ. Принявъ это порученіе, Поло, снабженный паизе, отправился въ Европу, но каковы были въ ту пору пути сообщенія, можно судить по тому, что онъ прибылъ въ Акру только на третій годъ своего странствованія.

Вмѣсто «ста ученыхъ» папа Григорій X послалъ двухъ монаховъ, которые, испугавшись трудности путешествія, остались на полдорогѣ, въ Арменіи, поэтому Поло возвратился къ в. хану только съ письмомъ папы и съ флакономъ масла отъ Гроба Святаго. Возможно, что онъ и пріумножилъ въ Монголіи свои капиталы, потому что, при обратномъ путешествіи въ Европу, его сопровождалъ уже флотъ, настолько большой, что однихъ матросовъ умерло въ дорогѣ 600 человѣкъ.

При дворѣ в. хана, развлекавшагося по временамъ войною съ гинами, начала царить разорительная роскошь. Багадуры, не довольствуясь почетными титулами, просили награждать ихъ серебряною посудою и хорошимъ платьемъ. Высшіе чины получали серебряные стулья и зонтики.

Свою личную жизнь в. ханъ и его приближенные повели также съ пышностью, о которой не имѣли и представленія ихъ предки. Жены ихъ уже не вымѣнивались на пачки ревеня или мѣшечки мускуса. Для пополненія гарема в. хана существовалъ цѣлый штатъ агентовъ, понимавшихъ толкъ въ женской красотѣ. Они высылали изъ областей красивѣйшихъ дѣвъ, которыхъ потомъ осматривали присяжные цѣнители красоты. Надъ этими агентами существовалъ особый институтъ инспекторовъ, который выбиралъ 30—40 прелестнѣйшихъ существъ, а тамъ уже, въ покояхъ хана, слѣдовалъ новый осмотръ супругами придворныхъ вельможъ. Онѣ обязаны были наблюдать—не храпятъ-ли дѣвицы и сохраняютъ-ли во снѣ очаровательное выраженіе. Попасть въ гаремъ хана, послѣ всѣхъ этихъ испытаній, считалось величайшею честью.

Осложненная придворная жизнь не допускала пребыванія в. хана въ войлочномъ шатрѣ, поэтому Кубилай-ханъ имѣлъ уже зимніе и лѣтніе дворцы въ разныхъ провинціяхъ своего государства. Его зимняя урда находилась въ нынѣшнемъ Пекинѣ и состояла изъ квадрата, каждая сторона котораго имѣла 8 миль въ

длину. Урду окружали нѣсколько стѣнъ вышиною въ 25 фут.; между ними бивуакировали отряды охранныхъ войскъ. Въ центрѣ урды стоялъ дворецъ, украшенный растеніями и цвѣтами, собранными изъ всѣхъ частей государства. Вообще-же, дворъ Кубилай-хана состоялъ изъ десяти тысячъ человѣкъ, а каждая изъ его четырехъ главныхъ женъ имѣла не менѣе трехсотъ прислужницъ. Конвой его состоялъ изъ 12.000 всадниковъ, дежурившихъ попеременно въ урдѣ.

Разроставшееся величіе в. хановъ требовало и расширенія церемоніальной части. При большихъ пріемахъ, столъ хана, обращенный непремѣнно къ югу, занималъ горнее мѣсто, по сторонамъ котораго шли понижавшіяся крылья. Правую сторону занимали—по степенямъ родства—сыновья хана, его внуки, дальніе родственники, начальники ордъ и улусовъ, а крылья лѣвой стороны были предоставлены ихъ женамъ. Посрединѣ пріемной залы устанавливали вазу—верхъ ювелирнаго искусства того времени—изъ серебра, украшенную драгоцѣнными камнями. Поддерживавшія вазу звѣриныя головы, то рычали, то изливали кумысъ и баллу, быстро поднимавшую людскую говорливость.

При парадныхъ пріемахъ соблюдался чуткій этикетъ. Особые церемоніймейстеры слѣдили за тѣмъ, чтобы входившіе гости не ступали на велико-ханскій порогъ. Впрочемъ, при уходѣ изъ шатра или залы, преступленіе это не ставилось въ вину, такъ какъ опъяненіе на пирахъ было общимъ явленіемъ. Каждый гость могъ плевать во дворцѣ только въ собственную принесенную имъ посудину. Запыленные сапоги обязательно было мѣнять при входѣ въ залъ на свѣжіе, дворцовые, преимущественно бѣлаго цвѣта.

Разъ въ году в. ханъ раздавалъ своему двору и приближеннымъ багадурамъ почетную одежду и пояса, вышитые золотыми нитками. Изъ комплекта одежды не исключались и сапоги. Этикетъ требовалъ, чтобы весь дворъ носилъ платья одинаковое по покрою и по цвѣту съ платьемъ в. хана, но только менѣе цѣнное.

Для звѣриной охоты в. хана начальники ордъ и улусовъ присылали дикихъ кабановъ, козъ, медвѣдей. Въ звѣринцѣ были также орлы-стервятники, львы и леопарды. Впрочемъ ханъ предпочиталъ охоту съ ястребами, соколами и кречетами. Любимымъ мѣстомъ его охоты были берега нынѣшней р. Уссури. Здѣсь образовывался охотничій станъ, доходившій до десяти тысячъ юртъ.

Главная ставка хана драпировалась горностаями, соболями и львиными шкурами. Гаремъ его былъ не менѣе великолѣпенъ, его жены умѣли пускать кречетовъ въ поднебесье съ искусствомъ присяжныхъ охотниковъ.

В. ханъ заботился о размноженіи садовъ и о посадкѣ деревьевъ по сторонамъ дорогъ. Почты пользовались также особыми его попеченіями, такъ что въ коренномъ юртѣ и его улусахъ насчитывали до десяти тысячъ ямовъ съ лошадьми и дрессированными гонцами. Гонецъ, обладавшій изображеніемъ кречета и опоясанный колокольчиками, имѣлъ право распоряжаться безконтрольно и безнаказанно и людьми и животными.

При дворѣ состояло до пяти тысячъ астрологовъ и предвѣщателей. Кормясь и одѣваясь на ханскій счетъ, они обязаны были предсказывать громъ, бурю, землетрясенія, войны и заговоры. Астрологи имѣли не шуточное значеніе. Однажды они прочли въ книгѣ небесъ, что рано или поздно жители Пекина возмутятся противъ в. хана. Предсказанія ихъ было достаточно, чтобы в. ханъ приказалъ построить новый городъ, въ который и переселилъ весь старый Пекинъ!

По временамъ в. ханъ устраивалъ ученыя бесѣды, на которыя всегда приглашались люди, бывавшіе въ южныхъ странахъ, гдѣ всѣ четыре царства природы—холодное и теплое, твердое и жидкое—были преисполнены необыкновенныхъ чудесъ. Эти лекторы повѣствовали и о верблюдахъ, пожиравшихъ огонь и о благовонныхъ кошкахъ, испускавшихъ мускусъ и о дивныхъ птицахъ, которыя, поѣвъ брошеннаго имъ мяса, извергали потомъ чистые алмазы. Въ тѣхъ странахъ крокодилы, насытившись черепахами, разрѣшались золотымъ пескомъ. Тамъ соколы клали по три яйца, изъ которыхъ рождались кошки пепельнаго цвѣта, обладавшія умѣньемъ ловить не только обыкновенныхъ птицъ, но и быстролетныхъ кречетовъ.

Баснословіе лекторовъ показываетъ только какъ скудны были свѣдѣнія о земляхъ, лежавшихъ за монгольскими предѣлами. Впрочемъ, подобными свѣдѣніями о тѣхъ-же дальнихъ странахъ питался еще недавно и русс. народъ. Такъ, «Книга»,—въ видѣ картины четырехъ странъ свѣта—«глаголимая козмографія, иже переведена бысть с римскаго языка» сообщала не въ особенно давнее время, что—«Царство индея малая стоитъ подле моря восточнаго владѣютъ островами многіими морскимі багато зело златомъ.»—

«Тамъ есть Мозическое царство дѣвичье, отдающее дѣтей му
каго пола ефиопомъ.»—«Тамъ и Арапское царство, арапы че
вѣры.... веруютъ они сонцу и огню и звѣздамъ.»—«Ца
вавилонское ізначала было царство славное і людно и багат
нынѣ пусто жівутъ внеі змии.»—По «Козмографіи», въ
жили также и змѣи съ дѣвичьими лицами, но съ хобота
крыльями.....

Придворная роскошь и относительная цивилизація коре
юрта вызвали нужду въ деньгахъ и ослабленіе воинственност
багадурахъ. Нужду въ деньгахъ пришлось погашать выпус
ассигнацій, чему научилъ еще покойный Ѣли-Чуцай, пр
собившій оболонь тутовыхъ деревьевъ къ нынѣшней бумагѣ
дитныхъ экспедицій. На обработанной древесной пленкѣ вы
лись ханскія тамги, съ обозначеніемъ стоимости кредитокъ
поддѣлку ихъ полагалась смерть. Смертью наказывали и тѣхъ
возставалъ противъ обращенія ихъ по строго обязательному к

Съ ослабленіемъ въ коренномъ юртѣ воинственнаго
началось серьезное распаденіе уніи чингисидовъ. Послѣ Ку
царили еще пятнадцать в. хановъ, имена которыхъ сохран
съ историческою точностью, но ни одному изъ нихъ не
уже предоставлено судьбою сколько нибудь видной роли
міровой сценѣ. Одинъ изъ нихъ былъ щедръ и правосуд
а другой прекрасенъ, но кровожаденъ. Всѣ они привели
ренной юртъ къ тому, что отъ него отпали улусы, а русс
и прочіе данники забыли и дорогу въ Монголію. Впроче
самая дорога эта исчезла, такъ какъ Китай, оперившись и ор
зовавшись въ одно государство, потѣснилъ монголовъ обрат
большую стѣну.

XXIV.

ЗОЛОТООРДЫНЦЫ И РУССКІЕ КНЯЗЬЯ.

(XIII—XIV стол.).

Главенство коренного юрта надъ Русью ослабѣвало по мѣрѣ усиленія значенія З. орды, что однако нисколько не улучшало ея положенія. Напротивъ, вступивъ во всѣ права сюзерена и всосавшись въ жизнь своихъ смиренныхъ данниковъ, орда принялась распоряжаться безконтрольно ихъ судьбою. По временамъ, ея опека ослабѣвала, но съ тѣмъ, чтобы при Узбекѣ или Тохтамышѣ пробудиться съ новою силою и стремленіемъ наверстать вліяніе, утраченное слабосильными или небрежными ханами.

Со времени Батыя и до распаденія орды, въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ, царило тридцать восемь хановъ, далеко не равныхъ по ихъ значенію въ ходѣ историческихъ судебъ чингисидовъ. Долговременныя царенія ихъ были рѣдки, и только Узбекъ правилъ ордою и судьбами Руси тридцать лѣтъ, а Тохтамышъ около четверти вѣка. За то были и неудачники, обладавшіе ордою всего по нѣскольку мѣсяцевъ и даже по нѣсколько сутокъ.

По смерти Батыя и первыхъ четырехъ его преемниковъ, правившихъ ордою безъ особаго блеска и счастья, историческій рокъ выдвинулъ на сцену Узбека, принявшагося громко диктовать свои законы и рѣшенія царямъ, кн. и народамъ. Занявъ тронъ своего прадѣда, будучи еще тринадцати - лѣтнимъ юношею, онъ довелъ орду до зенита ея могущества. При немъ она обнимала рус. удѣльныя княжества, нынѣшнія новороссійскія степи, поволжье, Крымъ, сѣверъ Кавказа, часть киргизскихъ степей и половину

бывшей Хорезмской имперіи, включая и ея столицу Ургенчъ. Достойно вниманія, что благодаря его уму и желѣзной волѣ, это обширное государство не испытывало ни мятежей, ни поползновеній къ обособленности, и провозглашенный имъ исламъ, въ качествѣ господствовавшей религіи, вытѣснилъ самъ собою всѣ прочія исповѣданія. Чувствуя силу ислама, Узбекъ и его духовные совѣтники никому не угрожали преслѣдованіями за несогласныя съ кораномъ вѣрованія. Напротивъ, существовавшая въ Сараѣ православная епархія отправляла свободно свое назначеніе. Мало того, казнимые въ ордѣ рус. кн. и бояре принимали передъ казнью невозбранно святое причастіе отъ находившихся тамъ іереевъ.

Въ періодъ возмужалости, Узбекъ породнился съ Египтомъ и Константинополемъ и не стѣснился выдать родную сестру замужъ за рус. кн. Не одни рус. кн. раболѣпствовали у его ставки, но тамъ же искали милостиваго вниманія и папскіе легаты и византійскіе посланники, не говоря уже о генуэзцахъ, которые ради торговыхъ выгодъ, не полѣнились бы заглянуть и въ волчью пасть.

Узбекъ ничѣмъ не пренебрегалъ ради укрѣпленія въ его государствѣ ислама. Объ этомъ заботились и его монетные дворы—въ Сараѣ, Булгарѣ, въ Крыму, Азовѣ и Ургенчѣ—выпускавшіе свои издѣлія съ этикетомъ «ревнителя вѣры». Значеніе Узбека сказывалось и въ титулахъ, какими привѣтствовали его вассалы и независимыя государства. Рус. величали его—царемъ, папа—императоромъ, а мусульмане — верховнымъ султаномъ. Само собою разумѣется, что на монетахъ того времени онъ титулуется и правосуднымъ и милостивымъ.

Золотоордынецъ.

У себя дома, въ Сараѣ, Узбекъ завелъ—по традиціямъ халифовъ и султановъ—селямлики по пятницамъ, когда принималъ кн. и пословъ, сидя на тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями. При этой церемоніи присутствовали его четыре законныя жены и въ числѣ ихъ дочь Византійскаго императора. Вообще лѣтописецъ не погрѣшилъ, сказавши, что когда «Язбякъ сѣлъ на царство, то вся обновишася; отъ многихъ царствъ и отъ многихъ великихъ княженій и отъ

многихъ странъ вси приходили въ орду къ царемъ и ярлыки имали каждо на свое имя». Рус. народъ боялся принять кн., у котораго не было ярлыка на княженіе. Новгородцы не впустили къ себѣ ими же облюбованнаго кн. Михаила, пока онъ не представилъ имъ ярлыкъ. Хорезмцы нижняго теченія р. Аму назвались узбеками—именемъ, которымъ и теперь гордится часть среднеазіатскаго населенія. Даже отдаленный Каиръ не мѣняетъ и по настоящій день названіе—въ честь Узбека—одной изъ своихъ лучшихъ площадей.

Что касается до рус. кн., то они продолжали и въ эту эпоху политику мѣстничества, взаимныхъ оговоровъ, гоненій и расчетовъ то боевою, то кулачною силою. При неустойкѣ, или при невозможности разобраться домашними средствами, одинъ кн. звалъ другого на судъ, въ орду: «пойдемъ судиться, ханъ разсудитъ!» Никакой тонкій политикъ не могъ бы создать для своего государя лучшаго положенія, какъ создали его сами же рус. кн., забѣгавшіе въ орду изъ желанія ослабить другъ друга, съ данями, взятками и низкими поклонами. Даже самъ ханъ терялся въ ихъ запутанныхъ счетахъ и иногда неумышленно признавалъ право наслѣдія—сегодня по нисходящимъ, а завтра по боковымъ линіямъ и выдавалъ ярлыки на в. княженіе то московскимъ, то тверскимъ данникамъ.

Тверскимъ кн. особенно несчастливилось въ ордѣ. Отправляясь туда за ярлыками на отчіи и дѣдичьи столы, или съ выходнымъ серебромъ, они всегда готовились къ неожиданному взрыву ханскаго гнѣва. Впрочемъ, убіеніе въ ордѣ рус. кн. началось почти вслѣдъ за образованіемъ Джучіева улуса. Начало этимъ убійствамъ принадлежитъ Батыю, который разсчитывалъ получить, въ числѣ даровъ кн. Юрія Рязанскаго, и жену его сына красавицу Евпраксію. Встрѣтивъ отказъ, монголъ освирѣпѣлъ и умертвилъ ни въ чемъ не повиннаго молодого кн. Феодора. Трагическій эпизодъ этотъ завершился еще болѣе трагическимъ финаломъ: Евпраксія выбросилась съ младенцемъ въ рукахъ изъ высокаго терема и убилась до смерти.

Наиболѣе тяжело отозвалось въ народномъ сердцѣ и памятно для всей Россіи убійство въ ордѣ кн. Михаила Черниговскаго, потомка въ девятомъ колѣнѣ в. кн. Владиміра. Не эгоистичные расчеты, не тяжбы, или погоня за ярлыкомъ привлекли его въ орду, а одни душевныя страданія по поводу происходившаго

передъ нимъ истязанія родной земли. Это былъ князь—идеалистъ въ смыслѣ высокой христіанской любви къ ближнимъ, ради которой онъ не поскупился и на собственную жизнь. Онъ видѣлъ какъ «мнозіи грады поплѣнены быша.... многыя монастыри и честныя церкви и села.... запустѣша и лѣсомъ зарастоша».... такъ что иные изъ людей «крыяхуся въ горахъ, въ пещерахъ и въ разсѣлинахъ и въ пропастяхъ земныхъ.... и мало отъ тѣхъ изьоставахуся».... Эта народная паника происходила въ дни поголовной переписи и опредѣленія даней въ пользу ханской казны. Возмутившись противъ этого насилія кн. Михаилъ Всеволодовичъ, обладавшій тогда и Кіевомъ, не воспротивился избіенію монгольскихъ чиновниковъ, послѣ чего онъ принужденъ былъ бѣжать со всѣми домашними въ Угорскую землю. Пробывъ здѣсь три года, онъ возвратился въ отчину, гдѣ баскаки напомнили «что не подобаетъ кн. жити на хановой землѣ, не поклонившася хану». Замѣчаніе это равнялось повелѣнію явиться въ орду, къ Батыю. Поѣздка въ орду впрочемъ отвѣчала и душевной потребности самого кн., предполагавшаго умилостивить хана описаніемъ претерпѣваемыхъ рус. народомъ страданій. Къ несчастію, здѣсь вышло недоразумѣніе, разрушившее мечты идеалиста. Въ Руси уже былъ извѣстенъ обычай монголовъ представлять своимъ ханамъ чужеземцевъ и даже вообще незнакомыхъ лицъ не иначе, какъ проведя ихъ между двумя горящими кострами. То была своего рода карантинная мѣра, уничтожавшая коварные умыслы, какіе могли скрываться подъ маскою вѣрноподданничества или доброжелательства. Очищеніе огнемъ сохранилось и по настоящее время въ средѣ исламитянъ, прыгающихъ черезъ костры—въ опредѣленный впрочемъ день—ради очищенія отъ грѣховъ и болѣзней.

Возможно, что приставники къ горѣвшимъ кострамъ, казавшіеся уже рус. людямъ волхвами, прибавляли и отъ себя какія нибудь арабески, дѣйствовавшіе на воображеніе иноземцевъ. По крайней мѣрѣ на Руси говорили, что кромѣ окуриванія волхвы требовали поклоненія кусту, солнцу и идоламъ, что не согласовалось, однако, съ вѣротерпимостью монголовъ, поддержанною и исламитянами. При томъ же, поклоненіе солнцу и кустамъ не только не входило въ религіозный культъ, но и нарушало предписанія корана.

Между тѣмъ духовный отецъ кн., провожая его въ орду, напомнилъ, что «мнози издивше сътвориша волю поганого царя

Батыя, прельстившеся славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь и поклонишася солнцу и кусту и идоломъ и погубиша души своа и тѣлеса». Подобный поступокъ духовникъ считалъ противнымъ христіанской вѣрѣ и обязалъ кн. не только не кланяться кусту и идоламъ, но не принимать отъ ордынцевъ ни пищи, ни питія. Кн. и сопутствовавшій ему вѣрный бояринъ Федоръ успокоили пастыря обѣщаніемъ отвергнуть требованія идолопоклонническаго ритуала. Въ предвидѣніи же ханскаго гнѣва кн. запасся на случай смерти святыми дарами.

Батый былъ доволенъ появленіемъ въ ордѣ кн. Михаила, но не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки противъ обряда прохожденія иноземцевъ между зажженными кострами. Весьма возможно, что онъ смотрѣлъ на этотъ обрядъ какъ на актъ подданничества. Но кн. и его бояринъ отказались исполнить и этотъ обрядъ, хотя церемоніймейстеры и устрашали ихъ смертью. Батый не уступилъ. Не уступилъ и кн. Напрасно ему твердили приставники: «аще-ли не пройдеши сквозѣ огнь и не поклонишася солнцу и кусту и идоломъ, то злою смертію умреши».—«Царю поклонюсь, потому что Богъ допустилъ его на царство, но больше ни на что не согласенъ»—былъ отвѣтъ кн., видимо готоваго пролить свою кровь за вѣру.

Увѣщанія случившагося въ ордѣ внука кн. — пятнадцатилѣтняго Бориса Ростовскаго, ни къ чему не привели. Ни онъ, ни его вѣрный бояринъ Федоръ не поколебались въ принятомъ намѣреніи и при появленіи палачей. Пріобщившись запасными дарами и прочтя отходныя, они отдались на истязанія безъ всякаго протеста. Голову кн. отрубилъ отступникъ отъ христіанства именемъ Дамась.

Совершенно иной отпечатокъ присущъ обстоятельствамъ, при которыхъ орда казнила уже при Узбекѣ Михаила Тверскаго. По кончинѣ в. кн. Андрея Александровича на в. княженіе отыскались два претендента, князья: Михаилъ Тверской и Георгій Московскій— дядя и племянникъ, испытавшіе оба горечь хожденія въ орду. Тверитяне и москвичи вступили вслѣдъ за своими кн. въ ожесточенный споръ, перехватывали бояръ и пословъ противной стороны и пускали въ ходъ тяжбы и самосуды и жалобы ордѣ. Георгія не любилъ народъ, такъ что его в. княженіе подвергалось нерѣдко тяжелому испытанію. Наконецъ Михаилу удалось получить ярлыкъ на престолъ во Владимірѣ, на который и посадилъ его митропо-

литъ—въ присутствіи представителя орды. Михаилъ властвовалъ, казалось, совершенно законно шесть лѣтъ, при чемъ и Новгородъ считалъ его своимъ господиномъ и охотно ходилъ подъ его стягами на дальнихъ недруговъ. Новгородцы, впрочемъ, нашли потомъ, что онъ правитъ ими не согласно съ договорною грамотою и затѣяли возстаніе, но кн. распорядился прекратить подвозъ къ нимъ хлѣба и имъ пришлось поклониться полутора тысячами гривенъ.

Пока шли эти домашніе споры, Георгій Московскій укрѣпилъ свое положеніе въ ордѣ тѣмъ, что женился на сестрѣ Узбека, Кончакѣ, принявшей крещеніе подъ именемъ Агаѳіи. Приданымъ ея служилъ ярлыкъ на в. княженіе, такъ что и Михаилъ Тверской и Георгій оказались въ дѣлѣ княженія равноправными.

Опираясь на близкое родство съ ханомъ, Георгій вступилъ въ борьбу съ дядею, котораго совѣтъ изъ епископа и бояръ, подвинулъ отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свое право. Георгій, подкрѣпленный ордынцами, проигралъ крупное сраженіе, такъ что жена его и ея совѣтникъ Кавгадый очутились въ плѣну. Вскорѣ она умерла, чѣмъ воспользовались враги Михаила и обвинили его въ неповиновеніи хану и въ отравленіи его сестры.

Оба кн. были вытребованы на судъ въ орду, гдѣ тотъ-же Кавгадый оказался и приставомъ и обвинителемъ и судьею. Въ ту пору орда находилась въ перекочевкѣ. Здѣсь, на ходу, Узбекъ приказалъ разрѣшить его споръ съ Георгіемъ. Споръ былъ разрѣшенъ скоро: Михаила обвинили въ непокорности хану, въ утаиваньи дани и въ отравленіи сестры хана. Узбекъ утвердилъ смертный приговоръ судилища и поручилъ Кавгадыю привести его въ исполненіе. На время-же, до исполненія приговора—«возложиша соху отъ тяжка древа на выю князя». Этотъ способъ арестованія важныхъ преступниковъ, или ненадежныхъ рабовъ практикуется и до нынѣ преемниками чингисидовъ.

Незадолго до казни, Михаилъ могъ еще бѣжать при помощи преданныхъ ему людей, но отказался отъ бѣгства и приготовился къ смерти. Прошло около мѣсяца между объявленіемъ приговора и казнію.

Она совершилась тѣмъ, что кн. затоптали ногами и вырѣзали у него сердце....

Тѣло его было доставлено первоначально въ Москву на про-

стой телѣгѣ, увязанное веревками, а потомъ въ Тверь, гдѣ ему нашлось мѣсто въ сооруженной имъ церкви.

Георгій возвратился во Владиміръ в. княземъ, но спустя нѣсколько лѣтъ былъ убитъ въ ордѣ старшимъ сыномъ покойнаго Михаила—Дмитріемъ. Такая расправа—«безъ царскаго слова»—возбудила въ Узбекѣ гнѣвъ и, онъ распорядился казнить Димитрія. Правосудный и справедливый ханъ не потерпѣлъ у себя самосуда и далъ осязательно понять, что онъ не потерпитъ своевольства рус. кн.

Убивъ Димитрія, Узбекъ выдалъ ярлыкъ на Владимірское княженіе брату его Александру Михаиловичу. Въ первое время княженія, щедрыя взятки доставили послѣднему хорошее положеніе, но обойденные его дарами вельможи нашептывали хану злыя, противъ него, мысли. Однимъ изъ такихъ огорченныхъ властныхъ людей былъ Шевкалъ, онъ-же и Чолъ-ханъ поучавшій Узбека: «аще не погубиши.... всѣхъ кн. рус., то не имаши власти надъ ними». Подготовивъ подобными частыми увѣреніями ханскую воспріимчивость, онъ повелъ уже болѣе откровенную рѣчъ: «аще ми велиши, азъ иду на Русь и разорю христьанства, а князи ихъ избію, а княгини и дѣти къ тебѣ приведу».—Ханъ уполномочилъ его испробовать на Твери планъ новаго притѣсненія рус. кн., и вотъ—Шевкалъ явился въ Тверь съ болѣе нежели широкими полномочіями.

Недавно возсѣвшій на в. княженіе Александръ Михайловичъ былъ изгнанъ, а Шевкалъ «самъ ста на князя Великаго дворѣ съ многою гордостію». Свою свиту онъ распустилъ тотчасъ-же на кормленіе, а подобнаго свойства фуражировки ничѣмъ не отличались отъ грабежа. Тверичи озлобились, но на ихъ жалобы оборонить ихъ отъ грабителей, кн. могъ только совѣтовать покорность и терпѣніе. Не велики-ли были запасы терпѣнія у тверичей, или ордынцы перешли мѣру прижимокъ, только въ одинъ торговый день Тверь поднялась противъ ордынцевъ—вся, какъ одинъ человѣкъ. Ордынцы вздумали полакомиться молодою и тучною кобылицею отца-діакона Дюдко, но этотъ воспротивился и возопилъ на торгу: «о мужи тверьстіи, не выдайте!»—Тотчасъ-же загудѣло вѣче и «поворотися весь градъ». Въ происшедшей сѣчѣ татары были перебиты, а спасавшійся отъ народной мести Шевкалъ былъ настигнутъ у плетней на задворкахъ, которыя загорѣлись такъ быстро, что Шевкала не стало. Да и отъ всего его

посольства остались только конюхи, сторожившіе за городомъ лошадей. Въ качествѣ вѣстоношъ они ускакали въ орду.

В. князь, «не трьпя безбожныхъ крамолы» бѣжалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Псковъ, что не уберегло ни его отчину, ни его самого отъ жестокаго преслѣдованія орды. Узбекъ поручилъ наказать непокорнаго вассала Московскому кн. Іоанну Даниловичу, искавшему за тишину всей Руси политической дружбы ордынцевъ. Въ его распоряженіе ханъ прислалъ пять туменей и потребовалъ, чтобы и прочіе данники выслали-бы вспомогательныя дружины.

Прибывъ въ Новгорогъ, московскій кн. повелъ отсюда переговоры съ находившимся въ Псковѣ кн. Александромъ.—«Пойди въ орду!» совѣтовали ему послы московскаго кн.,—«не погуби крестіянъ отъ поганыхъ».—«Не ѣзди въ орду» совѣтовали ему напротивъ полюбившіе его псковичи,—«изомремъ съ тобою въ единомъ мѣстѣ». Въ дѣлѣ этомъ приняло участіе и духовенство, во главѣ котораго митрополитъ Ѳеогностъ наложилъ проклятіе и отлученіе и на кн. Александра и на Псковъ за ихъ противостояніе Московскому кн.

Уступая принужденію, Александръ отправился въ орду, напутствуемый своими ближними какъ на неизбѣжную погибель. Въ ордѣ надъ нимъ жестоко потѣшились. Въ теченіе мѣсяца одни изъ ордынцевъ говорили: «убиту ти быти», а другіе—«княженіе ти дастъ великое царь». Терзаніе это прекратилось казнью. Кн. и его сыну отрубили головы, и въ видѣ особой милости позволили увезти ихъ тѣла на родину....

Рязанское кн. платилось княжескими головами не менѣе Тверскаго и иногда съ особыми ухищреніями ордынскихъ палачей, такъ, Романа Ольговича розняли живого по составамъ, а отрубленную послѣ того голову воткнули на копье въ видѣ трофея. Вообще, въ грозный періодъ золотоордынскаго могущества, казни были до того нерѣдки, что лѣтописцы не давали себѣ труда объяснить и причины ханскаго гнѣва.—«Того-же лѣта убиша татарове князя Ивана Ярославича Рязанскаго въ ордѣ».—Вотъ и все, о чемъ упомянулъ лѣтописецъ, о несчастіи кн. Ивана Ярославича.

Оказанная ордѣ кн. Іоанномъ Даниловичемъ услуга, не согласовавшаяся съ требованіями христіанскихъ доблестей, внесла новую

эру въ отношенія къ хану всѣхъ сѣверно-рус. областей. Руки Москвы сдѣлались, благодаря этой услугѣ, болѣе цѣпки и болѣе длинны. Къ счастью, окружавшіе хановъ политическіе умы миновали это обстоятельство и даже радовались тому, что московскій кн. принялъ на себя обузу выплачивать дани и пошлины за всѣ рус. области.

Такъ долго царствовавшій и пролившій столько крови рус. кн., Узбекъ не могъ остаться незамѣченнымъ и рус. пѣснею. Она зоветъ его по отчеству Тавруловичемъ.

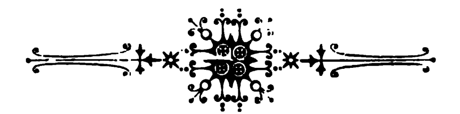
«На стулѣ золотѣ,
«На рытомъ бархатѣ,
«На червчатой камкѣ,
«Сидитъ тутъ царь Азвякъ
«Азвякъ Тавруловичъ;
«Суды разсуживаетъ
«И ряды разряживаетъ,
«Костылемъ размахиваетъ.....»

По смерти Узбека, З. орда перешла къ сыну его Джани-беку, которому, прежде чѣмъ сѣсть на престолъ, пришлось истребить множество родственниковъ. Достойно однако вниманія, что Джани-беку воздали одинаково похвалы и мусульмане и христіане. Мусульманамъ онъ оказалъ услугу, пройдя Дербентскія ворота и освободивъ Тавризъ отъ одного изъ тирановъ персидскаго улуса—Эшрефа, поплатившагося передъ нимъ и головою и казною.—«Ты знаешь-ли какъ поступилъ Эшрефъ?» спрашивали поэты Ирана.—«Онъ унесъ на тотъ свѣтъ тиранію, а золото оставилъ Джани-беку. Не оселъ-ли онъ?» Рус. же лѣтописцы замѣтили, что: «бѣ сей царь Чанибекъ Азбековичъ добръ зело къ христіанству, многу льготу сотвори землѣ русской».

По смерти Джани-бека, «бысть въ ордѣ замятня велика», что служитъ доказательствомъ сказаній о томъ, что онъ былъ убитъ своимъ сыномъ Берди-бекомъ. Послѣднему казалось, что отецъ чрезмѣрно ослабилъ свою власть надъ рус. кн. и уже собралъ тумени, чтобы, ради укрѣпленія своей власти, пройтись по Руси.....но въ это время прибылъ въ орду кіевскій митрополитъ Алексій, вызванный по желанію больной Тайдулы. Гроза новаго хана миновала.

Далѣе уже пошли въ З. ордѣ ножевые счеты преемниковъ съ предшественниками, не оставлявшіе имъ и времени, чтобы

развернуть въ достаточной мѣрѣ ихъ доблести и пороки. Бердибекъ правилъ всего три года и былъ убитъ Кульпою, которому удалось попользоваться золотоордынскимъ трономъ только полгода. Кульпа былъ убитъ Ноурузомъ, а Ноурузъ Хидыромъ. Въ этомъ родѣ потянулся цѣлый рядъ ничтожныхъ хановъ, пока не появились вновь на сцену—такой узурпаторъ, какъ Мамай и такіе чингисиды, какъ Тохтамышъ и Темиръ-Кутлуй.

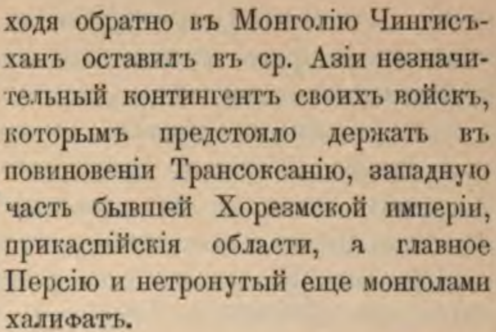

XXV.

МЕЖДОУСОБІЯ ЧИНГИСИДОВЪ.

(XIII—XIV стол.).

ходя обратно въ Монголію Чингисъ-ханъ оставилъ въ ср. Азіи незначительный контингентъ своихъ войскъ, которымъ предстояло держать въ повиновеніи Трансоксанію, западную часть бывшей Хорезмской имперіи, прикаспійскія области, а главное Персію и нетронутый еще монголами халифатъ.

Малочисленность монгольскихъ войскъ могла бы поставить ихъ въ безвыходное положеніе, но таджики и персы были слишкомъ напуганы, чтобы организовать возстаніе, даже не смотря на то, что Джелалъ-эддинъ все еще продолжалъ отстаивать наслѣдіе отца. Нельзя, впрочемъ, было и требовать, чтобы центральная Азія, испытавъ неотразимые удары сѣверныхъ варваровъ, могла положиться на свои физическія силы или сохранила бы свое религіозное величіе передъ язычниками. Гоняясь за Хорезмъ-шахомъ, а потомъ за его наслѣдникомъ, монголы обратили, въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ ихъ господства, цвѣтущіе оазисы въ сорныя нивы, а многолюдные города — въ долины шакаловъ. Подъ этой грозою, гордый исламъ принизился до того, что казалось, всѣ

ближайшіе слуги Пророка были погребены подъ руинами минаретовъ. По крайней мѣрѣ, никто изъ вѣрующихъ не рѣшался призывать народъ къ пятикратному намазу и самые пруды при мечетяхъ, служившіе для омовенія, заросли камышомъ и покрылись зеленою корою. Ослабленіе духа вело и къ умаленію естественной, матеріальной силы. Паденіе это дошло до того, что, по приказу одиночнаго монгола, толпа исламитянъ склонялась на землю и ожидала покорно, когда онъ отрубитъ, поочередно, каждому изъ нихъ голову. Въ разстроенномъ воображеніи перса, монголы долго еще и по уходѣ Чингисъ-хана, представлялись дивами, не имѣвшими на землѣ ни образа, ни подобія. — «Головы у нихъ какъ у буйволовъ, носы какъ у кошекъ, поясницы подобны муравьинымъ, а во рту кабаньи клыки»! Впрочемъ, спустя и много вѣковъ послѣ эпохи чингисидовъ, персы, по одному только приказу туркмена, вязали другъ друга и шли на каторжный трудъ сооруженія оросительныхъ тоннелей.

Пользуясь наведеннымъ на ср. Азію ужасомъ, малочисленные тумени не только сдерживали въ повиновеніи Хорезмъ и Хорасанъ, но и не затруднялись посѣщать дальнія страны— Арменію, Сирію и Антіохію—и продолжать поголовное истребленіе городовъ. Не довольствуясь развалинами Мерва, Рея и Нишапура, они обратили и Гератъ въ безпорядочное кладбище, при чемъ повсюду являлись разорителями и властелинами—безъ думъ и сожалѣній.

Однако разъединеніе съ кореннымъ юртомъ и неполученіе резервовъ, что длилось около пятнадцати лѣтъ, не могло не повліять на силы предоставленныхъ самимъ себѣ и сильно разбросавшимся туменямъ. Время, битвы и болѣзни умалили ихъ ряды до того, что гонцы слѣдовали изъ Ирана къ берегамъ р.Ононъ, одинъ за другимъ. съ просьбою о помощи. Халифъ готовился уже поднять мантію Пророка и призвать противъ язычниковъ весь исламъ.

Но коренной юртъ продолжалъ медлить, занимаясь своими внутренними счетами и борьбою съ застѣннымъ царствомъ. Тули отказался отъ своего улуса, предпочитая ему службу при в. ханѣ и веселые напитки изъ китайскаго риса. Это ненормальное положеніе продлилось все время царенія Октая и его сына Гаюка и только при в. ханѣ Менгу, коренной юртъ рѣшилъ второе нашествіе на земли, лежавшія по ту сторону р. Аму.

В. ханъ считалъ безопаснѣе держать своихъ братьевъ Кубилая и Гулагу вдали отъ кореннаго юрта. Первому онъ поручилъ продолжать войну съ застѣннымъ царствомъ, а второго направилъ въ Персію съ титуломъ и правами намѣстника. Въ числѣ данныхъ ему чрезвычайныхъ полномочій заключалось и право выпускать монету съ собственнымъ именемъ, вести войны и не стѣсняться никакими границами. При этомъ онъ выдѣлилъ ему пятую часть коренныхъ монгольскихъ войскъ, къ которымъ съ радостью примкнули бродившія по степямъ толпы добровольцевъ.

Располагая такимъ боевымъ ядромъ, Гулагу могъ выставить, подходя къ своему улусу, авангардъ въ нѣсколько туменей. Въ Трансоксаніи онъ увеличилъ свои силы отбросами таджиковъ. По крайней мѣрѣ «соловьи, поющіе на лугахъ преданій» видѣли впослѣдствіи и въ Арменіи и въ Грузіи, наряду съ монголами, уроженцевъ Бухары, Самэрканда и Ташкента.

Гулагу обладалъ, повидимому, тонкою проницательностью и дипломатическими способностями, превышавшими даръ монгольской сообразительности. Вступая на южномъ берегу р. Аму въ предѣлы улуса, онъ объявилъ себя покровителемъ ислама и другомъ справедливости. Эти обѣщанія, шедшія во главѣ большой самонадѣянной и хорошо вооруженной силы, покоряли сердца не одних сатраповъ и атабеговъ, но и коронованныхъ вассаловъ. Властители Мидіи, Адербейджана, Шйрвана, Грузіи и даже Рума, признавъ себя вассалами монголовъ, явились въ станъ Гулагу со всѣми проявленіями подданничества.

Во имя справедливости, Гулагу рѣшилъ, прежде водворенія своего въ улусѣ—наказать халифа и уничтожить страну измаилитовъ. Гор. Багдадъ, какъ столица халифата, манилъ его къ себѣ не однимъ только громаднымъ значеніемъ въ мусульманскомъ мірѣ, но и сказочными богатствами, накопленными скупымъ халифомъ Муста'симомъ. Халифъ разсчитывалъ, что ему легче побѣждать враговъ сундуками съ золотомъ, нежели катапультами, копьями и стрѣлами. Кромѣ надежды на богатство, халифъ разсчитывалъ также и на мантію Пророка, хранившуюся въ главной мечети Багдада. Онъ всегда убѣждалъ мусульманъ и убѣдилъ наконецъ самого себя, что однимъ взмахомъ мантіи всѣ враги мусульманства будутъ обращены въ прахъ и ничтожество. Опираясь такимъ образомъ на свое богатство и на свое значеніе, какъ

главы вѣры, халифъ обозвалъ Гулагу—въ происходившихъ съ нимъ переговорахъ—монгольскою собакою.

Но покровителю ислама неудобно было наброситься на халифатъ безъ достаточно серьезнаго повода и не совершивъ передъ тѣмъ ничего въ пользу ислама. На его пути къ халифату лежала страна измаилитовъ, страна убійцъ, существовавшая уже болѣе полутора столѣтія на мѣстѣ древней Аріаны. То былъ таинственный орденъ, хотя и принявшій свое названіе отъ Измаила—родоначальника Аравитянъ, но ненавистный благочестивымъ людямъ всѣхъ странъ и вѣрованій и напоминавшій по своей организаціи разбойничью орду въ большихъ размѣрахъ. Шейхи ордена, носившіе названіе «горныхъ стариковъ» располагали сорока укрѣпленными гнѣздами, вѣнчавшими неприступные горные пики. Столица этого своеобразнаго государства Аламутъ заключалась въ прелестной долинѣ, замкнутой неприступными горами. Она изображала, по понятіямъ измаилитовъ, земной рай Мухаммеда. Великолѣпные сады ея, наполненные ароматными цвѣтами, плѣняли таинственностью, и чувственною нѣгою. Тамъ текли рѣки финиковаго вина и прохладительныхъ напитковъ. Женщины этого рая ничего не знали кромѣ забавъ и увеселеній. Рыцари горнаго убѣжища были слѣпыми орудіями «горнаго старика», располагавшаго большими запасами гашиша. Избранные имъ горцы, сильные физически и мощные волею, были дисциплинированы до степени слѣпого повиновенія, чѣмъ и оправдывали свое названіе «саможертвующихъ». За часы наслажденій въ раю, они расплачивались всѣмъ, что могли награбить въ ближнихъ и въ дальнихъ странахъ. Караваны не смѣли проходить мимо гнѣздъ измаилитовъ безъ уплаты крупной дани и даже такіе властелины, какъ знаменитый Саладинъ, заключали договоры съ горными стариками объ избавленіи ихъ отъ ножей саможертвующихъ. Державы передней Азіи и Египта платили также откупное горному шейху.

При появленіи войскъ Гулагу въ Кухистанѣ, уступившемъ измаилитамъ свои горы и долины, орденомъ правилъ Рукнъ-эддинъ, только что достигнувшій этого положенія путемъ убійства своего отца. Считая свои гнѣзда неприступными, онъ, отвергнувъ сдѣланное ему предложеніе спуститься со всѣми своими рыцарями въ долины, укрѣпилъ Аламутъ и засѣлъ въ скалахъ въ ожиданіи неосторожнаго штурма. Но сопротивленіе его длилось недолго.

Не желая быть выброшеннымъ изъ райской обители въ логовище шакаловъ, онъ не только сдался монголамъ, но и предписалъ всѣмъ своимъ крѣпостямъ послѣдовать его примѣру....

Вскорѣ вся страна измаилитовъ была истреблена поголовно, такъ что ручьи финиковаго вина замѣнились потоками крови. Немногіе изъ уцѣлѣвшихъ измаилитовъ бѣжали въ Сирію, въ Индію и въ горы Ливана, гдѣ они долго еще продавали свои ножи всѣмъ нуждавшимся въ ихъ услугахъ.

Искорененіе измаилитовъ вызвало у исламитянъ глубоко благодарное чувство и особенно въ классѣ сѣдобородыхъ мужей, поклонниковъ ученія Ши'э, не любившихъ халифа, какъ отступника отъ чистой вѣры Пророка. Послѣдователи главнѣйшаго религіознаго догмата—имамета, или наслѣдственнаго права потомковъ Алія въ управленіи мусульманскими странами—они охотно предоставили себя въ распоряженіе язычника и повели его къ великолѣпному Багдаду.

Готовясь къ осадѣ его, Гулагу распорядился изготовленіемъ артиллеріи, въ чемъ ему помогли тысяча человѣкъ инженеровъ, присланныхъ изъ коренной Монголіи въ качествѣ знатоковъ по постройкѣ стѣнобитныхъ орудій. То были плѣнные гины, пощаженные при погромѣ застѣннаго царства. Осада Багдада длилась два мѣсяца. Р. Тигръ была преграждена плавучими мостами и сѣтями, чтобы никто не пытался спастись бѣгствомъ. На повторенное требованіе подчиниться и признать себя данникомъ монголовъ, халифъ, по совѣту своего измѣнника визиря—ревностнаго шіита—отвѣтилъ опять угрозою призвать мусульманскій міръ, къ священной войнѣ.

Тогда Гулагу, чтобы показать свое необычайное могущество, приказалъ разрушить городскія стѣны Багдада и вновь ихъ поставить, но еще выше прежнихъ. Плѣнныхъ персовъ у него было достаточно для такой неблагодарной работы.

Жители Багдада взмолились о пощадѣ. Разрѣшивъ имъ выйти въ поле, за городъ, монголы предали ихъ здѣсь безпощадному избіенію. Халифъ продолжалъ еще держаться нѣсколько сутокъ въ цитадели, но наконецъ рѣшился разстаться и съ властью и съ накопленными богатствами....

Передъ побѣдителемъ открылись не только башни, наполненныя драгоцѣнностями, но и секретные подвалы съ сокровищами, въ видѣ тяжелыхъ золотыхъ слитковъ, накопленныхъ династіей

Абассидовъ. Названіе монгольской собаки не исчезло однако изъ памяти Гулагу и—по сказаніямъ однихъ—онъ приказалъ запереть халифа въ башню съ золотомъ и уморить его голодомъ, а—по сказаніямъ другихъ—онъ собственноручно отрубилъ ему голову. Если послѣднее вѣрно, то поступокъ его слѣдуетъ приписать оказанному главѣ мусульманства почету, такъ какъ онъ могъ-бы приказать убить его первому встрѣчному солдату. Сыновьямъ своимъ онъ поручилъ убить сыновей халифа и бросить ихъ трупы, въ видѣ жертвоприношеній, въ р. Тигръ.

Мантію Мухаммеда, на которую возлагалъ такія надежды покойный халифъ, монголы сожгли всенародно, что вызвало понятный ужасъ среди уцѣлѣвшихъ остатковъ городского населенія. Впрочемъ, это ауто-да-фе не мѣшаетъ и нынѣ турецкимъ султанамъ совершать обрядъ цѣлованія мантіи Пророка. Теперь она хранится въ старомъ сералѣ Стамбула, въ серебряномъ ящикѣ, завернутая съ сорокъ шелковыхъ платковъ. То мѣсто плаща, которое удостоивается поцѣлуя султана, тщательно моется, а собранная вода хранится на память. Плащъ Пророка вмѣстѣ съ его знаменемъ и посохомъ продолжаютъ считаться важнѣйшими реликвіями ислама.

Отданный на разграбленіе Багдадъ горѣлъ въ теченіе сорока сутокъ. Главная мечеть, изъ которой исходили повелѣнія всему исламу и высокочтимыя могилы Абассидовъ были обращены въ груды мусора. Питаясь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ избытками и приношеніями мусульманскихъ странъ, столица халифа обогатила даже такую ненасытную армію, какъ монгольская. Одинъ Гулагу получилъ три тысячи верблюдовъ съ сокровищами и цѣнными товарами и гаремъ изъ семисотъ женщинъ съ тысячью эвнуховъ. Всѣ-же произведенія наукъ и искусствъ погибли въ пламени и погребены подъ горами муссора. Число погибшихъ жителей Багдада считали сотнями тысячъ. Опустѣвшій такимъ образомъ «городъ спасенія» остался уже навсегда только краснорѣчивымъ памятникомъ бѣдствія, постигнувшаго многовѣковую цивилизацію.

Въ войскахъ Гулагу находилось семь чингисидовъ ханской крови, командовавшихъ собственными отрядами и не признававшихъ надъ собою ничьей власти. Ничто не стѣсняло ихъ въ добычѣ и въ разореніи пройденныхъ ими странъ. На дѣлежку-же богатствъ халифа они слетѣлись, какъ шакалы на павшую лошадь и ни одна

багдадская жемчужина—а жемчугъ Багдада служилъ предметомъ зависти женщинъ всего міра—не ускользнула отъ ихъ любительскихъ поисковъ. Гулагу очень тяготился этими родственниками, деморализовавшими его тумени и нерѣдко поднимавшими открыто ропотъ противъ его распоряженій. Наконецъ они вынудили его послать гонца къ в. хану съ донесеніемъ:—«Силою Бога и вашей и съ помощью семи туменей, я прибылъ въ эту страну и взялъ Багдадъ съ большою добычею. Теперь спрашиваю: что Вы прикажете дѣлать? безъ законовъ и начальника, страна разорится и уже есть примѣры тому, что не всѣ окружающіе меня люди повинуются завѣтамъ Чингисъ-хана. Передайте мнѣ ваши мысли, чтобы я зналъ какъ поступить вѣрному слугѣ».

Менгу-ханъ увидѣлъ изъ этого донесенія, что принцы-чингисиды готовы натворить большихъ бѣдъ и приведутъ свои отряды къ междоусобію. Благоразуміе подсказало ему усилить власть намѣстника и, ради спасенія монгольской чести, возвести Гулагу въ ханы съ неограниченными правами. Съ этою цѣлью онъ послалъ «аргучи»—верховного судью—съ полномочіемъ созвать курилтай изъ эмировъ и предоставить Гулагу войлокъ власти. На курилтаѣ, четыре принца не согласились признать Гулагу—ханомъ, но аргучи былъ не изъ робкихъ людей: одному изъ бунтовщиковъ онъ пригрозилъ «ясакомъ», или иначе удушеніемъ тетивою лука, а на другихъ выслалъ армянскія и грузинскія войска, охотно откликнувшіяся на зовъ монгола противъ монголовъ. Наконецъ Гулагу былъ провозглашенъ ханомъ и аргучи возвратился въ коренной юртъ съ донесеніемъ объ успѣхѣ его миссіи.

При раздѣлѣ добычи, принцъ Такударъ пріобрѣлъ львиную долю сокровищъ, которыми страны Ирана, Арменіи и Грузіи невольно расплатились съ побѣдителями. Триста верблюдовъ и сто пятьдесятъ телѣгъ возили потомъ за его туменями награбленное золото, такъ что четыре тысячи его головорѣзовъ были надолго обезпечены жалованьемъ. Къ тому-же, въ жалованьи и надобности не было: являясь въ христіанскіе монастыри, шайка получала «море вина и горы мяса». Въ монастыряхъ, отказывавшихъ въ этой дани, монахи подвергались пыткѣ тѣмъ, что ихъ заставляли «держать въ зубахъ собачьи хвосты».

Неистовства Такудара пережили и Гулагу-хана, а шайка его выросла въ цѣлую армію, такъ что гулагиду Абака-хану пришлось выслать уже десять туменей противъ мятежника. Всѣмъ армянскимъ

и грузинским кн. было разрѣшено преслѣдовать орду тирана. Н
нецъ Такударъ былъ разбитъ и окончилъ свою авантюру въ з
ченіи на Соленомъ озерѣ, при чемъ ханъ приказалъ оставить
изъ всего имущества только одну жену и ножикъ съ отло
нымъ концомъ.

Извѣстіе о смерти в. хана вызвало Гулагу-хана на кури
въ коренной юртъ, но прежде нежели онъ достигнулъ Монг
его братъ Кубилай, прекративъ войну съ гинами, объявилъ
в. ханомъ. Гулагу оставалось возвратиться въ Сирію. Но пока
совершилъ неудачную дорогу въ коренной юртъ, Сирія отл
лась отъ него и уже болѣе не возвращалась подъ власть мо
ловъ. Вообще Гулагу пришлось сократить свои военныя опера
такъ какъ чингисиды вступили открыто во взаимныя враждеб
отношенія: З. орда затѣяла споръ изъ-за обладанія Армен
Грузіей и прибрежною полосою Каспійскаго моря, а Джаг
объявилъ претензію на Туркменію и сѣверныя провинціи Пер
Въ общемъ получились три военныхъ лагеря чингисидовъ, г
выхъ уже ринуться, вопреки строгимъ завѣтамъ Чингисъ-х
другъ противъ друга....

Въ лучшую эпоху своего царенія, Гулагу-ханъ вла
фактически Персіей, Ассиріей, Арменіей, Грузіей, Агваніей, М
сопотаміей и всѣми землями на сѣверъ «отъ Ке'абы». Много
пролито крови при его дворѣ, много склонилось передъ н
головъ и вардапетовъ и спарапетовъ и все-таки, говоря отн
тельно, христіане при немъ благодушествовали. Въ свитѣ его
довали неотлучно царь Арменіи—Гетумъ и царь Грузіи—Дав
Оба они, не переставая плакаться на свою печальную долю, в
лись передъ ханомъ съ веселыми лицами. Князья ихъ дѣлили по
ный плѣнъ и даже считались на службѣ хана, такъ что сул
Египта, одержавъ какъ-то при Ѳаворѣ побѣду надъ его отряд
предалъ ихъ смерти.

Баскаки Гулагу-хана выжимали дань изъ Арменіи и Гр
подвергнувшихся также поголовной переписи, не слабѣе чѣм
изъ рус. княж. Неплатежъ или промедленіе въ платежѣ дани
къ тому, что они, не прибѣгая къ истязанію людей, разоряли ка
нибудь народную святыню. Такъ, они разорили усыпальн
грузинскихъ царей въ Гелатѣ и патріаршую церковь въ Ані
Вообще враждебныя отношенія, возникшія между чингисид
З. орды и Персидскаго улуса чрезвычайно отягчили участь А

ніи и Грузіи, на которую косился вмѣстѣ съ тѣмъ и румскій султанъ за хожденіе ихъ царей на поклонъ къ хану. Престолонаслѣдіе ихъ зависѣло отъ воли хановъ въ такой-же степени, какъ и наслѣдованіе рус. кн.

Лично Гулагу-ханъ и одна изъ его женъ, признанная даже армянскими лѣтописями благочестивою, были очень склонны къ христіанству. При его дворѣ постоянно находились армянскіе и сирійскіе священники и походная церковь съ колоколомъ. Являлось даже предположеніе не былъ-ли Гулагу христіаниномъ? Но смерть его доказала противное. Поучаясь правиламъ вѣры у католикоса и архимандритовъ, онъ завѣщалъ похоронить съ нимъ «нѣсколько живыхъ дѣвицъ»—изъ боязни, что на томъ свѣтѣ его обидятъ по части гарема. Сирійцы, не зная объ этомъ обстоятельствѣ, принялись служить по его душѣ панихиды, но грузины посовѣтовали его вдовѣ ограничиться облегченіемъ, ради спасенія его души, народныхъ податей и раздачею милостыни.

Гулагу, основавшій династію гулагидовъ, извѣстную также подъ наименованіемъ ильханидовъ, царилъ восемь лѣтъ. Ему нельзя отказать въ нѣкоторомъ благоволеніи къ ученымъ людямъ. По крайней мѣрѣ, истребляя гнѣздо измаилитовъ, онъ даровалъ жизнь ученому астрологу Насиръ-эд-дину, съ которымъ потомъ постоянно совѣтовался о часахъ счастливыхъ и несчастныхъ. По его же повелѣнію, были воздвигнуты обсерваторія и музей съ рѣдкостями. Вообще-же его столицы—прохладный Тебризъ, теплый Багдадъ и душный Тегеранъ—долго еще хранили памятники его къ любви къ зодчеству, что уже выгоднымъ образомъ отличало его отъ прочихъ чингисидовъ.

Наслѣдство его перешло безъ курилтая, по одному его завѣщанію, къ старшему сыну—Абака, на челѣ котораго всѣ могли видѣть «черты мужества и благородства». Абака-ханъ принялъ христіанство, побуждаемый къ тому любовью къ невѣстѣ христіанкѣ, дочери византійскаго императора, извѣстной подъ именемъ Деспины-хатунъ....

Христіанство Абака-хана было хорошимъ предлогомъ къ нападенію на него со стороны золотоордынца Береке-хана, принявшаго мусульманство и заявлявшаго себя поэтому естественнымъ защитникомъ ислама. Въ сущности, этотъ первый открытый раздоръ между чингисидами возникъ изъ-за обладанія дербентскимъ проходомъ, безъ котораго З. орда не могла разсчитывать на при-

соединеніе къ себѣ кавказскихъ странъ. Посланный однако Берeке-ханомъ темникъ потерпѣлъ полное пораженіе, такъ что кипчакскимъ войскамъ пришлось спасаться постыднымъ бѣгствомъ. Тогда ханъ двинулся лично во главѣ тридцати туменей, въ составѣ которыхъ находились и вспомогательныя силы рус. кн. и дошелъ уже до р. Куры, какъ внезапная смерть его, неподалеку отъ Тифлиса, не допустила на этотъ разъ чингисидовъ до взаимоистребленія.

Джагатайскимъ улусомъ управлялъ въ ту пору Берракъ-угланъ, котораго также ласкала мысль о пріобрѣтеніи Хорасана. Подъ предлогомъ поздравленія о восшествіи на престолъ Абака-хана, онъ отправилъ къ нему посольство съ порученіемъ высмотрѣть дороги и вывѣдать силы возможнаго сопротивленія. Посланникъ его повелъ себя при дворѣ Абака-хана черезчуръ надменно: при встрѣчѣ съ диванъ-беги, президентомъ Государственнаго Совѣта—онъ не сошелъ съ лошади, а во время аудіенціи, не ожидая приглашенія церемоніймейстеровъ, сѣлъ выше всѣхъ, окружавшихъ хана, царей и эмировъ. Заносчивость его была нагляднымъ вызовомъ къ разрыву между двумя домами чингисидовъ и окончилась тѣмъ, что ему пришлось бѣжать въ Мавераннагръ одинокимъ всадникомъ. Высланная за нимъ погоня «не нашла даже и пыли отъ ногъ его», чему помогли припрятанныя имъ заблаговременно, въ укромныхъ мѣстахъ, запасныя лошади.

Не отступая отъ мысли пріобрѣсть Хорасанъ, Берракъ-ханъ снарядилъ противъ сосѣда и родственника десять туменей и, переправившись черезъ р. Аму, двинулся по направленію къ Герату. Но Абака-ханъ, разгадавъ дерзкое поведеніе его посла, изготовился во время встрѣтить нападеніе и выставилъ противъ него «щетину молніеносныхъ мечей». Берракъ былъ разбитъ, потерялъ армію и багажъ и спасшись бѣгствомъ,—перемѣнилъ шаманство на вѣру Пророка.

Преемникъ Абака-хана, тоже сынъ Гулагу-хана—Никударъ, объявилъ себя мусульманиномъ и принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ прозваніе султана Ахмеда. Этимъ путемъ монгольская партія начала растворяться въ мусульманскомъ элементѣ и проложила путь возстановленію въ Иранѣ ислама на прочныхъ основаніяхъ. Впрочемъ султану Ахмеду не достало времени оказать Пророку большія услуги. Процарствовавъ всего два года и то въ безпрерывной борьбѣ съ мятежниками, онъ палъ отъ руки одного изъ оскор-

бленныхъ имъ эмировъ, который за какую-то давнишнюю несправедливость раздробилъ ему позвонки.—«Таковъ обычай сего жестокаго міра»—замѣтилъ по этому поводу повѣствователь—«что иногда бываешь на сѣдлѣ, иногда подъ сѣдломъ».

Ему наслѣдовалъ Аргунъ-ханъ, сынъ Абака-хана. Въ теченіе семилѣтняго царенія, онъ перемѣнилъ нѣсколько любимцевъ, дозволяя новому умерщвлять стараго и ожидать того-же отъ своего преемника. Но только одинъ изъ нихъ, явно оклеветанный, вызвалъ у современника скорбный плачъ:—«Отъ смерти Шемсъ-эд-дина небо облилось кровью, луна растерзала лицо свое и Венера обрѣзала прелестные локоны свои»....

Опутанный образовавшеюся при дворѣ еврейскою партіею, Аргунъ-ханъ изгналъ было изъ дивана всѣхъ мусульманъ и даже воспретилъ имъ пребываніе въ улусѣ. Но мусульмане были настолько уже сильны и въ войскѣ и въ администраціи, что ему пришлось разостлать передъ ними коверъ ласкъ и справедливости. Вскорѣ однако и этого ковра было недостаточно. Одинъ изъ эмировъ объявилъ его сумасшедшимъ и, вѣроятно, партія недовольныхъ укоротила-бы его дни, но смерть переселила его въ другой міръ, почему «щеки послѣдователей Мухаммеда расцвѣли какъ розы весною, а сердца враговъ ислама сожглись огнемъ печали и горести, какъ листы руты».

Слѣдующій ханъ-Кенджату, также сынъ Абака-хана, оказался жуиромъ и будучи самъ «удивительно прекраснымъ» проводилъ большую часть времени въ обществѣ красавицъ. Правда, Яса предоставляла ханамъ юридическое право требовать въ свой гаремъ любую жену, съ которою мужъ обязанъ былъ въ такомъ случаѣ немедленно развестись, но съ принятіемъ мусульманства, коранъ ограничилъ это право, съ чѣмъ Кенджату-ханъ не желалъ примириться. Часто, срывая покрывало непорочности съ дочерей своихъ эмировъ, онъ вооружилъ своихъ вельможъ до того, что они подвели его подъ удары заговорщиковъ. Они принудили его бѣжать передъ явившимся изъ Багдада соперникомъ въ муганскую степь, гдѣ и предали его смерти. Тѣмъ не менѣе народъ считалъ, что Кенджату-ханъ правилъ справедливо, такъ какъ ни одинъ невинный не былъ убитъ по его повелѣнію. Подобными эпитафіями чингисиды не богаты.

Мстителемъ за Кенджату-хана явился племянникъ его Махмудъ-Казанъ, который, при пособіи мусульманской партіи, овладѣлъ

улусомъ и издалъ ярлыкъ, повелѣвавшій монголамъ, «низпровергнувъ основаніе невѣрія, принять высочайшую религію—мусульманскую». Дворъ его не замедлилъ придти изъ бѣдствія невѣрія къ блаженству ислама, такъ что во всемъ его обширномъ государствѣ не осталось ни одного идола.

Не трудно перечислить и остальныхъ гулагидовъ и даже отмѣтить ихъ характеристическія черты, но было-бы крайне утомительно останавливаться на ихъ семейныхъ раздорахъ. Достаточно сказать, что изъ двадцати гулагидовъ, владѣвшихъ персидскимъ государствомъ, умерли всего два—три человѣка естественною смертью; всѣ-же остальные считали долгомъ—«пожечь пламеннымъ мечемъ жизнь своихъ предшественниковъ» для того, чтобы ихъ преемники «смѣшали кровь ихъ съ землею».—При гулагидахъ не переставало горѣть пламя войны—неудачно съ Египтомъ, и еще менѣе удачно съ ордою—и кровь лилась изъ подъ мечей, то тамъ, то здѣсь, какъ дождь изъ облаковъ.

Предавъ совершенному забвенію Яса-Намэ, отринувъ курилтай, и порвавъ всякую связь съ в. ханами, гулагиды являлись у себя дома по преимуществу тиранами. Казанъ-ханъ не затруднился высѣчь всѣхъ своихъ эмировъ за проигранное ими сраженіе и все таки, когда онъ переселился въ сады райскіе, вельможи признали его милосерднымъ и не могли удержаться отъ плача и рыданій.

Улусъ гулагидовъ окончилъ свое существованіе гораздо ранѣе золотоордынскаго и джагатайскаго улусовъ. Причина этого явленія заключается въ обезличеніи монголовъ, утратившихъ въ мусульманствѣ свои природныя свойства и не пріобрѣвшихъ ничего, что ставило бы ихъ выше аборигеновъ покоренной страны. Угнетенная ими культура выглянула мало по малу на Божій свѣтъ изъ подъ пепла и руинъ и устранила неумѣвшую приспособиться къ ней монгольскую расу. Еще при гулагидахъ, Багдадъ вновь засіялъ внѣшнею красотою и религіознымъ значеніемъ, хотя никогда уже не могъ возвратить утраченное имъ преобладаніе въ области наукъ и искусствъ.

XXVI.

ПАДЕНІЕ ЧИНГИСИДОВЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(VIII стол. мус. эры).

Какъ улусъ Тули, такъ и улусъ Джагатая остался въ управленіи намѣстника. Получивъ въ удѣлъ всѣ страны отъ р. Аму до сѣверныхъ предѣловъ Турана, съ такими историческими и еще недавно богатыми городами какъ Бухара, Самаркандъ, Балхъ, Бадахшанъ и Кашгаръ, онъ объявилъ своею столицею ничтожный Бишь-Балыкъ, куда и пріѣзжалъ только по временамъ на свиданіе съ подданными. О немъ сохранились воспоминанія, какъ о человѣкѣ, достойномъ уваженія и при томъ искуснаго въ управленіи государствомъ. Но увы, тѣ же воспоминанія указываютъ, что и онъ былъ не чуждъ общему пороку первыхъ чингисидовъ—пьянству, доходившему до болѣзненнаго запоя. Чингисъ-ханъ безплодно поучалъ своихъ дѣтей тому, что напивающійся два раза въ мѣсяцъ—почтеннѣе человѣка, напивающагося три раза, а напивающійся только одинъ разъ достоенъ полнаго уваженія.—«Но гдѣ можно найти такого человѣка?»—спрашивалъ онъ, помѣ-

щая въ Яса-Намэ законъ о пьянствѣ съ ненаказуемостью за три опьяненія въ мѣсяцъ.

Джагатай считался не только первымъ знатокомъ кодекса своего отца, но и фанатическимъ поклонникомъ всѣхъ его положеній. Эти завѣты для него были завѣтами Неба и онъ не поступился бы ими ни передъ кораномъ своихъ подданныхъ, ни во имя матеріальныхъ выгодъ. Весьма возможно, что при этомъ беззавѣтномъ поклоненіи первому писанному закону Монголіи, совмѣщавшему всѣ божескіе и человѣческіе законы, Джагатай предпочелъ оставаться вдали отъ воспитанныхъ аравитянами послѣдователей корана.

Правда, монголъ не затруднился бы навязать своимъ иноземнымъ подданнымъ и силою тотъ или другой законъ, но Джагатай не могъ не видѣть, къ чему привела сила воздѣйствій его отца въ странахъ, такъ недавно еще блиставшихъ солидными богатствами. Онѣ лежали въ руинахъ, а уцѣлѣвшіе жители ихъ бѣдствовали и не могли платить даже легкую дань. Потребовавъ замѣны «книги Пророка»—«книгою Запретовъ», Джагатай сломилъ бы весь религіозный, нравственный и экономическій строй своего улуса. Мусульмане остались бы довольными только положеніями, по которымъ потомки Алія, чтецы корана, улемы, врачи, монахи, мюэззины и обмыватели тѣлъ умершихъ людей были свободны отъ даней и публичныхъ тяжелыхъ работъ. Но законодатель требовалъ и уваженія ко всѣмъ прочимъ религіямъ, что было не согласно съ религіозною этикою послѣдователей Мухаммеда, какъ не согласно было и требованіе считать все существующее на землѣ—чистымъ. Относя къ предметамъ, заключающимъ въ себѣ очищающія свойство—воду, землю, солнце и огонь, мусульмане, не погрѣшивъ противъ основъ религіи, не рѣшились бы причислить къ чистымъ предметамъ—свинью, кровь животныхъ, спиртные напитки, трупъ человѣка и милліоны невѣрныхъ людей, особенно не имѣющихъ священнаго писанія. Далѣе, послѣдовалъ бы цѣлый рядъ не менѣе важныхъ столкновеній между двумя законами. Чингисъ-ханъ запретилъ мыть платье и велѣлъ носить его до послѣдняго рубища, что не нравилось мусульманамъ, всегда любившимъ щегольскую одежду. Вел. монголъ требовалъ равенства между его людьми, тогда какъ мусульмане, чуждаясь кастовыхъ перегородокъ, все таки различали бѣлую кость отъ черной. Такое же различіе встрѣчалось на каждомъ шагу: монголы, идя на войну брали съ собою и жен-

щинъ, тогда какъ мусульмане прятали уже ихъ подъ замки и покровы. Въ обыденной жизни, монголъ требовалъ, чтобы животное, осужденное въ пищу человѣку, было приготовлено по ритуалу, совершенно противному мусульманскому обряду.—«Кто желаетъ съѣсть мясо животнаго, тотъ долженъ распороть ему брюхо и давить сердце его, доколѣ оно не умретъ».—Съ такою простотою мусульманинъ не могъ бы примириться. Ему необходимо, чтобы самое животное было продано на базарѣ не иначе, какъ мусульманиномъ же и при томъ, чтобы чистое животное не имѣло при жизни сношенія съ нечистыми и было бы зарѣзано съ обращеніемъ головою къ Ке'абѣ и въ періодъ между восхожденіемъ и захожденіемъ солнца. Наконецъ, мусульманинъ не долженъ ѣсть съ неправовѣрными въ одномъ мѣстѣ и одну и ту же пищу, тогда какъ Чингисъ-ханъ повелѣлъ—особою статьею своей книги,—чтобы каждый проѣзжающій, увидѣвъ кого нибудь за трапезою, сходилъ съ коня и ѣлъ вмѣстѣ съ нимъ, не спрашивая на то позволенія и не объявляя ни о своей вѣрѣ, ни о своемъ званіи....

Не желая лично идти на уступки, Джагатай передалъ все кормило правленія улусомъ Караджаръ - нойону. Караджаръ прослужилъ вѣрою и правдою Джагатаю и его ближайшимъ наслѣдникамъ, не потерявъ ни энергіи, ни умственныхъ способностей, до девяностолѣтняго возраста. Разумѣется, онъ помнилъ изрѣченіе Чингисъ-хана, замѣтившаго однажды, въ минуты душевнаго упоенія, что его имперія напоминаетъ собою по народонаселенію всемірной муравейникъ, а по богатству несчерпаемый рудникъ, но при этомъ, какъ умный и честный правитель, онъ прибавилъ уже отъ себя, что созидательныя свойства муравьиной общины преобладаютъ надъ разрушительными и что для пользованія богатымъ рудникомъ не достаточно однѣхъ военныхъ доблестей.

По совѣту Караджара, Джагатай избралъ въ помощь ему мухаммеданина Месу'дъ-бега и образовалъ изъ нихъ диванъ съ наказомъ: поправить руины Мавераннагра, признать равноправность всѣхъ племенъ его государства, ввести поголовную подать и освободить духовенство отъ налоговъ. По всей вѣроятности, онъ оставилъ за монастырями и мечетями всѣ, ранѣе прихода монголовъ пожертвованные вакуфы, чѣмъ и привлекъ къ себѣ сердца шейхъ-уль-ислама, муллъ и саидовъ, охотно возносившихъ Аллаху молитвы за здоровье и благоденствіе идолопоклонника.

Освобожденіе духовенства отъ даней принесло Джагатаю

огромную пользу, при случившемся возстанiи нафанатизированныхъ исламитянъ противъ монголовъ. Для опредѣленiя поголовной дани, колебавшейся между однимъ и десятью динарами, необходимо было произвести перепись населенiя, что однако никогда не отвѣчало духу ислама. Даже спустя много вѣковъ послѣ эпохи чингисидовъ, мусульмане, чтобы не впустить къ себѣ рус. статистиковъ, заваливали ворота своихъ домовъ глиною и кирпичами. Нѣтъ повода думать при этомъ, что писчики, даньщики и самые баскаки отличались болѣе нѣжными симпатiями къ мухаммеданамъ, нежели къ рус. народу, слѣдовательно поборы и прижимки ожесточали и здѣсь плательщиковъ дани. Этой розни, возникшей между побѣдителями и побѣжденными, способствовало и то обстоятельство, что мусульмане не могли относиться къ идоламъ съ равнодушiемъ, съ какимъ монголы слушали пятикратное въ день напоминанiе о единобожiи. Пренебреженiе къ идоламъ доходило повременамъ до всенародныхъ надъ ними презрительныхъ насмѣшекъ, а въ такихъ случаяхъ багадуры не стѣснялись не ради идоловъ, а изъ за достоинства побѣдителей—ни въ числѣ нагаекъ, ни въ иной карѣ оскорбителямъ.

Кипчакъ Автобачи.

Предводитель возстанiя при паденiи бывшаго кокандскаго ханства.

Мало по малу, выросло народное движеніе исламитянъ противъ монголовъ. Не доставало только фанатика, который въ состояніи былъ бы наэлектризовать толпы недовольныхъ. Казалось муллы и саиды, какъ потомки Пророка, должны были взять движеніе въ свои руки, но на этотъ разъ они устранились отъ возстанія и открыто примкнули къ Караджаръ-нойону и его помощнику.

Тогда заговорщики отыскали какого то маніака, смѣшившаго базарныя толпы увѣреніями въ томъ, что онъ—простой ремесленникъ, мастеръ мучныхъ рѣшетъ—благодаря присутствію въ немъ духовъ, обладаетъ сверхчеловѣческою властью. Вспомнивъ объ этомъ помѣшанномъ фанатикѣ, заговорщики наградили его—путемъ базарныхъ слуховъ—и ясновидѣніемъ и тайнами исцѣленія отъ всѣхъ болѣзней. Нашлись и старики, обѣщавшіе присягнуть на коранѣ, что они видѣли книгу, въ которой сказано подробно когда, кто и откуда долженъ явиться освободитель міра, подъ которымъ подразумѣвался освободитель исламитянъ отъ язычниковъ. Освободитель долженъ былъ явиться изъ кишлака Тараби, гдѣ именно и родился Махмудъ, кандидатъ въ пророки.

Махмудъ очутился вскорѣ во главѣ партіи заговорщиковъ, встревожившей своимъ быстрымъ возрастаніемъ и столицу Джагатая и весь его диванъ. Диванъ, въ которомъ преобладалъ монгольскій элементъ, не задумался пригласить Махмуда на совѣщаніе о народныхъ дѣлахъ, а въ сущности, чтобы убить его изъ-за перваго же придорожнаго бугра. Мухаммедане предупредили объ этой засадѣ своего соплеменника, у котораго достало ума объявить приверженцамъ, что духи открыли ему опасность и что желающіе въ этомъ убѣдиться могутъ пойти и полюбоваться сидящими въ засадѣ монголами.

Восторгу народной толпы не было предѣловъ, когда любознательные джигиты, побывавъ на указанномъ мѣстѣ, дѣйствительно нашли тамъ группу стрѣлковъ съ натянутыми тетивами. Воодушевленіе увѣровавшихъ въ сверхчеловѣческія силы Мухмуда росло необычайно быстро, такъ что онъ назначилъ день всеобщаго избіенія язычниковъ. На вопросъ сомнѣвавшихся въ его силѣ—«Гдѣ его войска?»—Онъ отвѣчалъ скромно:—«Взгляните, они надъ вами. Вотъ плывуетъ по воздуху всадники въ бѣлой одеждѣ, а эти въ синей, а эти въ сѣрой, видите вы ихъ?»—«Видимъ, видимъ!»

Встрѣча приверженцевъ Махмуда съ монгольскими войсками, къ которымъ примкнули духовенство и богачи, не раздѣлявшіе коммунистическихъ наклонностей лже-пророка, произошла у воротъ Бухары. Какая-то неожиданность, въ видѣ смерча, закрутившаго пылью, напугала суевѣрныхъ монголовъ до того, что они побѣжали отъ нападавшихъ, какъ не бѣгали и передъ злыми геніями Алтая. Въ этой стычкѣ они потеряли десять тысячъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе лже-пророкъ былъ убитъ и попытка свергнуть господство монголовъ осталась неразрѣшенною. Подоспѣвшій Караджаръ разсѣялъ послѣдователей Махмуда и выпросилъ у Джагатая ярлыкъ съ всепрощеніемъ.

Преемники Джагатая царили около двухъ столѣтій. За это время династія Джагатаидовъ дала тридцать хановъ, кромѣ эфемерныхъ узурпаторовъ, появлявшихся нерѣдко изъ степей и горныхъ ущелій только для того, чтобы проститься съ жизнью на послѣдней ступенькѣ трона. Таковъ былъ тогда обычай казни неудачныхъ похитителей ханской власти.

Джагатаю наслѣдовали—сынъ, а потомъ внукъ, передавшій улусъ своей женѣ, какъ регентшѣ малолѣтняго наслѣдника. Эргене-хатунъ показала въ первые же дни своего правленія всю широту властолюбивыхъ стремленій. Она начала казнями визиря и вельможъ, мѣшавшихъ ей занять тронъ еще при жизни покойнаго мужа.

Въ эту пору джагатайскій улусъ продолжалъ еще оставаться передъ кореннымъ юртомъ на положеніи покорнаго вассала, поэтому всѣ политическія невзгоды въ Хара-Хорумѣ отражались и въ Бишь-Балыкѣ. При восшествіи на войлокъ власти Гаюка, Эргене-хатунъ принуждена была уступить улусъ его ставленнику и отдалиться на время отъ политической жизни. Потомъ она вновь появилась во всеоружіи власти и—если вѣрить ея поклонникамъ—во всеоружіи красоты: «никакой-де вымыселъ живописцевъ не могъ бы сравниться съ этимъ образцомъ красоты, достоинства и любезности». — Ради достиженія и сохраненія власти она не стѣснялась ни разводами, ни сердечными склонностями.

Послѣ ея десятилѣтней авантюры, джагатайскій улусъ очутился въ непріязненныхъ отношеніяхъ на сѣверо-востокѣ—къ коренному юрту и на юго-западѣ—къ улусу гулагидовъ. Коренной юртъ требовалъ передѣла заповѣдныхъ областей, оправдываясь недостаточностью у себя пастбищъ и вообще правомъ первородства. Улусъ

гулагидовъ вступилъ въ споръ изъ-за обладанія Туркменіей и прикаспійскими странами.

Послѣ Берракъ-хана, отомстившаго своимъ идоламъ объявленіемъ ислама господствующею религіею въ его улусѣ, остается указать на немногихъ джагатаидовъ, оставившихъ по себѣ достойные вниманія слѣды. Изъ его сыновей выдѣлился Девашъ-ханъ, утвердившій улусъ за своимъ потомствомъ, въ которомъ наряду съ Кебекъ-ханомъ, возобновившимъ Балхъ, являлся міру и Есу-ханъ, отрѣзавшій у своей матери обѣ груди по одному подозрѣнію въ ея нерасположеніи къ нему. Послѣ этого тирана, улусъ перешелъ къ дальнимъ отпрыскамъ рода Октая и наконецъ къ Казанъ-султану, возлюбившему до помѣшательства безконтрольное право хана лишать жизни своихъ подданныхъ. Въ этомъ и только въ одномъ этомъ отношеніи, онъ объявилъ себя слѣпымъ поклонникомъ утратившей уже въ его улусѣ всякое значеніе «Яса-Намэ». Тамъ ему нравилось положеніе, по которому осужденный ханомъ на казнь обязанъ былъ припасть къ ногамъ вѣстника, посланнаго съ приговоромъ и ожидать покорно приведенія приговора въ исполненіе.

Три года тѣшился Казанъ-султанъ отрубленными головами своихъ подданныхъ, пока не образовался заговоръ противъ него подъ руководствомъ эмира Казгана. Возстаніе подготовлялось цѣлый годъ. На его сторону перешли всѣ вельможи улуса и наконецъ представилось возможнымъ повести противъ хана толпу авантюристовъ. Ханъ однако выигралъ сраженіе, чему помогла полученная эмиромъ рана, лишившая его возможности руководить боемъ.

Спасшись бѣгствомъ, онъ собралъ новыя толпы авантюристовъ и въ концѣ концовъ ханъ поплатился жизнью за свою болѣзненную тиранію. Эмиръ нашелъ ему наслѣдника въ какомъ-то захудаломъ потомкѣ Чингисъ-хана, но когда и этотъ принялся удерживать улусъ въ повиновеніи казнями и истязаніями, эмиръ лишилъ и его жизни. Наконецъ, по волѣ эмира, сдѣлавшагося народнымъ идоломъ, проханствовала еще одна изъ ничтожныхъ личностей, пока онъ самъ не занялъ лично войлокъ власти.

Казганъ, сдѣлавшись господиномъ джагатайскаго улуса, не только не измѣнился къ худшему, но, напротивъ,—«широко развернулъ коверъ справедливости и зерномъ благодѣяній привлекъ къ себѣ и великихъ и малыхъ».—Выродилась ли въ немъ монголь-

ская кровь или боецъ усталъ размахивать оружіемъ, только онъ нисколько не стремился къ расширенію своихъ владѣній копьемъ и мечемъ. Онъ обратился въ прилежнаго посѣтителя могилъ Ахметъ-Ясавы въ Туркестанѣ и Еноха въ долинѣ Каратаускихъ горъ. Впрочемъ, ни справедливость, ни щедрость не уберегли и его отъ убійцы, какимъ явился его же зять, увлекшій его изъ зависти и ненависти въ гибельную засаду.

Узурпація ханской власти авантюристами и эмирами привела весь родъ джагатаидовъ и ихъ улусъ на край погибели. Всѣ чингисиды, правившіе судьбами ср. Азіи, пошли дружно по наклонной плоскости, уступая свои страны вновь нарождавшимся вершителямъ судебъ. Изъ послѣднихъ выдѣлились Хассаны— Большой, Малый и Длинный, подѣлившіе между собою оба персидскихъ Ирака, Курдистанъ, Мессопотамію, Багдадъ, Тебризъ и Гератъ. Само собою разумѣется, что всѣ три Хассана пришли вскорѣ во взаимно непріязненное положеніе. Хассанъ Малый— монголъ изъ племени ойратовъ—разбилъ войска Хассана Большого—тоже монгола изъ племени джелаировъ—и овладѣлъ его столицею Тебризомъ. Послѣдовали возмездія, договоры о ненарушимой дружбѣ, новыя возстанія и новыя дробленія наслѣдія чингисидовъ. Хорезмъ вновь обособился. Туркменія раздѣлилась на знамена бѣлаго и черного барановъ и вообще—«повсюду обнаружилось замѣшательство и въ каждомъ городѣ, кто нибудь изъ честолюбцевъ подымалъ знамя верховной власти и перомъ надменности чертилъ надпись владычества на доскѣ сердца и страницѣ ума своего....»

Мавераннагръ не только не избѣгнулъ умаленія славы и значенія чингисидовъ, но подвергнулся еще большему раздробленію на мелкія владѣнія. Достаточно упомянуть, что Кешъ, Ходжентъ, Балхъ, Шебурганъ нашли себѣ самостоятельныхъ правителей и явились своего рода улусами въ улусѣ. Мало того, нерѣдко одинъ и тотъ же городъ платилъ одновременно подати тремъ господамъ, не рѣшаясь даже различать чингисидовъ отъ авантюристовъ. Одна часть города выставляла сторожевые пикеты противъ другой части, такъ что улица завраждовала съ улицей и минаретъ съ минаретомъ.

Объ общемъ же положеніи Трансоксаніи можно судить по тому, что ея торговые пути обратились въ засады грабителей. Караваны не рѣшались выходить за городскую стѣну безъ конвоя.

Плоды промышленности, изъ боязни обратить на себя вниманіе хищниковъ, скрылись, точно съ превращеніемъ оазисовъ въ пустыри, погибли и всѣ дары многовѣковой культуры. Поэзія также покинула свою очаровательную міанкальскую долину, а грамматики и риторы не показывались болѣе на регистанѣ. Астрологовъ какъ не бывало!

Къ эпохѣ паденія чингисидовъ относится появленіе на міровую сцену новаго азіатскаго міродержца, овладѣвшаго «пятью климатами» земли. Этотъ потрясатель земли прошелъ черезъ всеобщую исторію подъ персидскимъ прозвищемъ Темуръ-ленга и черезъ рус. лѣтописи подъ турецкимъ наименованіемъ Тимуръ-аксака.

